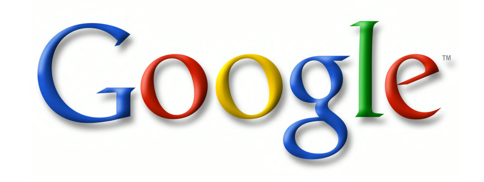

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
ARTES SCIENTIA VERITAS
1817
LIBRARIES

ХРОНИКА

НЕДАВНЕЙ СТАРИНЫ.

ИЗЪ АРХИВА

КНЯЗЯ ОБОЛЕНСКАГО-НЕЛЕДИНСКАГО-МЕЛЕЦКАГО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1876.

Ю. А. Нелединскій-Мелецкій.

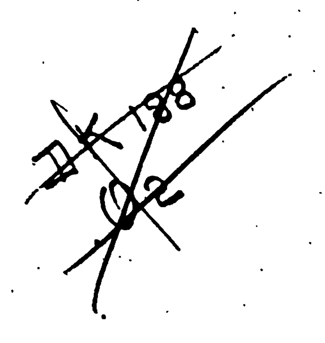
ХРОНИКА

НЕДАВНЕЙ СТАРИНЫ.

ИЗЪ АРХИВА

КНЯЗЯ ОБОЛЕНСКАГО-НЕЛЕДИНСКАГО-МЕЛЕЦКАГО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1876.

Въ Типографіи Втораго Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи.

ХРОНИКА

НЕДАВНЕЙ СТАРИНЫ.

ИЗЪ АРХИВА

КНЯЗЯ ОБОЛЕНСКАГО-НЕЛЕДИНСКАГО-МЕЛЕЦКАГО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1876.

Ю. А. Нелединскій-Мелецкій.

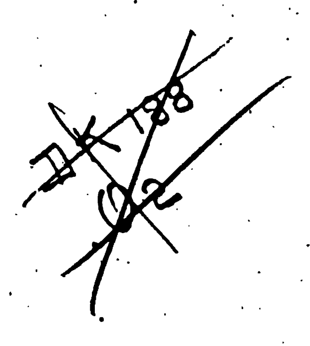
ХРОНИКА

НЕДАВНЕЙ СТАРИНЫ.

ИЗЪ АРХИВА

КНЯЗЯ ОБОЛЕНСКАГО-НЕЛЕДИНСКАГО-МЕЛЕЦКАГО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1876.

Въ Типографіи Втораго Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи.

Ю. А. Нелединскій-Мелецкій.

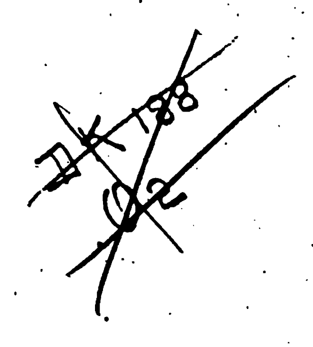
ХРОНИКА

НЕДАВНЕЙ СТАРИНЫ.

ИЗЪ АРХИВА

КНЯЗЯ ОБОЛЕНСКАГО-НЕЛЕДИНСКАГО-МЕЛЕЦКАГО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1876.

Въ Типографіи Втораго Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Приложенія:

Съ каждымъ поколѣніемъ естественно видоизмѣняются условія и формы общественной жизни; но семейныя преданія сохраняютъ связь между поколѣніями и поддерживаютъ тотъ отличительный типъ въ общемъ характерѣ общества, которымъ опредѣляется его самостоятельная національная особенность. При естественномъ теченіи жизни не бываетъ слишкомъ рѣзкихъ различій въ характерѣ ближайшихъ другъ другу поколѣній, но когда напротивъ крутыми переворотами жизнь одного поколѣнія потрясается, то между нимъ и идущимъ ему на смѣну ежели не совсѣмъ утрачивается всякая связь, то по крайней мѣрѣ замѣтно слабѣетъ. Самымъ рѣзкимъ переломомъ въ нашей общественной жизни была эпоха Петра; съ этого времени появилась юная Россія, въ противуположность древней. Но, съ тѣхъ поръ юная Россія успѣла въ свою очередь постарѣть и въ послѣдующихъ поколѣніяхъ утратить рѣзкость первоначальныхъ отличій. Но теперь вновь растетъ и уже отчасти выросло поколѣніе при такихъ новыхъ невѣдомыхъ прежнему

словіяхъ, при которыхъ не только форма общественной жизни, но и самая сущность міровоззрѣнія измѣнились.

При всемъ стараніи усвоить новый порядокъ вещей со всѣми его послѣдствіями мы невольно сохраняемъ, такъ сказать, заднюю мысль, т. е., вспоминая старое, оцѣниваемъ новое, и такимъ образомъ опредѣляемъ свое отношеніе къ настоящему. Мы еще свѣжо помнимъ время, когда не было ни телеграфовъ, ни желѣзныхъ дорогъ, ни пароходовъ, мы помнимъ крѣпостное право, стѣсненіе жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ, строгую предварительную цензуру и пр. и пр. Ничего этого не знаетъ грядущее поколѣніе, для него мѣрило сравненія—для опредѣленія достоинства настоящаго—впереди для насъ же оно—позади.—Мы можемъ сойтись въ желаніи лучшаго—но никогда не сойдемся въ одинаковой оцѣнкѣ настоящаго.

Тѣ предѣлы, въ которые поставлено у насъ *законное* проявленіе общественной жизни не позволяютъ намъ видѣть какъ рѣзко разнствуютъ между собою два современныя поколѣнія;—но въ семейномъ быту это различіе проявляется весьма явственно.

Стоитъ только внимательно приглядѣться къ тому скрытому, но нерѣдко и явному, разладу въ семьяхъ нашихъ, чтобы убѣдиться, что въ основѣ этого разлада лежитъ какое то всѣмъ общее недоразумѣніе. Не только разстроилось согласіе между родителями и дѣтьми въ оцѣнкѣ фактовъ, но также нарушилась и связь между дѣтьми различныхъ возрастовъ.—Разби-

рая семейныя хроники предшествовавшихъ намъ поколѣній мы не видимъ ничего подобнаго. Прежде поколѣнія отличались другъ отъ друга постепеннымъ смягченіемъ нравовъ, улучшеніемъ нѣкоторыхъ формъ общежитія, но общія основанія семейнаго быта оставались неизмѣнными. — Матеріальныя преграды пространства и времени сдерживали порывы нетерпѣливыхъ и препятствовали слишкомъ быстрому разъединенію семьи. — Нельзя объяснять эту перемѣну единственно только успѣхомъ пропаганды новыхъ ученій; ученія эти не на столько новы, чтобы двадцать лѣтъ тому назадъ объ нихъ не было слуху. Но они потому такъ быстро принялись въ послѣднее время, что почва къ принятію ихъ теперь подготовлена разрывомъ связи семейныхъ преданій, рѣзкимъ противорѣчіемъ во взглядахъ на самыя основы семейнаго быта и бо́льшими, противъ прежняго, удобствами покидать семью.

Въ числѣ особенностей молодаго поколѣнія поразительно болѣе всего — совершенное невѣдѣніе и отчасти явное презрѣніе еще недавней старины, связующей его съ прошедшимъ близкихъ ему семьи и общества.—Не видя въ этой старинѣ тѣхъ условій жизни, которыми оно пользуется въ настоящее время, юное поколѣніе на всю эту старину, какъ бы махнуло рукою. Въ общемъ, она представляется ему чѣмъ-то мрачнымъ, дикимъ, и противорѣчащимъ всѣмъ его благороднымъ новѣйшимъ стремленіямъ. Эпоха 12 года и даже Крымской кампаніи имѣетъ для него одинъ только интересъ историческаго преданія. Душа юно-

шей не чувствуетъ родства съ полуфантастическими героями, какими учебники исторіи представляютъ нашихъ великихъ полководцевъ или государственныхъ дѣятелей; а новѣйшая литература, которую уже никакъ нельзя упрекнуть въ излишнемъ пристрастіи къ славнымъ именамъ и событіямъ нашей исторіи, успѣла положить сѣмя сомнѣнія въ молодыхъ людяхъ ко всему, что преподаютъ учебники.

Какъ нельзя болѣе кстати начали появляться въ спеціальныхъ журналахъ нашихъ семейныя хроники, разсказы и записки о недавней старинѣ. Въ этой формѣ прошедшее передается читателю съ тѣми живыми подробностями и мелочами, съ помощію которыхъ легче познается общій духъ и характеръ эпохи.—Въ семейныхъ хроникахъ нерѣдко открываются такія стороны жизни, съ которыми невольно пожелаетъ сродниться впечатлительная душа юноши; съ другой стороны, темныя стороны этой жизни представляются съ фактическими подробностями, чрезъ что, получая болѣе опредѣлительности, дѣлаются доступными для сравненія ихъ съ недостатками и недугами современнаго общества. Такимъ образомъ, въ умахъ читателей возстановляется та связь прошедшаго съ настоящимъ, которая мѣшаетъ вредному *обезличенію* людей и удерживаетъ ихъ отъ полнаго разрыва съ преданіями родной семьи.

Эта желанная цѣль ближе достигается изложеніемъ семейной хроники нѣсколькихъ, слѣдующихъ другъ за другомъ, поколѣній, чѣмъ отрывочнымъ повѣствованіемъ о дѣятельности одного лица.

Въ семейномъ архивѣ Князя Оболенскаго-Нелединскаго-Мелецкаго (*) сохранилась весьма подробная переписка дѣда его Ю. А. Нелединскаго-Мелецкаго, а также матери и отца его.

Послѣдовательное чтеніе всей этой многотомной корреспонденціи, живо рисуетъ не только бытъ двухъ поколѣній, но и воскрешаетъ вполнѣ и до самыхъ мелочей, характеръ, образъ мыслей, чувства, качества и недостатки дорогихъ семейству лицъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, любопытная эпоха (1809—по 1829), общественное положеніе переписывающихся и сфера ихъ дѣятельности даютъ этой корреспонденціи также интересъ общій.

Въ «Русскомъ Архивѣ» (1867 г.) помѣщено было начало прекраснаго труда Николая Ѳедоровича Самарина, подъ заглавіемъ «*Ю. А. Нелединскій-Мелецкій. Очеркъ его жизни и переписки*». Съ обязательнаго разрѣшенія автора и редактора, статья эта перепечатана, съ нѣкоторыми сокращеніями, въ началѣ настоящаго изданія, въ составъ котораго вошли также всѣ замѣтки и матеріалы собранные Н. Ѳ. Самаринымъ для его обширнаго біографическаго труда къ сожалѣнію не конченнаго.

Князь Петръ Андреевичъ Вяземскій близкій родственникъ (**) и другъ семейства нашего, современ-

---

(*) После смерти послѣдняго въ родѣ Нелединскихъ-Мелецкихъ, Сергѣя Юрьевича Нелединскаго-Мелецкаго, Высочайше разрѣшено было Князю Сергѣю Александровичу Оболенскому, одному изъ старшихъ внуковъ отъ старшей дочери Юрія Александровича принять фамилію Нелединскихъ-Мелецкихъ.

(**) Дѣдъ Князя Петра Андреевича Вяземскаго Князь Иванъ Андреевичъ былъ родной братъ матери Князя Александра Петровича Оболенскаго Княгини Екатерины Андреевны Оболенской, рожденной Княжны Вяземской.

никъ всѣхъ проходящихъ чрезъ хронику событій и лицъ, сочувственно отозвался на приглашеніе украсить изданіе наше своими личными, живыми воспоминаніями. Письмо Князя Петра Андреевича, помѣщенное въ концѣ хроники, освѣщаетъ картину прошедшаго тѣмъ свѣтлымъ и живымъ чувствомъ, которое вѣчно-юный поэтъ нашъ сохранилъ для нашихъ дней, какъ бы во свидѣтельство духовной силы людей своего времени.

Князь Дмитрій Оболенскій.

I.

(1752—1808 г.)

Статсъ-Секретарь Императора Павла, Тайный Совѣтникъ, Сенаторъ и Почетный Опекунъ Воспитательнаго Дома Юрій Александровичъ Нелединскій-Мелецкій родился въ Москвѣ 6 Сентября 1752 года.

Мать его, Татьяна Александровна, рожденная княжна Куракина, родная племянница графовъ Паниныхъ, свояченица князя Репнина, скончалась на 23 году жизни, оставивъ сына по третьему году.

Отецъ его, Александръ Юрьевичъ, потомокъ стариннаго и знатнаго рода, въ то время прапорщикъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, былъ еще весьма молодъ когда умерла жена его.

Вскорѣ по смерти жены, красавецъ-вдовецъ уѣхалъ въ чужіе краи, поступилъ волонтеромъ въ австрійскую армію, но, во время семилѣтней войны, жилъ въ Парижѣ, какъ бы въ отпуску, постоянно требуя денегъ отъ престарѣлой-матери.

Когда вступила на престолъ Екатерина II, онъ уже числился отъ арміи полковникомъ, но вскорѣ (въ Москвѣ, 31 Марта 1763 г.) дали ему такъ называемый *апшидъ*: «жить ему вездѣ свободно, и къ дѣламъ никакимъ, безъ особливаго нашего объ немъ указа, не опредѣлять». Затѣмъ, Александръ Юрьевичъ уѣхалъ опять въ Парижъ, и снова началъ требовать вѣрющихъ писемъ и поручалъ закладывать и продавать свои вотчины. Въ письмахъ его, только въ одномъ, упоминаетъ онъ о сынѣ: «всепокорнѣйшо прошу увѣдомить меня о сынѣ моемъ и позволить ему за меня ручку вашу поцѣловать». Въ

1767 году, отставной полковникъ возвратился въ Петербургъ,—отъявленнымъ поклонникомъ Вольтера.

Это обстоятельство, соединенное съ природнымъ умомъ и съ приманкою парижской общежительности, а также родственныя связи, можетъ быть и близкое родство съ графомъ Алексѣемъ Петровичемъ Бестужевымъ, открыли Александру Юрьевичу доступъ въ частное общество самой Императрицы. Вольтеръ назвалъ его въ одномъ изъ своихъ писемъ: «un aimable Russe». Александръ Юрьевичъ сдѣланъ въ 1768 году дѣйствительнымъ камергеромъ. Званіе это давало право бывать на куртагахъ, въ эрмитажѣ, играть съ Императрицею въ карты, и отъ этого-то времени, сохранились тщательно завернутыя *двойка червей* и *двойка бубенъ;* на первой написано карандашомъ: *кумъ здравствуй*, на второй: *прошу повѣрить въ всемъ. Екатерина.* Вѣроятно, послѣдняя надпись служила роспискою въ уплатѣ денегъ, проигранныхъ Императрицею Александру Юрьевичу. Сынъ его отмѣтилъ: «найдены мною въ бумагахъ отца моего». Не зная другой службы, кромѣ придворной, Александръ Юрьевичъ получалъ чины и ленты. 1 Января 1795 года, онъ переименованъ изъ тайныхъ въ дѣйствительные тайные совѣтники. По этому случаю, сынъ его, жившій тогда въ Москвѣ, въ отставкѣ, написалъ ему поздравительное письмо съ слѣдующими «незатѣйливыми», по собственному его отзыву, стихами:

«Батька на службѣ, а сынъ на печи;
Батькѣ награда, а сыну ничто,
Онъ не участникъ.... Анъ нѣтъ лихъ, не то!
Умственникъ-вральманъ, ты что ни ворчи,
Чувство душевно громчѣй говоритъ,
Гласомъ природы оно намъ твердитъ:
Сынъ у отца завсегда въ половинѣ;
Радость отцова отдается и въ сынѣ».

Уже почти старикомъ, Александръ Юрьевичъ вступилъ въ бракъ съ молодою причудницею, графинею Настасьею Николаевною Головиною. Онъ умеръ въ глубокой старости, въ 1803 году, въ домѣ единственнаго своего сына, не покинувъ, до конца своего, вольтеріанства.... Жизнь его, отразившаяся въ уцѣлѣвшихъ бумагахъ, наглядно обличаетъ

гибельную сторону переворота, произведеннаго Петромъ: дѣти тяжеловѣсныхъ бояръ вывѣтривались и всячески раззорялись. Крѣпость быта, залогъ будущаго преуспѣянія, сохранялась наиболѣе въ непокинувшей благочестія женской половинѣ общества. Прекраснымъ характеромъ и отличными качествами сердца Ю. А. Нелединскій былъ обязанъ, исключительно, своимъ бабушкамъ.

Сироту-малютку взяла на свои руки мать отца его, Анна Ивановна, рожденная Талызина. Она была родная тетка гр. Михаила и Алексѣя Петровичей Бестужевыхъ-Рюминыхъ, игравшихъ столь значительную роль во внѣшнихъ и внутреннихъ дѣлахъ Россіи въ теченіи полувѣка. Въ то время, Анна Ивановна жила въ Москвѣ, вдовою, послѣ Юрія Степановича Нелединскаго-Мелецкаго (начавшаго службу, еще стольникомъ, при царѣ Θеодорѣ, сидѣвшаго, при Петрѣ, въ конюшенномъ приказѣ товарищемъ боярина Тихона Никитича Стрѣшнева и въ послѣдствіи, бывшаго оберъ-комендантомъ Ярославля и приписанныхъ къ нему городовъ, и сенаторомъ). Она окружена была почетомъ въ многочисленной роднѣ своей. Сохранившіяся, послѣ нея, семейныя бумаги довольно ярко изображаютъ намъ ту обстановку, въ которой жила она и въ которой воспитался внучекъ ея Ю. А. Нелединскій-Мелецкій, этотъ «дорогой Юша», какъ называли его. Старушка Анна Ивановна много видѣла на своемъ вѣку, была свидѣтельницею разныхъ превратностей въ судьбѣ близкихъ ей лицъ, а потому, привыкла всего бояться и вздыхать о томъ, «какъ легко измѣняется фортуна». Такъ, родная племянница ея, княгиня Аграфена Петровна Волконская (рожденная Бестужева-Рюмина), въ первые дни царствованія Петра II-го, за участіе въ придворныхъ смутахъ, была пытана и сослана въ Тихвинъ монастырь. Подпись мужа Анны Ивановны, Юрія Степановича, въ числѣ 47-ми, встрѣчается на государственномъ актѣ 1727 года, утверждавшемъ подлинность завѣщанія императрицы Екатерины I. По какой именно причинѣ, неизвѣстно, только Анна Ивановна, съ того времени, боялась рукоприкладства (*). Тихая, добрая, на-

(*) Сынъ пишетъ изъ Парижа, что послалъ вѣрющее письмо не на ея имя, такъ какъ «послѣ покойнаго батюшки, она, ни къ чему, руки не прикладываетъ».

ожная женщина была запугана событіями, коихъ была свидѣтельницею. Однако, дѣятельною перепискою съ Петербургомъ она, на старости лѣтъ, сохраняла родственныя и дружественныя связи со многими важными лицами, которымъ то улыбалось, то измѣняло счастіе: такъ, осталось послѣ нея нѣсколько писемъ къ ней графовъ Петра Михайловича и Алексѣя Петровича Бестужевыхъ-Рюминыхъ, Степана Өедоровича Апраксина, Ивана Лукьяновича Талызина и другихъ. Съ послѣднимъ, будучи сама изъ рода Талызиныхъ, она была въ близкомъ родствѣ, также какъ и съ графами Бестужевыми, изъ коихъ, всесильнаго при Елисаветѣ, великаго канцлера Алексѣя Петровича, мужъ ея, въ 1708 году, письмомъ изъ Москвы, поручалъ милостивому призрѣнію князя Василія Лукича Долгорукаго (посла нашего въ Парижѣ).

Домъ Анны Ивановны Нелединской, за Сухаревою башнею, въ приходѣ Адріана и Наталіи, былъ пріютомъ сиротъ и безпомощныхъ близкихъ и дальнихъ родственниковъ. Владѣтельницѣ нѣсколькихъ тысячъ душъ родоваго имѣнія Нелединскихъ-Мелецкихъ (въ Тверской губерніи), ей было чѣмъ кормить и безбѣдно содержать призрѣваемыхъ ею, и Юрій Александровичъ, на старости лѣтъ, вспоминая про свое дѣтство, говаривалъ, что онъ «воспитывался у бабушки своей, въ компаніи многихъ сверстниковъ и сверстницъ». Жила она въ полномъ изобиліи и, по тому времени, даже въ роскоши: такъ напр. изъ сохранившихся счетовъ, которые присылалъ ей ея петербургскій племянникъ—извѣстный адмиралъ Иванъ Лукьяновичъ Талызинъ, видно, что она выписывала вина изъ чужихъ краевъ.

У этой-то Московской бабушки, провелъ Ю. А. Нелединскій первые 12 лѣтъ своей жизни. Онъ вспоминалъ, что она старалась развивать въ немъ наблюдательную способность слѣдующимъ образомъ. Когда у нея бывали гости, она приказывала приводить въ гостиную маленькаго Юшу и, въ теченіи короткаго времени, заставляла молча и чинно сидѣть при гостяхъ; а на другой день, распрашивала у него, кого онъ видѣлъ и что слышалъ. Ему было тогда уже около 9 лѣтъ, и, въ это время, онъ имѣлъ при себѣ наставникомъ иностранца Де-Пексонни (De Pexonne), который принялъ его отъ дядьки, крѣпостнаго че-

ловѣка и отъ мамокъ. Мы не знаемъ, какого рода человѣкъ былъ этотъ французъ и чему именно училъ онъ мальчика Нелединскаго; но, вотъ чему онъ подрядился учить по заключенному письменному условію, въ Москвѣ, Мая 5-го 1761 года. «Я нижеподписавшійся, обязуюсь, въ домѣ ея превосходительства Анны Ивановны Нелединской-Мелецкой, обучать внука ея со всякимъ усердіемъ, а именно французскому языку съ основаніемъ и правописанію, ариѳметику и подобныя приличныя науки, какъ хронологію, исторію древнюю и временную, географію и познаніе сферы, итальянской и латинской языкъ, если будетъ требовано. Все мое наблюденіе должно простираться въ приготовленіи добронравія, для чего правоученіе между первымъ попеченіемъ будетъ. Мнѣ же слѣдовать по деревнямъ и жить безспорно, сколько изволитъ ея превосходительство. За оное же мнѣ получать ежегодно по триста рублевъ денегъ, экипажъ, въ мою волю чай, сахаръ, кофе натурою, въ случаѣ моей болѣзни леченіе и лекарство. Оставляю о платьѣ и о прочемъ таковомъ удовольствіи на милость ея превосходительства, которая по усердію моему награждать не оставитъ. По окончаніи всякаго году имѣю просить, дабы порученной въ мое воспитаніе юноша былъ пріятелями дому въ своихъ пріобрѣтеніяхъ освидѣтельствованъ, чрезъ что заслужить милость уповаю. Естьли паче чаянія, съ обѣихъ сторонъ, воспослѣдуетъ какое неудовольствіе и принудитъ къ разрыву сего контракта, то обѣимъ сторонамъ за три мѣсяца впередъ объявлять. Во свидѣтельство сохраненія по сему съ обѣихъ сторонъ ровныя подписаны сего же числа. De Rexonnes».

Чрезъ три года, условіе это должно было нарушиться само собою, такъ какъ въ 1764 году, сенаторша Анна Ивановна Нелединская скончалась, въ глубокой старости. Вѣроятно, сынъ ея пріѣзжалъ изъ чужихъ краевъ за наслѣдствомъ; тутъ, нашъ Юрій Александровичъ могъ нѣсколько узнать отца своего, который, впрочемъ, снова отправился во Францію. 12-ти-лѣтній мальчикъ оставленъ былъ на попеченіе другой своей бабушки (уже съ материнской стороны), княгини Александры Ивановны Куракиной, которой тогда было 53 года и которая, сколько намъ извѣстно, жила постоянно въ Петербургѣ.

Такимъ образомъ, кончилось московское воспитаніе Ю. А. Нелединс-

скаго. Жизнь въ бабушкиныхъ деревняхъ и въ Москвѣ, которая тогда по всей бытовой обстановкѣ, походила на обширную, привольную деревню, должна была имѣть вліяніе на привычки и характеръ Нелединскаго. Хотя и въ Петербургѣ, въ то время, жили несравненно шире и проще, чѣмъ въ послѣдствіи, тѣмъ не менѣе, переѣздъ туда, для мальчика Нелединскаго, былъ важнымъ событіемъ. Если въ домѣ старшей своей бабки, онъ много набрался старинной, благочестивой и задушевной простоты, и напитался вѣковѣчными и общенародными началами русской жизни, то, въ Петербургѣ, наступило для него образованіе во внѣшнихъ европейскихъ формахъ. Князья Куракины, въ слѣдствіе долгой службы въ заграничныхъ посольствахъ, одни изъ первыхъ русскихъ семей, усвоили себѣ пріемы и лоскъ европейскаго, и преимущественно французскаго просвѣщенія. Московскій мальчикъ Юша, до того времени обучавшійся одинъ, теперь очутился въ обществѣ и подъ одною кровлею съ цѣлою толпою двоюродныхъ своихъ братьевъ,—тоже сиротъ-мальчиковъ, князей Куракиныхъ, изъ которыхъ старшій, въ послѣдствіи канцлеръ всѣхъ Россійскихъ орденовъ, кн. Александръ Борисовичъ былъ ровесникъ Нелединскому. Семеро этихъ князьковъ, осиротѣвъ послѣ смерти отца своего гофмейстера князя Бориса Александровича († 1764) и матери, знаменитой красавицы Елены Степановны, урожденной Апраксиной († 1768), воспитывались у той же бабушки кн. Александры Ивановны. Мы можемъ угадывать нѣкоторыя черты этого воспитанія: князья Куракины выросли честными людьми, но, въ тоже время, совершенно въ родѣ великолѣпныхъ французскихъ маркизовъ. Въ Петербургѣ жили тогда и воспитывались, если не въ одномъ домѣ, то почти вмѣстѣ, еще цѣлый рядъ двоюродныхъ братьевъ Нелединскаго, князей Лобановыхъ-Ростовскихъ, дѣтей княгини Екатерины Александровны Куракиной, изъ коихъ одинъ, князь Яковъ Ивановичъ былъ впослѣдствіи оберъ-камергеромъ, а другой, достойнѣйшій князь Дмитрій Ивановичъ, министромъ юстиціи. Дѣтское общество разнообразилось немалымъ количествомъ двоюродныхъ сестрицъ, и Нелединскій жилъ и учился какъ бы въ нѣкотораго рода пансіонѣ.

Окруженная внучатами, Александра Ивановна Куракина (1711—

1786) пользовалась большимъ значеніемъ въ Петербургскомъ высшемъ обществѣ, въ особенности по братьямъ своимъ (коихъ она была много старше) графамъ Панинымъ, Никитѣ и Петрѣ Ивановичамъ. Графъ Никита, воспитатель великаго князя Павла Петровича и вице-канцлеръ, былъ, на ту пору, важнѣйшимъ государственнымъ лицомъ въ Россіи. Тутъ-то, молодой Нелединскій имѣлъ случай бывать въ обществѣ будущаго императора (который былъ двумя годами его моложе), и это дѣтское знакомство имѣло вліяніе на дальнѣйшую судьбу Юрія Александровича. Около пяти лѣтъ, воспитывался онъ въ домѣ у этой бабушки, подъ ближайшимъ надзоромъ ея дочери, своей незамужней тетки, княжны Аграфены Александровны (1734—1791).

Какъ и чему учился онъ въ Петербургѣ, мы, въ подробностяхъ, не знаемъ. Въ началѣ 1769 года, его, вмѣстѣ съ двоюродными братьями, послали за границу, учиться въ Страсбургскій, тогда преимущественно посѣщаемый русскими юношами университетъ; но, ровно черезъ годъ, онъ былъ выписанъ обратно въ Петербургъ, «по весьма справедливымъ жалобамъ приставленнаго къ нему гувернера», какъ самъ онъ выражается о себѣ (*).

Такимъ образомъ первоначальнымъ и послѣдующимъ образованіемъ своимъ, Ю. А. Нелединскій обязанъ исключительно своему отечеству, тѣмъ образовательнымъ средствамъ, которыми Россія располагала во 2 половинѣ 18 столѣтія. Кромѣ своего роднаго языка, онъ вполнѣ усвоилъ себѣ французскій, который въ молодости его пріобрѣталъ рѣшительное преобладаніе въ нашемъ обществѣ; отчасти зналъ италіянскій языкъ, по крайней мѣрѣ, на столько, чтобы понимать Метастазія, съ котораго впослѣдствіи переводилъ мелкія пьесы; не доучился нѣмецкому языку; хотя и заимствовалъ изъ Гесснера картину восхода солнца въ одѣ своей «на побѣду подъ Мачинымъ 28 Іюня

(*) Въ автобіографической запискѣ, о которой будетъ говорено ниже. Вѣроятно, по причинѣ шалостей въ Страсбургѣ, князь Александръ Борисовичъ Куракинъ тоже былъ вызванъ въ Петербургъ и въ слѣдующемъ 1770 г. отправленъ доучиваться въ Лейденъ. Онъ оставилъ намъ любопытныя записки о томъ времени въ Чертк. библіот. по печатному каталогу № 3016.

1791 г.»; вовсе не учился древнимъ языкамъ, хотя преподавать ему латинскій языкъ и подрядился законтрактованный домашній учитель его «De Pexonne», впрочемъ съ оговоркою «есть ли будетъ требовано». Потребности видно не оказалось, и главнымъ, не скажемъ единственнымъ, воздавая должную справедливость богатой переводной литературѣ нашей въ 18-мъ столѣтіи, проводникомъ западнаго просвѣщенія остался, для Нелединскаго, какъ и для большей части современниковъ его, французскій языкъ.

По возвращеніи изъ Страсбурга, въ началѣ 1770 года, Нелединскаго опредѣлили въ военную службу, въ которой, по обыкновенію того времени, онъ числился уже съ 6-ти-лѣтняго возраста, будучи «записанъ въ 1758 году въ артиллерію фурьеромъ и въ томъ же году «пожалованъ сержантомъ».

Въ то время, военныя дѣйствія наши противъ Турціи были въ полномъ разгарѣ, какъ на сушѣ, такъ и на морѣ. Воспламенился воинственнымъ духомъ и нашъ молодой сержантъ. Онъ потребовалъ, чтобы его перевели въ дѣйствующую армію. Со стороны родныхъ, желаніе Нелединскаго не встрѣтило противодѣйствія. Они конечно разсчитывали на родственное покровительство, которое окажутъ 18-ти-лѣтнему юношѣ близкіе имъ люди: графъ Петръ Ивановичъ Панинъ и князь Николай Васильевичъ Репнинъ, по женѣ родной дядя Нелединскому. Первый командовалъ 2-ю дѣйствующею арміею, предназначенною для осады Бендеръ, а второй, въ чинѣ генералъ-поручика, состоялъ при главной арміи графа Румянцева.

Объ обстоятельствахъ военной службы Ю. А. Нелединскаго, продолжавшейся, безъ малаго, 14 лѣтъ и ознаменованной участіемъ въ 1-й Турецкой войнѣ Екатерины II, мы приведемъ собственный разсказъ его изъ автобіографической записки (*):

(*) Сохранившаяся въ бумагахъ Нелединскаго собственноручная автобіографія нѣсколько полнѣе той, которая помѣщена была въ Москвитянинѣ за 1844 годъ № 1, стр. 202—204, и вѣроятно передана была самимъ Нелединскимъ преосвященному Евгенію Болховитинову, по просьбѣ котораго она была составлена въ Вологдѣ въ 1812 году.

«Въ Маѣ 1770 года, по желанію моему, отправленъ я былъ во 2-ю «армію, осаждавшую тогда Бендеры. Будучи сержантомъ, находился «на ординарцахъ у главнокомандующаго графа Панина, роднаго дяди «моей матери. Во всю компанію, кромѣ обыкновенной по званію «моему службы, бывалъ командированъ въ траншеи, а по занятіи «непріятельскаго ретрашемента, обращеннаго потомъ въ нашу «вторую паралель, съ донесеніемъ о семъ, посланъ былъ курьеромъ «въ Петербургъ, гдѣ пожалованъ поручикомъ, и возвратясь, служилъ «остатокъ компаніи, по прежнему, у главнокомандующаго на ординарцахъ».

Нелединскій умалчиваетъ о генеральномъ штурмѣ 19 Сентября 1770 года, увѣнчавшемъ продолжительную осаду Бендеръ овладѣніемъ этого замка, причемъ, какъ доносилъ Императрицѣ графъ Панинъ, «распаленные наши воины съ такимъ стремленіемъ и такъ безпощадно «поражали непріятеля, что изъ 15-ти-тысячнаго гарнизона, отъ пра«веднаго мщенія ихъ, сохраненъ былъ только сераскиръ, губерна«торъ, нѣсколько чиноначальниковъ и небольшое число рядовыхъ, «которые всѣ учинены военно-плѣнными». По всей вѣроятности, поручикъ Нелединскій не участвовалъ въ этомъ дѣлѣ, не успѣвъ вернуться изъ Петербурга, куда посланъ былъ съ извѣстіемъ о предшествовавшемъ штурму, не менѣе кровопролитномъ сраженіи, въ которомъ, какъ доносилъ главнокомандующій, «войска наши встрѣтили «невѣроятное сопротивленіе отъ непріятеля».

По отъѣздѣ графа Панина, командуемая имъ 2-я армія поступила подъ начальство князя Василія Михаиловича Долгорукова, вскорѣ прославившагося покореніемъ Крыма.

Вступилъ лишь въ Херсонесъ, пошелъ лишь Долгоруковъ,
Единой славою его гремящихъ звуковъ,
Отверзлась Перекопь, пришелъ въ подданство Крымъ
И вѣки что творятъ, то лѣтомъ онъ однимъ.

Въ этомъ славномъ въ теченіи 2-хъ недѣль (съ 15 по 29 Іюня 1771 года) покореніи Крыма участвовалъ и Нелединскій, который, въ чинѣ поручика, оставаясь въ той же 2-й арміи, перечисленъ былъ въ егерскій корпусъ «и, съ онымъ, былъ на штурмѣ Перекопской «линіи и при занятіи города Кафы, гдѣ пожалованъ капитаномъ».

Память этихъ двухъ славныхъ, въ лѣтописяхъ русскаго войска, генераловъ—графа П. И. Панина и Князя В. М. Долгорукова, первыхъ своихъ «командировъ и покровителей», Ю. А. Нелединскій почтилъ, въ послѣдствіи, одними изъ первыхъ же, появившихся въ печати, стихотвореній своихъ:

Признательности долгъ мнѣ стихъ въ уста влагаетъ,
Горю послѣдовать примѣру твоему:
А благодарнымъ быть, не есть ли шагъ къ тому!

Такъ взывалъ онъ къ «дражайшей тѣни» умершаго 30 Января 1782 года, всѣми горько оплакиваемаго Московскаго Главнокомандующаго, князя В. М. Долгорукова-Крымскаго.

Нелединскій искренно оплакивалъ кончину этого достойнаго мужа. Въ бытность свою въ Москвѣ, осенью 1782 года, онъ писалъ въ Петербургъ: «Cette maison de князь Юрій Владиміровичь que je fréquente «journellement, entretient le noir, qui est dans mon âme, par le souvenir «toujours renouvellé de la perte d'un homme qui m'estimait, m'aimait, «m'en a donné des preuves et à qui je n'ai pu payer d'autre tribut de «reconnaissance que celui de me complaire dans la douleur que «sa perte me cause». Кромѣ стиховъ на кончину, Нелединскій написалъ слѣдующую эпитафію: князю Долгорукову.

Прохожій! Не дивись, что пышный мавзолей,
Не зришь надъ прахомъ ты его:
Пусть гордость тлѣнныя гробницы созидаетъ;
По Долгоруковѣ—Москва рыдаетъ!

Съ семействомъ этого князя Долгорукова, съ которымъ породнился, съ 1786 года, по женѣ своей Катеринѣ Николаевнѣ, урожденной княжнѣ Хованской, а именно, съ сыномъ Крымскаго князя—Василіемъ Васильевичемъ, Нелединскій связанъ былъ самыми тѣсными узами дружбы, въ особенности съ женою послѣдняго княгинею Катериною Өедоровною, которая приходилась двоюродною сестрою женѣ его и которая, въ числѣ немногихъ связей молодости его, оставалась, по самую кончину, неизмѣннымъ другомъ его.

Черезъ 7 лѣтъ по кончинѣ князя В. М. Долгорукова, 15 Апрѣля 1789 года скончался, въ Москвѣ же, и другой герой царствованія Императрицы Екатерины II, покоритель Бендеръ, графъ Петръ Ивано-

вичъ Панинъ, сдѣлавшійся особенно дорогъ и любезенъ древней столицѣ, какъ усмиритель Пугачевскаго бунта, угрожавшаго такими бѣдствіями государству и россійскому дворянству. Съ самаго этого времени, графъ Панинъ не покидалъ болѣе Москвы, покоился въ ней, на лаврахъ своихъ, вельможею въ немилости у Двора, окруженный въ Москвѣ, почетомъ и уваженіемъ. Изъ многочисленной родни, группировавшейся вокругъ графа Петра Ивановича Панина, бывшій у него, подъ Бендерами, на ординарцахъ, Ю. А. Нелединскій оказался единственнымъ писателемъ.

Онъ помянулъ почившаго героя своего начальника и дядю слѣдующими стихами:

НА КОНЧИНУ ГРАФА П. И. ПАНИНА, 1789 ГОДА АПРѢЛЯ 15.

Его ужъ нѣтъ?—Ужъ нѣтъ его межъ нами!
Се прерываемый рыданьемъ общимъ гласъ.
Покрытый лаврами, и мирными вѣнцами,
Отходитъ къ вѣчности—оставилъ Панинъ насъ!
Оставилъ!... Тяжкое для сердца изрѣченье!
Усердный патріотъ; столпъ государства сей;
Въ совѣтахъ—Демосфенъ, предъ войсками—Арей:
Въ недужной старости, соблюлъ лѣтъ юныхъ рвенье
И добродѣтельми украсилъ весь свой вѣкъ.
Не титлы чтили въ немъ, въ немъ чтился человѣкъ.
Въ немъ чтили мужество, души великой свойство
И рѣдкое, прямое то геройство,
Которымъ движимъ онъ и истину любя,
Готовъ былъ за нее не пощадить себя.
Ея поборникомъ отъ всѣхъ онъ признавался,
И симъ добротъ его соборъ увѣнчавался.

——

Ты свѣту вновь явить обязанный его,
Умѣрь степанія ты сердца своего
И мужа твердаго явися сынъ достойный.
Учась хранить, какъ онъ, средь бѣдства духъ спокойный,

Въ отраду, славы-звукъ о немъ гремящъ, внимай,
И сю вѣкъ его—ю днями измѣряй.

Эти стихи напечатаны были на особыхъ листахъ, въ самый день погребенія графа Панина; но *иначе*, *нежели* здѣсь, какъ счелъ нужнымъ отмѣтить авторъ въ своей рукописи. Но показались ли они, въ этомъ видѣ, слишкомъ лестными для вельможи бывшаго въ немилости при дворѣ?

«По окончаніи Крымской кампаніи», продолжаетъ Нелединскій въ своей автобіографіи, «Егерской корпусъ распущенъ былъ по полкамъ, и я «переведенъ во 2-й Гренад. полкъ,—772 года, съ зимнихъ квартиръ, «изъ окрестностей Полтавы, былъ я въ походѣ къ Крыму; но не дойдя «до онаго, 4 полка, въ томъ числѣ и 2-й гренадерской, по причинѣ не«пріязненнаго тогда расположенія къ намъ Шведовъ, были взяты въ «Петербургъ. Тамъ, съ прочими изъ другихъ мѣстъ сведенными вой«сками, стояли мы лагеремъ подъ Краснымъ Селомъ, гдѣ былъ боль«шой маневръ, въ присутствіи Государыни Императрицы».

Это неожиданное передвиженіе съ театра войны къ сѣверной столицѣ, совпадало съ прекращеніемъ военныхъ дѣйствій въ Турціи. 19 Мая 772 г., въ Журжевѣ заключено было, между воюющими державами, перемиріе, а вслѣдъ за тѣмъ, начались въ Бухарестѣ и самые переговоры о мирѣ. По безуспѣшности мирныхъ переговоровъ, военныя дѣйствія возобновились въ Апрѣлѣ 773 года. Молодой капитанъ нашъ не утерпѣлъ:

«Въ 774 году, по просьбѣ моей, переведенъ я былъ въ 1-ю Армію, «куда прибывъ, причисленъ въ Старооскольскій пѣхотный полкъ, стояв«шій тогда на Яломицѣ, и, по неимѣнію тамъ дѣла, отпросился въ не«редовой корпусъ генерала Каменскаго. Тутъ, будучи волонтеромъ, «находился съ легкими войсками на шармюцелѣ (т. е. легкая схватка) «подъ Базарчукомъ, изъ коего непріятель былъ вытѣсненъ. Во время «преслѣдованія его, я былъ прикомандированъ къ одному изъ аван«гардныхъ баталіоновъ и съ нимъ былъ подъ Козлучами, гдѣ взятъ «весь непріятельскій лагерь. Изъ онаго, съ извѣстіемъ о побѣдѣ, «посланъ былъ курьеромъ къ Фельдъ-маршалу и пожалованъ Секундъ«маіоромъ (въ Іюнѣ 774 г.). Потомъ былъ подъ Шумлою, и въ двухъ

«въ обходъ крѣпости экспедиціяхъ, понудившихъ Визиря просить о «пропускѣ и конвоированіи до главнокомандующаго чиновниковъ имъ «посылаемыхъ для испрошенія мира: при томъ предлагаемо было отъ «Визиря перемиріе; но генералъ Каменскій, приказавъ посланныхъ «къ Фельдмаршалу проводить, перемирія не принялъ, сказавъ въ «отвѣтъ, что онъ не Министръ, а Генералъ, и доколѣ повелѣнія отъ «Начальства не получитъ, дѣйствовать не перестанетъ. Вскорѣ по- «слѣдовалъ миръ, который, со стороны Фельдмаршала, пятеро сутокъ «трактованъ былъ Княземъ Николаемъ Васильевичемъ Репнинымъ и «подписанъ 10 Іюля 1774 г., въ Фельдмаршальскомъ стану, прислан- «ными отъ Визиря изъ Шумлы двумя уполномоченными».

Блестящій походъ генерала Каменскаго подъ Шумлу, вынудившій Визиря просить у Россіи мира (который и заключенъ въ Кучукъ-Кайнарджи 10 Іюля 774.), былъ для Нелединскаго послѣднимъ боевымъ дѣйствіемъ военной карьеры его.

Князю Н. В. Репнину, трактовавшему миръ съ Турціею, за неприбытіемъ посланника нашего при портѣ, Обрескова, котораго задержалъ разливъ Дуная, выпала и счастливая доля вести пункты мирнаго договора въ Петербургѣ. Князь Репнинъ не забылъ, при этомъ, своего племянника Нелединскаго, выписалъ его изъ корпуса генерала Каменскаго и повезъ съ собою къ Высочайшему Двору. По этому случаю, Нелединскій удостоился четвертой награды, по вступленіи своемъ на службу, повышенія чиномъ премiеръ-маіора.

Въ началѣ 775 г., Высочайшій Дворъ прибылъ въ Москву для празднованія мира съ Турціею. Въ числѣ съѣхавшихся героевъ Турецкой войны, прибылъ въ Москву и князь Репнинъ, который уже назначенъ былъ посломъ въ Царьградъ. Сопровождалъ его и Ю. А. Нелединскій, который по случаю великолѣпныхъ Московскихъ празднествъ и сочинилъ «Строфы на миръ съ турками 774 года»;

Въ началѣ Мая 775 года Нелединскій, въ качествѣ кавалера посольства, сопровождалъ князя Репнина въ Царьградъ, куда посольство прибыло только въ первыхъ числахъ Октября и оставалось тамъ до половины Апрѣля 776 года.

По возвращеніи изъ Царьграда въ Петербургъ, въ Сентябрѣ

776 года, Нелединскій «опредѣленъ былъ въ квартирующій въ Фридрихсгамѣ Псковской пѣхотный полкъ, гдѣ и продолжалъ служеніе по «Сентябрь 779 года, въ которомъ досталось ему, по старшинству, въ «подполковники. Въ семъ чинѣ, служилъ въ Кіевскомъ пѣхотномъ пол« ку, съ которымъ изъ Петербурга, гдѣ оный полкъ содержалъ караулъ, «въ Августѣ 782 года выступилъ и, прозимовавъ въ Нѣжинѣ, пошелъ «въ Крымъ. Тамъ, въ бытность князя Потемкина при Карасу-Базарѣ, «торжествовано было присоединеніе сего полуострова къ Россіи».

Тревога боевой жизни, которую любилъ Нелединскій, замѣнилась для него, въ мирное время, при однообразной полковой службѣ, съ 1776 по 1785 годъ, тревогами другаго рода. Онъ, въ то время, страстно влюбился и любовь эта томила его, потому что не вознаграждалась взаимностію.

Мы не можемъ не остановиться на этомъ эпизодѣ изъ жизни Нелединскаго потому что эта первая сильная страсть была живымъ ключемъ его поэтическаго вдохновенія. По собственной оцѣнкѣ его, лучшее что написано имъ, было вдохновлено этою милою сердцу его особою и посвящено «Темирѣ».

Передадимъ, извлеченіями изъ сохранившихся писемъ Нелединскаго къ двумъ петербургскимъ дѣвицамъ нѣкоторые намеки на волновавшую его въ то время страсть.

Умныя и талантливыя дѣвицы Головины, и неразлучная пріятельница ихъ Маргарита Александровна Кошелева привлекали, по видимому, къ себѣ цвѣтъ тогдашней Петербургской молодежи. Музыка и литература составляли любимое препровожденіе времени общества, собиравшагося у Головиныхъ. Дарья Ивановна, старшая изъ сестеръ Головиныхъ (*), и Кошелева любили задавать Нелединскому темы для стиховъ

(*) Впослѣдствіи, вышедшая замужъ за Семена Ѳедоровича Уварова; по случаю этой женитьбы, Нелединскій написалъ слѣдующія два шуточныя стихотворенія:

Ужъ матка ты мнѣ уши прожужжала!
Твердишь все,—равнаго нѣтъ счастью моему!
Что жъ?— Подразнить меня ты этимъ загадала?
Анъ лихъ не быть по твоему.

ловѣка и отъ мамокъ. Мы не знаемъ, какого рода человѣкъ былъ этотъ французъ и чему именно училъ онъ мальчика Нелединскаго; но, вотъ чему онъ подрядился учить по заключенному письменному условію, въ Москвѣ, Мая 5-го 1761 года. «Я нижеподписавшійся, обязуюсь, въ домѣ ея превосходительства Анны Ивановны Неледипской-Мелецкой, обучать внука ея со всякимъ усердіемъ, а именно французскому языку съ основаніемъ и правописанію, ариѳметику и подобныя приличныя науки, какъ хронологію, исторію древнюю и временную, географію и познаніе сферы, итальянской и латинской языкъ, если будетъ требовано. Все мое наблюденіе должно простираться въ приготовленіи доброправія, для чего нравоученіе между первымъ попеченіемъ будетъ. Мнѣ же слѣдовать по деревнямъ и жить безспорно, сколько изволитъ ея превосходительство. За оное же мнѣ получать ежегодно по триста рублевъ денегъ, экипажъ, въ мою волю чай, сахаръ, кофе натурою, въ случаѣ моей болѣзни леченіе и лекарство. Оставляю о платьѣ и о прочемъ таковомъ удовольствіи на милость ея превосходительства, которая по усердію моему награждать не оставитъ. По окончаніи всякаго году имѣю просить, дабы порученной въ мое воспитаніе юноша былъ пріятелями дому въ своихъ пріобрѣтеніяхъ освидѣтельствованъ, чрезъ что заслужить милость уповаю. Естьли паче чаянія, съ обѣихъ сторонъ, воспослѣдуетъ какое неудовольствіе и принудитъ къ разрыву сего контракта, то обѣимъ сторонамъ за три мѣсяца впередъ объявлять. Во свидѣтельство сохраненія по сему съ обѣихъ сторонъ ровныя подписаны сего же числа. De Rехоnnе».

Чрезъ три года, условіе это должно было нарушиться само собою, такъ какъ въ 1764 году, сенаторша Анна Ивановна Неледипская скончалась, въ глубокой старости. Вѣроятно, сынъ ея пріѣзжалъ изъ чужихъ краевъ за наслѣдствомъ; тутъ, нашъ Юрій Александровичъ могъ нѣсколько узнать отца своего, который, впрочемъ, снова отправился во Францію. 12-ти-лѣтній мальчикъ оставленъ былъ на попеченіе другой своей бабушки (уже съ материнской стороны), княгини Александры Ивановны Куракиной, которой тогда было 53 года и которая, сколько намъ извѣстно, жила постоянно въ Петербургѣ.

Такимъ образомъ, кончилось московское воспитаніе Ю. А. Неледин-

скаго. Жизнь въ бабушкиныхъ деревняхъ и въ Москвѣ, которая тогда по всей бытовой обстановкѣ, походила на обширную, привольную деревню, должна была имѣть вліяніе на привычки и характеръ Нелединскаго. Хотя и въ Петербургѣ, въ то время, жили несравненно шире и проще, чѣмъ въ послѣдствіи, тѣмъ не менѣе, переѣздъ туда, для мальчика Нелединскаго, былъ важнымъ событіемъ. Если въ домѣ старшей своей бабки, онъ много набрался старинной, благочестивой и задушевной простоты, и напитался вѣковѣчными и общенародными началами русской жизни, то, въ Петербургѣ, наступило для него образованіе во внѣшнихъ европейскихъ формахъ. Князья Куракины, въ слѣдствіе долгой службы въ заграничныхъ посольствахъ, одни изъ первыхъ русскихъ семей, усвоили себѣ пріемы и лоскъ европейскаго, и преимущественно французскаго просвѣщенія. Московскій мальчикъ Юша, до того времени обучавшійся одинъ, теперь очутился въ обществѣ и подъ одною кровлею съ цѣлою толпою двоюродныхъ своихъ братьевъ,—тоже сиротъ-мальчиковъ, князей Куракиныхъ, изъ которыхъ старшій, въ послѣдствіи канцлеръ всѣхъ Россійскихъ орденовъ, кн. Александръ Борисовичъ былъ ровесникъ Нелединскому. Семеро этихъ князьковъ, осиротѣвъ послѣ смерти отца своего гофмейстера князя Бориса Александровича († 1764) и матери, знаменитой красавицы Елены Степановны, урожденной Апраксиной († 1768), воспитывались у той же бабушки кн. Александры Ивановны. Мы можемъ угадывать нѣкоторыя черты этого воспитанія: князья Куракины выросли честными людьми, но, въ тоже время, совершенно въ родѣ великолѣпныхъ французскихъ маркизовъ. Въ Петербургѣ жили тогда и воспитывались, если не въ одномъ домѣ, то почти вмѣстѣ, еще цѣлый рядъ двоюродныхъ братьевъ Нелединскаго, князей Лобановыхъ-Ростовскихъ, дѣтей княгини Екатерины Александровны Куракиной, изъ коихъ одинъ, князь Яковъ Ивановичъ былъ впослѣдствіи оберъ-камергеромъ, а другой, достойнѣйшій князь Дмитрій Ивановичъ, министромъ юстиціи. Дѣтское общество разнообразилось немалымъ количествомъ двоюродныхъ сестрицъ, и Нелединскій жилъ и учился какъ бы въ нѣкотораго рода пансіонѣ.

Окруженная внучатами, Александра Ивановна Куракина (1711—

1786) пользовалась большимъ значеніемъ въ Петербургскомъ высшемъ обществѣ, въ особенности по братьямъ своимъ (коихъ она была много старше) графамъ Панинымъ, Никитѣ и Петрѣ Ивановичамъ. Графъ Никита, воспитатель великаго князя Павла Петровича и вице-канцлеръ, былъ, на ту пору, важнѣйшимъ государственнымъ лицомъ въ Россіи. Тутъ-то, молодой Нелединскій имѣлъ случай бывать въ обществѣ будущаго императора (который былъ двумя годами его моложе), и это дѣтское знакомство имѣло вліяніе на дальнѣйшую судьбу Юрія Александровича. Около пяти лѣтъ, воспитывался онъ въ домѣ у этой бабушки, подъ ближайшимъ надзоромъ ея дочери, своей незамужней тетки, княжны Аграфены Александровны (1734—1791).

Какъ и чему учился онъ въ Петербургѣ, мы, въ подробностяхъ, не знаемъ. Въ началѣ 1769 года, его, вмѣстѣ съ двоюродными братьями, послали за границу, учиться въ Страсбургскій, тогда преимущественно посѣщаемый русскими юношами университетъ; но, ровно черезъ годъ, онъ былъ выписанъ обратно въ Петербургъ, «по весьма справедливымъ жалобамъ приставленнаго къ нему гувернера», какъ самъ онъ выражается о себѣ (*).

Такимъ образомъ первоначальнымъ и послѣдующимъ образованіемъ своимъ, Ю. А. Нелединскій обязанъ исключительно своему отечеству, тѣмъ образовательнымъ средствамъ, которыми Россія располагала во 2 половинѣ 18 столѣтія. Кромѣ своего роднаго языка, онъ вполнѣ усвоилъ себѣ французскій, который въ молодости его пріобрѣталъ рѣшительное преобладаніе въ нашемъ обществѣ; отчасти зналъ италіянскій языкъ, по крайней мѣрѣ, на столько, чтобы понимать Метастазія, съ котораго впослѣдствіи переводилъ мелкія пьесы; не доучился нѣмецкому языку; хотя и заимствовалъ изъ Гесснера картину восхода солнца въ одѣ своей «на побѣду подъ Мачинымъ 28 Іюня

(*) Въ автобіографической запискѣ, о которой будетъ говорено ниже. Вѣроятно, по причинѣ шалостей въ Страсбургѣ, князь Александръ Борисовичъ Куракинъ тоже былъ вызванъ въ Петербургъ и въ слѣдующемъ 1770 г. отправленъ доучиваться въ Лейденъ. Онъ оставилъ намъ любопытныя записки о томъ времени въ Чертк. библіот. по печатному каталогу № 3016.

1791 г.»; вовсе не учился древнимъ языкамъ, хотя преподавать ему латинскій языкъ и подрядился законтрактованный домашній учитель его «De Pexonne», впрочемъ съ оговоркою «есть ли будетъ требовано». Потребности видно не оказалось, и главнымъ, не скажемъ единственнымъ, воздавая должную справедливость богатой переводной литературѣ нашей въ 18-мъ столѣтіи, проводникомъ западнаго просвѣщенія остался, для Нелединскаго, какъ и для большей части современниковъ его, французскій языкъ.

По возвращеніи изъ Страсбурга, въ началѣ 1770 года, Нелединскаго опредѣлили въ военную службу, въ которой, по обыкновенію того времени, онъ числился уже съ 6-ти-лѣтняго возраста, будучи «записанъ въ 1758 году въ артиллерію фурьеромъ и въ томъ же году «пожалованъ сержантомъ».

Въ то время, военныя дѣйствія наши противъ Турціи были въ полномъ разгарѣ, какъ на сушѣ, такъ и на морѣ. Воспламенился воинственнымъ духомъ и нашъ молодой сержантъ. Онъ потребовалъ, чтобы его перевели въ дѣйствующую армію. Со стороны родныхъ, желаніе Нелединскаго не встрѣтило противодѣйствія. Они конечно разсчитывали на родственное покровительство, которое окажутъ 18-ти-лѣтнему юношѣ близкіе имъ люди: графъ Петръ Ивановичъ Панинъ и князь Николай Васильевичъ Репнинъ, по женѣ родной дядя Нелединскому. Первый командовалъ 2-ю дѣйствующею арміею, предназначенною для осады Бендеръ, а второй, въ чинѣ генералъ-поручика, состоялъ при главной арміи графа Румянцева.

Объ обстоятельствахъ военной службы Ю. А. Нелединскаго, продолжавшейся, безъ малаго, 14 лѣтъ и ознаменованной участіемъ въ 1-й Турецкой войнѣ Екатерины II, мы приведемъ собственный разсказъ его изъ автобіографической записки (*):

(*) Сохранившаяся въ бумагахъ Нелединскаго собственноручная автобіографія нѣсколько полнѣе той, которая помѣщена была въ Москвитянинѣ за 1844 годъ № 1, стр. 262—264, и вѣроятно передана была самимъ Нелединскимъ преосвященному Евгенію Болховитинову, по просьбѣ котораго она была составлена въ Вологдѣ въ 1812 году.

и заставляли его переводить французскихъ авторовъ. Этимъ же двумъ пріятельницамъ обязаны мы, большею частію, пѣсенъ и роман-

---

Ты думаешь досадно мнѣ ужасно,
Что весь опричь меня переженился свѣтъ:
Такъ нѣтъ, сударыня, такъ нѣтъ:
Подсмѣивать меня изволите напрасно.
Я право хвастать не люблю:
Да полно, то откроется и само;
Такъ лучше я скажу вамъ прямо,
Что отъ толпы невѣстъ ужъ скуку я терплю.
И съ черными, и съ сѣрыми глазами,
Гоняются за мной стадами.
Однако жъ я все твердъ—на грѣхъ не поступлю
И многихъ для одной тиранки не сгублю.
Да вамъ что сдѣлалось Лобановъ, К...ева.
Панинъ прапорщикъ Блахинъ, еще забылъ другово..
Всѣ женятся, и замужъ всѣ бредутъ!
Ну! въ этотъ годъ пеньмонянки понабьютъ.
Что говоритъ теперь А......а графиня?
Молчитъ—Да что жъ, вѣдь городъ не пустыня;
Въ немъ жениховъ всегда крутится рой.
Я ей давно твердилъ, что выдетъ годъ такой,
Что женихи крѣпиться перестанутъ,
И сами къ хомутамъ головушки протянутъ.
Схватила мать моя себѣ ты молодца!
Да какъ подкралася!—И онъ знать воръ-дѣтина:
Онъ Дарью поймалъ:—вѣдь экой молодчина!
Вели ему меня любить;
А тамъ мое ужъ будетъ дѣло
Его къ себѣ любовь и дружбу заслужить.
За то ручаюсь смѣло,
Что Дарьинъ мужъ всегда найдетъ во мнѣ
Слугу, каковъ я былъ и есмь его женѣ.

ЭПИТАЛАМА НА СВАДЬБУ Д. И. ГОЛОВИНОЙ.

Воспой, о муза, ты со мною
Уварова съ Головиною—
Или Уварова съ женою.

совъ Ю. А. Нелединскаго. Онъ ихъ слагалъ нерѣдко экспромптомъ, тутъ же сочинялась музыка. Прекраснымъ голосомъ и музыкальными способностями отличались въ особенности меньшая Головина, Наталья

Не знаю, свадьба ихъ была ужъ или нѣтъ:
Да все равно: лишь былъ бы стихъ пропѣтъ.

Дарья выйдетъ за Семена;
Имъ во здравье пустимъ тостъ.
До сихъ поръ была препона,
Свадьбѣ ихъ Успенскій постъ;
А теперь какъ миновался,
Чай Семенъ ужъ обвѣнчался.
Братцы, выпьемъ за него!
Онъ бывало славно тянетъ;
А теперь нить перестанетъ.
Жаль мнѣ истинно его!

Женится Семенъ на Дарьѣ!
Дай гудокъ мой лирный тонъ...
Коли бъ былъ женатъ на Марьѣ;
Дарьѣ бъ мужемъ не былъ онъ.
Дарьи радостны зря взоры,
Запляшите рощи, горы;
Засвищите соловьи;
Птички нѣжно воспѣвайте,
И, летая, разглашайте
Счастье новой вы семьи.

Дарья и Семенъ счастливы:
Станемъ пѣснями гремѣть
Оба, оба не спѣсивы;
Станутъ пѣсню нашу пѣть!
Хоть Семенъ и заикнется,
Пѣсня Дарьей доноется:
Та подхватитъ за него.

вичъ Панинъ, сдѣлавшійся особенно дорогъ и любезенъ древней столицѣ, какъ усмиритель Пугачевскаго бунта, угрожавшаго такими бѣдствіями государству и россійскому дворянству. Съ самаго этого времени, графъ Панинъ не покидалъ болѣе Москвы, покоился въ ней, на лаврахъ своихъ, вельможею въ немилости у Двора, окруженный въ Москвѣ, почетомъ и уваженіемъ. Изъ многочисленной родни, группировавшейся вокругъ графа Петра Ивановича Панина, бывшій у него, подъ Бендерами, на ординарцахъ, Ю. А. Нелединскій оказался единственнымъ писателемъ.

Онъ помянулъ почившаго героя своего начальника и дядю слѣдующими стихами:

НА КОНЧИНУ ГРАФА П. И. ПАНИНА, 1789 ГОДА АПРѢЛЯ 15.

Его ужъ нѣтъ?—Ужъ нѣтъ его межъ нами!
Се прерываемый рыданьемъ общимъ гласъ.
Покрытый лаврами, и мирными вѣнцами,
Отходитъ къ вѣчности—оставилъ Панинъ насъ!
Оставилъ!... Тяжкое для сердца изрѣченье!
Усердный патріотъ; столпъ государства сей;
Въ совѣтахъ—Демосѳенъ, предъ войсками—Арей:
Въ недужной старости, соблюлъ лѣтъ юныхъ рвенье
И добродѣтельми украсилъ весь свой вѣкъ.
Не титлы чтили въ немъ, въ немъ чтился человѣкъ.
Въ немъ чтили мужество, души великой свойство
И рѣдкое, прямое то геройство,
Которымъ движимъ онъ и истину любя,
Готовъ былъ за нее не пощадить себя.
Ея поборникомъ отъ всѣхъ онъ признавался,
И симъ добротъ его соборъ увѣнчавался.

—

Ты свѣту вновь явить обязанный его,
Умѣрь стенанія ты сердца своего
И мужа твердаго явися сынъ достойный.
Учась хранить, какъ онъ, средь бѣдства духъ спокойный,

В отраду, славы-звук о нем гремящъ, внимай,
И сю вѣкъ его—по дняни измѣряй.

Эти стихи напечатаны были на особыхъ листахъ, въ самый день погребенія графа Панина; но *иначе, нежели* здѣсь, какъ счелъ нужнымъ отмѣтить авторъ въ своей рукописи. Не показались ли они, въ этомъ видѣ, слишкомъ лестными для вельможи бывшаго въ немилости при дворѣ?

«По окончаніи Крымской кампаніи», продолжаетъ Нелединскій въ своей автобіографіи, «Егерской корпусъ распущенъ былъ по полкамъ, и я «переведенъ во 2-й Гренад. полкъ,—772 года, съ зимнихъ квартиръ, «изъ окрестностей Полтавы, былъ я въ походѣ къ Крыму; но не дойдя «до онаго, 4 полка, въ томъ числѣ и 2-й гренадерской, по причинѣ не-«пріязненнаго тогда расположенія къ намъ Шведовъ, были взяты въ «Петербургъ. Тамъ, съ прочими изъ другихъ мѣстъ сведенными вой-«сками, стояли мы лагеремъ подъ Краснымъ Селомъ, гдѣ былъ боль-«шой маневръ, въ присутствіи Государыни Императрицы».

Это неожиданное передвиженіе съ театра войны къ сѣверной столицѣ, совпадало съ прекращеніемъ военныхъ дѣйствій въ Турціи. 19 Мая 772 г., въ Журжевѣ заключено было, между воюющими державами, перемиріе, а вслѣдъ за тѣмъ, начались въ Бухарестѣ и самые переговоры о мирѣ. По безуспѣшности мирныхъ переговоровъ, военныя дѣйствія возобновились въ Апрѣлѣ 773 года. Молодой капитанъ нашъ не утерпѣлъ:

«Въ 774 году, по просьбѣ моей, переведенъ я былъ въ 1-ю Армію, «куда прибывъ, причисленъ въ Старооскольскій пѣхотный полкъ, стояв-«шій тогда на Яломицѣ, и, по неимѣнію тамъ дѣла, отпросился въ пе-«редовой корпусъ генерала Каменскаго. Тутъ, будучи волонтеромъ, «находился съ легкими войсками на шармюнцелѣ (т. е. легкая схватка) «подъ Базарчукомъ, изъ коего непріятель былъ вытѣсненъ. Во время «преслѣдованія его, я былъ прикомандированъ къ одному изъ аван-«гардныхъ баталіоновъ и съ нимъ былъ подъ Козлычами, гдѣ взятъ «весь непріятельскій лагерь. Изъ онаго, съ извѣстіемъ о побѣдѣ, «посланъ былъ курьеромъ къ Фельдъ-маршалу и пожалованъ Секундъ-«маіоромъ (въ Іюнѣ 774 г.). Потомъ былъ подъ Шумлою, и въ двухъ

«въ обходъ крѣпости экспедиціяхъ, понудившихъ Визиря просить о «пропускѣ и конвоированіи до главнокомандующаго чиновниковъ имъ «посылаемыхъ для испрошенія мира: при томъ предлагаемо было отъ «Визиря перемиріе; но генералъ Каменскій, приказавъ посланныхъ «къ Фельдмаршалу проводить, перемирія не принялъ, сказавъ въ «отвѣтъ, что онъ не Министръ, а Генералъ, и доколѣ повелѣнія отъ «Начальства не получитъ, дѣйствовать не перестанетъ. Вскорѣ по«слѣдовалъ миръ, который, со стороны Фельдмаршала, пятеро сутокъ «трактованъ былъ Княземъ Николаемъ Васильевичемъ Репнинымъ и «подписанъ 10 Іюля 1774 г., въ Фельдмаршальскомъ стану, присланными отъ Визиря изъ Шумлы двумя уполномоченными».

Блестящій походъ генерала Каменскаго подъ Шумлу, вынудившій Визиря просить у Россіи мира (который и заключенъ въ Кучукъ-Кайнарджи 10 Іюля 774.), былъ для Нелединскаго послѣднимъ боевымъ дѣйствіемъ военной карьеры его.

Князю Н. В. Репнину, трактовавшему миръ съ Турціею, за неприбытіемъ посланника нашего при портѣ, Обрескова, котораго задержалъ разливъ Дуная, выпала и счастливая доля везти пункты мирнаго договора въ Петербургѣ. Князь Репнинъ не забылъ, при этомъ, своего племянника Нелединскаго, выписалъ его изъ корпуса генерала Каменскаго и повезъ съ собою къ Высочайшему Двору. По этому случаю, Нелединскій удостоился четвертой награды, по вступленіи своемъ на службу, повышенія чиномъ преміеръ-маіора.

Въ началѣ 775 г., Высочайшій Дворъ прибылъ въ Москву для празднованія мира съ Турціею. Въ числѣ съѣхавшихся героевъ Турецкой войны, прибылъ въ Москву и князь Репнинъ, который уже назначенъ былъ посломъ въ Царьградъ. Сопровождалъ его и Ю. А. Нелединскій, который по случаю великолѣпныхъ Московскихъ праздненствъ и сочинилъ «Строфы на миръ съ турками 774 года»;

Въ началѣ Мая 775 года Нелединскій, въ качествѣ кавалера посольства, сопровождалъ князя Репнина въ Царьградъ, куда посольство прибыло только въ первыхъ числахъ Октября и оставалось тамъ до половины Апрѣля 776 года.

По возвращеніи изъ Царьграда въ Петербургъ, въ Сентябрѣ

776 года, Нелединскій «опредѣленъ былъ въ квартирующій въ Фрид-«рихсгамѣ Псковской пѣхотный полкъ, гдѣ и продолжалъ служеніе по «Сентябрь 779 года, въ которомъ досталось ему, по старшинству, въ «подполковники. Въ семъ чинѣ, служилъ въ Кіевскомъ пѣхотномъ пол-«ку, съ которымъ изъ Петербурга, гдѣ оный полкъ содержалъ караулъ, «въ Августѣ 782 года выступилъ и, прозимовавъ въ Нѣжинѣ, пошелъ «въ Крымъ. Тамъ, въ бытность князя Потемкина при Карасу-Базарѣ, «торжествовано было присоединеніе сего полуострова къ Россіи».

Тревога боевой жизни, которую любилъ Нелединскій, замѣнилась для него, въ мирное время, при однообразной полковой службѣ, съ 1776 по 1785 годъ, тревогами другаго рода. Онъ, въ то время, страстно влюбился и любовь эта томила его, потому что не вознаграждалась взаимностію.

Мы не можемъ не остановиться на этомъ эпизодѣ изъ жизни Нелединскаго потому что эта первая сильная страсть была живымъ ключемъ его поэтическаго вдохновенія. По собственной оцѣнкѣ его, лучшее что написано имъ, было вдохновлено этою милою сердцу его особою и посвящено «Темирѣ».

Передадимъ, извлеченіями изъ сохранившихся писемъ Нелединскаго къ двумъ петербургскимъ дѣвицамъ нѣкоторые намеки на волновавшую его въ то время страсть.

Умныя и талантливыя дѣвицы Головины, и неразлучная пріятельница ихъ Маргарита Александровна Кошелева привлекали, по видимому, къ себѣ цвѣтъ тогдашней Петербургской молодежи. Музыка и литература составляли любимое препровожденіе времени общества, собиравшагося у Головиныхъ. Дарья Ивановна, старшая изъ сестеръ Головиныхъ (*), и Кошелева любили задавать Нелединскому темы для стиховъ

(*) Впослѣдствіи, вышедшая замужъ за Семена Ѳедоровича Уварова; по случаю этой женитьбы, Нелединскій написалъ слѣдующія два шуточныя стихотворенія:

Ужъ матка ты мнѣ уши прожужжала!
Твердишь все,—равнаго нѣтъ счастью моему!
Что жъ?— Подразнить меня ты этимъ загадала?
Анъ лихъ не быть по твоему.

и заставляли его переводить французскихъ авторовъ. Этимъ же двумъ пріятельницамъ обязаны мы, большею частію, пѣсенъ и роман-

---

Ты думаешь досадно мнѣ ужасно,
Что весь опричь меня переженился свѣтъ:
Такъ нѣтъ, сударыня, такъ нѣтъ:
Подсмѣивать меня изволите напрасно.
Я право хвастать не люблю:
Да полно, то откроется и само;
Такъ лучше я скажу вамъ прямо,
Что отъ толпы невѣстъ ужъ скуку я терплю.
И съ черными, и съ сѣрыми глазами,
Гоняются за мной стадами.
Однако жъ я все твердъ—на грѣхъ не поступлю
И многихъ для одной тиранки не сгублю.
Да вамъ что сдѣлалось Лобановъ, К...ева.
Нашъ прапорщикъ Блахинъ, еще забылъ другово..
Всѣ женятся, и замужъ всѣ бредутъ!
Ну! въ этотъ годъ попы мошонки понабьютъ.
Что говоритъ теперь А......а графиня?
Молчитъ—Да что жъ, вѣдь городъ не пустыня;
Въ немъ жениховъ всегда крутится рой.
Я ей давно твердилъ, что выдетъ годъ такой,
Что женихи крѣпиться перестанутъ,
И сами къ хомутамъ головушки протянутъ.
Схватила мать моя себѣ ты молодца!
Да какъ подкралася!—И онъ знать воръ-дѣтина:
Онъ Дарью поймалъ:—вѣдь экой молодчина!
Вели ему меня любить;
А тамъ мое ужъ будетъ дѣло
Его къ себѣ любовь и дружбу заслужить.
За то ручаюсь смѣло,
Что Дарьинъ мужъ всегда найдетъ во мнѣ
Слугу, каковъ я былъ и есмь его женѣ.

ЭПИТАЛАМА НА СВАДЬБУ Д. И. ГОЛОВИНОЙ.

Весной, о муза, ты со мною
Уварова съ Головиною—
Или Уварова съ женою.

совъ Ю. А. Нелединскаго. Онъ ихъ слагалъ нерѣдко экспромптомъ, тутъ же сочинялась музыка. Прекраснымъ голосомъ и музыкальными способностями отличались въ особенности меньшая Головина, Наталія

Не знаю, свадьба ихъ была ужъ или нѣтъ:
Да все равно: лишь былъ бы стихъ пропѣтъ.

Дарья выйдетъ за Семена;
Имъ во здравье пустимъ тостъ.
До сихъ поръ была препона,
Свадьбѣ ихъ Успенскій постъ;
А теперь какъ миновался,
Чай Семенъ ужъ обвѣнчался.
Братцы, выпьемъ за него!
Онъ бывало славно тянетъ;
А теперь пить перестанетъ.
Жаль мнѣ истинно его!

Женится Семенъ на Дарьѣ!
Дай гудокъ мой лирный тонъ...
Коли бъ былъ женатъ на Марьѣ;
Дарьѣ бъ мужемъ не былъ онъ.
Дарьи радостны зря взоры,
Запляшите рощи, горы;
Засвищите соловьи;
Птички нѣжно воспѣвайте,
И, летая, разглашайте
Счастье новой вы семьи.

Дарья и Семенъ счастливы:
Станемъ пѣснями гремѣть
Оба, оба не спѣсивы;
Станутъ пѣсню нашу пѣть!
Хоть Семенъ и заикнется,
Пѣсня Дарьей допоется:
Та подхватитъ за него.

Ивановна, вышедшая впослѣдствіи за князя Алексѣя Борисовича Куракина (*).

Этимъ талантливымъ дѣвицамъ повѣрялъ Нелединскій и шуточно и серьезно свои сердечныя тайны, и велъ съ ними постоянную переписку.

Moscou. 2 Octobre 781. «En recevant ceci, Mesdemoiselles (писалъ Ю. А. Нелединскій къ Дарьѣ Ивановнѣ Головиной и Маргаритѣ Александровнѣ Кошелевой), vous vous ressouviendrez sans doute que j'existe et vous vous direz l'une à l'autre . . . Mais à propos! Cet homme ne nous a-t-il pas manqué de parole? Et ne devait-il pas nous écrire tout de suite après son arrivée à Moscou? . . .

Хоть фальшиво и затянетъ,
Но заслуживать то станетъ
Взглядомъ, что милѣй всего.

Будь всегда благополучна,
Мнѣ любезная чета!
Будь съ любовью не разлучна;
Вѣрь: другое все мечта!
Я теперь болтать уймуся,
До того, когда дождуся
Нову зрѣть семью твою.
Для Уваровыхъ малютокъ,
Я изъ новыхъ прибаутокъ
Нову пѣсенку спою.

Воспѣли, муза, мы съ тобою
Уварова съ Головиною.
Не знаю, свадьба ихъ была ужъ или нѣтъ;
Бѣды нѣтъ, хоть впередъ нашъ стихъ имъ былъ пропѣтъ.

(*) Ей надписано слѣдующее четырестишіе И. И. Дмитріева.
Что предъ соперницей Эраты наше пѣнье!
Она лишь голосомъ находитъ путь къ сердцамъ,
Я лиру положу Куракиной къ ногамъ,
И буду самъ внимать въ безмолвномъ восхищеньи.

Un petit moment s'il vous plaît. A la promesse que j'ai faite de vous écrire, j'ai joint celle de vous dépeindre l'état piteux, ou triomphant, dans lequel je me trouverai relativement à certaine personne que je ne nomme jamais [je ne sais trop pourquoi] sans bégayer. Or cette personne est cause de mon silence envers vous. Tout en partant de Pétersbourg, j'avais formé le plan d'une épître, où je vous faisais un éloge très froid de cette personne et de mon indifférence. Enfin j'arrive; je fais ma première visite . . . Oh! c'est une singulière personne, que cette personne là! Imaginez-vous, elle s'avise d'engraisser en mon absence. Tout fier de ce nouvel agrément, je crus qu'il ne suffisait pas d'être indifférent in petto, que je devais l'afficher, le dire [sentez-vous мои матушки, comme je m'embourbais?] J'agis en conséquence; je me flattais d'avoir prouvé beaucoup, parceque j'avais beaucoup ri, et de retour chez moi je changeai le plan de ma missive pour vous, en y ajoutant le récit de mon intrépidité; le lendemain, c'était jour de poste et je devais vous envoyer ma confession; mais point du tout: je la revois, oui, elle-même! Hé bien, ma lettre ne valut plu rien, et enfin, pour couper court, je me décidai à vous écrire en ces termes:—Voici, mesdemoiselles, les gradations de ma conduite envers Mademoiselle Щец. [Ouf! je l'ai presque nommée]. Avant hier j'ai fait le brave; hier je ne pouvais plus le faire, et aujourd'hui, jugez de ma sottise! je vais lui montrer cette lettre.—Telle était ma résolution il y a deux jours; je n'ai plus qu'une circonstance à y ajouter: c'est qu'au lieu d'aller moi-même la lui porter, je la lui envoie, n'ayant pas le courage d'en risquer l'événement. Нарядной мальчикъ! Нѣтъ право, каковъ я вамъ кажусь? Mais au reste, elle détruit mes craintes . . . Qui Elle? . . . Eh mais . . . Elle par excellence. Elle détruit mes craintes dis-je, en m'assurant que je ne lui trouve plus ni les agréments, ni l'esprit que je lui trouvais auparavant. Quoiqu'il en soit je la cite à votre tribunal pour trois griefs: 1-o pour s'être avisée d'engraisser et par conséquent d'embellir; 2-o pour avoir eu l'audace d'avoir plus d'esprit que jamais; 3-o pour ne pas m'en accorder assez pour sentir son mérite. 8 Septembre 782 . . . .

Pardon, матушка, je crois que je vous ennuie: mais si vous saviez

какъ мнѣ грустно! Vous êtes apparemment instruite de tout par Князь Алексѣй Борисовичь, то-то могу сказать, что: Dans mes maudites mains, l'or pur se change en boue.

Je n'ose pas me livrer à mes idées, car je vous excéderais de mes réflexions, lamentations etc. etc. etc. Vous devez convenir que mes et cetera valent mieux que les vôtres: au moins me suis-je donné de la peine pour les bien former, afin qu'ils vous servent de modèles.

J'attends avec impatience le P-ce Dmitri (*): chassez-le bien vite, puisqu'il doit m'apporter de vos nouvelles: mais avant, je compte Vous écrire plus amplement que je ne le fais.

Adieu, матушка, je garde toujours vos dons; ils me sont précieux, et je les ai toujours sur moi.. Souvenez vous de celui qui vous est dévoué pour la vie.»

«J'ai déja traduit quelques couplets de La Harpe—dans une heure nous allons marcher et c'est ordinairement à cheval que j'y travaille.»

Кіевскому пѣхотному полку назначенъ былъ походъ въ Крымъ, путь лежалъ черезъ Москву. Нелединскій пишетъ изъ Москвы:

20-го Oktober 782. «Pardon, mille fois pardon, матушка Дарья Ивановна! Plus vous me marquez d'attention et plus je suis coupable. Mon cousin le P-ce Alexis me dit que vous me boudez parceque malgré ma promesse, je ne vous ai point donné de mes nouvelles de Торусокъ et que depuis je ne vous ai rien dit que de général.—Hélas, cette promesse de vous écrire de Торусокъ n'était qu'une fanfaronnade de ma part; je l'ai reconnu après, et j'entendais trop bien mes intérêts pour risquer de vous ennuyer. Ah матушка l'ennui! l'ennui ne se pardonne pas à qui le cause!—L'état, pour ainsi dire, d'abrutissement où m'ont plongé tous les événements qui me sont arrivés depuis que je vous ai quitté, n'ont pas permis à mon âme de s'épanouir un seul moment. Arrivé ici, nouvelle histoire: il a fallu me faire un plan de conduite; et ce plan, je l'ai fait d'après des principes que j'ai puisés dans votre conversation.—Je n'ai pas à m'en louer, je vous assure, et je crois, sans que vous juriez, que vous n'en parlez que par théorie.—Quoiqu'il en soit,

(*) Князь Лобановъ.

je tiendrai bon; il y aurait à afficher trop de faiblesse de me montrer après une retraite de plus de 15 jours».

«Cette maison de Князь Юрій Владиміровичъ que je fréquente journellement entretient le noir qui est dans mon âme, par le souvenir toujours renouvelé de la perte d'un homme qui m'estimait, m'aimait, m'en a donné des preuves et à qui je n'ai pu payer d'autre tribut de reconnaissance, que celui de me complaire dans la douleur que sa perte me cause.—Ce pauvre Bibikow.—Mon affaire avec le Cte Panin.—Enfin mon fatal et indispensable séjour à Moscou; séjour qui ne sert qu'à me faire douloureusement sentir mon existence par les privations qu'il nécessite.—Tout cela ensemble, est-il bien propre à me laisser la moindre faculté de pouvoir vous amuser un seul moment; principal mérite peut-être que j'avais à vos yeux! A présent même je vous ennuie; mais vous m'avez tant témoigné de bontés, tant défendu de douter de cette amitié, que c'est cette amitié que je réclame et qui je suis sûr, me pardonnera.»

«Ne vous dégoûtez pas матушка de mon style, je n'écrirai pas toujours comme cela. Ou je deviendrai totalement fou, ou je changerai; et alors nous rirons peut-être.

J'ai traduit deux de vos couplets et je tâcherai de travailler au reste.

Moscou 1 Décembre 782. «Je vous écris, mon adorable Дарья Ивановна, pour vous annoncer mon départ, vous conjurer de ne pas m'oublier, de croire que je suis et serai toujours tout à vous. Pour le présent excusez la brièveté de ma lettre; je ne suis pas dans la meilleure disposition d'âme possible. Voilà des vers que je vous envoie; je désire qu'ils vous fassent plaisir: je les aime préférablement à bien des choses que j'ai faites».

Стихи эти—первое посланіе къ Темирѣ, начинающееся:

«Желалъ бы цѣлый міръ во власти я имѣть,
На то, чтобы тебя владычицей въ немъ зрѣть»

и кончающееся:

Темира! горестей вина и утѣшенья!
Пріими всѣхъ чувствъ моихъ ты жертвоприношенье.
Нѣтъ; смертнаго въ тебѣ не вижу, ничего—
Я въ образѣ твоемъ зрю Бога моего!

Чево бы въ немъ хотѣлъ, въ тебѣ то обрѣтаю,
И коль не ты сей Богъ!.. то Бога я не знаю!

«Fait historique suivi de quelques réflexions sur ces vers. Un de mes intimes qui depuis un certain temps fait assez fréquemment des voyages dans la lune, en a rapporté une pièce de vers, faite par un poëte du pays. Il l'a traduite pour moi, et c'est celle que vous venez de voir. Je la soumets à votre examen, espérant que vous ne serez pas comme la plupart de ces dames lunaires, qui au rapport de mon ami ont trouvé les vers très maussades, prétendant que quand on ne pouvait pas donner l'Empire du monde, on ne devait pas avoir la maladresse d'en faire venir l'eau à la bouche. Elles ont encore eu la méchanceté de remarquer que cela ressemblait fort à l'histoire du diable qui a voulu tenter notre Seigneur dans un désert, où de dessus une montagne, il lui fit voir tout l'univers comme sur sa main [или какъ на блюдечкѣ].»

«Il n'y a plus de ces montagnes d'où l'on puisse découvrir ainsi tous les royaumes; nous ne vivons plus dans le bon siècle. Il s'y faisait bien autre chose! Alors on naissait aveugle pour bien voir, boiteux pour bien marcher, etc—si j'étais de ce temps là, je me croirais né pour être le plus bel homme du monde».

«Revenons en à ces vers. Vous avez vu ce que les dames lunaires en ont dit: d'un autre côté les Lunatiques, ou les hommes de ce pays là, ont accusé l'auteur d'avoir proféré un blasphème dans les 4 dernières lignes. — — Voilà ce qu'il leur a répondu: «Défendre de se faire une «idée quelconque de la Divinité, c'est défendre d'y jamais penser, et «c'est en cela que serait l'impiété. Or, si je dois y penser, comment «peut-on me blâmer lorsque j'attache l'idée de Dieu à un Être qui non «seulement est ce que je crois voir de plus parfait, mais, qui est tel que «je ne m'imagine pas même de perfections au delà de celles qui le con«stituent. Dans ce sens, loin d'offenser la Divinité, je crois l'honorer «autant qu'il est en mon pouvoir de le faire».

«Ce n'est pas pour le plaisir d'argumenter devant vous, que j'ai écrit ceci; mais c'est qu'il peut se trouver chez vous aussi, quelques lunatiques qui prendront feu mal à propos, et je suis bien aise de chercher à justifier l'auteur, car il me parait innocent. Qu'en dites-vous?

Не смотря на то, самъ авторъ въ послѣдствіи, въ болѣе зрѣлыхъ лѣтахъ, замѣнилъ послѣдній стихъ

И коль не ты сей Богъ!—то Бога я не знаю!

слѣдующимъ:

И съ нимъ въ душѣ моей тебя не различаю.

«Voici encore des vers faits à Moscou sur un éventail, sur lequel trois «ou quatre personnes, entre autres notre cher Prince Dimitry avaient «barbouillé le produit de leurs idées.

«Je ne l'ai vu qu'un moment cet éventail, au spectacle dans une loge «mal éclairée:—il m'a paru rouge avec des taches blanches. Sur le «champ, le quatrain qui suit me vint en tête; mais soit modestie d'au«teur, soit... autre chose; je gardai le silence, et vous serez les pre«miers qui le connaîtrez.—Le voici»:

Cet éventail mystique est simple en apparence.
Mais le rouge et le blanc dont il est tacheté,
Belle Iris, à mes yeux offre vos qualités....
Le Rouge est la pudeur;—le blanc est l'innocence.

«L'inscription du P-ce Dimitry Lobanoff est, si je m'en souviens.... *Envoyez promener ceux qui vous donnent de pareils conseils*. Vous saurez de lui-même à quel sujet il l'a dit».

11 Décembre 782. «Si vous pouviez douter матушка du plaisir que je prends à vous écrire en tout temps, vous ne pourriez pas avoir cette idée au moins pour le présent. Imaginez-vous que je vis dans un désert: oui, c'en est un pour moi, puisque je ne trouve à qui parler avec quelque intérêt. Que fais-je quand je ne vous écris pas? je pense à une chose qui me fait souffrir. Direz-vous que le service peut me distraire! Eh! Pour peu qu'on en ait la routine, il n'y a point d'événement aussi imprévu qu'il soit, qui puisse occuper. Il faudrait en avoir l'enthousiasme, et outre que je ne suis pas assez libre d'esprit pour cela, ce n'est pas en marche, au milieu des neiges, des glaces et sans un seul témoin, que l'on se passionne pour un jeu de marionettes».

„Vos couplets de la Harpe sont d'une difficulté diabolique, et d'ailleurs, je vous avoue que j'aime mieux passer mon temps à m'entretenir avec vous que de m'acharner à les traduire: il n'y en a toujours que 10 de faits.—Si une fois je les achève, j'espère que la musicienne aux beaux

yeux voudra bien en ma faveur changer quelque chose à la musique du second vers. Faites-la, je vous prie, souvenir de moi, et demandez lui s'il se trouve toujours quelque chose à refaire à ses yeux? De mon temps elle ne les laissait guère tranquilles: tantôt elle prétendait que l'un des deux lui faisait mal; tantôt qu'ils se ressentaient d'une insomnie qu'elle avait eue: enfin je ne sais comment cela se faisait, mais nous trouvions elle et moi, toujours quelque chose à dire sur cette éternelle paire d'yeux.—Pour des gens d'esprit comme nous, il est assez singulier que nous nous soyons aussi souvent répétés, en retombant toujours sur la même matière, mais malgré cette singularité, je ne jurerai pas de ne pas me répéter de nouveau en revoyant ces petits fripons à fleur de tête. — Oh! Elle va se fâcher de ce que je les appelle petits.—Eh bien ces grands fripons, si elle l'aime mieux.'' . . . .

Нѣжинъ, Апрѣля 1783 г. «Je vais commencer par le récit d'un événement dont le mérite est de m'avoir fait faire des réflexions, qui pourront ne pas m'être inutiles dans la suite.»

«Vous savez, ou vous ne savez pas, mes adorables старушки, que dans le métier que je fais, je change tous les jours d'habitation.—Si c'est du nouveau pour vous, apprenez, ignorantes que vous êtes, que je n'ai seulement pas le temps de m'accoutumer à la manière dont s'ouvrent les portes de mes chambres.—Pour des êtres inconstants comme vous, cela doit paraître fort agréable, n'est-il pas vrai?—Mais le plaisir du changement vous flattera bien moins quand vous saurez que les vaches, les moutons, les cochons ne sont pour l'ordinaire séparés de moi que par une simple cloison, et que le sanctuaire, c'est-à-dire, l'endroit où votre serviteur mange, boit et dort, est tous les jours enfumé au point que malgré ma petite taille j'ai les pieds sur la terre et la tête dans les nuages. Cette conformité avec les géants ne m'en rend pas plus fier: mais venons au fait, car tout ce préambule n'a que peu de rapport à ce que je veux vous dire.»

«Un matin j'arrive dans une de ces baraques que je viens de décrire: on venait d'y chauffer: je m'apercus qu'il y avait de la vapeur et je fis ouvrir la fenêtre qui servait de cheminée. Peut-être ne savez vous pas que les fenêtres servent quelquefois de cheminées? — Eh bien, faites

qu'on vous l'explique: je ne finirais jamais si j'avais à vous instruire de tout ce que vous ne savez pas.—Bref, je passai la nuit dans cet endroit, et le lendemain après y avoir fait du feu, on ferma de nouveau la susdite fenêtre plus tôt que je ne l'aurais désiré. (Notez que pendant la journée précédente j'avais fait avec très-peu de succès la cour à la fille de la maison qui ressemblait comme deux gouttes d'eau à Матріôнa de Крывошейна) Frappé de la vapeur, je m'adressai à ma belle pour la prier le plus tendrement possible de m'épargner un mal de tête. La friponne me jura que tout était ouvert, et sur le doute que je lui en témoignai, elle me dit le plus affectueusement du monde: *sera-ce vous que je tromperai*!!!

,,Oh ça!—je vous fais juge entre elle et moi! Pour un homme qui a de la lecture, n'était-il pas naturel de prendre l'exclamation de ma Déesse pour la suite d'un mouvement pareil à celui qu'eut Zaïre, quand elle dit à Orosmane au fort de sa passion:—*Eh! peut-on vous trahir, seigneur!* — Transporté de cette idée, plein d'espérance, je m'approchai de ma belle pour lui marquer ma gratitude des sentiments qu'elle me témoignait. Brusquement accueilli comme la veille, je ne m'en fâchai pas; au contraire cela me plut, et j'expliquai cette conduite en sa faveur, croyant qu'en fille bien apprise, elle voulait réprimer le penchant qu'elle avait pour moi, et que l'expression tendre qui lui était échappée malgré elle, me devait être une preuve de plus de la réalité de mon triomphe. — En conséquence, j'employai plus d'une heure à vouloir la fléchir par mes soumissions. — Heure fatale aux fibres de mon cerveau! j'aurais mieux aimé te passer au milieu de la rue!

«Enfin voyant que ma prétendue Zaïre envoyait toujours promener son Orosmane, et même assez cruellement, je m'avisai de lui demander raison du contraste qui régnait entre ses manières et ses discours. — Et que vous ai-je donc dit?» s'écria-t-elle! Là dessus je lui articulai doucement les paroles qui m'avaient enchanté . . . . Eh bien! . . Mais rien n'est plus clair, répliqua-t-elle, hier je me suis aperçue que vous aviez bon nez, puisque tout en entrant vous aviez senti qu'il y avait ici de la vapeur. D'après cela, aujourd'hui je vous ai dit que ce ne serait pas vous que je voudrais essayer de tromper sur cet article, parceque

je le crois impossible; et voilà tout. Ainsi m—r laissez moi tranquille et allez conter fleurettes ailleurs.—Je fus si frappé de cette apostrophe que je ne m'apeçus pas du temps qu'elle prit pour s'en aller. — A la fin rendu à moi, je crus sentir un certain battement dans les temps qui me fit soupçonner que j'étais trompé au double. Pour m'en assurer, je regardai, et vis la cheminée couverte.—Confus, désespéré, sans dire adieu à ma perfide hôtesse, je montai à cheval et me mis en marche avec un grand mal de tête qui me dura toute la journée.—

«Voilà pourtant, mes toutes bonnes, à quoi aboutissent presque toutes ces illusions flatteuses de la vie, et voilà comme sont les femmes à Komarovka, à Pékin, à Paris etc. — Dieu veuille qu'à Pétersbourg et à Moscou elles soient autres!»

Въ то время, т. е. въ бытность свою съ полкомъ въ Нѣжинѣ на зимнихъ квартирахъ, Нелединскій занятъ былъ переводомъ извѣстной трагедіи Вольтера Заиры. Онъ перевелъ два первыя дѣйствія.

Négine. 17 Janvier 783.—,,Encore des marques de souvenir! d'attentions! de bontés!—Non, mon incomparable Дарья Ивановна, vous n'avez pas d'idée combien je vous suis obligé!—Massalow m'a remis une lettre et encore du tabac de votre part.—Благодарствую Матынька! . . . Разъ благодарствую! . . . Разъ преблагодарствую! . . . Только я право запохаюсь, parcequ'il me parait toujours, que prendre une prise de ce tabac, est un moyen de me rapprocher de vous.—C'est une de ces idées folles, comme il en vient toujours à l'esprit, quand on désire fortement une chose et qu'on est dans l'impossibilité de la satisfaire. Tenez, même à présent . . . Tchi . . . mille grâces Mademoiselle! . . . Tchi. . . Ne vous gênez pas Mademoiselle. . . Tchi. . . Oh! vous avez bien de la bonté Mademoiselle: vous auriez trop de peine de me saluer chaque. . . fois. . . que . . . j'éter . . . Tchi . . . Voilà qui est fini. J'en ai les larmes aux yeux. — Avouez que ce passage gagne beaucoup à la lecture.»

«Нѣтъ Матынька; только ужь письмо не табаку чета.—Un détail de vos occupations, vos amusements;—des assurances d'amitié;—des témoignages du plaisir que vous font mes lettres: tout s'y trouve et pour mettre le comble à vos bontés, vous cherchez à me donner un nouveau

motif de vous être attaché, en me rappelant que je vais être lié à vous par la parenté (*). Ce n'est pas par hazard que le mot de *сватъ* s'est trouvé placé dans votre lettre; j'y vois le dessein de me faire une caresse, d'autant plus que vous avez dû pour cela avoir recours à Madame votre mère, car je parierais bien quelque chose que vous ne saviez pas que je devenais votre *сватъ*.—En un mot, ceci et l'attention de me communiquer le détail que je vous ai demandé, tout cela m'a fait un plaisir dont je ne puis assez vous remercier.»

«Avez-vous jamais lu les commentaires de Madame Dacier sur Homère?—Представь матушка, куда меня нелегкая занесла! — Je vous le demande parcequ'il m'est venu en tête de l'imiter. Voici le texte que j'ai choisi, qui n'est pas d'Homère.

Si ce n'était l'amitié que j'ai pour la charmante Grétinka, je crois que j'oublierais de sentir. — Cet état m'ennuye assez; pour le reste, je ne suis pas malheureuse, et je suis contente.

«Avant que d'analyser les paroles de cet auteur (**), dont les idées semblent se croiser mutuellement, examinons d'abord les circonstances qui ont précédé sa naissance et ensuite celles de sa vie. Voilà comme aurait parlé M—me Dacier; car elle avait toujours la coutume d'aller au plus court: mais je veux suivre une autre méthode. Voyons. . . Après avoir dit que l'*état d'insensibilité l'ennuyait assez*, l'auteur continue ainsi: *pour le reste je ne suis pas malheureuse et je suis contente*. Quelqu'un qui dit qu'il n'est pas malheureux, ne dit pas qu'il soit heureux, et quand on n'est pas heureux, peut-on être content?—C'est une question que je voudrais vous voir résoudre. Pour moi j'aperçois dans cet auteur une envie de parler vrai (dont je le remercie) et une autre envie de cacher (peut-être jusques à *soi-même*) les sentiments qui remplissent son âme.—Sans remonter comme M—me Dacier jusqu'avant sa naissance, je ne crois pas me tromper en supposant que dans le moment où il écrivait ceci, il était occupé de quelque *ancienne idée*.—Je vous demande votre avis là-

(*) Вѣроятно, черезъ двоюроднаго брата К. Алексѣя Борисовича Куракина, который въ то время помолвленъ былъ съ Натальею Ивановною Головиною.

(**) Фраза изъ письма Дарьи Ивановны Головиной.

dessus: au reste, si vous voulez, vous pouvez ne m'en rien dire; je vous comprendrai toujours.» .

Ah çà, comme j'aime l'ordre et que j'en mets dans tout ce que je fais, il est clair qu'il faut que je vous parle à présent de ma C. R.—Vous me demandez mon avis à son sujet, et le voici. — Ce qu'il y a de vrai dans son fait, c'est le plaisir de se soustraire au pouvoir d'une mère qui la gêne par ses tracasseries minutieuses et continuelles. Par cet excès d'amour qu'elle témoigne, il serait téméraire d'en tirer une conséquence décisive: mais croyant lui connaître un grand penchant à la domination, je puis ne pas me tromper en lui supposant l'esprit de ne vouloir laisser prendre à son homme aucun avantage sur soi, ou même de le mettre dans son tort dès le premier pas.—Combien n'a-t-elle pas déjà acquis de droits sur lui, si, comme vous me le marquez, il est froid envers elle!—Chaque douceur qu'une femme avisée dit à son amant et à laquelle il ne répond pas au delà, est une dette qu'elle lui fait contracter.—Mais je crois que je lui fais trop d'honneur en lui supposant autant de manége. A dire vrai, je pense qu'elle joue la comédie en ceci comme dans tout ce qu'elle fait. Mais n'allez pas vous figurer que c'est pour tromper quelqu'un: non, c'est qu'elle est montée ainsi. — Vous devez avoir remarqué plus d'une fois que tout en elle est noté, arrangé, compassé.—Elle veut donner un caractère à tout ce qu'elle fait, et voulant qu'il soit marqué, elle l'outre.—On lui a dit qu'elle était amante: vîte, elle a voulu en avoir le caractère, et il est outré comme les autres. — Elle n'est jamais dans sa chambre, mais se croit toujours sur un théâtre où il faut de plus grands gestes que si l'on était au parterre. La Clairon, à ce qu'on m'a dit, prenait un battant l'oeil des mains de sa femme de chambre avec la même dignité qu'elle recevait une couronne sur le théâtre. Tout est affaire d'habitude, et quand la machine n'est pas dominée par l'esprit on n'agit que par habitude. Voilà mon idée, mes adorables, car pour le moment je vous parle à toutes deux; s'entend à vous et à ma divine Marguerite.»

A propos de la divine Marguerite, comment peut-elle avoir laissé partir votre lettre sans m'avoir dit un seul petit mot? Peut-être que mes exigences continuelles l'importunent. Да что же мнѣ дѣлать коли des marques de bienveillance de sa part me sont un besoin. Прощай, ма-

тушка, il n'est pas permis de fatiguer son monde, comme je le fais par mes lettres. Куда бы хорошо кабы вы это письмецо сожгли.

Du camp passé Krementschoug ce 22 mai 783.—«Здравствуй Дарья! quand vous recevrez ceci vous serez à la campagne. Pour ne pas me répéter (car je n'en n'ai pas le temps) je vous adresse à ma lettre à Mademoiselle de Kochelew: vous y trouverez les raisons qui m'ont empêché jusqu'à présent de vous répondre.»

«Mille grâces, mon incomparable Дарья Ивановна, pour vos deux lettres et pour la Душинька. — C'est le meilleur ouvrage que nous ayons dans ce genre et il n'y a que les fables de Soumarokow qui puissent lui être comparées. Mais je suis surpris qu'on le donne pour une première édition: il y a plus de trois ans que je l'ai lu (*).—Je crois être trop bien auprès de vous pour avoir besoin de vous détailler combien j'ai été sensible à votre attention à me l'envoyer: c'est une nouvelle preuve que vous songez à moi. Continuez toujours матушка et soyez sûre que vous n'avez pas affaire à un ingrat. Tout éloigné que je suis, je vous défie de trouver parmi tous ceux qui vous entourent quelqu'un qui vous soit plus dévoué.

«Vous craignez d'être séparée de votre amie, demandez ce que je lui dis là-dessus: vous verrez que j'aurai raison.»

«Toutes deux vous êtes d'un noir affreux! Vous parlez d'insipidité de la vie! Eh! moi chétif que dirai-je donc, quand des personnes faites comme vous se récrient sur la nullité et le vide de l'existence?—Или я въ васъ, мои матушки слѣпъ; или вы не жалки. — Мнѣ кажется, на вашемъ мѣстѣ, je n'aurais que l'embarras de choisir ce que je devrais désirer. A

(*) Изданіе Душиньки 1783 г. Сопиковъ подъ № 3545 признаетъ за первое; Лонгиновъ же, въ Общихъ Примѣчаніяхъ къ запискамъ И. И. Дмитріева подъ № 145, говоритъ, что Душинька вышла въ 1778 году, въ этомъ первомъ изданіи помѣщена только 1 пѣснь ея, а вся поэма вышла въ 1783 г. Это изданіе 1778 г. вѣроятно то же самое, которое приводитъ Сопиковъ подъ № 3550.—Полединскій говоритъ, что Душинька есть лучшее произведеніе, которое мы имѣемъ въ этомъ родѣ; однѣ басни Сумарокова могутъ сравниться съ нимъ; а Карамзинъ, позднѣе, говорилъ, что Ипполитъ Богдановичъ *первый* на русскомъ языкѣ игралъ воображеніемъ въ легкихъ стихахъ. Ломоносовъ, Сумароковъ, Херасковъ могли быть для него образцами только въ другихъ родахъ.

côté de vous, мнѣ и грустить бывало пріятно. Pouvez-vous dire comme vous le faites что вы нулями живете, quand vous répandez un charme sur tout ce qui vous entoure. A deux mille verstes vous me procurez des jouissances et ce ne sera pas moi qui couviendrai que vous êtes des Zéros. — Que votre tête tourne, j'y consens: vous ne ferez que souffrir la peine du talion!—Vous trouverez ce mot expliqué dans *Cujas* auteur du Barreau.»

«Vous avez la bonté, моя неоцѣненная Дарья Ивановна, de me faire des reproches sur ce que je ne vous parle pas assez de moi. Que voulez-vous que je vous dise? C'est ma vie qui est vraiment un tissu d'insipidités. — Une santé de fer m'ôte le droit de me dire le moins heureux des hommes: sans cela il n'y a rien qui puisse me distinguer de l'être du monde le moins jouissant. Toujours les mêmes idées, ou plutôt la même chimère; je tâche de me la rendre le moins tourmentante qu'il est possible. Au surplus, je végète; je fais tous les jours 20 à 30 verstes, moitié à pied, moitié à cheval: enfin fatigué, je m'endors avec la perspective de recommencer à végéter le lendemain. J'ose vous réitérer mes supplications pour que vous ne cessiez point de m'écrire. Vous n'imaginez pas, матушка, le plaisir que j'ai de voir que vous ne m'oubliez pas.—Jusqu'à présent je n'ai à cet égard que des grâces à vous rendre: faites que je n'aie jamais de plaintes à vous porter.»

«Скажи матушка? Comment! tandis que nous courons les champs, des insulaires veulent nous enlever nos filles! N'allez pas vous faire enlever. Nous serions bien sots, князь Дмитрій et moi, de vous trouver Anglisée à notre retour. — Dites moi, est-ce une fureur générale ou particulière? Je vous prie, marquez moi les détails de cet événement. A propos de князь Дмитрій, je me réjouis jusqu'au fond de l'âme de sa promotion.—Я этого пострѣлёнка люблю, et c'est la meilleure pâte d'homme possible. Le coquin ne m'écrit pas; mais je le verrai bientôt.»

«Je suis fort content de vos éclaircissements concernant mon analyse *à la Dacier*. Je sais à quoi m'en tenir. Dans la tournée que j'ai faite, j'ai vu le Prince Basile Dolgorouky qui m'a dit que vous vous souveniez de moi et que vous l'avez chargé de me le témoigner. C'est encore un motif de reconnaissance dont j'ai enrichi les sentiments que je vous porte.—Не повѣрииь

матушка, какъ неловко торопиться писать à une personne avec qui l'on voudrait s'entretenir sans distractions. Au surplus, j'ai la consolante espérance de voir cette lettre perdue; car je ne suis pas fort sûr de la poste d'ici et alors je serai coupable devant vous sans l'avoir mérité, праздничные глазочки vous dira les mesures que j'ai prises et que je prendrai à l'avenir pour assurer notre correspondance.

«Передъ наступленіемъ осени 1783 г.» пишетъ Нелединскій въ своей краткой автобіографіи, «командированъ я былъ въ Петербургъ къ Генералъ Поручику Ржевскому, коему повелѣно было формировать баталіоны, взявъ по двѣ роты изъ полковъ С.-Петербургской и ближайшихъ дивизій.—Съ сими ротами, въ числѣ 22-хъ, посланъ я былъ въ Витебскъ, гдѣ, въ одномъ изъ трехъ сформированныхъ баталіоновъ оставшись командиромъ, слѣдовалъ съ нимъ въ окрестности Константинограда. Здѣсь, въ началѣ 1785 года, отставленъ по прошенію Полковникомъ».

Нелединскій не объясняетъ причины выхода своего въ отставку; но сохранившемуся же семейному преданію, просьба его объ отставкѣ вызвана была слѣдующимъ оскорбительнымъ поступкомъ Князя Потемкина въ Константиноградѣ. Князь Потемкинъ назначилъ смотръ баталіону, и такъ какъ день былъ очень жаркій, то Князь, не выходя изъ дому, приказалъ баталіону проходить церемоніальнымъ маршемъ мимо оконъ занимаемаго имъ дома, самъ же, сидя на окнѣ, въ одной рубашкѣ, безъ нижняго платья, принималъ всѣ почести и отдавалъ приказанія. Возмущенный такимъ поступкомъ, Нелединскій, немедленно по окончаніи смотра, подалъ просьбу объ увольненіи его отъ службы.

По выходѣ въ отставку, Юрій Александровичъ поселился въ Москвѣ.—Петербургъ, гдѣ жилъ отецъ его, незадолго предъ тѣмъ вступившій во второй, неравный по лѣтамъ бракъ съ Гр. Настасьею Николаевной Головиной—по многимъ причинамъ не привлекалъ его.

Выборомъ Москвы постояннымъ мѣстопребываніемъ, опредѣлилась дальнѣйшая судьба Нелединскаго и направленіе его какъ писателя и какъ человѣка.—Онъ остепенился, пріобрѣлъ осѣдлость, которая такъ долго не давалась ему на службѣ, серьезно отнесся къ литературнымъ упражненіямъ своимъ, сблизился съ Херасковымъ, Дмитріевымъ,

Карамзинымъ и другими современными писателями и наконецъ, въ Маѣ 1786 года, вступилъ въ бракъ съ Княжною Екатериною Николаевною Хованскою, только что выпущенною изъ Смольнаго монастыря.—Чрезъ этотъ бракъ, Ю. А. породнился съ многочисленною, въ то время коренною Московскою семьею Хованскихъ, прямыхъ потомковъ нѣкогда знаменитаго боярскаго рода.

Вскорѣ представился Нелединскому случай послужить дѣлу просвѣщенія въ Россіи. Въ Сентябрѣ 1786 года открыто было въ Москвѣ Главное народное училище и первымъ директоромъ этого училища назначенъ былъ «уволенный отъ службы Полковникъ Юрій Александровичъ Нелединскій-Мелецкій, *по извѣстной его къ сему способности*», какъ гласитъ напечатанное, въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 1786 года, Сентября 26 (№ 77) объявленіе (*).

(*) «Въ сей многоторжественный день Московскій Приказъ Общественнаго Призрѣнія, подъ руководствомъ Его Высокопревосходительства, господина Генералъ-Аншефа, Сенатора, Главнокомандующаго въ городѣ Москвѣ и во всей губерніи Московской и разныхъ орденовъ кавалера, Петра Дмитріевича Еропкина, имѣлъ счастіе исполнить Высочайшее Ея Императорскаго Величества соизволеніе открытіемъ въ здѣшней столицѣ Главнаго Училища и нѣсколькихъ на первый случай, какъ въ Москвѣ, такъ и въ окрестности оной въ знатнѣйшихъ городахъ, малыхъ Народныхъ Школъ.

Главное народное Училище въ Москвѣ открыто было слѣдующимъ образомъ: Приказъ Общественнаго Призрѣнія, бывъ предувѣдомленъ отъ господина Главнокомандующаго о полученіи имъ Высочайшаго Ея Императорскаго Величества благоволенія во всемилостивѣйшемъ повелѣніи учредить въ здѣшней столицѣ Главное Народное Училище, не оставилъ тогда же чрезъ Управу Благочинія сообщить почтеннѣйшей публикѣ о новомъ семъ опытѣ благотворительнаго и милосерднаго попеченія о своихъ вѣрноподданныхъ премудрыя нашея самодержцы и назнача открыть оное по положенію учрежденной для таковыхъ училищъ Коммиссіи, въ 22 день Сентября, въ соотвѣтствіе Высочайшей волѣ, удивляющей вселенную своими предпріятіями Великія Екатерины, предварительно приглашалъ всѣхъ находящихся здѣсь знаменитыхъ особъ и любителей учености къ открытію сего общеполезнаго учрежденія въ, нанятой для того домъ господина Генералъ-Поручика и Кавалера, Князя Григорья Семеновича Волконскаго, состоящій близъ Пречистенскихъ воротъ, между тѣмъ же Его Высокопревосходительствомъ, господиномъ Главнокомандующимъ, на осно-

Открытому, съ такимъ торжествомъ, главному народному училищу подчинены были всѣ низшія казенныя училища (числомъ 17) и частные пансіоны (числомъ 18), какъ въ Москвѣ, такъ и въ губерніи, а потому это училище имѣло полное и исключительное вліяніе на образованіе воспитанниковъ всего округа. Ю. А. Нелединскій оставался директоромъ главнаго училища (ежели не ошибаемся) до самаго переименованія сего Училища въ Московскую губернскую гимназію, въ началѣ 1804 года.

ваніи полученнаго изъ Коммисіи Высочайше конфирмованнаго Народныхъ Училищъ въ Россійской Имперіи Устава, избранъ для онаго Директоромъ уволенный отъ службы полковникъ, Юрій Александровичъ Нелединскій-Мелецкій, по извѣстной его къ сему способности; также присланы изъ Коммисіи Училищъ 4 учителя; истребованы отъ Его Высокопреосвященства, Московскаго и Калужскаго Архіепископа Платона, 20 человѣкъ учившихся Риторикѣ и Философіи семинаристовъ, которые приняты для пріуготовленія ихъ въ учителя малыхъ народныхъ училищъ; по обвѣщенію явились въ Приказъ, желающіе обучаться малолѣтные разнаго званія, обоего пола, 80 человѣкъ, и наконецъ, какимъ образомъ производить открытіе сего училища, данъ Приказъ, отъ Его же Высокопревосходительства, господина Главнокомандующаго, предписаніе, по поводу котораго учители и ученики, по выслушаніи въ сей день въ состоящей близъ упомянутаго нанятаго дома приходской церкви литургіи, введены были въ оный учрежденнымъ порядкомъ Его Превосходительствомъ, здѣшнимъ господиномъ Губернаторомъ генералъ-маіоромъ и кавалеромъ Петромъ Васильевичемъ Лапухинымъ, яко попечителемъ, сего училища, въ препровожденіи господина Директора и приказа общественнаго призрѣнія засѣдателей, также правящаго Оберъ-Полицеймейстерскую должность и нѣсколькихъ Управы Благочинія частныхъ приставовъ, гдѣ происходило водоосвященіе, благодарственное молебствіе и окропленіе святою водою назначенныхъ для классовъ покоевъ. По прибытіи же изъ Успенскаго собора господина Главнокомандующаго и съ нимъ довольнаго числа знатныхъ особъ, також и Преосвященнѣйшаго Московск. и Калужскаго Архіепископа Платона, объявленъ былъ отъ Его Высокопревосходительства Высочайшій Ея Императорскаго Величества именной указъ объ открытіи Главнаго и малыхъ народныхъ училищъ какъ въ здѣшней столицѣ, такъ и въ городахъ Московской губерніи, по выслушаніи котораго Высокопреосвященный Платонъ читалъ приличныя на сей случай молитвы и говорилъ соотвѣтствующее сему знаменитому учрежденію краткое, наполненное важностію, слово, въ которомъ, прославя всевышній о человѣческомъ родѣ Всемогущаго Творца промыслъ, изъяснилъ,

Литературное поприще свое въ Москвѣ Нелединскій началъ стихотвореніемъ, помѣченнымъ 1787 годомъ и озаглавленнымъ «Молитва» (*). Это стихотвореніе духовная цензура, подъ вліяніемъ строгостей преслѣдованія Новиковскаго направленія, затруднялась пропустить въ печать.

«Величіе Твое мой разумъ ужасаетъ,
Но сердцу нѣкій гласъ всечасно повторяетъ:
Не бойся, но люби—Твой Богъ тебѣ Отецъ!

Эта основная мысль всего стихотворенія, шедшаго въ разрѣзъ съ одами на эту тему,—показалась несогласною съ ученіемъ Церкви.

Ежели господствовавшее у насъ въ концѣ XVIII столѣтія, въ высшемъ обществѣ, французское легкомысліе въ вопросахъ вѣры коснулось также и Нелединскаго, то это было только въ первой его моло-

---

колико Россія обязана благодарностію премудрой и человѣколюбивой своей Монархинѣ, пекущейся неусыпно о благѣ своихъ подданныхъ и нынѣ открывающей имъ новый путь къ блаженству чрезъ просвѣщеніе; наконецъ, представя вкратцѣ учителямъ и ученикамъ ихъ должности, увѣщевалъ къ ревностному исполненію оныхъ и къ постановленію истиннаго просвѣщенія въ единой токмо добродѣтели. Потомъ Московской славяно-греко-латинской Академіи префектомъ, игуменомъ Моисеемъ произнесена была согласная же сему открытію проповѣдь, послѣ чего господинъ директоръ читалъ изъ помянутаго устава первую главу, касающуюся собственно до главныхъ народныхъ училищъ. Заключилъ же торжество одинъ изъ учителей сего училища, Петръ Дружининъ, пристойною таковому происшествію рѣчью; бывшія же всего сего зрителями особы чувствовали цѣну неисчетныхъ щедротъ чадолюбивѣйшей матери отечества, съ сердечнымъ желаніемъ продолженія до позднихъ временъ дражайшихъ лѣтъ Ея Императорскаго Величества и всей Императорской Фамиліи, и по обозрѣніи расположенныхъ классовъ знатнѣйшіе отправились по приглашенію къ Его Высокопревосходительству къ обѣденному столу.

Находившійся при открытіи главнаго народнаго училища господинъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Прокопій Акинфіевичъ Демидовъ въ пользу сего благоучрежденнаго заведенія внесъ въ приказъ общественнаго призрѣнія пять тысячъ рублей, за что и засвидѣтельствована ему какъ отъ господина главнокомандующаго, такъ и отъ приказа общественнаго призрѣнія соразмѣрная таковой благонамѣренности признательность.

(*) См. Сочиненія Нелединскаго.

лости и отразилось лишь внѣшнимъ образомъ въ тонѣ его рѣчей и писемъ, но не проникло ни въ его убѣжденія, ни въ его совѣсть. Религіозныя начала, усвоенныя имъ съ дѣтства, оставались во всю его жизнь неприкосновенными. Онъ даже никогда не былъ масономъ, не смотря на то, что большая часть родственниковъ его, князья Рѣпнины и Куракины, были членами ложъ. Его ясный, точный умъ чуждался всего туманнаго и мистическаго.

Выше было указано, что въ дѣтствѣ Нелединскій, имѣлъ случай бывать въ обществѣ Великаго Князя Павла Петровича у Его воспитателя, графа Никиты Ивановича Панина. Это дѣтское знакомство, повидимому, оставило въ обоихъ пріятныя воспоминанія, ибо немедленно по восшествіи на престолъ Императора Павла I, Нелединскій поступилъ на службу.

Вотъ что пишетъ Нелединскій, въ своей автобіографической отмѣткѣ, объ этомъ любопытномъ времени.

«Въ 1796 году, въ первые дни вступленія на престолъ Государя Императора Павла I, послалъ я всеподданнѣйшее прошеніе о принятіи меня въ службу. Сей Государь, коимъ я имѣлъ счастіе быть знаемъ почти отъ самаго младенчества, ознаменовалъ благоволеніе свое ко мнѣ, пожаловавъ меня въ чинъ статскаго совѣтника и повелѣвъ быть у принятія подаваемыхъ на Высочайшее имя прошеній. Спустя нѣсколько дней по вступленіи моемъ въ должность, посланъ былъ для предложенія о присягѣ и приведенія къ оной содержавшихся тогда подъ стражею извѣстныхъ поляковъ, Костюшки и графа Игнатія Потоцкаго; по исполненіи повелѣннаго, получилъ орденъ Св. Анны 2-й степени. Потомъ, въ Москвѣ, при коронаціи сей щедрый Государь наградилъ меня 800 душъ крестьянъ, и я вездѣ безотлучно при немъ слѣдовалъ изъ Москвы чрезъ Смоленскъ, Минскъ, Вильну, до Прусской границы; а оттоль черезъ Митаву, Ригу и Нарву обратно въ Петербургъ, отправляя возложенную на меня должность во все время путешествія; ибо дѣятельность Государя была столь велика, что дорогою онъ, безъ всякой отмѣны, такъ какъ бы на мѣстѣ, выслушивалъ по всѣмъ частямъ доклады и давалъ по онымъ резолюціи. Въ срединѣ лѣта, былъ я при Его Величествѣ 6 дней на фрегатѣ, въ намѣревас-

момъ; но не совершившемся, за противными вѣтрами, плаваніи до Ревеля.

«Въ нижеслѣдующемъ 1798 году, 8 Апрѣля, получилъ я первый степени орденъ Св. Анны, возложеніе коего Государь Императоръ соблаговолилъ меня удостоить при утреннемъ моемъ Ему докладѣ, пожаловавъ въ тотъ же день въ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Сего лѣта, по увольненіи отъ должности дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Трощинскаго, Высочайше повелѣно мнѣ было принять и его часть въ мое вѣдѣніе; почему я и былъ уже одинъ докладчикъ по всѣмъ внутреннимъ дѣламъ, кромѣ военныхъ и морскихъ, какъ во время Высочайшаго путешествія изъ Петербурга черезъ Москву, Владиміръ, Нижній-Новгородъ и Казань, такъ и по возвращеніи черезъ Нижній-Новгородъ, Ярославль, Тихвинъ, Новую Ладогу въ Петербургъ, равно и по переѣздѣ Двора въ Петергофъ до 22 Іюля. Въ сей несчастливый, для меня, день благоугодно было Его Величеству удалить меня отъ себя, повелѣвъ сдать бывшую часть г. Трощинскаго тайному совѣтнику Неплюеву; а ту, которая съ самаго начала поручена была мнѣ, отдать въ вѣдѣніе тогдашняго статскаго совѣтника, что нынѣ сенаторомъ, г. Брискорна, мнѣ же самому ѣхать въ Петербургъ и тамъ ожидать дальнѣйшаго повелѣнія.

«Въ непродолжительномъ времени, данъ былъ Сенату указъ о томъ, что я отъ службы отставляюсь, и я немедленно, однакожъ не бывъ высланъ, выѣхалъ въ Москву».

«Безъ малаго черезъ два года послѣ, когда всѣмъ выключеннымъ и безъ просьбы отставленнымъ дозволено было являться на службу, будучи изъ числа послѣднихъ и имѣя душу преисполненную благодарности къ Государю, излившему на меня, въ короткое время, столько милостей и даже при отлученіи отъ себя ничѣмъ инымъ гнѣва своего ко мнѣ не ознаменовавшаго, паче же того, чувствуя въ сердцѣ моемъ къ нему любовь, каковую и по смерть мою буду соблюдать къ его памяти, ни дня не мѣшкавъ, отправился я въ Петербургъ и, по пріѣздѣ на другой день пожалованъ тайнымъ совѣтникомъ и опредѣленъ сенаторомъ въ Москву. Это было въ послѣднихъ числахъ Ноября 1800 г.»

Этими, къ сожалѣнію, краткими словами ограничиваетъ Нелединскій

повѣствованіе о своей кратковременной службѣ при Особѣ Императора Павла, въ эпоху самую любопытную и еще весьма мало у насъ изслѣдованную. Изустные разсказы Нелединскаго объ этомъ времени сохранились въ семействѣ; по нимъ, равно какъ и по воспоминаніямъ современниковъ, можетъ быть нѣсколько пополненъ вышеприведеный автобіографическій очеркъ.

Назначеніе Нелединскаго статсъ-секретаремъ у принятія прошеній послѣдовало, какъ видно изъ собственной его замѣтки, «въ первые дни вступленія на престолъ Императора Павла». Эту должность желалъ получить графъ Растопчинъ. Въ запискахъ своихъ о первомъ днѣ царствованія Павла, графъ Растопчинъ весьма обстоятельно передаетъ всѣ подробности этого дня и, между прочимъ, говоритъ: «На разсвѣтѣ—24 часа спустя послѣ удара—вышелъ Великій Князь въ опочивальню, гдѣ лежало тѣло Императрицы; сдѣлалъ вопросъ докторамъ, имѣютъ ли они надежду? и получа въ отвѣтъ, что никакой, приказалъ позвать въ комнату преосвященнаго Гавріила съ духовенствомъ читать глухую исповѣдь и причастить Св. Таинъ, что и было исполнено. Потомъ, позвавъ меня въ кабинетъ, изволилъ сказать: «Я тебя совершенно знаю такимъ, какимъ ты есть, и спрашиваю, чтобы ты откровенно сказалъ, чѣмъ ты при мнѣ быть желаешь?»—Имѣя всегда въ виду истребленіе неправосудія, не останавливаясь ни мало, отвѣчалъ: «Секретаремъ для пріема просьбъ». Великій Князь, позадумавшись, сказалъ мнѣ: «*Тутъ я не найду своего счету; знай, что я назначаю тебя генералъ-адъютантомъ, но не такимъ, чтобы гулять по дворцу съ тростью, а для того, чтобы ты правилъ военною комисіею*». Молчаніе было моимъ отвѣтомъ, хотя мнѣ и не хотѣлось быть опять въ военной службѣ; но непристойно отказаться отъ первой милости, коей входящій на престолъ Государь собственнымъ уваженіемъ мнѣ оказывалъ. Потомъ, съ четверть часа, разговаривалъ онъ съ камеръ-пажемъ Нелидовымъ, вѣроятно о теткѣ его, Екатеринѣ Ивановнѣ, которая столь важную роль играла до восшествія и послѣ восшествія Императора Павла на престолъ; она уже 8 мѣсяцевъ жила въ Смольномъ монастырѣ, поссорясь съ Великимъ Княземъ въ Гатчинѣ».

Отказъ Растопчину въ просимомъ имъ мѣстѣ объясняется тѣмъ,

что Великій Князь уже тогда имѣлъ въ виду приблизить къ Особѣ Своей Нелединскаго, котораго зналъ съ дѣтства.

Нельзя утвердительно сказать, застала ли Нелединскаго кончина Екатерины въ Петербургѣ, или прибылъ онъ нарочно изъ Москвы для поступленія на службу, но первое вѣроятнѣе, потому что въ Августѣ 1796 года онъ былъ на праздникѣ, данномъ въ присутствіи короля Шведскаго графомъ Самойловымъ, на которомъ пропѣтъ былъ сочиненный имъ хоръ для польскаго (*).

Въ то время, стали со всѣхъ сторонъ, съѣзжаться ко Двору лица остававшіяся при послѣднемъ царствованіи не у дѣлъ и почему либо извѣстныя новому Императору. Такъ, прибыли въ Петербургъ оба брата князья Алексѣй и Борисъ Куракины, дядя ихъ князь Николай Васильевичь Рѣпнинъ и двоюродный братъ ихъ Юрій Александровичъ Нелединскій-Мелецкій, всѣ съ дѣтства приближенные Павлу по родству съ воспитателемъ его, графомъ Никитою Ивановичемъ Панинымъ. Въ первые же дни царствованія вызванъ былъ изъ Москвы, самимъ Государемъ, извѣстный по связямъ своимъ съ княземъ Рѣпнинымъ и статсъ-секретаремъ Плещеевымъ, Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ, вызванъ былъ также изъ Лифляндіи старикъ гр. Сиверсъ, и проч., и такимъ образомъ, въ непродолжительномъ времени, составъ Екатерининскаго Двора пополнился новыми лицами, приближенными Павла и гатчинскими любимцами. Отъ появленія сихъ послѣднихъ въ Зимнемъ Дворцѣ, по мѣткому замѣчанію Державина, «тотчасъ все пріяло иной видъ, зашумѣли шпоры, ботфорты, тесаки, и, будто по завоеваніи города, ворвались въ покои вездѣ военные люди съ великимъ шумомъ».

Между сими гатчинскими любимцами и приближенными первой молодости Государя мало было общаго. Вліяніе первыхъ продолжалось, къ сожалѣнію, не долго. О нихъ говоритъ Массонъ (**) въ своихъ, малоизвѣстныхъ, но правдивыхъ запискахъ, упоминая о братьяхъ Куракиныхъ, гр. Растопчинѣ, гр. Шуваловѣ, Плещеевѣ, Николаи,

(*) Соч. Нелединскаго.

(**) Въ Русской службѣ маіоръ, родомъ французъ· Mémoires secrets sur la Russie et particulièrement sur la fin du règne de Catherine II et sur celui de Paul, Tome I, page 309.

Донауровѣ, онъ пишетъ о Нелединскомъ слѣдующее: Mr. Neledinsky, qui a été compagnon d'études et menin de Paul, était connu dans Pétersbourg par beaucoup d'esprit et par des poësies érotiques, où l'on trouve de la grâce et du sentiment. L'Empereur l'a nommé son sécretaire particulier, mais sans doute à condition qu'il tordrait le cou à sa muse: elle l'a trop bien servi pour mériter une mort si dure. Il est au moins à souhaiter que Nélédinsky mette aujourd'hui en évidence et en pratique la sensibilité qu'il a montré dans ses vers. C'est lui qui doit rendre compte des lettres et des placets; le sort de plusieurs opprimés est dans ses mains. Il faut convenir que Paul est moralement mieux entouré que sa mère et qu'il sera plus coupable qu'Elle, s'il laisse régner les mêmes désordres».

По отзыву современниковъ, первыя распоряженія новаго Императора возбудили въ публикѣ неожиданныя, но, къ сожалѣнію, неоправдавшіяся впослѣдствіи надежды на справедливое и мирное царствованіе. Доступъ къ Государю съ прошеніями и жалобами открытъ былъ для всѣхъ.

Обязанности между статсъ-секретарями были раздѣлены слѣдующимъ образомъ: тайный совѣтникъ Трощинскій докладывалъ Государю прошенія, присылавшіяся по почтѣ; Нелединскій—прошенія, подававшіяся лично на Высочайшее имя; статскій совѣтникъ Брискорнъ какъ тѣ такъ и другія, писанныя на нѣмецкомъ языкѣ.

Такое раздѣленіе занятій явствуетъ изъ «объявленій по Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію», которыя отъ каждаго изъ Статсъ-Секретарей печатались въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ.

Объявленія эти за 1798 и 1800 года заключаютъ въ себѣ бо̀льшею частію одни только отказы на разныя прошенія. Просьбы, по которымъ опредѣлялись милостивыя или разрѣшительныя резолюціи, объявлялись, вѣроятно, особо и не доводились до всеобщаго свѣдѣнія. Самое содержаніе просьбъ, въ которыхъ отказывалось просителямъ, весьма замѣчательно и вполнѣ характеризуетъ то странное время, когда всякій могъ ожидать для себя какъ всего дурнаго, такъ и всего хорошаго.

Странное сочетаніе добра и зла, щедрости и гнѣва,—въ однихъ возбуждали страхъ, въ другихъ—смѣлость въ требованіяхъ (*).

По званію статсъ-секретаря у принятія прошеній, Юрій Александровичъ не могъ конечно проявить своихъ государственныхъ способностей, да едва ли этого рода способности могли вообще проявляться въ царствованіе Павла Петровича и вблизи его; но изъ всѣхъ приближенныхъ, пользовавшихся кратковременнымъ расположеніемъ Императора, Нелединскій былъ, конечно, самый мягкій по характеру, самый добрый и сострадательный человѣкъ.

Съ этими качествами Нелединскій, какъ докладчикъ подаваемыхъ на Высочайшее имя прошеній, а впослѣдствіи (по увольненіи отъ должности Трощинскаго) и по всѣмъ внутреннимъ дѣламъ, кромѣ военныхъ и морскихъ, могъ дѣлать много добра и дѣлалъ его. Склонять Монарха на милость, на всесильное заступничество угнетенныхъ

(*) Такъ, напримѣръ, въ № 18 С.-Петербургскихъ Вѣдомостей за 1798 годъ читаемъ: По Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, подавшимъ на Высочайшее имя прошеніе статскій совѣтникъ Нелединскій-Мелецкій объявляетъ московскому купцу Жарикову, просившему для поправленія состоянія его о пожалованіи 10.000 р., которые обязывается внесть въ казну по 1.000 р.—отказывается, потому что никакого права къ полученію отъ Государя таковой милости не имѣетъ. С.-Петербургскому купцу Лапшину, изъясняющему о понесенномъ имъ въ торгѣ сальными свѣчами убыткѣ и просившему состоящую на должникахъ его сумму вмѣнить въ милостыню для поминовенія покойныхъ Государей, а его оною наградить отъ казны—отказывается, яко ни малого права о семъ просить не имѣющему.

Въ каждомъ подобномъ объявленіи Трощинскаго и Нелединскаго или другаго, всегда помѣщался длинный списокъ лицъ, которымъ отказывалось въ испрашиваемомъ награжденіи «по неимѣнію ими права на то».

Изъ вѣдомости о дѣлахъ производившихся у тайнаго совѣтника Трощинскаго въ 1792 году, напечатанной въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ, видно, что въ продолженіи года получено прошеній по почтѣ 6,049; изъ числа оныхъ дѣйствительно рѣшено 2,956, осталось такихъ, по которымъ отказано—2,840. Прочія же, яко недѣльныя, возвращены просителямъ, съ надраніемъ. По всѣмъ рѣшеннымъ дѣламъ вышло указовъ за собственноручнымъ Его Императорскаго Величества подписаніемъ 1,625, словесныхъ Высочайшихъ повелѣній объявленныхъ въ письмахъ—1,927.

и обиженныхъ—было постоянно его заботою, нерѣдко находившею свою награду въ успѣхѣ.

Изъ многочисленныхъ разсказовъ и анекдотовъ о томъ времени приведемъ одинъ случай, который самъ Ю. А. Нелединскій любилъ приводить въ доказательство нравственнаго чувства и необыкновенной памяти Императора Павла:

Однажды назначенъ былъ разводъ на плацу противъ дворца, къ концу доклада Нелединскаго.—Часъ подходилъ, а площадь была пуста. Императоръ Павелъ безпрестанно вскакивалъ, подбѣгалъ къ окну и обнаруживалъ замѣтные признаки крайняго раздраженія. Оно сказывалось и въ тѣхъ отрывочныхъ резолюціяхъ, которыя онъ давалъ своему Статсъ-Секретарю—всѣ они были не вмѣру строгаго содержанія. Видя, что дѣло плохо,—Юрій Александровичъ, незамѣтно собралъ всѣ дѣла и бумаги еще недоложенныя, раскланялся и вышелъ.— По доложеннымъ и рѣшеннымъ явно несправедливо, онъ не дѣлалъ никакого исполненія, а отложилъ ихъ въ сторону, и, пропустивъ мѣсяцъ или болѣе, сталъ докладывать ихъ вторично какъ бы вновь поступившія, пропуская по одному или по два въ массу другихъ дѣлъ. Такимъ образомъ, благополучно сошло три или четыре дѣла; но на четвертомъ или пятомъ Императоръ прервалъ своего докладчика и уставивъ въ него глаза, сказалъ ему: «Это дѣло вы, сударь, мнѣ уже докладывали»—Нелединскій обомлѣлъ.—Императоръ нѣсколько секундъ смотрѣлъ на него въ упоръ, пока въ немъ, какъ видно, боролись противуположныя побужденія; наконецъ онъ проговорилъ: Я васъ, сударь, понялъ и не осуждаю, продолжайте».

Такимъ образомъ, спасено было нѣсколько несчастныхъ (*).

(*) У служивыхъ людей стараго времени, у тѣхъ, которымъ и въ голову не приходила мысль о возможности иной формы власти кромѣ той, которой служили, и въ этомъ смыслѣ, просто вѣрили въ нее, существовало, рядомъ съ неограниченною прирожденною преданностію, почти безсознательное или полусознательное убѣжденіе въ томъ, что служилый человѣкъ не можетъ и не долженъ обезличиваться. Очень удобное и во многихъ отношеніяхъ выгодное раздвоеніе самого себя на человѣка одареннаго, для частнаго обихода, разумомъ и

Врожденныя свойства Нелединскаго и служебная дѣятельность его весьма естественно сблизили его съ Императрицею Маріею Ѳедоровною. Отъ этого времени сохранилось нѣсколько записочекъ Ея къ Юрію Александровичу, какъ бы на память, при утреннихъ докладахъ его Государю. Всѣ онѣ, если можно такъ выразиться, благотворительнаго содержанія:

«Les gages à Mr. Bogerstun de même qu'à Freigang et Kelchen. Je dois rappeler à l'Empereur que Mr. de Capellis capitaine de vaisseau est dans une grande misère. Или такого рода: «Mr. de Gravenitz rang de brigadier.—Une grâce au vieux Mellin.—Une grâce au professeur Hackmann qui a été instituteur des 2 fils, de 3 filles et qui a formé tant de maîtres d'histoire et de géographie pour les écoles publiques; au lieu de le récompenser on l'a privé des appointements de cette place et il ne vit plus que des gages que les enfants lui donnent», и т. п.

Состоя въ тѣсной дружбѣ съ Е. И. Нелидовой, Нелединскій пользовался также и ея, одно время, всесильнымъ посредничествомъ, для того, чтобы по возможности располагать Императора къ милосердію и умѣрять нерѣдко внезапный его гнѣвъ (*).

совѣстью, и на человѣка обязаннаго выработать изъ себя бездушное и безотвѣтственное орудіе власти прослыло существеннымъ и необходимымъ, только въ позднѣйшее время. Политическая совѣсть людей стараго времени не воспрещала имъ ни фамильярности, ни своего рода дерзости, и даже нѣкоторыхъ беззаконій въ сношеніяхъ съ властію. Они очень хорошо знали, что при этомъ они часто рисковали своею жизнію; опасности было ни въ примѣръ болѣе тогда, чѣмъ теперь—однако рисковали и дѣлали это, исполняя долгъ свой, также естественно и просто въ кабинетѣ Государя какъ идя на приступъ крѣпости или ведя кавалерійскую атаку. За то въ частныхъ разговорахъ были вообще гораздо воздержнѣе на слово чѣмъ теперь.—Типъ людей стараго времени постепенно мельчалъ, терялся и сглаживался. . . .

(*) Для образца приведемъ одно письмо Нелединскаго къ Е. И. Нелидовой изъ Гатчины отъ 21 Августа 1797 года: «J'ai remis sur le tapis la requête de Mr. Z.., J'ai parlé de sa pauvreté et de vos intentions bienfaisantes à son sujet. Ce trait de Votre part nous a mis du baume dans le sang., C'est qu'à l'idée de désintéressement et de générosité l'on Vous a sans doute cru présente. «Mais il

Можно сказать, что сіи три лица: Императрица, Нелидова и Нелединскій, въ началѣ царствованія, стояли какъ бы на стражѣ у Престола, дѣйствуя за одно въ духѣ любви и примиренія.

Къ сожалѣнію, этотъ союзъ трехъ близкихъ Государю лицъ продолжался недолго: вскорѣ Екатерина Ивановна Нелидова была удалена отъ Двора и переѣхала опять въ Смольный монастырь, а потомъ въ замокъ Лоде близъ Ревеля, а затѣмъ и Нелединскій, какъ мы видѣли, былъ внезапно уволенъ въ отставку. Гнѣвъ Государя на Нелединскаго навлекъ недругъ его, графъ Кутайсовъ, воспользовавшись слѣдующимъ случаемъ, чтобъ возбудить страшно развитую подозрительность Павла Петровича: наканунѣ 22 Іюля 1798 года, Нелединскій, проходя довольно поздно внутреннимъ корридоромъ Петергофскаго дворца изъ комнатъ Императрицы Маріи Өедоровны, встрѣтился съ Павломъ Петровичемъ, шедшимъ въ сопровожденіи Кутайсова. Увидавъ Нелединскаго, Кутайсовъ сказалъ Государю: «вотъ кто слѣдитъ за вами днемъ и ночью и все передаетъ Императрицѣ». Легко себѣ представить

---

avait du bien et il l'a dissipé! D'ailleurs, on ne peut pas lui donner à perpétuité une appartenance de l'ordre». Tous cela s'est dit avec tant de douceur et de bonté que je me suis hasardé à avancer que le procureur général trouverait peut-être quelque part une autre petite terre à lui donner. «Vous savez» m'a t'on dit «qu'il ne s'en donne plus». Tel a été le dernier mot; mais je suis intimement persuadé qu'à la première apparition de M-lle Nelidoff à Gatchino Mr. Z..., si elle en parle, verra son sort amélioré. Je compte si fort sur le plaisir que fera votre arrivée, que je suis fâché de n'avoir rien à demander pour moi . . . .

Въ 11 № Русскаго Архива за 1873 годъ помѣщенъ весьма любопытный біографическій очеркъ Е. И. Нелидовой, въ заключеніи котораго сказано «Екатерина Ивановна скончалась 2 Января 1839 года, 82 лѣтъ отъ роду. Втеченіи всей своей жизни она была такъ воздержна и благоразумна въ отзывахъ о своемъ положеніи при Дворѣ Императора Павла, что для многихъ роль ея и доселѣ остается неразрѣшимою загадкою. Оставимъ ей эту таинственность, которая, можетъ быть, даетъ нѣкотораго рода прелесть ея памяти. Скажемъ только, что какъ бы ни было, но нельзя указать на другое лицо въ придворной жизни, вліяніе котораго было бы такъ благотворно и въ особенности такъ безкорыстно, какъ то вліяніе, которое имѣла Нелидова во всю первую половину царствованія Императора Павла».

какое дѣйствіе произвели эти слова на вспыльчиваго и подозрительнаго Павла. Немедленно было приказано Нелединскому удалиться отъ Двора. И такъ какъ слѣдующій день, т. е. 22 Іюля, былъ высокоторжественный, то исполнить это было невозможно безъ огласки, а потому Юрій Александровичъ съ женою и дѣтьми долженъ былъ провести весь этотъ день въ своей квартирѣ, выходившей окнами на гулянье, съ опущенными шторами, въ заперти, не смѣя ни самъ выходить, ни выпускать дѣтей изъ комнаты.

Неожиданное удаленіе Нелединскаго никого не удивило. Къ подобнымъ неожиданностямъ было уже пріучено запуганное общество того времени. Оно только усилило робость и сознаніе шаткости положенія въ другихъ приближенныхъ.

Въ Москвѣ, куда немедленно по полученіи указа Сената объ увольненіи отъ службы переѣхалъ Юрій Александровичъ съ семействомъ, нашелъ онъ прежній кружокъ друзей и литераторовъ. Свободный отъ всякаго злобнаго чувства, онъ, безъ ропота, переносилъ свою опалу. Въ переепискѣ его того времени съ Нелидовою и другими лицами, не слышится ни одного звука раздраженія или жалобы на судьбу свою. Самая переписка эта была стѣснена, какъ это можно видѣть изъ слѣдующихъ писемъ Нелединскаго къ Е. И. Нелидовой.

Moscou, ce 3 Mars 1800.

«Vous attendiez cette lettre, матушка Екатерина Ивановна. Oui, j'en suis sûr; vous me connaissez trop pour ne pas savoir de quel prix est pour moi votre souvenir et pour penser que je puisse résister au désir de m'y rappeler toutes les fois que je le pourrai. L'occasion, dont je profite actuellement, est pour moi aussi sûre, que si je voyais moi-même ma lettre rendue entre vos mains. Ce n'est pas que ce que j'ai à vous dire ne puisse être confié à la poste, même sous un cachet volant. On n'y verrait que mon admiration pour vous, mon attachement et ma reconnaissance: tous sentiments que je me ferai toujours gloire d'avouer, dont tout ce qui vous viendra de ma part portera toujours l'empreinte et auxquels j'ai l'orgueil de penser que vous croyez et croirez toujours.»

«Avant votre retour à Pétersbourg je ne pouvais faire fond sur rien de ce que j'apprenais de vous; depuis j'ai eu des nouvelles plus certaines et enfin aujourd'hui j'ai été voir mademoiselle Raslovlew, qui m'a dit que vous daignez vous souvenir de moi et que vous l'aviez même chargée de me le témoigner. J'aurais été au comble de mes voeux, si elle ne m'eût parlé en même temps de vos cruels maux de tête, dont elle m'a fait une description effrayante. Je voudrais pouvoir me persuader que son récit était au moins outré et je lui veux du mal d'avoir détruit en partie le contentement que j'éprouvais à l'entendre parler de vous.—Notre entrevue a duré une heure et demie, et je crois savoir à peu près tout ce dont je pouvais être instruit par elle.—Rien de ce qui est à vous n'a été oublié? Jugez-en. Мареа ни Алексаша ne sont plus auprès de vous; la dernière est mariée, et au lieu d'elle c'est une femme de chambre de mademoiselle Lwow, qui est votre coiffeur.—En homme vous avez toujours Васплій. Jacot se porte bien, il continue à venir manger de la poudre quand vous êtes à votre toilette. Vous n'avez plus le petit rouge-gorge, surnommé Юрка en mon honneur. Raton prospère; mais on ne m'a rien pu dire de Rosette.—Vos appartements et vos meubles sont encore les mêmes: vous vous plaisez comme autrefois à rester dans vos entresols; la volière, le bosquet existent.

«Vous voyez que je suis au fait de tout. Je me plais à m'entourer en idée de tout ce qui vous appartient: ce sont autant de points de repos pour mon imagination, autant de moyens de me rapprocher de vous, de me persuader en quelque sorte de la possibilité de votre présence. Hélas! Dieu seul sait quand et même si jamais j'aurai le bonheur de vous revoir; Dieu sait même quand je pourrai encore vous écrire; ce que je sais, c'est que je n'en laisserai pas échapper les occasions toutes les fois qu'elles se présenteront aussi sûres qu'à présent. Quelques ligne de vous. Oh! comme je serais heureux!

«Mademoiselle Raslovlew m'a dit que vous ne sortiez point: mais je le savais avant que personne me l'eût appris. Vous, à qui, *pour être bien, il suffit de n'être pas mal*, vous n'irez pas chercher le contentement loin de vous. Vous voilà heureuse de vous retrouver dans un lieu où vous êtes connue et chérie depuis votre enfance, et où tous ceux qui vous

entourent ne vous donneront pas, comme ailleurs (dit-on) lieu de douter qu'il y ait de la reconnaissance et de l'amitié sur cette terre. Cette dernière réflexion n'est point une suite de ma conversation avec mademoiselle Raslovlew; je l'avais faite bien avant sur différents bruits qui ont couru ici.

«J'aime à penser, матушка, que vous ne seriez pas tout à fait contente de moi, si je ne vous disais pas un mot de ce qui me regarde.»

Moscou, en Avril 1800.

«Конечно виновата! Я очень виновата, матушка, d'avoir pu penser que j'aie volontairement renoncé au plaisir de vous écrire. Au nom de Dieu! Comment aurais-je donc fait pour vous faire parvenir mes lettres? Devais-je les confier à la. . . . . messagère ordinaire?—Mais, je la tiens pour une si fieffée coquine de son naturel, que même la probité généralement reconnue de ses nouveaux directeurs . . . . (de conscience) ne suffit pas pour me rassurer sur ses infidélités. Voyant ainsi les choses, j'ai supporté avec moins d'impatience le chagrin d'être privé de vos nouvelles; mais jamais il ne m'est venu dans l'esprit que le scrupule *d'avoir à vous rappeler* à mon souvenir y entrât pour quelque chose. Non, madame, depuis que je vous ai quitté, tous les jours vous m'étiez présente. Me croyez-vous donc capable d'oublier et vos bienfaits et le bonheur que j'ai eu, au milieu de la mascarade générale, de trouver en vous l'être favorable, devant qui je pouvais sans crainte paraître tel que je suis, me montrer avec ma propre physionomie et oser ne point borner ma conversation aux конечно, aux такъ, aux sourires, aux équivoques, aux nécessités d'approbation . . . . et enfin aux éternels—слышу et вижу, pour lesquels il ne faut ni yeux, ni oreilles et qui sont pour la foule dont je faisais partie la seule monnaie courante du pays où je vivais alors.—Perdu dans ce pays, pour lequel je me sentais si peu né, je n'ai j'amais eu recours qu'à vous: vous étiez mon refuge, ma seule protection.»

«Vous le savez, et néanmoins, c'est vous, qui croyez *avoir à vous rappeler à mon souvenir*. Vous!!!—Vite, que je vous le pardonne et que je l'oublie.»

«Je ne sais plus que penser de vos maux de tête; vous en parlez si lestement! Vous avez l'air de me persiffler sur l'épithète d'effrayante, dont j'ai qualifié la description que Марья Николаевна m'en a faite. Mais pouvais je sentir et dire autrement, en apprenant que les douleurs étaient fortes au point que, pendant l'accès, vous perdiez la vue? L'hyperbole est peut-être du côté de Марья Николаевна et Dieu le veuille! Mais si son récit est juste, vous conviendrez que l'expression dont je me suis servi n'est pas exagérée. Au reste je vous supplie de me dire au vrai ce qui en est. Vos maux de tête sont à vous, vous êtes la maîtresse de vous en moquer, et si vous le pouvez, vous faites bien; mais ne foulez pas aux pieds l'intérêt que je prends à votre santé; de grâce, parlez m'en sans plaisanterie, et cela la première fois que vous m'honorerez d'un mot de votre part.»

«Je ne puis, hélas! d'aucune manière me faire illusion jusqu'à me flatter que je puisse avant de mourir vous voir dans votre gloire. Je ne parle point de celle dont j'ai été témoin: elle n'était point avouée de votre cœur pour telle; mais c'est ainsi que je nomme votre position présente. Je sens, матушка, combien vous êtes faite pour apprécier le bonheur de vivre tranquille et libre dans une retraite qui vous est chère à tant de titres et où vous êtes entourée, comme vous le dites, d'amies sûres et bien éprouvées. Quelle intimité en effet, quelle confiance ne doit pas régner entre vous et ces amies, ces compagnes de votre enfance, qui dans tous les temps vous ont toujours trouvée la même à leur égard, vous ont vu conserver constamment pour elles les mêmes sentiments, le même ton. . . . . . Mais cela n'est-il pas tout simple, me direz-vous? Oh! sans doute, rien n'est plus simple, répéteront les échos, non des bois, mais de la cour. Oui, messieurs, j'en conviens; mais accordez moi aussi que *simple* n'est pas synonyme *de commun* et que les choses qui sont toutes simples dans ce genre-là ne se voient pourtant pas tous les jours.»

«Vous croyez donc que je ne connais pas votre grenier?—Demandez à mademoiselle Tchelistchew! Grâce à la reconnaissance de sa passion pour moi, elle se rappelera sans doute qu'elle m'y a conduit un jour, parceque je ne sais pourquoi, on ne pouvait pas monter à vos entresols par

l'escalier ordinaire. J'y ai été, j'en suis certain: car je me rappelle très bien que, pour me trouver aux entresols, il m'a fallu descendre. Or, d'où peut on descendre à des entresols, si ce n'est d'un grenier? — Ah! comme je voudrais y être! Dussiez-vous encore une fois former le complot de m'emmailloter, dussai-je l'être en effet! Je sens que ma verve poétique s'y réveillerait par la seule vertu du local, les greniers étant assez communément le séjour des poëtes; mais soit en vers ou en prose, il me semble que je *n'aurai* de l'esprit qu'en vous revoyant, — tandis qu'ici, depuis quelque temps, on ne cesse de me reprocher ma maussaderie.»

«Que mademoiselle de Tchelistchew se tranquillise sur mon entrevue avec Марья Николаевна. Les rayons assassins de ses beaux yeux n'ont point fait d'impression sur mon cœur, parceque je savais que ces beaux yeux ne devaient pas rester ici. Il n'y a que ma passion pour ceux de mademoiselle Tchelistchew qui soit à l'épreuve du temps et, ce qui est encore plus méritoire, de l'éloignement même. Je lui demande bien instamment une petite place dans son souvenir, ainsi qu'à mesdemoiselles Lwow, Rostock et Zilbereisen.»

«Mille et mille remerciments, матушка, pour les détails que vous me faites sur tous les êtres humains qui composent votre domestique. De tout ce monde-là, le nouveau venu Mourza est le seul qui ne me serve de rien auprès de vous. Tout le reste vous parlera de moi à sa manière: le rouge-gorge en portant mon nom; le cher Jacot, en venant becqueter votre poudrier, vous fera souvenir qu'il le quittait quelquefois pour une station sur le sommet de ma tête . . . . Il n'y a pas jusqu'aux magnifiques boucles de Tululu qui ne vous invitent, pour vous délasser de l'admiration qu'elles vous causent, à songer à la modeste simplicité des miennes. — Le seul Mourza! J'entrevois pourtant quelque possibilité d'établir un rapport d'analogie entre lui et moi. Eh bien, oui! Qu'il soit mon substitut à la portion des biscuits et surtout du gros craquelin qui figure par dessus à votre déjeuner et des restes duquel je faisais si fidèlement ma besogne, malgré mon tendre pour Алексаша qui en était privée par ma gourmandise. — A propos d'Alexascha, je crois connaître le laquais de la cour qu'elle a épousé. J'en ai remarqué un en présence

duquel la perfide me rendait mon salut toujours moins gracieusement qu'à l'ordinaire. C'était là sûrement l'heureux coquin!»

Des bords de la Worona, ce 30 Juillet 1809.

«On a bien raison de dire que la vie est un voyage! Cette réflexion, qui semble tomber des nues, vous paraîtra de ma part toute naturelle, quand vous saurez, матушка Катерина Ивановна, que depuis plus de deux semaines j'ai abandonné mes Pénates, pour aller à 700 verstes de chez moi, courir par monts et par vaux. Mais voyez un peu comme on ment quelquefois sans le vouloir, grâce à ces tournures banales de phrases,— qui viennent à tort et à travers se fourrer au bout de votre plume! Je dis par *monts* et par vaux, tandis que sur toute l'étendue du pays que je parcours, il n'y a, non seulement pas une seule montagne, mais pas une colline même, pas un pauvre petit tertre: en un mot, pas plus de haut et de bas que sur mon front. (Comparaison familière à ma femme. Au lieu de dire uni comme le marbre, comme une glace,—elle dit, cela est uni comme le front de mon mari. Et la friponne, en employant cette expression se rengorge encore, comme si elle était de son crû, tandis que moi et tous les doctes conviennent unanimement, que mère Eve s'en servait dans le paradis, quand il n'y avait encore qu'Adam et elle sur toute la terre).—Basta!»

«Je cours donc, матушка, depuis quinze jours, très ennuyé de ne voir que des visages inconnus et très humilié de ma crasse ignorance en fait d'économie, qui est pourtant l'unique motif de mon voyage.—En passant par Tambov, j'ai eu le plaisir d'y rencontrer monsieur Баратынскій. Nous avons parlé de vous un peu. Le résultat de notre entretien a été de convenir que vous étiez pour le moment plus heureuse que vous ne l'avez jamais été et là-dessus je me suis félicité, *in petto, de ce que nel giorni tuoi felici* vous vous souveniez encore de moi.»

31 Juillet.

«Avant de quitter Moscou, c'était vers la fin de Mai, je m'empressai d'aller voir la toute bonne Анна Степановна (*) qui venait d'arriver

(*) Протасова.

avec sa nièce, récemment veuve. Il y vint devant moi du monde rendre visite à la dame à portrait, nouvellement arrivée de la Cour et devant y retourner incessamment. Quant à moi, j'y allai voir la personne qui m'a toujours fait bon accueil, qui m'a toujours témoigné de la bienveillance: choses, dont j'aime à me rappeler, parceque la reconnaissance est pour moi un plaisir. Je ne dis pas cela pour me vanter; mais c'est qu'il m'importe que vous le sachiez plus que personne, матушка. Assis vis-à-vis d'elle, ma mémoire m'a retracé bien des moments où je vous ai vues ensemble et surtout une matinée à Gatchino, où je faisais le tiers et où vous m'avez lutinées toutes les deux de la bonne manière. N'étant pas accoutumé à voir Анна Степановна là où la Cour ne se trouve pas, je me faisais illusion au point que je croyais à tout moment vous voir paraître. *Illusion! Reine de l'univers! Qui sur un char traîné par des chimères* etc. Le mal est, que ce char vole trop rapidement; mais je cherche à m'en dédommager, en me plaçant autant qu'il m'est possible sur sa route.»

«Les occupations rurales ne m'attachent guères, vu que, grâce à mon guignon, ce pays-ci, l'un des plus fertiles de l'Empire, ne produit presque rien, depuis deux ans que j'ai commencé à me mêler d'agriculture. Juste depuis ce temps il ne pleut plus dans ces contrées. Ceci me fâche un peu, sans m'affliger pourtant. Mais la vue de cette campagne-ci m'affecte péniblement par une toute autre cause. Quand on me la donna, à peine y avait-il cinq mois que je servais. Il était clair que ce bienfait n'était dû ni à mes services, ni à ceux qu'on pouvait attendre de moi à l'avenir; encore moins à mes beaux yeux. Je savais bien que je le devais à la circonstance du moment, à la place que j'occupais et parceque, y étant, il n'y avait pas de raison de ne pas me traiter comme un autre; cependant, j'en éprouvais pour moi et les miens, qui devaient en profiter, un sentiment de gratitude particulière, indépendante des rapports de devoir et de droits, établis entre le maître et le serviteur. Armé de mon *Crédo*, que je vous avais déjà fait connaître, j'espérais pouvoir par ma persévérance à ne jamais rechercher ma liberté, me distinguer de la foule avide et intéressée qui peuple le pays où je vivais alors. Les choses depuis ont changé de face et cependant je jouis du bienfait, sans que rien empêche qu'on ne

puisse me compter parmi les ingrats. — Ces réflexions m'attristent, матушка. N'en inférez pourtant pas que j'aie la moindre envie de rentrer dans la carrière: non, je vous jure! Et même si j'y étais ramené malgré moi, tous mes instants seraient consacrés à chercher les moyens d'en sortir sans désagrément.—Ces idées ne me sont venues que pendant mon séjour ici, et je vous les écris comme elles me viennent.»

De ma Campagne de Wolodimir. Le 16 Août.

« Me voir enfin au bout d'une course fatigante, et désagréable autant par son objet, que par le peu d'utilité que j'en ai retiré — me retrouver au milieu de ma famille — auprès de ma femme échappée au danger d'une maladie grave qui me fait accourir auprès d'elle — jouir du plaisir que cause mon retour — de celui que j'éprouve à la vue de tous les miens, rassemblés autour de moi: au milieu d'émotions aussi douces, apprendre encore qu'une lettre de votre part m'attend...... C'est trop de bonheur à la fois; et c'est pourtant celui que j'ai goûté avant-hier en arrivant ici.—Ma femme, depuis trois semaines, souffrait du besoin de me donner le plaisir de recevoir cette lettre, et tout de suite la voilà qui se met à la lire par dessus mon épaule. *Tu vois, mon bon ami, comme tout se sait! Ce sont ces deux dîners, à la suite de cette . . . —Mais, ma chère amie, il aurait mieux valu sans doute, que cela ne fut pas arrivé.— Au reste, je ne veux point que ceux que j'aime, me croyent meilleur que je ne suis.—Je n'aurais peut être pas été me vanter moi-même de cette belle équipée à Катерина Ивановна; mais puisqu'elle m'en parle, je dois, et je veux la lui avouer sans détour.—D'ailleurs, je lui dirai tant de bonnes choses pour m'excuser! Je lui demanderai par exemple: s'il ne faut pas hurler avec les loups?—Je lui ferai observer qu'on n'a pas tous les jours des cousins à marier, et surtout des cousins déjà mariés et qui se marient encore.—Cela la touchera, j'en suis sûr, et elle me pardonnera; à la charge surtout de ne pas récidiver, à moins d'une occasion tout aussi pressante.* Vous qui venez d'entendre, d'un bout à l'autre, ma conversation avec ma femme, vous voilà au fait, матушка Катерина Ивановна: mais il me reste toujours à vous dire combien je suis sensible à la justice que vous m' avez rendue, en vous

adressant directement à moi, pour être instruite de mes torts.—Oui, soyez en sûre! Jamais je n'userai de subterfuges envers vous. A défaut de tout autre mérite pour justifier vos bontés, vous trouverez toujours en moi une sincérité sans bornes, égale à mon dévouement et ce dernier vous est acquis à tant de titres, que vous ne pouvez en douter.—Je sais priser comme je le dois, et l'interêt que vous prenez à ce qui me regarde, et la marque d'estime que vous venez de me donner, en me demandant un aveu, que vous n'auriez sans doute point exigé de quelqu'un que vous n'honoreriez point de votre bienveillance—oserai-je dire de votre amitié? — Eh bien, mon attachement pour vous, tout stérile qu'il est, et qu'il le sera probablement toujours, m'en rend digne; et vous êtes faite pour apprécier un sentiment qu'il ne serait plus en votre pouvoir de détruire, même en le dédaignant.

En relisant la question que vous me faites, je m'aperçois que je n'y ai pas répondu directement, la voici: *buvez-vous toujours de l'eau pure, ou bien y mêlez vous du vin, et combien?*—Apprenez, Madame, que si l'on vous a dit que je mêlais du vin avec mon eau, on m'a calomnié. Hélas! c'est en tout tems le sort de l'innocence!—Je la bois pure, Madame, oui, l'eau toujours pure.—J'ai en cela une règle de conduite que je ne changerai jamais.—Quand je bois de l'eau je la bois sans vin........ et........ et quand je bois du vin, je n'y mets pas d'... mais entendons-nous au reste; je ne fais usage de la dernière règle que dans les grandes occasions; une fois ou deux par an.—Maintenant je n'ai plus rien sur la conscience: vous savez tout, et je vous quitte pour aujourd'hui sauf à recommencer demain, et tout le tems que je resterai ici.

Enfin me voilà tranquillisé sur vos maux de tête.—Si j'avais eu plus de pénétration, comme vous le dites, je me serais épargné bien des inquiétudes à votre sujet; mais c'est qu'ordinairement, on croit assez volontiers ce qu'on redoute матушка. Et puis cette chère Марья Николаевна, à quoi songeait-elle donc en me mystifiant avec son air de vérité?—Oubliait-elle donc où elle était et à qui elle parlait? Ou, se plaisait-elle à me faire de la peine? Ou bien...... allons, j'étais une bête de ne pas vous comprendre.—A propos de bêtise; vous dites, матушка, qu'auprès de vous j'*aurais* de l'esprit puisque j'ai du coeur.—Oui certes,

j'ai un cœur: mais du cœur, pas toujours; car il me faillit souvent comme à bien d'autres! Et en vérité dans beaucoup de cas, il est comme impossible de ne pas se mettre au courant.

Votre distinction des trois espèces d'hommes m'a frappée. Elle est pleine de vérité, et il est constant, que la classe séparée des deux autres, et qui n'entre dans la catégorie d'aucune, est pour la plupart du tems très malheureuse, étant condamnée à n'avoir aucune faculté en propre, mais toutes à la disposition d'autrui, et Dieu sait l'usage, ou plutôt l'abus qu'on en fait.—Voilà un sujet qui prêterait à bien des commentaires; qui amènerait quantité de citations de faits anciens et modernes, si nous étions ensemble. Vous me débrouilleriez mes idées; vous m'expliqueriez, comment et pourquoi je mets souvent ma raison à la torture, pour lui faire trouver un bon côté à ce qu'elle désapprouve? Quel est en moi cet autre moi, qui soutient des thèses contre ma raison? qui, à toute force voudrait justifier ce qu'elle condamne? et pourquoi, n'étant pas plus payé qu'un autre pour désirer cette justification, pourquoi, dis-je, l'ai je si fort à cœur?—Vous me déchiffreriez tout cela, матушка: vous me mettriez au fait de moi-même.—Mais non, je ne puis me flatter de vous revoir jamais! Cela me paraît écrit là-haut; et ce qui est écrit là haut sur le grand rouleau, est irrévocable. Jacques le fataliste l'a dit, et Jacques savait bien ce qu'il disait.—La ressource de l'autre monde ne me paraît pas fort assurée; car si je vous y vois, ce sera de bien loin! Il serait en effet bien étrange que les sages et les fous y fussent pêle-mêle.—Mais je n'y pense pas. Puisque les voyages que nous faisons sur cette pauvre pelotte de sable, servent à nous former, celui, à travers l'immensité, est bien capable d'opérer en moi une régénération complète.—Complète, non; car au bout du compte, il y a du bon en moi: ne fut-ce que mon cœur, ce cœur qui sait vous apprécier, et nourrir des sentimens que vous ne condamnez pas.—Ceux-ci ne sont susceptibles, ni de régénération ni d'augmentation.

C'est une espérance bien flatteuse que vous me donnez là, que celle de voir Аркадій Ивановичъ à Moscou.—Oh! pour le coup! Je sens qu'en dépit de Mademoiselle de Tchélischtchev, je serai très aimable quand je le verrai.—C'est avec lui que nous parlerons de vous! Toutes vos occu-

coquine soit une coquine, car je commence à craindre, que vu leur énorme volume, personne ne voudra se charger de ces mélanges physiolo-historico-tragi-comiques.

Tout, Dieu merci, va bien maintenant chez moi, excepté que je n'ai pas le sou, et que j'ai la conviction intime de ne jamais l'avoir, tant que je ne vendrai pas cette terre de Tambow, qui ne se vend pas quoique je fasse.—Je dois m'en défaire 1° pour payer mes dettes, 2° parce qu'on ne doit pas garder ce dont on ne sait pas tirer parti, et 3° pour n'avoir plus sur les bras un maudit procès avec des paysans de la couronne, mes chers voisins.—Il y a tant de gens pour qui c'est un plaisir que de plaider. Quant à moi, ce diable de procès me tracasse. Il a été cause que je ne savais où j'en étais pendant tout le tems que je suis resté à Tambow. J'y avais l'esprit si embarrassé, si soûlé des détails de la chicane, que je n'ai pu me résoudre à vous écrire.—C'est une lacune dans ce journal, et dans mes plaisirs, dont je suis bien aise de vous faire apercevoir, afin de ne vous entretenir que dans les momens où je me crois le moins propre à vous ennuyer.

On m'a dit de tenir ma lettre prête. Je vais la cacheter pour la porter toujours sur moi, jusqu'à ce que je rencontre à qui la rendre.

Mes amitiés s'il vous plaît à Raton et à Jacot. A Jacot surtout: il est le plus aimable des deux. Mes respects à Mourza. Comme je ne le connais pas personnellement, je ne puis en agir avec lui aussi familièrement qu'avec les deux autres.

Хотя, въ краткой автобіографіи своей, Нелединскій и говоритъ, что когда всѣмъ выключеннымъ и безъ просьбы отставленнымъ дозволено было явиться на службу, то онъ, ни мало немедля, отправился въ Петербургъ, но изъ письма его къ Нелидовой отъ 15 Ноября 1800 года видно, что онъ рѣшился на это не безъ нѣкотораго сомнѣнія и опасенія.

«Quoique je sois très pressé, je vous ferai cependant part de la perplexité où m'a mise *la permission* gracieusement accordée aux exclus et aux *renvoyés* de se présenter pour obtenir du service. — J'aurais voulu, par mon empressement à profiter de cette grâce, marquer ma reconnaissance des bienfaits jadis répandus sur moi et que je suis bien éloigné de

croire avoir mérités; mais ma femme, plus malade que jamais, et qui l'est continuellement d'une maladie chronique, aussi bien que le dérangement de mes affaires et mes entreprises pour les remettre en meilleur état, exigent ma présence à Moscou. De plus je vous l'avouerai: la malveillance des alentours m'a effrayé. J'ai craint que mon arrivée à Pétersbourg ne leur déplaise et que mon zèle ne soit mal interprété. Toutes ces raisons m'ont déterminé à rester où je suis et à ne faire aucune démarche. Fais-je bien? Fais-je mal? Je n'en sais rien; mais je voudrais qu'il me fût possible de faire autrement.»

Какъ бы то ни было, но готовность Нелединскаго поступить вновь на службу видимо совпадала съ желаніемъ Государя снять опалу съ нѣкогда близкаго ему лица. На другой день пріѣзда, пожалованъ былъ Нелединскій въ тайные совѣтники и опредѣленъ сенаторомъ въ Москву.

Въ Декабрѣ мѣсяцѣ 1800 года, вступилъ Юрій Александровичъ въ отправленіе новой своей должности, а нѣсколько мѣсяцевъ спустя— Императора Павла не стало. Эта роковая вѣсть, хотя и не заглушила въ Нелединскомъ прежнихъ чувствъ благодарности и любви къ личности покойнаго Императора, но не могла также и не отозваться радостнымъ ожиданіемъ наступленія болѣе счастливаго для Россіи царствованія.

«Ce n'est pas dans les premiers moments de la consternation où Vous a dû jeter un événement aussi subit qu'imprévu qu 'il m'était possible d'oser Vous importuner «писалъ Юрій Александровичъ Нелидовой изъ Москвы отъ 7 Апрѣля 1801 года.» Plus que personne sans doute, Vous en avez été frappée, et votre attachement pour Sa Majesté l'Impératrice-douairière, en vous faisant vivement partager sa douleur, a dû aggraver la vôtre. Sans parler de moi, qui ai toujours été comblé des marques de la bienveillance de Sa Majesté, il n'est personne ici, qui au milieu de la joie de voir sur le trône un Prince à qui tous les cœurs sont acquis depuis longtemps, n'ait versé des larmes d'attendrissement en songeant à la double douleur que doit éprouver cette auguste et tendre épouse et mère, privée à la fois de deux êtres également chers

à son cœur (*). La Providence lui réserve, il est vrai, des motifs de consolation bien puissants dans l'amour des peuples pour Son Auguste Fils et dans la félicité de ces peuples dont ce bon Prince ne cessera jamais d'être l'artisan. Sa bonté, généralement connue, nous garantit la constance de notre bonheur, et les vœux réunis de tout l'Empire attireront sur son règne les bénédictions du Ciel et en prolongeront la durée pour le bonheur de l'humanité.»

«J'ai porté mes vœux aux pieds du trône. Sa Majesté Impériale a daigné me donner un témoignage de sa suprême bienveillance en m'honorant d'une réponse par écrit. Cette marque de bonté ajoute pour moi au devoir du sujet, le motif de la reconnaissance: sentiment si cher à mon cœur!! Ce même sentiment me fera toujours bénir la mémoire du Souverain que j'ai approché pendant près de deux ans et dont j'ai reçu personnellement tant de bienfaits. Veuille l'Etre Suprême lui accorder dans une autre vie la paix, dont (oserais-je le dire) il n'était pas en lui de jouir dans celle-ci!»

Moscou ce 20 Mai 801.

Après une fièvre qui pour avoir peu duré, n' en est pas moins suivie d'une faiblesse extrême, je me sens plongé dans un état d'apathie, de décrépitude même, qui à peine me laisse la faculté de vous remercier, ma toute bonne Катерина Ивановна pour votre lettre, et vous supplier de vouloir bien mettre aux pieds de sa Majesté l'Impératrice Mère, l'expression de ma plus vive reconnaissance, pour l'attention dont Elle daigne honorer le dévoûment respectueux que je porte à son auguste Personne. J'ose me flatter que vous ne me refuserez pas d'être encore une fois auprès de sa Majesté, l'interprète de mes sentimens, dont la durée n'aura d'autres bornes que celles de ma vie.

Tous ceux qui arrivent de Pétersbourg, sont pleins d'enthousiasme pour notre jeune Monarque. Nous avons été pendant plus de quinze jours flattés de l'espérance de le voir ici, mais ce beau rêve est fini, à quand la réalité?—Vous le savez sans doute.

(*) Кончины великихъ княженъ Александры и Елены Павловны.

Rien de plus doux, de plus consolant, de plus balsamique pour le coeur de tout sujet fidèle, que cette union, dont vous me parlez, de la famille Impériale. Véritablement, la félicité générale ne peut porter sur une base plus solide, et c'est en même tems le moyen le plus certain de dérouter les intrigues et de déjouer les intrigans. Les nuages ennemis qui s'amassent autour du soleil, pour en intercepter ou dénaturer la lumière bienfaisante, seraient bientôt dispersés, anéantis dans les flots de cette lumière, si plusieurs astres réunis concouraient à l'envi à la propager. Puisse notre horizon être constamment serein et pur, et que les météores malfaisans ne s'y fixent pas! Sous la vaste voûte du Ciel, il est tant d'autres lieux où ils peuvent briller!

Vous êtes sans doute déjà instruite de la mort du P-ce de Repnin. Il s'est endormi d'un sommeil tranquille, et si une mort douce est le sceau de la béatitude, son salut n'est pas douteux. On en a un gage plus certain dans sa bienfaisance, qui était sa vertu favorite et qu'il exerçait aussi souvent qu'il pouvait. Le regret de l'avoir perdu, la fatigue d'aller tous les jours à la campagne où sont mes cousines, ses filles; le triste appareil de la cérémonie funèbre; tout cela a entièrement gâté mes nerfs. Je suis comme un automate qui ne se sentirait être que pour en sentir en même tems l'inutilité: ma tête n'est point à moi, je ne jouis de rien, et sans rien faire je suis continuellement fatigué. N'est ce pas là un avant-goût de ce qu'on est à 80 ans?—Vous voyez que j'ai aussi le bavardage de la vieillesse et le faible de parler de moi et de mes maux.

Oui, peut-être cet hiver je viendrai tâcher de me dérouiller auprès de vous, матушка Катерина Ивановна. Si ma maussaderie résiste même au plaisir de vous voir et de vous entendre, ce sera pour moi un signal de me séquestrer du monde.

Vous me faites bien gratuitement un mérite de respecter la mémoire d'un tems où je n'ai reçu que des bienfaits. Sans m'en croire pour cela meilleur, j'en conclus seulement que les ingrats ne manquent point autour de vous...

Sujet de méditation inépuisable.—Oh! qu'il est heureux, me suis-je dit, celui qui après s'être désabusé des illusions de ce monde, ne trouve point dans son coeur ce vide affreux qu'y laisse toujours une

connaissance trop tardive du néant de la vie! Ce n'est, sans doute, que la certitude d'un meilleur ordre de choses dans un monde plus parfait, qui peut procurer à l'âme ce calme consolateur, sans lequel l'existence est un fardeau: mais cette certitude, comment s'acquiert elle? le raisonnement ne la donne pas. L'être juste la sent, l'être qui peut se rendre compte du digne emploi de son tems; un tel être seul, trouve dans le témoignage de sa conscience, la certitude d'une éternité.

C'est un bon Econome qui s'est fait un fonds de ses bonnes oeuvres; environné de ces richesses impérissables, et s'en voyant l'auteur, peut-il croire à la destruction?—Il n'en est pas de même *du dissipateur de ses jours*. Blasé sur tout ce qui est hors de lui, dans le retour qu'il fait sur lui-même, il n'y trouve rien qui puisse le tirer de son apathie, et la nullité de sa vie passée ne lui offrant aucun garant de l'avenir, le vague désespérant du doute devient son unique partage.—Le premier de ces deux sentimens, est la récompense que la sagesse suprême accorde à la vertu. Vous en jouissez, et votre sort, même au milieu de vos chagrins, est encore digne d'envie.—Chaque fois que je relis votre lettre, j'éprouve une certaine douceur à m'approprier vos idées.—Oui, je le pense comme vous матушка; il est une expiation pour nos péchés! Quelque grands qu'on les suppose, ils ne sauraient être infinis: le tems, et notre puissance les bornent et dès lors, l'extrême souffrance *d'un être infortuné* qui périt *en se croyant abandonné* de toute la nature, l'extrême souffrance, dis-je, n'eût-elle qu'un instant de durée, mais par cela même qu'elle est *extrême*, équivaut sans doute à une somme de prévarications de la vie la plus longue.—Si [autant qu'il est en l'homme de se former une idée de la justice éternelle:] si c'est là de quoi satisfaire même à cette justice, que pourrons-nous donc nous promettre de cet Etre dont la miséricorde infinie est inséparable de son existence? que devons-nous attendre de sa bonté paternelle envers des créatures faibles qu'il a formées telles; dont il découvre les pensées les plus secrètes; dont il aperçoit les moindres intentions . . . . . . et si encore ces intentions ne sont point tournées au mal?—Car, il m'arrive encore de soutenir tous les jours, que la même âme qu'on supposerait trouver de la satisfaction à faire souffrir, ne sau-

rait se délecter à faire du bien—et j'ai vu plus d'une fois . . . . . est ce donc à vous qu'il faut le dire . . . .

Le jour après l'arrivée de Sa Majesté l'Impératrice, je suis allé au palais Petrowski, dans l'espérance d'avoir l'honneur de Lui être présenté. N'y ayant trouvé ni Monsieur Polètika ni même Mademoiselle Protassow qui étaient tous deux à Moscou, je n'ai plus su à qui m'adresser; mais le lendemain, jour d'entrée à 5 heures après midi, Monsieur Polètika m'a procuré le bonheur de me jeter aux pieds de Sa Majesté Impériale, qui m'a reçu dans son cabinet avec cette grâce et cette bonté qui lui est propre, et dont j'ai toujours éte comblé de sa part, en me permettant même de revenir encore Lui rendre mes hommages: permission dont je me promets bien de profiter plus d'une fois.

Ce même jour, матушка, votre lettre m'a été remise.—Un trouble involontaire que j'éprouvai en croyant apercevoir que ma vue avait attristé le porteur dès le premier moment de mon apparition, m'a ôté la liberté d'esprit nécessaire pour essayer d'être aimable comme vous me le recommandiez, malgré que d'après les instances du porteur, ayant ouvert sur le champ votre lettre, j'en avais lu les huit ou dix premières lignes. J'espère pourtant que mon ineptie n'empêchera pas de croire à l'efficacité de votre crédit auprès de moi, et vous doutez bien sans doute, que vous risquez peu de le compromettre en me recommandant souvent de pareilles personnes.

Je sais ce que c'est qu'un mal de dents, et vous avez fort bien fait матушка, de vous en délivrer, d'autant plus que l'opération, quand elle est faite adroitement, ne veut absolument rien dire. Je suis cependant fâché que vous ayez deux dents de moins: c'est une perte à laquelle je crois n'avoir rien gagné pour ma part, persuadé comme je le suis que jamais vous n' auriez eu la moindre petite dent contre moi.—Mais, ne me trompé-je point? et ne serait-ce pas l'une des deux arrachées qui vous a donné l'idée de vous étonner que je ne sois pas goutteux?—A votre avis, n'aurais-je pas une figure bien intéressante, avec de larges guêtres de velours et une béquille sous chaque aisselle?—En conscience, ne seriez vous pas tentée, матушка pour le plaisir de me voir sous ce costume, de me permettre . . . . . . là . . . quelques petits voyages à

ma brasserie?—Au reste, ordonnez!—mais non. Vous m'avez dit avant, que je ne devais pas réveiller le chat qui dort—vous m'avez remémoré la fable de la chatte-femme . . . . tout cela prouve que le désir que vous pourriez avoir de me voir parader avec des béquilles, le cède pourtant à celui de me savoir la tête saine: aussi l'ai-je telle, malgré que vous croyez qu'il y aurait moins de danger pour moi d'être dans l'eau jusqu' au cou, que d'avoir le bout du nez dans *l'autre*.—Que veut dire cet *autre* s'il vous plaît? et souslignè encore!—Cette manière mystérieuse de vous expliquer, présente une idée fétide, et il semble, sauf votre respect, que vous me plongiez le bout du nez dans . . . . . . pire que du vin.

En dernier résultat, et toute plaisanterie mise de côté, faites moi la grâce ma toute bonne Катерина Ивановна, de me dire si quelque ami officieux ne m'a pas rendu le service de vous donner quelque faux avis sur mon compte. Vous m'avez tant de fois reparlé de ma brasserie que j'en ai eu du soupçon.—Au surplus, je vous jure sur mon honneur, que depuis que je vous ai quitté je n'ai pas eu l'ombre d'idée de faire aucun excès en ce genre; et je vous donne la même parole d'honneur, que si jamais cela m'arrivait dorénavant [ce que je ne crois pas], vous l'apprendrez tout de suite de moi-même avant tous les autres.

Je vous écris ceci la veille du Couronnement, ou plutôt le jour même; car il est trois heures du matin, et il y a ordre de s'assembler à six. Je vais partir tout à l'heure, parcequ'il faudra sûrement plus d'une heure pour arriver. Au retour, je vous écrirai les nouvelles, que peut-être vous saviez d'avance.

Послѣ коронаціи Государя Александра Павловича, Нелединскій посланъ былъ вмѣстѣ съ сенаторомъ Лопухинымъ для обозрѣнія Слободской Украинской губерніи.

Отъ туда писалъ онъ К. И. Нелидовой.

Ce 24 Décembre 801.

Toutes les fois que je ne me crois pas extraordinairement aimable, je m'abstiens de vous écrire, матушка Катерина Ивановна, et comme il y a près de deux mois que je fais abstinence, je puis, ce me semble, avec justice

vous prier de convenir que mes accès de fatuité ne sont pas fréquents.— En vérité, ce qui me rend un peu moins indigne de me présenter à vous, c'est l'assurance où je suis enfin, que dans deux jours je quitterai ce pays-ci, ce bienheureux pays, où, l'hiver, il n'y a pas d'hiver—où l'eau n'est que de la craie délayée—où les sterleds d'une aune se payent dix cop. pièce quand je n'y suis pas, et où maintenant on n'en trouverait pas la queue d'un seul pour 10.000.000 roub. Un pays, où au mois de Décembre en traversant la rue à cheval, on rase la boue avec ses talons. Un pays où on se couche à 9 heures pour se lever à 4.—Un pays enfin, où les jolies femmes ne savent pas l'être, et n'ont au lieu de cela, que le pernicieux talent de reconnaître un vieillard à cent pas du premier coup d'oeil.—Aussi me promets-je bien de n'y pas retourner quand je ne serai plus jeune. En un mot, le tout pris ensemble est tel, que je ne voudrais pas pour beaucoup avoir la même besogne à recommencer.— Enfin, elle est finie cette besogne, et j'ai maintenant pour perspective Moscou et ensuite Pétersbourg, si comme je l'espère, j'obtiens la permission de m'y rendre.

J'ai dans ce moment sous les yeux certaine lettre du 30 Septembre, de certaine personne dont la bienfaisante prévoyance, voudrait étendre mon bonheur au delà même des limites de cette vie.—Oh! sans doute, le sentiment qu'un tel bienfait impose, ne peut voir de bornes que dans l'éternité: il la fait désirer cette éternité, mais malheureusement le désir et la conviction ne sont pas même chose! Malheureusement ce que vous avez le bonheur de trouver très aisé, est en quelque sorte impossible pour quelqu'un de ma connaissance! *Croyez*, dites vous, *qu' on ne se forge des difficultés pour ce qui est juste et louable que par cette lâcheté de volonté contractée par une trop longue habitude de ne pas se vaincre.* Rien de mieux pensé, mais enfin, cette lâcheté de volonté, elle est contractée.— Les difficultés de la vaincre qui en résultent, on ne se les forge pas, elles existent réellement; et qu'avons nous à leur opposer? La raison elle-même, a le plus souvent été complice de nos erreurs; car il faut l'avouer, il n'y a pas de sophiste plus adroit, que cette raison qu'on nous dit de prendre pour guide: elle est toujours en tout et partout, prête à démontrer le pour et le contre. Joignez-y son insuffisance à

nous conduire à la connaissance d'un avenir, et après cela voyez où nous en sommes—nous autres pervers s'entend.

Ayant écrit ce qui précède, j'ai été obligé de quitter la plume et je n'ai pu la reprendre que dix jours après à mon arrivée à Moscou. Si je n'avais pas été interrompu, j'étais comme vous voyez en beau train de me plonger dans la métaphysique, et quoique ce que j'ai dit ne soit tout au plus qu'un préambule, je vous l'envoie Матушка, comme une partie de la confession que je me propose de vous faire en entier à Pétersbourg. J'espère quand vous m'aurez entendu, que vous me plaindrez plus que vous ne me trouverez coupable. Vous conviendrez que pour sa conversion, un criminel, un scélérat, a l'avantage sur celui qui n'a à se reprocher qu'un défaut de conduite, qu'une légèreté de principes, qui pour avoir écarté de son chemin tous les préjugés, n'en a pas rendu sa marche plus sûre, et n'a fait que le priver des appuis nécessaires à la faiblesse humaine.—Le criminel pour revenir sur ses pas est poussé par le remords, par ce sentiment poignant . . . . mais voilà que je recommence, c'est assez. . . . .

Moscou ce 6 Juillet 803.

Depuis *la dernière* que j'ai eu l'honneur de vous écrire, disais-je à feu ma Tante, en lui écrivant *pour la première fois*, six mois après m'en être séparé; mais feu ma tante ne croyait ni à la paresse, ni à la difficulté de vaincre la gêne des petits moyens mécaniques, ni à . . . . aussi pour toute ressource je cherchais à me sauver à l'aide d'un petit mensonge indirect, et sans doute innocent, car il ne m'a jamais réussi. Avec vous, Матушка, c'est tout différent; sans aucun subterfuge, sans vous promettre plus d'exactitude pour l'avenir, je vous demande pardon de mon silence, qui peut-être vous paraîtra plus excusable quand vous apprendrez que Papa *) logeant à la campagne et moi en ville, je suis nécéssité à faire tous les jours deux courses qui font trente bonnes werstes de chemin. Ce n'est pas que jeune comme je suis, cela me fati-

*) Отецъ Юрія Александровича доживалъ въ то время вѣкъ свой въ отставкѣ въ деревнѣ.

gue; mais c'est que quand on court beaucoup, on ne fait plus rien autre chose. A propos de Papa qui demeure à la campagne, vous saurez Матушка, car vous avez la bonté de vous intéresser à ce qui m'intéresse: vous saurez qu'il a fait le voyage on ne peut pas plus gaiement, mangeant bien, dormant de même, et pour preuve qu'il n'était pas fatigué, il faisait tous les soirs ses quatre tours de boston. Depuis qu'il est ici je le vois tous les jours s'y plaire davantage, et savourer un plaisir qu'il ne connaissait point avant: celui d'être au milieu de sa famille, d'être le maître chez lui, et de se voir l'objet de la sollicitude de tous ceux qui l'entourent. Tout pénétré de l'accueil gracieux que lui a fait S. Majesté l'Impératrice, en route il m'en parlait tous les jours, et me contait à ce sujet toutes les anecdotes du voyage qu'il a eu l'honneur de faire avec Elle. Dernièrement, il a éprouvé un nouveau ravissement en apprenant par une lettre de ma belle-soeur qu'elle avait daigné s'informer comment il avait terminé son voyage. Nous vous supplions tous deux, de nous mettre aux pieds de Sa Majesté Impériale avec l'expression des sentimens respectueux dont ses bontés suprêmes font pour nous le plus doux des devoirs.

Ma belle soeur écrit qu'on va me mettre sur la tête un sénateur plus ancien que moi. Malgré toute la peine que cela me fera lorsque cela aura lieu, je commence à craindre vu la date de la lettre, que la chose n'ait de nouveau manqué. Tant que vous n'aurez pas la cruauté de me l'annoncer vous-même, je n'en parlerai pas. En attendant, faites entendre, Матушка, que le futur sénateur flatté de la confiance qu'on lui témoigne, voudrait occuper toutes les places qui dépendent immédiatement de son Auguste Protectrice et qu'il est tout affligé d'être le seul du conseil des enfans-trouvés, qui ne soit pas en même temps membre de celui de l'institut. Il me semble que cela ne souffrira aucune difficulté de l'y placer. Vous arrangerez cela умненько и хорошенько, Матушка, et puis vous l'affligerez de son sénatoriat que Dieu vous pardonnera aussi bien que moi, je vous en réponds; ручки, ручки, поскорѣе обѣ, et pas par dessous le schal, comme c'est votre coutume. Adieu fouette cocher подъ Донской.

de Moscou ce 10 Fevrier 801.

Le porteur de cette lettre, Monsieur le Sénateur de Lounin, est un quelqu'un, матушка Катерина Ивановна, que sans avoir jamais vu, vous connaissez pourtant de longue main, par mes continuelles importunités au temps de mon dernier séjour à Pétersbourg. Méritant, à tous égards, d'être honoré de vos bonnes grâces et de votre estime il aspire ardemment à les obtenir, et j'ose être son avocat auprès de vous avec le même zèle dont vous m'avez toujours vu animé pour ses intérêts: zèle, qu'il a depuis si bien justifié, et qu'il justifie journellement, comme sans doute vous ne l'ignorez pas—Là-dessus, je prendrai la liberté de vous observer que je n'ai donc pas eu tort dans le temps, de m'offrir pour caution de sa capacité et de l'ardeur qu'il mettrait à remplir les fonctions dont on voudrait le charger. Je n'ose plus vous parler pour lui de l'institut de S-te. Catherine. C'est un point sur lequel vous êtes toujours restée bouche close. Il n'y aurait cependant pour vous aucun danger qu'il y soit placé—il est prévenu et sait de moi, qu'il ne faut jamais vous remercier de rien.

Mais, ne dirait-on pas? Ne penseriez vous pas, vous même, матушка, qu'en vous parlant ainsi pour un autre, je me trouve, moi, exempt de reproche et très digne de vos bontés? Hélas! je suis bien éloigné de me rendre un témoignage aussi satisfaisant; mais enfin! être fautif, vous en demander pardon—sans aucun droit à votre indulgence, en éprouver les effets, et puis retomber dans les mêmes fautes... n'est ce pas là l'histoire de ma vie? Et ne savez vous pas que mon attachement et tous les sentimens que je vous ai voués, n'ont rien de commun, ne dépendent aucunement de mon inexcusable, ma maudite inexactitude. . . . Je ne veux pas chercher à me justifier afin de ne devoir uniquement qu'à votre bonté et plus pleinement jouir du pardon que je vous demande et que j'attends de vous.

Mille et mille remercîmens, матушка, pour le portrait. Je ne sais pourquoi il vous a déplu. Quant à moi, peut-être est ce parceque je n'ai pas d'objet de comparaison; mais j'en suis très content, excepté que je trouve la couleur du ciel, qui fait le fond du tableau, beaucoup trop foncée. Mais la figure, surtout la pose de la tête, est très bien. J'y trouve

aussi la ressemblance—au surplus, ce tableau me venant de vous m'en est doublement précieux.

Vous dites, матушка, dans votre dernière, qu'il y a quelque avantage à devenir vieux. Ah! ce n'est pas comme je le deviens, moi! Je savais bien que je devais m'attendre avec l'âge à toutes sortes d'infirmités et je m'y étais préparé très philosophiquement; mais parmi les maux que je me promettais, je n'avais eu garde de compter les vapeurs. Terrible chose! contre laquelle il n'y a pas de Philosophie qui tienne. Le coeur palpite, on est comme effrayé de quelque chose, et l'on est privé de toute capacité pour quoi que ce soit au monde. Tout en prenant deux ou trois fois par jour des gouttes de Hofman, j'espère encore me voir libéré. Peut-être n'est-ce qu'une suite de mes veilles auprès de feu mon père pendant sa maladie et pour avoir assisté à son dernier soupir, quoique au reste je ne puisse pas dire que dans le moment même, l'impression que cela m'a fait, ait été telle que je n'eusse jamais rien éprouvé de semblable. Mais laissons ces digressions peu récréatives, et convenez, матушка, qu'il est plaisant que moi, ancien capitaine de grenadiers, j'aie des maux de nerfs! Au reste peut-être trouverez-vous plus plaisant que j'aie été capitaine de grenadiers. Je vous connaissais dès lors, sans me douter que l'enfant que je voyais, serait un jour pour moi tout ce qu'elle est devenue depuis, et m'inspirerait des sentimens qui ne finiront qu'avec ma vie.

Ce 25 Fevrier 804.

N'est il pas vrai, toute bonne матушка, que lorsqu'on parle ordinairement à coeur ouvert en présence de quelqu'un, rien n'empêche qu'on fasse de même à 700 verstes de distance. Or si j'étais avec vous tête-à-tête, je vous dirais: Ce M-r de Lounine que maintenant vous connaissez, ne vous a pas déplu je pense, car c'est un homme raisonnable et modeste; s'il ne vous a pas déplu, vous ne serez donc pas fâchée qu'il lui arrivât quelque chose d'heureux. Si ce quelque chose d'heureux dépendait de vos soins, vous l'effectueriez avec plaisir. Eh bien! ce M-r de Lounine que vous connaissez, qui ne vous a pas déplu, auquel vous feriez volontiers du bien—ce Lounine est presque pauvre, et a 6 enfans, dont 5 filles.

De ces cinq filles il y en a 3 petites, dont je ne parle ici que pour faire nombre; mais des deux aînées, celle qu'on jugerait à propos de placer derrière le fauteuil de l'Impératrice, s'y tiendrait à merveille et le dépasserait de toute la tête. Voilà ce que je vous dirais, матушка, si j'étais avec vous, et en vérité je ne croirais pas que vous trouvassiez très difficile de faire une demoiselle d'honneur d'une honnête fille, au père de laquelle il paraît qu'on veut faire plaisir, qui mérite d'être distingué et le méritera toujours. Avec la véracité que j'ai toujours eue vis-à-vis de vous, je vous dirai, матушка, qu'en vous écrivant ceci, je ne sais pas si le cher homme le désire; je ne lui en ai jamais parlé, ni ne lui en parle point à présent; mais je suis sûr de l'aveu de sa femme; et pour lui, outre l'honneur, il serait bien singulier que vu sa situation peu aisée, il ne se trouvât pas heureux de voir la dot d'une de ses filles assurée. Un mot, de grâce là-dessus, матушка, afin que je sache quelles sont vos idées. Si vous croyez la chose faisable, il me semble que le temps ne saurait être plus opportun. Et si vous trouvez que je délire, vous me le direz, n'est ce pas, tout de même, sans que cela nuise pour l'avenir, à tout ce qu'il me prendra envie de soumettre à votre volonté.

La poste va partir, je n'ai pas le temps d'écrire davantage; mais au carême qui s'approche, je compte vous donner des marques de mon précieux souvenir. En attendant, матушка, de grâce un petit coin dans le vôtre à votre tout dévoué et très humble serviteur.

Moscou ce 1 de Mars 806.

Quelque indigne que je le suis, cependant je ne puis me résoudre, матушка, ma toute bonne et indulgente Катерина Ивановна! à subir la peine méritée des mes fautes, en me voyant oublié de vous. Oh! non, non! Qu'il n'en soit pas ainsi, — accueillez mon repentir comme l'enfant prodigue a été accueilli dans la maison paternelle—comme le Père commun des hommes m'accueillera un jour, je n'en doute point; parcequ'à travers toutes mes sottises il voit dans mon coeur!—Vous n'y lisez pas comme lui; mais ce à quoi la bonté du vôtre vous a porté en ma faveur en me rendant l'objet de votre bienveillance, de vos bontés — de vos bienfaits, vous est à jamais un sûr garant de ce que je vous

suis.—Je ne peux pas vous rendre compte de moi, de ce que je fais, de ce que je pense...... Je suis partout où l'on s'amuse et pour ma part, je souffre, tout en applaudissant au bonheur des miens et surtout à la gaieté franche de ma bonne Agrippine que j'aime... comme je sais aimer! Ah! si la perspective que vous m'offrez dans votre lettre pouvait un jour se réaliser!!! Mon Agrippine qui vaut et vaudra toujours mieux que moi, serait un nouveau lien qui vous rapprocherait de moi,—et par elle, je vous intéresserais encore sans doute, quand mes genoux roidis ne pourraient plus me porter à vos pieds pour vous conjurer d'être son ange gardien et son guide!—Mais n'anticipons point sur les tems, et ne tentons pas le Ciel!

Le désordre de cette lettre, la manière dont elle est barbouillée...... je ne m'aperçois de tout cela que dans le moment, et je vous l'envoie telle qu'elle est. Parlez de moi, матушка, à ma belle-soeur; elle m'a vu—elle vous dira que ballotté continuellement entre le plaisir et la peine—heureux par tout ce qui m'entoure et contrarié toujours, ou par les circonstances accessoires, ou par ma malheureuse sensibilité, je ne puis jamais prendre une assiette fixe, et le repos de l'âme m'est inconnu.—Je ne suis point fou, non, je ne le deviendrai pas même, je le sens: mais autant vaut!—Ne voulant vous rien cacher, je me réfère encore à ce que vous dira de moi ma belle-soeur, à qui vous pouvez, матушка, faire lire tout ce qui est écrit ici. Elle sait, *où j'en suis en dépit* de mes 53 ans.—Riez en, mais de grâce! ne me donnez pas le déplaisir *extrême*, d'en faire confidence à vos amis suprêmes.

Voilà une bien sotte lettre; mais comme il y a longtems que je ne suis pas en état d'en écrire d'autre, [sinon des dissertations à la glace dont vous n'avez pas besoin] j'ai mieux aimé vous paraître fou que rester plus longtems coupable. Hé! d'ailleurs mes torts ne sont-ils pas un aliment de plus à mon attachement pour vous!

Je me suis rencontré avec Koutaïsow; il m'a abordé comme quelqu'un qu'il était bien aise de revoir. Comme je ne savais quel ton prendre avec lui: celui de la familiarité primitive ayant été interrompu par la marque que je lui ai vue dans mon dernier voyage sous feu l'Empereur, j'ai pris le parti de le saluer très poliment et très froidement sans lui parler.

Je me suis donné de plus le plaisir de distinguer beaucoup sa femme auprès de laquelle je me suis assis et l'ai entretenue pendant très longtems parce que celle-là ne s'est jamais oubliée.

Moscou ce 16 d'Avril 806.

Hélas! Rien de plus vrai матушка; j'ai l'esprit réellement malade!— Et pourquoi faut-il que des avis aussi sages que les vôtres, donnés avec tant de sollicitude, ne fassent que m'attendrir, qu'exalter mes sentimens pour vous, sans opérer ma guérison!—La raison, je la connais, et la voici:

Qui n'a pas l'esprit de son âge, de son âge a tout le malheur.

Aussi, матушка! pour me donner le sentiment de ma force et m'engager à en faire usage, vous avez terriblement éxagéré mon éloge; agissant en cela comme l'on fait vis-à-vis d'un agonisant, à qui l'on cherche à faire croire qu'il tient encore à la vie.—Moi, j'y tiens par trop, et tous mes maux ne viennent que d'une âme trop ardente, et peut-être d'une imagination...... effrénée. L'une et l'autre semblent gagner de vigueur en raison inverse du dépérissement de l'individu matériel, dont les incommodités, au reste, n'occupent jamais le moins du monde mon esprit, n'arrêtent point la marche de mes idées, et ne m'empêchent même pas de vaquer à mes affaires et à mes devoirs. Il y a aujourd'hui juste trois semaines qu'en sortant de voiture j'ai fait un faux pas et donné du pouce de la main droite contre une muraille. Il en est résulté une entorse au piéd et le pouce a été démis; mais cela ne m'a fait ni garder la chambre, ni rien changer à l'ordre de mes occupations.—Cet accident, comme beaucoup d'autres qui me sont arrivés au moment où je voulais faire une bonne action, me fait en vérité penser que le diable est jaloux de ne pas me laisser échapper de ses griffes; car ce faux pas, je l'ai fait le lundi de la semaine sainte, comme j'entrais à l'église, où je n'avais pas été, Dieu sait combien de tems!—mais c'est assez vous prouver combien je compte sur vos bontés; c'est assez de ne vous parler que de moi.

L'envoi à M. Lounine de l'ordre de St. Alexandre, m'a fait d'autant plus de plaisir que cela l'a rendu parfaitement heureux, et dans le fait, son zèle méritait d'être récompensé, sans parler de l'inconvenance qu'il y

avait à le voir, à peu-près le seul de son grade, sans un cordon en bandoulière.—Il justifie à tous égards l'estime que vous avez pour lui, матушка, et si Vous voulez vous ressouvenir de ce que je vous ai dit à son sujet dans le tems où il était question de lui obtenir une place, vous verrez que je n'ai rien dit qui soit de trop. Nous sommes dans ce moment-ci tous les deux extrêmement penauds: moi d'avoir fait une balourdise, et lui, de l'avoir laissé passer.—Si vous en apprenez quelque chose, — j'entends, de la manière dont l'a pris l'Impératrice—je vous conjure, матушка, de ne pas me le laisser ignorer. Monsieur Willamow vient de renvoyer ici par ordre suprême un rapport de la maison des enfants-trouvés *où je ne suis rien, et que j'ai pourtant* signé. Le fait est, que l'homme qui est venu chez moi, m'ayant lu les papiers qu'il m'apportait à signer, les a posés devant moi, et qu'apparemment par inadvertance, il a mis ce fatal papier des enfans-trouvés parmi ceux qui concernaient l'institut de Ste. Catherine. Moi, qui venais d'entendre la lecture de ces papiers, je les signai sans y regarder davantage, d'autant plus que ne pouvant tenir la plume que de deux doigts, toute mon attention se portait à ne pas la laisser échapper...... Et voilà comme l'on est un sot, sans même s'en douter.

Des Demoiselles nouvellement sorties de la communauté, je ne connais que M-lle Potapof, que j'ai vue à un bal. Elle est fort bien de figure et ne m'a pas du tout paru embarrassée dans le monde. Par tout le bien que vous en dites, матушка, vous avez donné à ma femme un très grand désir de la recevoir chez elle; mais nous ne sommes point du tout connus avec M-lle Almazow, chez qui cette Demoiselle demeure. Moscou est si grand qu'il se subdivise en une infinité de sociétés différentes, dont les membres ne se rencontrent guère qu'au club.

Vos oeufs de Pâques, aussitôt qu'arrivés ont été distribués à ma marmaille, et accueillis avec un transport que ma femme et moi, avons partagé bien cordialement. Il nous a été bien doux de voir que vous laissez tomber sur nos enfans un rayon de cette même bonté qui m'est si précieuse, et dont malgré mes torts vous ne cessez de me donner des témoignages. Je viendrai cet été les recueillir de plus près. Oui, je viendrai sans faute au mois de Juillet, et vous verrez que mon attache-

ment pour vous, ainsi que ces baumes antiques et rares, acquiert toujours plus de force en vieillissant.

Moscou ce 22 Mai 806.

Au nom de Dieu, матушка Катерина Ивановна! que cela ne se passe pas!—Je viens dans le moment de recevoir une lettre qui m'apprend que le général p-ce Bagratione a demandé, ou veut demander à l'Empereur que les 6 demoiselles qui ont chanté ici un choeur à sa louange, soient faites filles d'honneur. Ma fille était du nombre.—Peu de choses m'ont saisi au point que celle-ci l'a fait, et j'envoie une estafette pour le supplier qu'il ne nomme point ma fille, et s'il l'a déjà nommée, qu'il se rétracte.—Au nom de Dieu, матушка, employez-vous pour que cela ne se fasse pas!—Qu'est-ce donc qu'une demoiselle d'honneur de la création d'un général, et l'Impératrice verra donc derrière son fauteuil ma fille, sans que ce soit elle qui l'y ait placée.—Je ne l'aurais jamais demandé mais aussi je ne le verrai avec plaisir qu'à cette condition. De toute autre manière ce sera un crève-coeur pour le reste de ma vie.—Je n'ai pas le tems de vous en dire davantage, me dépêchant d'expédier mon courrier. — Si vous avez jamais eu des bontés pour moi, матушка, détournez ce coup, de grâce!

Ma belle-soeur vous mettra au fait avec plus de clarté. Je vous prie parlez-lui.

Votre tout dévoué et attaché jusqu'à la mort Nélédinsky.

Москва Марта 4 807.

Нѣтъ, матушка, такъ захворалъ, что и не думалъ скоро выздоровѣть! Je ne sais pas trop, pourquoi je vous dis cela en Russe; mais vous voyez que c'est pour répondre à ce que vous avez dit à ma belle-soeur, que ma maladie était jouée. Maintenant je me sens mieux, mais si la maladie est délogée, je sens que la vieillesse a gagné du terrain. Basta là-dessus; ce n'est pas un sujet fort intéressant.

Vous attendez de moi une longue lettre remplie de nouvelles, de

réflexions etc. Je me proposais même de vous l'écrire; mais malade comme je l'étais, *voyant tout en noir*, surtout par ce dernier motif, n'osant me fier à ma judiciaire, j'ai tardé, tardé—et pendant ce tems là les choses ont vieilli, les événemens se sont succédé, jusqu'à ce qu'enfin, le ciel ayant béni nos armes, il ne resta plus qu'à lui adresser des actions de grâce, et à faire des voeux pour la prolongation de nos succès.—Nous autres habitans de Moscou, nous sommes en général avides de nouvelles; et plutôt que de n'en point avoir, nous en inventons qui quelquefois n'ont ni pied ni tête.—Mais ne trouvez-vous pas, матушка, que dans les circonstances actuelles, il n'y a rien de si naturel que de vouloir être instruit des événements? Il nous manque ici des relations détaillées de plus d'une affaire qui ont tourné à notre avantage. On parle d'un combat remarquable qui a dû avoir eu lieu, et où a commandé le p-ce Wolkonsky, le bègue, celui qui a été jadis nommé pour être commandant de Malte. Dans une lettre qu'il a écrite à son père, il dit avoir tué quatre mille hommes et fait trois mille prisonniers.—Nous n'apprenons toutes ces choses que par bricole et Moscou voudrait être redevable de ses sujets de réjouissances, à Pétersbourg, dont alors il ne se croirait point oublié. D'ailleurs, vous n'imaginez pas combien un Te-Deum chanté au bruit du canon, agit sur les esprits, et fait faire du bon sang.—Il faut alors voir le peuple courir aux églises!

Ma belle soeur me marque que Koutchensky a dit à l'Impératrice que je me portais bien, et qu'elle a été surprise de ce que je n'avais pas signé le rapport qui rendait compte de l'examen qui a eu lieu à l'institut. M-r Koutchensky a répondu au hasard, parce qu'il ne savait rien de moi à son départ de Moscou; mais M-r le grand chambellan a dû la semaine dernière avoir rendu compte à Sa Majesté de ma maladie, qui m'a empêché de me trouver aux examens, et je ne crois pas qu'Elle désapprouve le principe que je me suis fait, de ne mettre ma signature qu'aux papiers qui rendent compte de choses dont j'ai moi-même été témoin.—J'ai assisté à la distribution des prix.—C'était très solennel, les adieux des Demoiselles ont produit des scènes fort touchantes. — Adieu, матушка Катерина Ивановна, conservez-moi vos bontés et croyez à un attachement sans bornes de ma part.

Moscou, ce 16 Mai 807.

Vous savoir rétablie, c'est vous avoir su malade, матушка; et par conséquent avoir payé de beaucoup d'inquiétude, un retour à la tranquillité dont je ne jouirai pleinement, qu'après que je vous aurai vue. Dans la situation d'esprit où je me trouve, je n'avais pas besoin, je vous le jure, de ce surcroît de peine. Un fond de mélancolie, ou plutôt d'humeur noire que vous me connaissez peu, parceque votre présence sans doute, la fait disparaître, me rend à peu près incapable de tout. Ma tête se perd; c'est bien autre chose que de se la sentir vieille, et encore n'avez-vous jamais eu rien à craindre de ce côté là; car par la tête, vous n'avez jamais été jeune. Pour moi je crois que je finirai par aller aux petites maisons, et le pire de tout c'est que ma folie ne sera sûrement pas gaie.—Vous me dites, матушка, que je laisse vieillir les choses pour m'en faire un prétexte de silence.—Une pareille conduite supposerait une intention quelconque, et si j'étais capable d'en mettre une à ce que je fais, j'aurais pour but comme vous jugez bien de plaire aux personnes qui veulent bien penser encore à moi. Mais non, le fait est, que mon apathie, ma défiance de moi-même est telle, que les heures, les jours, les semaines s'écoulent sans que je puisse fixer pour un instant le vague de mes idées.—Je ne puis rien faire de suite, même quand je suis forcé au travail. En un mot, je le répète, je me sens devenir fou; je serais bien aise cependant qu'il n'y ait que vous qui le sachiez: vous seule, peut-être, dans le monde que vous habitez, êtes capable de plaindre, et non de rire d'un malheureux qui se sent survivre à soi-même. (*)

Pour changer de matière, je vous demanderai, si vous vous souvenez, матушка, du grand portrait en pied de Paul I-er, que Vous avez vu à Останкино, campagne du comte Scheremétew.—Il est très beau, et j'ai obtenu du comte la permission de le faire copier pour le placer dans mon salon principal. Plus je me sens bas dans ma propre opinion, et plus je suis ramené par la reconnaissance vers ceux dont les bontés, dont la conduite envers moi, m'ont donné, ou me donnent encore, le droit de

(*) Въ это время Нелединскій начиналъ пылать страстью къ Е. С. Обресковой.

m'estimer quelque peu. Mais je me surprends encore à reparler de moi-même, et de tous les genres de folies, c'est certainement le plus ennuyeux. Pardon!

Je voudrais vous donner quelques nouvelles, mais nous n'en avons ici aucune. Ce qui nous console, c'est qu'on dit que vous n'êtes pas mieux servie que nous de ce côté-là.—Je tâcherai de vous en apporter une pacotille: ce ne sera pas avant le mois de Juillet, que je prendrai pour mon mois de récréation, et le suivant, je devrai rester à Pétersbourg comme Député du Sénat de Moscou, ponr une affaire sur laquelle les voix ne sont pas d'accord. Adieu, матушка, pardonnez le décousu de ma lettre, et croyez moi pour la vie avec les sentimens que vous me connaissez.

Ce 19 Décembre 807. Moscou.

Dussai-je ne vous dire que des lieux communs—ne remplir ma lettre que de mots sans suite et sans liaison, ils n'en seront pas moins pour vous, матушка Катерина Ивановна, l'expression des sentimens que je vous porte et qui ne finiront qu'avec ma vie. Si, pour vous écrire, j'attendais à ravoir ma tête, je pourrais bien être dans le cas de garder un silence éternel. Croyez, si vous le voulez, que je me suis monté l'imagination; moquez vous de moi, il n'en sera pas moins vrai que ma tête est entièrement perdue; qu'une seule idée la remplit continuellement, et que je ne me sens capable d'aucune application. Si avec cela, mes idées étaient couleur de rose je serais l'être du monde le plus heureux: mais c'est tout le contraire. Je souffre sans relâche et le sentiment de mon incapacité me fait faire un retour effrayant sur moi-même. Je m'aperçois tous les jours, que je ne deviens plus—ou plutôt que je ne suis plus bon à rien...... Mais c'est assez vous parler d'un état que vous qualifierez de folie, et qui maintenant, n'en est pas moins mon état habituel et constant, dont je ne prévois et ne désire la fin. J'ai reçu votre lettre, матушка. Si mon attachement pour vous pouvait s'accroître, cette lettre aurait produit cet effet. Je ne vous ferai point d'excuses de ne vous avoir point écrit depuis que je vous ai quitté. Quand on est fou et qu'on s'avoue tel, on peut être blâmé, méprisé, mais jamais réputé coupable. Votre lettre m'a fait

Sa Majesté Impériale m'a défendu de faire participer à cette classe, *même les élèves de l'institut qui seraient assez avancées pour y être admises.* Dans le cas dont il s'agit, je voudrais avoir une permission au moins tacite; et c'est pour l'obtenir, que je m'adresse à vous, ne croyant pas la chose de nature à en écrire — officiellement.—Il me parait qu'il serait à sa place d'accorder à la supérieure de l'institut, une douceur, qui ne peut être nuisible; au lieu qu'en cas de refus, le tems destiné aux D-lles de la pépinière, pourrait peut-être être abrégé en faveur des pupilles de M-me Parrette, si ces dernières prenaient des leçons séparées— et il serait très difficile, pour ne pas dire impossible, de l'empêcher. Je vous supplie, матушка, d'être mon avocat et de me délier les mains à cet égard. J'en avais écrit à M-r Lounine pendant qu'il était à Pétersbourg; mais il avait sans doute trop à parler pour lui-même.—Je ne suis jamais dans ce cas, et voilà pourquoi je fais toutes les commissions qu'on me donne.

Ce serait mal reconnaître les bontés que vous avez pour moi, que de faire comme si je n'y croyais pas, et ne pas vous parler de ce qui me regarde quand vous me savez malade. Je vous dirai donc, que je ne sors pas encore de la maison, mais je marche seul, quoique je me sente prêt à avoir des vertiges à chaque mouvement un peu accelléré. La main qui vous écrit, éprouve toujours les mêmes sensations: engourdissement et pesanteur dans les doigts. Cependant je puis écrire plus longtems que les premiers jours; reste à savoir si c'est la main qui va mieux, ou si c'est moi qui ai pris l'habitude de m'en servir?—Enfin tout va au mieux.—Ce dont je remercie Dieu surtout, c'est que mon moral n'a pas souffert un seul instant. Ma tête n'a jamais divagué et mon âme n'a pas été abattue. Les sentimens qu'elle renferme pour vous, ont conservé toute leur énergie première, et ne sont pas devenus moins dignes de vous être offerts.—Adieu матушка, dans votre dernière vous ne me dites rien de vos maux de tête.

Le comte Orlow qui a voulu se charger de cette lettre, m'a vu, et peut vous parler pertinemment de moi.—J'espère que vous ne tarderez pas à répondre au sujet de M-me Parrette, je vous en supplie même.

Съ 1804 года Юрій Александровичъ, у котораго старшая дочь

Аграфена, была уже въ лѣтахъ выѣзжать въ свѣтъ и по обязанности и по охотѣ зажилъ, что называется, открытымъ домомъ. Въ этомъ отношеніи впрочемъ онъ не составлялъ исключенія въ Москвѣ. Въ то время еще не умѣли запираться въ тѣсномъ домашнемъ кругу и Англійскій клубъ не въ такой еще степени поглощалъ досугъ молодыхъ и старыхъ. Кто только могъ и кому только дозволяли средства—а большихъ не требовалось, роскошь и прихоти были не столь взыскательны какъ нынѣ, тотъ радушно открывалъ свой домъ друзьямъ и посѣтителямъ.

Въ Московскомъ обществѣ того времени, которое могло гордиться такими именами какъ Гр. Растопчинъ, И. И. Дмитріевъ, Карамзинъ, И. В. Лопухинъ кн. А. И. Вяземскій и др. (*)—Юрій Александровичъ

(*) Изъ упомянутыхъ выше лицъ Ю. А. Нелединскій въ особенности былъ близокъ съ княземъ А. И. Вяземскимъ; съ самой первой молодости тѣсная дружба соединяла ихъ. Къ сожалѣнію мы не можемъ живымъ языкомъ корреспонденціи передать подробностей взаимныхъ отношеній двухъ друзей. Переписки между ними не было, да и не могло быть, потому что въ молодости живали они вмѣстѣ въ Петербургѣ, а позднѣе въ Москвѣ до самой кончины кн. Андрея Ивановича (1800 году); но вѣрно то, что ни съ кѣмъ изъ друзей своихъ Нелединскій не могъ имѣть тѣ сочувствія умственныя и личныя какія сближали его съ княземъ Андреемъ Ивановичемъ Вяземскимъ. Не богатствомъ и важностію чина приманивалъ къ себѣ князь все отборное московское общество того времени. Его острый умъ, образованность, любезность привлекали къ нему всѣхъ лучшихъ представителей тогдашней интеллигенціи. Въ молодости своей кн. Андрей Ивановичъ объѣхалъ всю Европу отъ Швеціи до Испаніи и Португаліи, обладалъ въ превосходной степени даромъ слова; любилъ словесныя пренія; слылъ въ свое время упорнымъ спорщикомъ; но утонченною вѣжливостію умѣлъ умѣрять непріязненность противорѣчія; а діалектикою живою и сжатою придавать мнѣніямъ своимъ увлекательность и силу.

Заимствуемъ изъ «Родословнаго Сборника» кн. П. Долгорукова (книга 2-я стр. 13-я) слѣдующія любопытныя свѣдѣнія о кн. А. И. Вяземскомъ:

«*Домъ* князя Вяземскаго въ Москвѣ, въ продолженіи многихъ лѣтъ, былъ однимъ изъ пріятнѣйшихъ, и ежедневно открытымъ для друзей и многочисленныхъ посѣтителей. Въ двухъ маленькихъ комнатахъ, тѣснилось отборное московское общество: и когда ограниченное пространство переполнялось многолюдіемъ,

Нелединскій-Мелецкій занималъ почетное и видное мѣсто.—На литературномъ поприщѣ, онъ уже пользовался извѣстностію какъ нѣжный, пламенный пѣвецъ. Безукоризненно же честный и благородный характеръ пріобрѣлъ ему всеобщее уваженіе и тотъ почетъ, какимъ онъ пользовался въ свое время въ обществѣ и въ кругу писателей. Любезная и симпатическая личность его уже теперь немногимъ памятна, но по отзывамъ этихъ немногихъ, она была въ высшей степени привлекательна своею безъ-

---

то открывалась другая половина въ домѣ. Тутъ молодежь импровизировала балъ подъ одушевленіемъ импровизированнаго оркестра, состоявшаго изъ флейты-самоучки и доморощенной скрыпки. Юрій Александровичъ Нелединскій-Мелецкій, ежедневный гость и другъ дома, слушая музыкальныя размолвки домашнихъ виртуозовъ, говаривалъ при этомъ: «странное дѣло, кажется, эти люди всегда живутъ вмѣстѣ, а нѣтъ въ нихъ никакого согласія!» Сей домъ у Колымажнаго двора, окруженный обширнымъ и тѣнистымъ садомъ, уцѣлѣлъ въ московскомъ пожарѣ 1812 года. Неизвѣстны новыя судьбы его, но въ то время онъ былъ средоточіемъ жизни и всѣхъ удовольствій просвѣщеннаго общества. Какъ и самый образъ жизни хозяевъ его, онъ былъ чуждъ всякой роскоши и не блисталъ убранствомъ. Но въ тотъ вѣкъ матеріальныя требованія были не столь взыскательны, какъ нынѣ. Единственное богатство дома сего, была обширная и разнообразная библіотека; но и та служила не предметомъ роскоши, а необходимаго потребленія. Князь Вяземскій посвящалъ ежедневно, до поздняго вечера, то есть до времени обыкновеннаго съѣзда гостей, нѣсколько часовъ на чтеніе книгъ историческихъ, философическихъ и путешествій. Неизмѣнно, первый вечерній посѣтитель могъ быть увѣренъ, что найдетъ его дома, у камина, въ большихъ вольтеровскихъ креслахъ, съ книгою въ рукѣ. Къ имени Нелединскаго должно причислить имена; Ханыкова (французскаго поэта и бывшаго посланника нашего въ Дрезденѣ), князя Бѣлосельскаго, князя Якова Ивановича Лобанова-Ростовскаго, Петра Васильевича Мятлева, И. И. Дмитріева, Карамзина, которые были домашними въ его кругу. Всѣ путешественники (особенно англичане), ученые, художники, находили въ этомъ домѣ русское гостепріимство и прелести европейской разговорчивости. Нѣкоторыя изъ нихъ, въ изданныхъ ими путевыхъ запискахъ, упомянули о томъ съ благодарнымъ воспоминаніемъ. Любезныя женщины, красавицы этой эпохи, которая была золотымъ вѣкомъ свѣтской образованности и утонченности, по-очередно, а иногда и совмѣстно, въ сей избранной и мирной области царствовали;

Et par droit de conquête et par droit de naissance!

искусственною простотою и всегда веселымъ юморомъ. Острый наблюдательный умъ его, никогда впрочемъ не изощрявшійся на счетъ ближняго, придавалъ особую прелесть его простой неизысканной бесѣдѣ.—Низенькій ростомъ, довольно плотный, съ виду флегма съ добродушной улыбкой при невозмутимомъ спокойствіи—онъ умѣлъ придавать особую прелесть своимъ неожиданнымъ, свободнымъ выходкамъ остроумія.

Послѣ кончины Павла Петровича, воспоминанія о прошломъ составляли какъ бы живую нить связи между вдовствующею Императрицею и тѣми немногими изъ приближенныхъ покойнаго Императора, которые оставались въ живыхъ. Братья князья Куракины, Лобановы, Нелединскій, Нелидовъ Аркадій Ивановичъ, братъ неотлучной при Императрицѣ фрейлины, Вилламовъ, частный секретарь Императрицы, съ немногими другими, составляли, при Императрицѣ, интимный кружокъ, въ которомъ всѣ члены связаны были между собой и родствомъ и дружбою,

Въ любимомъ Павловскомъ сосредоточивались всѣ лучшія воспоминанія Императрицы: каждое лѣто навѣщалъ Ее тамъ Ю. А. Нелединскій.

Въ одно изъ таковыхъ посѣщеній, а именно лѣтомъ 1806 года, Нелединскій написалъ свои «Строфы на Павловскъ»

Ma sensibilité me
tient lieu du génie.

1.

Духъ робкій, ободрись, дерзай!
Охотѣ слѣдуй сокровенной;
Въ тебѣ издавна поселенной,
Воспѣть прелестный здѣшній край.
Богиня родомъ и душою,
Богиня тѣла красотою,
Создавшая страну сію,

Сама мнѣ пѣть повелѣваетъ,
Безсмертныхъ воля укрѣпляетъ
И духъ и силы въ пѣснь—мою

2.

Тебя, сынъ вкуса и природы,
Тебя, поля, о Павловскъ я'
Святилище утѣхъ, свободы,
И красота страны всея;
Къ тебѣ и долгомъ, и желаньемъ,
И прошлыхъ дней воспоминаньемъ
Влекусь, восторгомъ я горя.
Здѣсь нѣкогда средь мирной доли
Я былъ блюститель Вышней воли,
Мнѣ благодѣвица Царя.

3.

Здѣсь, здѣсь, не разъ бывалъ свидѣтель
Движеніямъ души я сей,
Гдѣ страсть порядка, добродѣтель,
Блистали въ полнотѣ своей.
Свидѣтель былъ благотвореньямъ!
Его небеснымъ восхищеньямъ
При изліяніи щедротъ'—
Кто счастливъ счастіемъ другаго,
Кто чуждое своимъ чтитъ благо:
О! благъ воистинну есть тотъ!

4.

Но что! Какое упоенье
Внезапно овладѣло мной!
Невольно мыслей устремленье
Влекло и духъ и разумъ мой,

Прости Богиня благотворна!
Коль мысль желанью непокорна...
Коль я тебѣ напомнить смѣлъ...
Мнѣ пѣть страну, гдѣ обитаешь;
Собою въ небо претворяешь;
Я чувства лишь мои воспѣлъ.

5.

Страну сію ты оживила;
Дала ей ново бытіе.
Пустыню, добри, превратила
Въ прелестно-райско житіе,
Очаровательны вкругъ виды;
Сады явились тамъ Армиды,
Гдѣ былъ непроходимый боръ;
Гдѣ эхо лишъ стенало томно,—
И что за зданіе огромно
Вдали мой поражаетъ взоръ!

6.

Гряду... Безмолвіе священно
Край здѣшній наполняетъ весь.
Колѣно преклони смиренно
О! странникъ, мѣсто свято здѣсь!
Благочестивая Марія,
Величія забывъ земныя,
Паря здѣсь духомъ къ небесамъ,
О рожденныхъ слезы проливаетъ,
И нѣжнымъ вздохомъ возсылаетъ
Любви къ нимъ чистый фиміамъ.

7.

Объятъ восторгомъ продолжаю
Среди прохладныхъ рощей ходъ;

И со предмѣтъ еще встрѣчаю,
Еще любви скорбящій плодъ,
На мраморѣ изображенный,
Свѣтильникъ брака погашенный,
И сѣтующихъ зрю птенцовъ.
Судьба ихъ матери лишила,
Ни младости не пощадила,
Ни всѣхъ природы въ ней даровъ.

8.

И такъ, ни Царска часть высока,
Ни благодѣтельность сама,
Отъ злобы непреклонна рока,
Сокрыть, избавить не сильна!
Тебѣ-ль, въ женахъ благословенна,
Въ благотвореньяхъ несравненна!
Тебѣ-ль отъ злой судьбы терпѣть!
Тебѣ-ль дающей всѣмъ блаженства,
Знать благъ земныхъ несовершенства,
Всѣхъ радуя, Тебѣ-ль скорбѣть!

9.

Умолкну.—Дара не имѣю
О Павловскѣ пѣть красотъ твоихъ.
Я только чувствовать умѣю;
Другой пускай прославитъ ихъ.
Твои сады, долины злачны,
Каскады и ключи прозрачны
Другимъ достойно воспѣвать!
Я съ восхищенною душею,
Лишь благодарною слезою
Тебѣ мой долгъ могу воздать.

Эти стихи, Нелединскій просилъ Вилламова передать Императрицѣ, послѣ отъѣзда его въ Москву.—

По прочтеніи ихъ, Императрица писала Нелединскому, изъ Павловска 6 Сентября 1806 года. «M-r de Villamoff m'a remis les vers que vous m'adressez mon bon M. de Nélédinsky; la lecture que j'en ai faite m'a profondément émue, aussi les larmes de sensibilité qui remplissaient mes yeux ont fait du bien à mon coeur, vous voyant pénétré de gratitude pour celui que j'aimerai et respecterai jusqu'au tombeau, et vous voyant rendre justice et apprécier l'âme de notre cher défunt Empereur: enfin mon bon Nélédinsky, vous avez touché la corde sensible, celle qui ébranle toujours mon coeur avec force et véracité, *qui me rappelle tout mon bonheur passé et toute la profondeur de ma perte*. Je me hâte, mon bon Nélédinsky, de vous tracer ces lignes pour vous parler de ma sensibilité, puissai-je mériter un jour le bien que vous dites de moi, dumoins, Dieu le sait, que j'en ai la bien bonne envie. Adieu, j'espère que vous voyagerez heureusement et que vous retrouverez Madame en bonne santé. Croyez moi pour toujours votre bien affectionnée» «Marie.»

Въ отвѣтъ на это письмо Юрій Александровичъ писалъ.—Madame, Pénétré de la plus vive reconnaissance, j'ose en apporter le respectueux hommage aux pieds de V. M. I.—Vous avez daigné, Madame, mettre le comble à vos bontés suprêmes, en m'honorant de la lettre gracieuse que je viens de recevoir et qui sera pour moi et les miens un monument à jamais précieux de cette affabilité céleste qui vous attache tous les coeurs indépendamment du rang suprême où, pour le bien de l'humanité, le Ciel vous a placée. Je me suis défié de mes forces, Madame, je n'ai point osé essayer de lire moi-même à V. M. I. les vers, qui de ma part lui ont été présentés par M. de Willamoff. Les pleurs que *j'ai versés en les composant* m'ont fait assez connaître que je ne pouvais m'exposer devant ma bienfaitrice actuelle, et de tous les temps, à retracer des souvenirs douloureux pour Elle. A qui, cependant, pouvais-je parler d'une manière plus satisfaisante pour mon coeur des sentiments de gratitude qui le remplissent pour un Prince qui m'a comblé de ses bienfaits et, ce qui est plus, de ses bontés avant même que j'eusse pu montrer mon zèle à m'en rendre digne. A qui! si ce n'est à L'Être Auguste dans l'âme duquel il vit toujours et auquel il semble avoir

légué le soin de répandre encore ses grâces sur ses fidèles serviteurs. Je n'oublierai jamais, Madame, que même en m'éloignant de sa personne feu l'Empereur ne m'a pas retiré ses bontés; que mon renvoi n'a été suivi d'aucune marque de sa malveillance et qu'aussitôt qu'il m'a été permis, ainsi qu'à tous les congédiés de revenir, ses bontés particulières envers moi, oserai-je dire, son estime, se sont manifestées par ma promotion inattendue et par le don d'une place que je n'ai eu garde de demander, mais qu'il savait devoir me convenir à l'exclusion de toute autre place. *J'ai dit* tout cela, Madame, *je l'ai répété et le répète à tout le monde; et personne de quelque opinion qu'il soit, quelques sentiments qu'il recèle dans son âme, n'a osé me contester le droit de chérir et pleurer sa mémoire (*).* Que V. M. I. me pardonne cette digression qui m'est entièrement personnelle. Avec sa bienveillance accoutumée, Elle n'y verra sans doute qu'un penchant irrésistible à Lui exposer la force des motifs qui joints aux bontés qu'Elle ne cesse de me pratiquer, lui répondent à tout jamais de l'attachement illimité que je porte à sa personne sacrée.»

Въ слѣдующемъ 1807 году, при отъѣздѣ Юрія Александровича изъ Павловска, посылая ему перстень, Императрица писала «Je désire que cette bague serve de Talisman à M. de Nélédinsky, le conduise en bonne santé aux pieds de Madame son épouse et le ramène au mois de Juillet de l'année prochaine à mon cher Pawlovsky, où tout lui rappelle si vivement le souvenir d'un bienfaiteur qu'il sait apprécier et regretter.

Въ 1807 году Императрица поручила Нелединскому завѣдываніе учебной частію въ Московскихъ Училищахъ Ордена Св. Екатерины

(*) Къ числу немногихъ близкихъ покойному Императору лицъ сохранившихъ о немъ благодарное воспоминаніе принадлежалъ также Гр. Растопчинъ. Вотъ что, между прочимъ, онъ писалъ Князю Цыціанову отъ 17 Сентября 1803 года— «Когда ты пріѣдешь назадъ благополучно то я спрошу: имѣешь ли истинное понятіе о четырехъ-лѣтномъ моемъ положеніи, когда, кромѣ зависти и безчестія со стороны сотоварищей, боролся и съ ненавистью каждаго къ лицу покойнаго Государя?

(Девятнадцатый вѣкъ книги 2 стр. 25).

и мѣщанскихъ дѣвицъ—и, съ этого времени, обращалась непосредственно къ нему со всѣми приказаніями и распоряженіями по учебной части въ этихъ училищахъ.

Въ приложеніи № 1 помѣщены оставшіяся въ рукахъ Нелединскаго письма и рескрипты Императрицы. Эти любопытные документы свидѣтельствуютъ о той заботливости, съ которой Государыня занималась непосредственно всѣми подробностями управленія ввѣренными Ея попеченію и, частію, созданными Ею воспитательными заведеніями.

Въ 1808 году, Юрій Александровичъ помолвилъ старшую дочь свою Аграфену Юрьевну за Князя Александра Петровича Оболенскаго.— Вотъ въ какихъ выраженіяхъ объявлялъ онъ Е. И. Нелидовой это радостное въ семействѣ своемъ событіе.

Moscou, ce 13 Décembre 808.

«Je n'ai pas connu de mère (*). Une de ses soeurs qui n'est plus m'avait adopté dans son coeur et su faire naître dans le mien des sentimens que depuis aucune personne étrangère ne m'a inspiré au même degré que vous. Je me fais ce rapprochement au milieu de la plus vive émotion que mon âme ait jamais ressentie: c'est au moment où nous venons de fiancer notre fille aînée, notre chère et bonne Agrippine. Ma femme s'unit à moi dans ce moment pour vous l'annoncer, parce qu'elle sait et prise, comme il le faut, le bien que vous nous voulez à tous. Oui, vous nous en voulez! Vous ferez des voeux pour le bonheur de notre fille, et vos bénédictions l'accompagneront dans son nouvel état! Les bénédictions d'un être bon et juste sont toujours entendues du Ciel, et il ne manque jamais de les ratifier!

«Notre Agrippine est fiancée au prince Александръ Петровичъ Оболенскій, officier de dragons, frère de la princesse Щербатовъ, que vous connaissez, dont le mari a été adjudant-général de feu l'Empereur. C'est un jeune et bel homme, fort doux et fort honnête. Point riche, mais te-

(*) Ю. А. Нелединскій-Мелецкій лишился матери своей, урожденной княжны Татьяны Александровны Куракиной, на третьемъ году своего возраста.

nant à une famille chez laquelle une union constante, quoiqu'entre de nombreux individus, est le résultat d'un heureux caractère commun à tous et d'une sévère observation de leurs devoirs respectifs, dont la base est le respect pour leur père et mère, qui de leur côté les aiment tous également. Permettez-moi de vous recommander mon futur gendre, en attendant l'heureux jour où je pourrai vous le présenter en personne.

Съ выдачей въ замужество старшей дочери своей началась для Юрія Александровича новая эпоха жизни, тѣсно связанная съ жизнью молодой семьи, въ бытъ которой вводятъ насъ слѣдующія, собственноручно писанныя, воспоминанія Князя Александра Петровича Оболенскаго.

II.

ВОСПОМИНАНІЯ КНЯЗЯ А. П. ОБОЛЕНСКАГО.

(1780—1812 г.)

Родился я въ 1780 году 31 декабря. Младенчество и первую молодость провелъ я въ благочестивомъ домѣ моихъ родителей, получая домашнее того времени воспитаніе.

Высшее образованіе того времени, для свѣта, полагалось въ знаніи иностранныхъ языковъ, особенно французскаго. Нравственныя-же впечатлѣнія поселились во мнѣ, изустными наставленіями родителей и ихъ благими примѣрами.

Было мнѣ 15 лѣтъ когда скончалась Императрица Екатерина II. Всеобщій переворотъ ознаменовалъ новое царствованіе, особенно по военной части, въ которой быстрое возвышеніе въ чинахъ, чрезвычайныя награды, при всей строгости службы и несмотря на частыя изъ оной исключенія, возбуждали стремленіе къ оной, особенно въ юношествѣ, — возбудили и во мнѣ весьма сильное, можно сказать ребяческое, желаніе поступить на службу. Къ тому же я былъ увлекаемъ зятемъ моимъ кн. Щербатовымъ, который, едва 20 лѣтъ, былъ полковникомъ гвардіи и приглашалъ родителей моихъ отпустить меня съ братомъ моимъ меньшимъ (кн. Сергѣемъ) для записки насъ въ службу— въ конную гвардію, обѣщая скорое производство въ офицеры. Мое желаніе поступить на службу было столь сильно, что родители наши, не смотря на молодость мою и брата, ибо мнѣ было тогда 16 а брату 15 лѣтъ, и всю строгость тогдашней службы, рѣшились исполнить наше желаніе. Въ началѣ 1798 года, батюшка привезъ насъ въ С.-Петер-

бургъ, но увидя сколь тяжела тогдашняя служба для нашихъ лѣтъ, записалъ насъ коллегіи-юнкерами въ иностранную коллегію.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, Императору Павлу Петровичу показалось, что дворяне избѣгаютъ военную службу; онъ велѣлъ между прочимъ подать себѣ списокъ по иностранной колегіи и изъ имѣющихся въ оной 12 коллегій-юнкеровъ, опредѣлилъ въ штандартъ-юнкера конной гвардіи. Изъ числа ихъ былъ и я съ братомъ. По глупости и молодости, мы обрадовались этому назначенію.

Жили мы у зятя кн. Щербатаго, жена котораго, сестра моя кн. Варвара Петровна, съ самаго моего младенчества и во всю жизнь, особенно любила и баловала меня. Вскорѣ зять мой произведенъ былъ въ Генералы и Генералъ-адъютанты и также скоро, впавъ въ немилость, былъ приказомъ «за непристойные званію поступки» отставленъ отъ службы. Онъ былъ посланъ дѣлать смотръ войскамъ и поколотилъ гдѣ-то Станціоннаго Смотрителя. Это было донесено Царю и послѣдовала, безъ всякихъ объясненій, короткая Его Величества резолюція. Такъ въ это время быстро сыпались милости и столь-же скоро постигала немилость. Оставшись одни, мы вдались въ изученіе фрунтовой службы, къ коей, особенно я, имѣлъ хорошія способности.

Между тѣмъ, полкъ нашъ подпалъ подъ гнѣвъ Императора. Тогда были въ конной гвардіи офицеры знатнѣйшихъ фамилій. Кн. Дмитрій Влад. Голицынъ былъ мой эскадронный командиръ, три брата Васильчиковыхъ, Кутузовъ, Нессельроде, два брата Паленъ, Рибопьеръ, принцъ Биронъ,—всѣ, въ послѣдствіи, занявшіе высшія мѣста по военной и гражданской службамъ. Императору вошло въ голову, что всѣ эти господа мало занимаются службою и, когда Великій Князь Константинъ Павловичъ возвратился изъ Италіи, Государь отдалъ ему полкъ на исправленіе;—до того времени полкъ имѣлъ шефомъ малолѣтняго Великаго Князя Николая Павловича. Тутъ наступило строгое управленіе полкомъ Великаго Князя Константина Павловича, поступки коего описывать вполнѣ не желаю. Въ 1800 году, осенью, полкъ нашъ возвращенъ былъ въ С.-Петербургъ изъ Стрѣльны. Но, въ теченіи

зимы, подпалъ опять подъ немилость Царя, отказано было оному содержать караулъ во дворцѣ при комнатахъ Императрицы и мы ожидали опять изгнанія куда нибудь въ даль...

Нравъ Царя дѣлался болѣе еще подозрительнѣе и мрачнѣе. Никто не былъ увѣренъ, что будетъ съ нимъ на слѣдующій день. Тайная комисія при Генералъ-Прокурорѣ подвергала допросамъ съ истязаніями. Всеобщее уныніе и безпокойство было всѣми ощущаемо и предвѣщало то, что такое положеніе продлиться не можетъ. На 12 марта 1801 года назначенъ былъ строй полку въ 5 часовъ утра. Наканунѣ, въ 11 часовъ вечера, пришли за мною, чтобъ я явился въ полкъ. Я жилъ на квартирѣ. Я нашелъ полкъ на коняхъ готовый въ походъ,—невѣсть куда. Вслѣдъ затѣмъ объявлено полку, что скончался Императоръ отъ апоплексическаго удара и чтобъ съ разсвѣтомъ ѣхать за Штандартомъ для принятія присяги новому Императору. Къ присягѣ прибылъ Великій Князь Константинъ Павловичъ, весьма разстроенный, обѣщалъ милости отъ новаго Императора.

Бывши Великимъ Княземъ, Императоръ Александръ былъ очень любимъ за доброе сердце. Онъ старался облегчать участь всѣхъ подпавшихъ подъ гнѣвъ родителя и всѣ увѣрены были, что Царствованіе его будетъ благословенное, отеческое. Радость сего событія выходила даже изъ предѣловъ благопристойности. На улицахъ сдѣлалось большое движеніе; прежде, въ извѣстные часы дня, не смѣли показываться; въ 9 часовъ вечера, послѣ пробитія зари, по большимъ улицамъ перекладывались рогатки и пропускались только врачи и повивальныя бабки. Вскорѣ послѣ похоронъ Павла, случилась тревога во всѣхъ полкахъ гвардіи. Молодой Царь поѣхалъ на катерѣ въ Ораніенбаумъ рано утромъ, но не возвратился къ обѣду какъ его ожидали. Пронесся слухъ, что Царя нѣтъ и гдѣ находится—неизвѣстно. Подлинное-ли безпокойство о Царѣ или съ умысломъ сдѣлалась фальшивая тревога—это осталось подъ сомнѣніемъ. Царь возвратился благополучно вечеромъ, но полки были въ сборѣ и розданы были боевые патроны. Этотъ случай послужилъ поводомъ къ удаленію гр. Палена изъ С.-Петербурга.

Въ началѣ іюля того года, пришла Гвардія въ Москву на коронацію; тутъ я и произведенъ въ офицеры (*).

Это производство до крайности меня обрадовало, ибо я томился въ тяжкой унтеръ-офицерской службѣ года два съ половиною и несчастный нравъ Великаго Князя Константина Павловича не измѣнялся. Проводя нѣсколько недѣль при нѣжной матери и родителѣ, я возвратился съ полкомъ въ С.-Петербургъ. Великій князь прогнѣвался на зятя моего кн. Щербатова, который командовалъ лейбъ-гвардіи Гусарскимъ полкомъ, сталъ взыскательнѣе со мною по фронту противъ другихъ офицеровъ, такъ, что я рѣшился выйдти въ отставку. Къ сему побудило меня кромѣ нападковъ Великаго Князя, то что гульливое общество, довольно распутное, начинало мнѣ быть противнымъ, а втереться въ хорошее общество, по застѣнчивости моей и по недостатку—было мнѣ очень тяжело (**).

Съ начала 1803 года по 1807 я былъ въ отставкѣ и пользовался пріятностію семейнаго и посторонняго общества, гдѣ всѣми былъ обласканъ.

Два раза ѣздилъ въ Кіевъ къ сестрѣ Дохтуровой, мужъ которой командовалъ тамъ дивизіей; очень ласково былъ принятъ тамошнимъ Генералъ-Губернаторомъ Тормазовымъ, который зналъ меня, бывъ командиромъ конной гвардіи. Это пребываніе нѣсколько лѣтъ дома сдѣлало мнѣ большую пользу; бросилъ я худое общество и соединился съ хорошимъ, въ которомъ видѣлъ къ себѣ хорошее расположеніе. Я убѣдился въ томъ, что однимъ нравственнымъ поведеніемъ могу основать будущее свое счастье.

Проводя въ деревнѣ болѣе половины года, безъ особаго занятія по хозяйству, я занимался много чтеніемъ; но выборъ книгъ для меня былъ очень вредный. Читалъ я съ жадностію сочиненія такъ называе-

---

(*) Въ формулярномъ спискѣ значится: по служеніи Лейбъ Гвардіи въ конномъ полку будучи 19 лѣтъ произведенъ въ корнеты 29 сентября 1801 года.

(**) Въ формулярномъ спискѣ значится: Произведенъ по служенію Лейбъ Гвардіи въ конномъ полку въ поручики 4 сентября 1802 году; уволенъ отъ службы того же года 1 декабря.

мыхъ философовъ 18 столѣтія, пиронизмъ моихъ столько во мнѣ впечатлился, что въ послѣдующую жизнь мою, даже и въ преклонности лѣтъ моихъ, много мнѣ стоило истребить тѣ впечатлѣнія и покорить разумъ къ послушанію вѣры. Въ совершенномъ успѣхѣ въ ономъ продолжаю усердную молитву мою къ Отцу Небесному.

Въ 1805 году, открывалась война противъ Франціи, въ помощь Австріи, кончившаяся извѣстнымъ пораженіемъ войскъ нашихъ подъ Аустерлицомъ и постыднымъ для Россіи миромъ. Россія опять въ 1806 году вступила въ бой въ помощь Пруссіи. Военная кровь кипѣла во мнѣ. Въ 1805 году родители мои успѣли удержать меня, но уже въ концѣ 1806 года благословили меня. Братъ кн. Андрей Петровичъ далъ мнѣ денегъ и я отправился въ С.-Петербургъ проситься въ армію.

Я былъ въ отставкѣ поручикомъ гвардіи и меня приняли въ службу капитаномъ арміи и, по желанію моему быть помѣщену въ корпусъ зятя моего Дохтурова, въ Ингерманландскій драгунскій полкъ, который я избралъ оттого, что въ немъ было менѣе штабъ-офицеровъ и я могъ тотчасъ быть эскадроннымъ командиромъ (*).

Въ 1807 году въ Мартѣ мѣсяцѣ отправился я въ Пруссію, въ главную квартиру, находившуюся въ г. Вортенштейнѣ.

Ѣхавши шесть сутокъ въ телегѣ, безъ сна, я чрезвычайно усталъ. Помню, что насилу нашелъ на чердакѣ комнату, гдѣ пожилыя три нѣмки содержали кофейную, я тамъ расположился на старомъ канапѣ и, несмотря, что нѣмки меня гнали, заснулъ крѣпкимъ сномъ до утра.

На другой уже день узналъ отъ хозяекъ, что онѣ, оберегая свою честь, вытащили меня вонъ, а потомъ, сжалившись, опять втащили въ комнату, и всю эту возню съ собою я не чувствовалъ.

Поутру явился я къ дежурному Генералу, который отправилъ меня къ Генералу Дохтурову въ авангардъ.

(*) Въ формулярномъ спискѣ значится: Поступилъ въ Ингерманландскій Драгунскій полкъ капитаномъ 1807 года 2 апрѣля. Между увольненіемъ отъ службы и поступленіемъ на оную вновь промежутокъ времени былъ 4 года и 3 мѣсяца.

Генералъ Дохтуровъ и братъ, кн. Василій, который былъ его адъютантомъ, очень мнѣ обрадовались.

Генералъ оставилъ меня при себѣ сколько по родственной дружбѣ, столько и потому, что полкъ въ которомъ я числился былъ очень разстроенъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Тутъ мнѣ представилось все то опустошеніе, которое причиняетъ война.

Войска стояли мѣсяца два на одномъ мѣстѣ, жителей во многихъ селеніяхъ не было, все въ оныхъ разграблено. Передовыя войска претерпѣвали большой недостатокъ въ провіантѣ, хотя большой запасъ онаго былъ въ 80 верстахъ отъ насъ, въ Венинбергѣ; но шоссе тогда еще не было, дороги были непроходимы, на нихъ на аршинъ было жидкой грязи. Фуры, посылаемыя за хлѣбомъ, останавливались на дорогѣ, лошади, слабѣя, не могли ихъ вытаскивать и сами тутъ же издыхали. Это было въ Мартѣ и Апрѣлѣ мѣсяцахъ. Собственно я проводилъ время пріятно въ обществѣ зятя Дохтурова, брата и многихъ товарищей. Въ Ноябрѣ мѣсяцѣ армія сдѣлала движеніе впередъ. Корпусу нашему велѣно было идти въ мѣстечко Ломитенъ на р. Пonаржѣ и вытѣснить непріятеля изъ занимаемой имъ позиціи.

Занявъ Ломитенъ, мы нашли лѣсъ, который былъ между мѣстечкомъ и рѣкою, занятымъ непріятелемъ, сдѣлавшимъ въ немъ засѣки. Ихъ-то на другой день намъ надо было атаковать?

Въ первый разъ приготовляясь къ сраженію, я всю ночь не спалъ; безпокоился не объ опасности, но о томъ, что, не испытавъ еще своей твердости духа или храбрости, я въ оной не могъ быть увѣренъ, тогда какъ воображеніе представляло мнѣ военныя стычки въ ужаснѣйшемъ видѣ. На разсвѣтѣ 24 Мая, началось сраженіе. Я находился подъ довольно сильнымъ огнемъ, но это не показалось мнѣ очень страшно, особенно въ сравненіи того, что я воображалъ. Лѣсъ былъ такъ укрѣпленъ, что полки, туда посылаемые, много теряли людей, а имъ овладѣть не могли.

Генералъ Дохтуровъ послалъ меня къ главнокомандующему донести о положеніи дѣла и просить подкрѣпленія.

Я нашелъ Бенингсена предводительствующаго наступленіемъ на

укрѣпленный непріятельскій лагерь. На донесеніе мое сказалъ онъ мнѣ: «Какъ жаль, что у васъ завязалось горячее дѣло, нужна была только демонстрація». Этотъ отзывъ крайне меня удивилъ, ибо, если только надо было занять непріятеля, а не входить въ настоящее сраженіе, то не потеряли бы мы до 1000 человѣкъ убитыми и ранеными, тогда какъ приказъ былъ: атаковать и очистить отъ непріятеля берегъ Посаржи.

Главнокомандующій приказалъ мнѣ остаться при себѣ для полученія дальнѣйшихъ приказаній и послалъ на подкрѣпленіе Дохтурова гвардейскій егерскій полкъ, который, вступя въ дѣло, рѣшилъ оное въ пользу нашу, ибо непріятель былъ выгнанъ изъ лѣсу и за р. Посаржу, а мы соединились съ главною арміею.

Сія атака была придумана хорошо, но выполнена дурно. Корпусъ французскій былъ не въ сборѣ и, нечаяннымъ нападеніемъ, можно было уничтожить его по частямъ, но планъ главнокомандующаго не былъ выполненъ. Генералъ Сакенъ не пришелъ на назначенное ему мѣсто и французы, съ малою потерею, соединились. Генералъ Сакенъ, впослѣдствіи фельдмаршалъ, былъ за то отданъ подъ судъ (*).

Послѣ того, французы стали сами наступательно дѣйствовать, а мы ретироваться. Подъ городомъ Гельсбергомъ, мы заняли крѣпкую позицію. Наполеонъ, безъ особой нужды, пожертвовалъ здѣсь нѣсколькими тысячами лучшихъ своихъ войскъ, дабы овладѣть оною, ибо еслибъ вся его армія потянулась намъ во флангъ, мы бы и такъ должны были ее оставить. 29 Мая густыя колонны гренадеръ, одна за дру-

---

(*) За дѣло 24 Мая князь Александръ Петровичъ былъ награжденъ золотою шпагою при слѣдующемъ рескриптѣ:

Г. Капитанъ князь Оболенскій. Въ воздаяніе отличной храбрости, оказанной вами въ сраженіи противъ французскихъ войскъ 24 прошедшаго Мая, гдѣ вы посылаемы были въ опаснѣйшія мѣста, развозили приказанія полкамъ съ точностію и исполняли должность свою съ отмѣнной неустрашимостію, жалую вамъ золотую шпагу съ надписью: «за храбрость», увѣренъ будучи, что сіе послужитъ вамъ поощреніемъ къ вящшему продолженію ревностной службы вашей.

Пребываю вамъ благосклонный. Александръ. С.-Петербургъ, 18 Мая 1808 года. Военный Министръ Графъ Аракчеевъ.

гою, шли въ удивительномъ порядкѣ на нашу позицію. Встрѣчали ихъ отъ насъ 24 орудія сперва ядрами, а потомъ картечью, и когда до половины уменьшенныя выбитыми изъ фронта колонны доходили подъ наши батареи, тогда спускалась на нихъ наша пѣхота.

Та и другая встрѣчалась на самомъ близкомъ разстояніи, стрѣляла одна въ другую бѣглымъ огнемъ, топталась на одномъ мѣстѣ, и ни одна не рѣшалась ударить въ штыки. Французы не могли долго выдержать столь сильный огонь, пошли, хотя въ порядкѣ, назадъ, и тутъ болѣе потеряли народа. Мы сохранили поле сраженія.

Я цѣлый день провелъ въ тяжкомъ занятіи, разбиралъ на мѣстѣ раненыхъ и бралъ только тѣхъ, коимъ, повидимому, можно было помочь. Ихъ такъ было много, особенно французовъ, что хотя я и имѣлъ команду и подводы, но не могъ всѣхъ забрать для перевязки въ верстѣ лежащій отъ мѣста сраженія городъ. Все это познакомило меня съ ужасами и бѣдствіями, кои ведетъ за собою война, какъ для дѣйствующихъ въ ней, такъ для обывателей, у которыхъ жгутъ селенія и отнимаютъ послѣдній кусокъ хлѣба. Послѣ подвига моего, я не могъ всю ночь заснуть; насытился я всѣми родами страданій раненыхъ и всѣми родами смертей и всю ночь проплакалъ.

На другой день, ретировались мы далѣе до Фридланда, гдѣ на зарѣ 2 Іюня завязался бой, сначала для насъ удачный. Мы составляли правый флангъ арміи.

Пѣхота наша, вмѣстѣ съ кавалеріей, опрокинула наступающія непріятельскія войска. Мы даже взяли одинъ французскій орелъ, который я отвезъ главнокомандующему.

Вмѣстѣ съ симъ, по порученію генерала, я просилъ у него приказанія, объясняя, что въ настоящей позиціи намъ стоять невозможно, ибо мы подошли къ лѣсу, изъ котораго непріятель, подвезя артиллерію, билъ у насъ много людей. Беннигсенъ отвѣчалъ мнѣ: «Скажите отъ меня генералу Дохтурову, чтобъ онъ не раздражалъ непріятеля, ибо я увѣренъ, что онъ не намѣренъ давать сраженія».

Я еще не успѣлъ отъ него отъѣхать, какъ прискакалъ англійской службы полковникъ Вильсонъ (этотъ Вильсонъ былъ прозванъ въ арміи маякомъ, потому что выбиралъ всегда самую высокую мѣстность,

чтобъ удобнѣе смотрѣть на сраженіе, какъ на зрѣлище) съ извѣстіемъ, что густыя колонны съ огромною артиллеріею наступаютъ на центръ нашей арміи.

Главнокомандующій послалъ меня къ генералу Дохтурову объявить ему объ этомъ и велѣть сколько возможно сосредоточить войска, дабы непріятель не могъ прорвать нашу линію. Привести это въ исполненіе поручилъ генералъ мнѣ, но уже было поздно. Непріятель наступалъ съ столь превосходными силами на центръ нашъ, что, не смотря на сильнѣйшее сопротивленіе, прорвалъ оный и потомъ зажегъ городъ Фридландъ и понтонные мосты на р. Алле въ тылу нашемъ, такъ что и отступленіе войскамъ нашимъ казалось невозможнымъ. Къ счастію, наступившая темнота ночи сохранила насъ отъ конечной погибели; отыскавъ на рѣкѣ бродъ и въ ночь всѣ войска, въ водѣ выше пояса, переправились черезъ рѣку. Послѣдствія и потери этого сраженія всѣмъ извѣстны.

Нѣсколько тысячъ раненыхъ, бывшихъ въ городѣ, погибло отъ огня, и армія пришла въ совершенное по всѣмъ частямъ разстройство (*).

Отъ изнуренія силъ, не имѣя возможности обсушиться, ибо кромѣ того, что переѣхалъ рѣку вплавь, всю ночь шелъ проливной дождь, получилъ я горячку. До перваго города я насилу доѣхалъ верхомъ, а оттуда уже повезли меня на подводѣ, и черезъ двѣ недѣли только я очнулся и очутился въ городѣ Юрбургѣ.

(*) За дѣло подъ Гейнсбергомъ и Фридландомъ князь Александръ Петровичъ получилъ Владиміра 4-й степени при слѣдующимъ рескриптѣ:

Г. Капитанъ князь Оболенскій!

Въ воздаяніе отличной храбрости, оказанной вами въ сраженіяхъ 29 Мая при Гейнсбергѣ и 2 Іюня при Фридландѣ противъ французскихъ войскъ, гдѣ вы, бывъ посылаемы съ приказаніями въ опаснѣйшія мѣста, исполняли оное съ особенною неустрашимостію и во всей точности, жалую васъ кавалеромъ ордена Св. Равноапостольнаго князя Владиміра 4-й степени, коего знаки у сего вамъ доставляя, повелѣваю возложить на себя и носить въ петлицѣ съ бантомъ, по установленію, увѣренъ будучи, что сіе послужитъ вамъ поощреніемъ къ вящшему продолженію усердной службы вашей.

Пребываю вамъ благосклонный. Александръ.

С.-Петербургъ, 20 Мая 1808 года.

Тутъ я такъ былъ счастливъ, что былъ принятъ на квартиру генерала Запольскаго, гдѣ нашелъ и брата, князя Василія, котораго я отправилъ больнаго также горячкою изъ-подъ Гейнсберга.

Выздоровленіе наше, особенно мое, было очень медленное. Офицеры, въ свитѣ генерала находящіеся, гуляли на досугѣ съ генераломъ и покою мнѣ не было. Стрѣляли въ моей комнатѣ изъ пистолетовъ, предполагая, что я такъ уже плохъ, что и выстрѣлы меня не обезпокоятъ; но напротивъ всякой ударъ лишалъ меня чувствъ. Къ счастію, они всѣ скоро убрались, и мы остались одни съ братомъ.

Наша квартира была въ домѣ отставнаго врача, старика лѣтъ 80. Не могу забыть, съ какимъ удовольствіемъ смотрѣлъ онъ на меня, когда обнадежился въ моемъ выздоровленіи, и приносилъ мнѣ сбереженныя имъ нѣсколько яблокъ,—въ Іюлѣ это была рѣдкость.

Еще слабаго перевезли меня въ городъ Россіены, гдѣ, совершенно выздоровѣвъ, отправился въ полкъ, который стоялъ въ лагерѣ близь Могилева. Здѣсь былъ смотръ всѣмъ войскамъ Государемъ, послѣ коего они были распущены на постоянныя квартиры, и нашъ полкъ сталъ близь города Слуцка (*).

Вмѣстѣ съ братомъ отправился я въ концѣ Ноября въ отпускъ, въ Москву, для радостнаго свиданія съ родителями и семьею послѣ кампаніи, въ которой уцѣлѣли.

Зиму въ Москвѣ провелъ я въ пріятной и шумной разсѣянности. Между тѣмъ, племянница моя, княжна Вяземская (**), съ которой я былъ очень друженъ, принимая во мнѣ участіе, совѣтовала искать руки пріятельницы ея, Аграфены Юрьевны Нелединской-Мелецкой и всевозможно старалась мнѣ тому способствовать, но безъ успѣха.

Въ исходѣ зимы отправился я въ полкъ, ибо отпускъ мой кончался.

Пріѣхавъ въ полкъ, я занялся усердно службою, имѣя въ эскадронѣ большею частью рекрутъ и молодыхъ лошадей.

(*) Въ Ноябрѣ сего года князь Александръ Петровичъ былъ произведенъ въ маіоры.

(**) Княжна Екат. Андр. Вяземская, родная сестра князя Петра Андреевича, была двоюродная племянница князя Александра Петровича. Отецъ ихъ былъ родной племянникъ матери кн. Александра Петровича, урожденной Вяземской.

Между тѣмъ, княжна Вяземская употребила опять все свое вліяніе, чтобы склонить А. Ю. Нелединскую выдти за меня замужъ, и въ этотъ разъ успѣла въ концѣ 1808 года.

Безъ страсти оцѣнилъ я всѣ ея достоинства, все счастіе соединиться съ нею и войти въ наипочтеннѣйшее семейство. Глава онаго, извѣстный всѣмъ душевными и умственными качествами, всѣми уважаемый Ю. А. Нелединской, предпочиталъ меня другимъ искателямъ руки дочери, зная съ хорошей стороны семейство наше и, не смотря на недостаточность моего состоянія, охотно далъ свое согласіе и склонилъ къ тому и супругу свою. Это событіе исполнило полною радостію все мое семейство. Я же видѣлъ въономъ совершенное счастіе во всѣхъ отношеніяхъ. Послѣ нѣсколькихъ дней короткаго сношенія, мы оба воспламенились живѣйшей, чистѣйшей любовью, которая не только не измѣнилась во всю жизнь моего друга, но и теперь, послѣ 25-тилѣтней ея утраты, точно также наполняетъ мою душу.

Я вышелъ въ отставку съ чиномъ подполковника (*).

Свадьба наша была 9 Апрѣля 1809 года, почти въ то же время вышла замужъ княжна Вяземская за кн. Щербатова.

Императрица Марія Θеодоровна писала къ тестю моему, пеняя, что онъ поторопился свадьбою и тѣмъ лишилъ ее удовольствія сдѣлать дочь его фрейлиной по случаю свадьбы Великой Княгини Екатерины Павловны, вышедшей замужъ нѣсколько дней послѣ нашей свадьбы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, предлагала сдѣлать меня камеръ-юнкеромъ при дворѣ Великой Княгини, зачисливъ меня на службу по вѣдомству путей сообщеній, коихъ начальникомъ былъ Принцъ Ольденбурской, на что мы изъявили согласіе, и я былъ переименованъ въ надворные совѣтники.

Вотъ это своеручное милостивое письмо, доказывающее, до какой степени Ю. А. Нелединскій пользовался дружбою Императрицы:

En tout premier lieu, mon bon Mr. de Nélédinsky, recevez mes compliments et mes voeux sur le mariage de votre aimable fille. J'espère et je

(*) Въ формулярномъ спискѣ князя Александра Петровича значится: Увол. за болѣзнію въ отставку подполковникомъ 1809 года 2 Февраля.

désire du fond de mon coeur qu'elle soit heureuse; j'ai en idée que vous n'avez pu faire qu'un bon choix et que votre beau-fils doit réunir des qualités essentielles, parceque vous avez confié à ses soins le bonheur de votre aimable enfant. Après vous avoir fait mes compliments sur cet événement de famille, j'aurais envie de vous faire des reproches d'avoir cédé trop tôt à l'empressement des promis, il fallait reculer le moment des noces, et les fixer en même temps que celles de ma fille, car savez-vous bien, mon bon vieux Nélédinsky, qu'il n'est pas aimable de votre part de gâter ainsi aux gens un plaisir dont on se faisait fête; et vous m'avez privée d'une véritable satisfaction; mais enfin comme on ne peut plus démarier votre fille pour la remarier une seconde fois, et qu'à toute force, je veux *toucher votre coeur* par son côté sensible, je vous fais la proposition, mon bon vieux Nélédinsky, du consentement de notre cher et bon Empereur et avec le plein assentiment de ma fille, d'une place de gentilhomme de la chambre pour votre beau-fils à la cour de la Grande Duchesse Catherine, et comme elle sera une majeure partie de l'année à Twer, vous voyez, mon vieux Nélédinsky, que vos enfants pourront venir dîner et souper chez vous et vous chez ma fille. Vous savez qu'il faut qu'en même temps il choisisse un cercle d'activité et comme le Prince de Holstein sera chef du département des eaux, votre beau-fils pourrait choisir cette carrière de service, qui le rendrait utile et l'attacherait au Prince tout autant qu'il serait au service de ma fille (*). Voilà, mon bon Nélédinsky, sur quoi j'attends votre réponse et décision. La place restera vacante pour lui; il me parait que sous tous les rapports, c'est convenable à votre beau-fils. Analysez mon intention, mon ami, au creuset du sentiment et vous trouverez: reconnaissance pour votre attachement pour notre cher et bien cher Empereur, et reconnaissance pour le zèle que vous me témoignez en toutes occasions.

(*) Въ формулярѣ князя А. П. значится: Опредѣленъ ко Двору Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Екатерины Павловны, въ званіи камеръ-юнкера, съ переименованіемъ въ чинъ надворнаго совѣтника и съ причисленіемъ къ вѣдомству путей сообщенія 1809 г. 24 Апрѣля. Между увольненіемъ отъ службы и опредѣленіемъ вновь находился внѣ службы 2 мѣсяца и ..

Adieu, mon bon Nélédinsky, croyez-moi très sincèrement et à jamais votre affectionnée. Marie.

Pétersbourg, 14 Mai 1809.

Arrivez, mon bon vieux Nélédinsky, avec fille et gendre. Vous serez le très bien reçu, le très bien venu, le très bien traité, mais *le très mal nourri*, car je vous mets au pain et à l'eau, pour que vous vous portiez bien; envoyez-moi en attendant le nom et prénom de votre beau-fils pour l'Oukaze pour sa nomination: je suis charmée de savoir ma fille entourée d'un des vôtres, cela doit être honnête et fidèle comme vous; je me réjouis de tout mon coeur de vous revoir, ce n'est pas une phrase, mais bien la vérité même. Voilà une bien petite et courte lettre, mais vous l'aimerez, mon ami, parceque le sentiment l'a dictée et que le sentiment la recevra. Adieu; mes amitiés à votre femme et enfants. Je suis bien sincèrement votre bien affectionnée. Marie.

По представленіи и милостивомъ пріемѣ, Императрица предложила мнѣ чрезъ К. И. Нелидову опять вступить въ военную службу и быть адъютантомъ Принца Ольденбургскаго. На это я согласился и былъ зачисленъ въ конно-гвардію штабсъ-ротмистромъ (*).

Конецъ 1809 г. и 1810—1811 и начало 1812 года провели мы въ Твери, гдѣ Принцъ Ольденбургскій былъ генералъ-губернаторомъ. Въ эти три года наслаждались мы съ женою возможнымъ на землѣ верховнымъ блаженствомъ. По милосердію Божію, безпредѣльная любовь царствовала между нами; Великая Княгиня и супругъ Ея особенно къ намъ были внимательны и ласковы. Братъ, князь Василій, былъ также взятъ въ адъютанты къ Принцу, и тѣмъ исполнилось наше съ нимъ мечтаніе, когда еще были оба холостые, заключавшееся въ томъ, что если который изъ насъ прежде женится, другой жилъ бы съ нимъ вмѣстѣ. Однимъ словомъ, счастію нашему ничего не доставало ни съ какой стороны. Родные наши были отъ насъ не далеко, и

(*) Въ формулярномъ спискѣ князя А. П. Оболенскаго значится: Вторично поступилъ л.-г. въ конный полкъ штабсъ-ротмистромъ, съ назначеніемъ въ адъютанты къ Его Высочеству Принцу Гольштейнъ-Ольденбургскому 1809 года 1 Сентября.

мы всегда могли съ ними видѣться. Въ 1811 году скончалась мать моя, и я имѣлъ утѣшеніе быть съ женою при ея кончинѣ. Она особенно любила мою княгиню, и послѣднее ея сердечное чувство было занято ею по тому случаю, что мы тогда лишились перваго нашего ребенка.

Здѣсь записки князя Александра Петровича прерываются, и возобновляются лишь съ 1812 года. Но мы имѣемъ возможность изъ сохранившейся въ семейномъ архивѣ частной корреспонденціи князя и другихъ бумагъ пополнить отчасти пробѣлъ въ воспоминаніяхъ князя за годы 1809, 1810 и 1811, т. е. за время пребыванія его въ Твери.

Тихая и однообразная жизнь губернскаго города, съ прибытіемъ въ Тверь Великой Княгини Екатерины Павловны и двора ея, совершенно измѣнилась. Тверь сдѣлалась не только попутнымъ, между Москвою и Петербургомъ мѣстомъ, въ которомъ останавливались для свиданья съ Великой Княгиней всѣ особы Императорской Фамиліи и важнѣйшіе сановники, но она также была, нѣкоторое время, центромъ, куда стремились замѣчательные по талантамъ своимъ и просвѣщенію люди, находившіе всегда сочувствіе и покровительство Великой Княгини. Извѣстно, что Она первая указала на Карамзина Государю въ 1809 г., и что въ 1811 году Карамзинъ въ Твери, въ присутствіи Государя, въ первый разъ читалъ отрывки изъ своей Исторіи. Тутъ же чрезъ посредство Великой Княгини вручена была Карамзинымъ Государю записка «О древней и новой Россіи.»

Въ числѣ частыхъ посѣтителей Твери былъ и Нелединскій. Императрица Марья Ѳедоровна оказывала особое Свое благоволеніе къ лицамъ окружавшимъ Великую Княгиню. Такъ, отъ 30 Сентября 1809 г. писала она Княгинѣ А. Ю. Оболенской.

Madame la Princesse d'Obolensky. J'ai été bien charmée de recevoir de Vos nouvelles de Twer et suis très sensible aux expressions contenues dans Votre lettre. Je Vous prie de croire que je prendrai toujours un intérêt sincère à ce qui Vous regarde et qu'il me sera agréable de Vous donner des témoignages de la bienveillance avec laquelle je suis Votre affectionnée. Marie.' *(Собственноручная приписка:)* J'embrasse la fille et fais mes complimens au père et au mari; dites à papa, ma chère petite, que j'ai lu ses vers, mais que je suis indignée du parricide qu'il a commis, car comment a-t-il osé chanter l'anéantissement du Parnasse, la *pulvérisation d'Apollon*, lui, qui jusqu'à aujourd'hui en a été le digne fils».

Для уразумѣнія этихъ послѣднихъ словъ надо знать, что Великій Князь Константинъ Павловичъ, пріѣхавъ повидаться съ сестрою, Великою Княгинею Екатериною Павловною, въ Тверь, въ *видѣ забавы* взорвалъ порохомъ статую Аполлона, находившуюся въ саду Великой Княгини. Юрій Александровичъ Нелединскій-Мелецкій, находясь въ это время въ Твери, написалъ по этому случаю юмористическое стихотвореніе (къ сожалѣнію до насъ не дошедшее); эти-то стихи и возбудили негодованіе Императрицы. Тогда Юрій Александровичъ въ стихахъ же написалъ къ Ней оправданіе слѣдующаго содержанія:

Sans blasphémer, je pouvais me permettre
De plaisanter le simulacre vain,
Que brusquement nous vimes disparaitre
Cédant au choc d'un agent souterrain.
Du Dieu qu'il figurait, quoique cher au génie,
Je rejette le culte et renonce à tout don.
Désormais aux vertus la beauté réunie
Seule peut m'inspirer—être mon Apollon.

На это оправданіе Императрица отвѣчала Нелединскому слѣдующимъ письмомъ:

Гатчино. 25 Октября 1809 года.

J'ai lu, mon bon Mr. de Nélédinsky, Votre justification du sacrilège commis contre Votre patron, et si je savais faire des vers, je Vous ré-

pondrais dans ce même langage que j'ai bien deviné ***celle beauté aux vertus réunie*** qui Vous inspire, mais que malgré cela ce n'est pas ***en vers*** qu'il faut renoncer au culte et aux dons du dieu ***des vers*** au risque de n'être pas cru sur sa parole. Il n'en est pas ainsi, j'espère, des assurances que je Vous fais en prose des sentiments de bienveillance sincère avec lesquels je suis toujours Votre affectionée, Marie.

P. S. M-lle de Nelidoff a deviné, comme moi, le mot de l'énigme; gare à Vous, mon pauvre Nélédinsky; rappelez Vous les beaux préceptes, que Votre sagesse de tuteur Vous fait débiter à nos demoiselles (*) profitez en Vous-même et *fuyez le danger* en revenant chez nous, si non—je Vous crois *perdu* (**).

На это Юрій Александровичъ отвѣчалъ Императрицѣ слѣдующимъ письмомъ:

Madame.

Combien je suis heureux de voir que Votre Majesté Impériale a daigné accorder quelque attention à mes vers. Si pour les écrire, il m'a fallu être inspiré, je n'en ai été redevable, Madame, qu'à Votre apostille gracieuse à la lettre dont il Vous a plu d'honorer ma fille. Je devais sans doute m'attendre, que V. M. I. serait éloignée de faire l'application juste de mes deux dernières lignes; mais M-lle Nelidoff qui a les mêmes yeux que moi, en prenant sur elle de deviner le mot de l'énigme, si c'en était une, pouvait, ce me semble, Vous faire observer, Madame, que quand on a le bonheur de porter la parole à V. M. I. on ne saurait diriger ses idées sur aucun autre objet sans profaner la respectueuse admi-

---

(*) Юрій Александровичъ Нелединскій въ качествѣ почетнаго опекуна завѣдывалъ женскими институтами.

(**) Эти намеки относились къ тому обстоятельству, что въ это время Нелединскій восхищался красотой Е. С. Обресковой (впослѣдствіи вышедшей замужъ за князя Хилкова), и казался влюбленнымъ въ нее.

ration qu'on Lui doit exclusivement et dont il est si doux de pouvoir Lui faire hommage. Pénétré sans réserve de ce sentiment je suis,

Madame
de Votre Majeste Impériale
le très humble et très soumis sujet
Nélédinsky-Melétsky.

L'Empereur Vous arrive à Moscou, mon bon Nélédinsky, писала Императрица отъ 27 Ноября 1809, que ne puis-je finir la phrase par Vous dire, et j'arrive de même, mais ce *bonheur* ne m'est pas réservé cette fois, la course de mon fils étant trop prompte, mais je me flatte que bientôt peut-être l'Empereur pourra faire un séjour plus long à Moscou, et alors, s'il plaît à Dieu, j'en serai; mon fils m'a dit qu'il irait voir mes chers instituts: ne voilà-t-il pas que le coeur me bat, non pas d'angoisse, mais d'intérêt, d'affection, et de sollicitude pour ces chers objets de mes affections; Vous recevrez celle-ci par courrier que ma fille Vous enverra, et j'y mets cette lettre (ou autre?) pour que tous nos Messieurs se préparent à recevoir l'Empereur dans nos différens Etablissements; jettent par ci par là, peut être, quelques regards de plus, pour voir si nous sommes prêts à recevoir notre cher Souverain. Vous mon bon Nélédinsky veillez particulièrement sur les classes des deux Instituts: l'Empereur désire y trouver les Enfants, amusez les ce jour d'objets qui peuvent intéresser et plaire à l'Empereur, et organisez cela avec ce zèle qui m'est connu; il ne faut pas de discours, rien de semblable: une profonde révérence lorsque l'Emp. entrera dans les classes; on lui montrera l'écriture, les compositions, les dessins de ces Demoiselles, peut-être voudra-t-on leur faire quelques questions, soit d'histoire, géographie ou traduction, ou physique; si vous avez de bonnes et belles voix on pourrait en faire entendre la plus distinguée, il faut que tout cela ne soit pas long; dans la classe d'ouvrage, il faut présenter un ouvrage à l'Empereur et cela, par quelque élève distinguée. Adieu mon bon Nélédinsky, vous savez tout le bien que je Vous veux et combien sincèrement je suis Votre bien affectionnée. «Marie».

«Hier, entre minuit et une heure, Sa Majesté l' Empereur a quitté Moscou,» пишетъ Нелединскій Е. И. Нелидовой отъ 13 Декабря 1809 г. «certainement convaincu de l'attachement et de la fidélité de ses habitants; et à coup sûr leur en tenant compte. Car l'air de contentement et de bienveillance qui n'ont pas cessé un moment de paraître sur son visage, en faisaient foi. Il a signalé son séjour ici par quantité de grâces; auxquelles sa bonté suprême m'a fait aussi participer. 10 heures après son départ, on m'a apporté un rescript de sa Majesté par lequel je suis créé chevalier de St. Alexandre. Quoique dans ce moment même, j'écrive à sa Majesté l'Impératrice pour porter à ses pieds l'hommage de mes actions de grâce, je crois devoir encore avoir recours à Vous, Матушка Катерина Ивановна, et en réclamant Vos bontés pour moi, Vous supplier de Lui bien exprimer ma reconnaissance, persuadé que je suis que c'est à Elle seule que je suis redevable de l'attention que Sa Majesté Impériale a daigné faire à moi.—Je suis d'autant plus satisfait que j'étais bien éloigné d'attendre une pareille grâce; et Vous qui me connaissez, Матушка, Vous savez si je crois qu'on mérite d'être récompensé pour n'avoir fait que son devoir et rien au-delà.

Madame la Grande Duchesse me comble de bontés ainsi que ma fille qui a le bonheur de lui plaire. Elle a daigné permettre à ma femme et à ma cadette de se présenter chez Elle. Demain elles vont toutes deux à Twer et j 'irai les rejoindre pendant ces fêtes, si j'en obtiens la permission que j'ai prié Monsieur Willamow de m'obtenir. Je Vous prie, Матушка, de l'en faire souvenir et qu'il me réponde à temps.

Je Vous supplie de faire parvenir ce que je vais Vous dire.

Dans sa lettre du 27 Novembre Sa Majesté l'Impératrice écrivait: *Catiche* y *sera aussi*, j'espère. Dites lui *à l'institut même* que Maman Vous a chargé de lui dire qu'elle est et sera toujours ma vieille Catiche, *et qu'elle doit penser à moi.*—Voilà que ma tête travaille; et comme dans le corps de la lettre il m'avait été ordonné en cas que Sa Majesté l'Empereur trouve qu'on est mal logé à l'Institut Alexandre de parler de la pauvreté de cette maison—alors, à tout hazard, et n'écoutant que mon zèle, je pris le parti dans une audience que Son Altesse Impériale accorda aux membres du Conseil—je pris le parti, dis-je, de la sup-

plier d'éclaircir mes doutes sur ces mots: *à l'institut même, Elle doit penser à moi*. Madame la Grande Duchesse me fit l'honneur de me demander quelles étaient les conséquences que j'en tirais. Alors, je répondis naïvement, que peut-être Son Altesse Impériale pourrait faire naître l'idée à l'Empereur de gratifier cette maison de quelques cent mille roubles.—Au risque d'avoir dit une sottise, enfin, je l'ai dite; et si je n'en suis pas avoué, je me résigne. En tout cas, Матушка, dites moi quelque chose sur ce sujet. Ai-je très mal fait ou pas absolument mal.

Декабря 14, пишетъ Императрица Нелединскому «Dans ce moment je reçois une lettre de l'Empereur qui me parle aussi de l'institut d'Alexandre. Il est extrêmement content de tous les deux, et paraît enchanté de l'ordre et de la tenue. J'en suis *joyeuse*, *contente*, comme je ne l'ai été de longtemps. Je vous remercie mille fois mon ami, et vous prie de remercier M-me Perrette, la bonne Mélart, les enfants, les maîtres, enfin tous ceux qu'il appartient de remercier. Revenez encore sur les plus petits détails de cette visite, tout cela me fait plaisir et ne m'est pas indifférent. Adieu mon bon Nélédinsky, Grand Dieu quand viendrai-je vous voir? «Marie».

Эти письма писаны Императрицею Маріей Θеодоровной изъ Гатчины, куда она удалилась на зиму, съ Великими Князьями Николаемъ и Михаиломъ Павловичами, дабы дополнить образованіе Князей внѣ шума свѣтской придворной жизни. Это временное удаленіе изъ Петербурга не осталось не замѣченнымъ и подало поводъ къ самымъ разнообразнымъ городскимъ толкамъ и сплетнямъ, какъ это видно изъ слѣдующаго письма Екатерины Ивановны Нелидовой къ Княгинѣ Аграфенѣ Юрьевнѣ Оболенской изъ Гатчины отъ 25 Октября 1809 года.

Ma chère Princesse je suis bien touchée des expressions affectueuses de Votre lettre et si je ne Vous ai pas remercié plutôt n'en accusez que la vie un peu vagabonde que j'ai menée depuis le moment presque que je l'ai reçue. Me voilà enfin fixée à Gatchina jusqu'au printems, par des raisons relatives à l'éducation de nos jeunes Grands-Ducs, à qui moins de distractions devient tous les jours plus nécessaire, dans l'âge où ils entrent et qui demande une plus sérieuse application à l'étude. L'Impératrice-

mère sacrifie à cet objet les plaisirs de la ville et du grand monde et, en mère tendre, consacre toutes ses sollicitudes au bien réel qui en résultera certainement pour Ses Enfants. Ne croyez pas cependant que nous vivions ici dans une profonde solitude, nous sommes en société de quelques individus qui ne se laissent point effrayer par l'idée de passer l'hiver à la campagne. Tous les cavaliers attachés aux Grands Ducs, avec leurs familles, les demoiselles d'honneur qui alternent entre elles à tour de rôle, la Princesse Prozorovsky qui passera autant de temps qu'elle voudra avec nous et autant à Pétersbourg où elle a ses relations et ses enfants, enfin moi, qui me trouve bien partout où je puis vivre tranquille et dispensée de la gêne et du tumulte du grand et beau monde. L'Impératrice Elle-même s'en va tous les 15 jours faire un séjour de 8 et quelquefois moins ou davantage en ville pour y voir l'Empereur et l'Impératrice Sa belle-fille et alors Elle y reçoit chez Elle le monde accoutumé et de la manière qu'Elle a toujours faite. Nous sommes tous libres de la suivre dans ses courses ou de rester à la maison. Ce plan, dont le projet m'est connu depuis déjà deux ans, dont l'Empereur était convenu avec Sa mère et qui n'a pu jusqu'ici avoir son exécution à cause du séjour de la Grande Duchesse Marie et du mariage de Madame Catherine, a paru si nouveau au public, qu'on n'avait pas instruit d'avance, parcequ'on ne peut jamais répondre des circonstances, et si extraordinaire à ceux qui eux-mêmes ne s'occupent que de leurs intérêts personnels et individuels, qu'il n'y a pas de suppositions si bêtes et de contes si absurdes qu'on a cru devoir faire et débiter pour détourner l'Impératrice de ce projet et l'effrayer des suites que personne au fond ne croyait pouvoir en résulter. — Mais si on voulait toujours sacrifier le véritable bien à la crainte des discours du public, tantôt sot, tantôt méchant et presque toujours inconséquent et malin et dont la masse se compose, presque toute, d'individus désoeuvrés et la plupart envieux des vertus dont ils se trouvent eux-mêmes dépourvus, que ferait-on de celles même que la providence a si généreusement dispensées sur des êtres privilégiés? Car enfin, l'expérience qu'on fait de ce monde ingrat nous prouve tous les jours davantage qu'il ne faut point compter sur la reconnaissance de la multitude, quelques biens, quelques sacrifices qu'on s'impose pour son utilité et son bonheur à venir. Nous

ne voulons point aujourd'hui des Princes solidement instruits et élevés, aussi éloignés que possible de la corruption de la flatterie, parcequ'en les éloignant quelque temps des plaisirs de la cour, on craint d'être privé d'une fête, d'un spectacle, d'un bal de plus que leur présence ordinairement n'en a fourni au désoeuvrement du public—il faut partout et plus chez nous qu'ailleurs faire le bien pour le seul plaisir de le faire ou pour l'acquit de sa conscience et n'en attendre point de récompense. Heureux mille fois, lorsqu'on parvient à n'en désirer aucune et surtout à voir avec l'oeil de l'indifférence l'ingratitude dont on est le plus souvent payé!....

По поводу этого письма Ю. А. Нелединскій высказываетъ дочери въ письмѣ отъ 18 Ноября 1809 года мнѣніе свое о Екатеринѣ Ивановнѣ Нелидовой въ слѣдующихъ выраженіяхъ . . . . Plus d'une fois dans Votre vie, vous vous rappellerez je Vous ai dit que Vous ne rencontrerez jamais nulle part un être plus respectable pour sa manière de penser et de se conduire. Il y a deux sortes d'honnêtes gens: d'abord, ceux qu'on nomme tels, parcequ'ils ne heurtent pas, de front, les principes reçus, qu'ils sont habiles à ménager les apparences. D'autres sont honnêtes—par le cœur, parceque leur honnêteté tient, non pas à l'opinion des autres, mais à une bonté innée en eux et qui est le mobile de leurs actions indépendantes du qu'en dira-t-on.—Cette dernière honnêteté qui est celle de Екатерина Ивановна, soutiendra l'examen de la conscience la plus sévère—pour l'autre elle n'est suffisante, comme le dit je crois „Figaro".— «Elle suffit pour préserver de n'être pas pendu».—Pour concilier ma paresse avec le plaisir que j'ai de m'occuper de Vous; je Vous écris rarement, mais je relis Vos lettres. Celle du 4 me charme toujours comme la première fois. Vous trouvez donc de la satisfaction à me parler de Votre bonheur. Ma chère enfant! Soyez toujours heureuse et pour doubler Votre bonheur sentez que Vous en êtes digne! Oui, Vous l'êtes et Vous méritez que je Vous le dise. Souvenez Vous bien que hors de nous, rien ne peut donner le bonheur et que dans la même position où Vous vous trouvez, si vous n'aviez *le contentement de vous-même*, Vous ne jouiriez de rien. Persuadez Vous bien de cela, mon amie, et remerciez Celui de qui vous tenez une raison saine, et cet heureux caractère qui Vous fait voir de préférence le bon côté des choses.—Croyez que le pre-

faire quelques tours de salle l'un à côté de l'autre. Et tout ce que fait cette charmante Princesse elle le fait de manière que tout le plaisir est de son côté!

Twer à 29 Décembre 809. L'heure où je dois me rendre au Palais approche, et je ne peux employer plus agréablement le peu de temps qui me reste, qu'à m'entretenir avec Vous, Матушка Катерина Ивановна.—Comblé, moi et tous les miens, des bontés de Madame la Grande Duchesse, je ne peux Vous parler de rien, avant d'avoir épanché dans Votre âme les sentiments qui remplissent la mienne à ce sujet. J'ai toujours aimé d'approcher cette digne et aimable Princesse, à laquelle, avant de la connaître autant que je le fais à présent, j'étais toujours porté d'inclination, parceque personne ne m'a jamais plus rappelé mon premier Bienfaiteur dont le souvenir me fait pleurer dans ce moment même, et auquel j'étais attaché par un je ne sais quoi, indépendant de la reconnaissance. Il y a bientôt onze ans que je l'ai quitté, il y en a neuf qu'il n'existe plus: Eh bien! Une grace que je reçois, un procédé qui touche mon coeur . . . . à chaque fois, mon premier sentiment se porte vers lui, quoiqu' habituellement je sois quelque fois très longtemps sans y songer.—Il est de fait, que mon coeur, ne saurait être ému, sans qu'il n'y soit subitement rappelé.—J'ai éprouvé cela encore dernièrement, comme je le fais toutes les fois que Madame la Grande Duchesse, avec cette grâce qui ne la quitte pas, témoigne des bontés à ma femme, mes filles, mon fils même qui a eu l'honneur de dîner à sa table, et qu'elle m'a ordonné de ramener encore parceque je n'avais pas osé le faire une seconde fois sans qu'elle me le dise. Formant peu de projets qui me soyent personnels, vivant peu en moi—c'est le bonheur de ce qui tient à moi qui me touche uniquement.

Въ Мартѣ 1810 года Императрица Марія Ѳеодоровна пріѣзжала въ Тверь для свиданія съ Великой Княгиней. Желая видѣть Юрія Александровича Нелединскаго, она пригласила его пріѣхать въ Тверь слѣдующимъ рескриптомъ:

Юрій Александровичъ. Намѣрившись посѣтить любезнѣйшую дочь мою Великую Княгиню Екатерину Павловну въ Твери и желая при семъ случаѣ видѣться также съ вами и съ товарищами вашими, а чрезъ васъ,

будто бы и съ заведеніями нашими въ Москвѣ, Я испросила вамъ на таковую отлучку изъ Москвы, по Сенату, изволеніе Императора, любезнѣйшаго Моего сына. Я полагаю быть въ Твери 15 числа и остаться 7 дней, въ теченіи которыхъ буду васъ ожидать. Нѣтъ кажется надобности увѣрять васъ объ удовольствіи, съ которымъ васъ увижу и лично изъявлю вамъ доброжелательство съ каковымъ пребываю вамъ благосклонная «Марія». С.-Петербургъ 7 Марта 1810 г.

Въ Маѣ мѣсяцѣ Великая Княгиня съ Принцемъ переѣхали въ Петербургъ по случаю ожидаемыхъ родовъ Великой Княгини. Въ это же время и княгиня Аграфена Юрьевна отправилась вмѣстѣ съ мужемъ въ Москву, въ ожиданіи также скораго разрѣшенія отъ бремени.

8 Мая 1810 года Императрица изъ Гатчины писала Нелединскому: Recevez mes remerciements, mon bon et digne Nélédinsky, pour l'excellent thé que Vous m'avez envoyé, je le trouve parfait et le bois à Votre santé, mais vous avez été si généreux, mon ami, que j'en suis toute confuse, et si Vous voulez que ce thé ne me fasse pas mal,—Vous me direz ce qu'il coûte pour que je puisse acquitter ma dette. Pour vous prouver à quel point je le trouve excellent, je Vous dirai que je fais l'avare et qu'il est mis sous la garde spéciale de mon valet de chambre. Je me flatte, mon ami, Vous voir tenir votre promesse de venir passer quelques semaines chez nous, où Vous serez reçu et vu avec le plus grand plaisir, j'espère qu'alors aussi la campagne sera dans toute sa beauté; jusqu'à ce moment nous voyons partout encore les traces d'un long hiver. Selon mon calcul, je suppose que Votre aimable fille doit bientôt venir Vous joindre pour faire ses couches; si elle est déjà des vôtres, faites lui mes complimens, et dites lui que je forme mille voeux pour elle. J'en fais de même pour Votre femme et pour vous mon bon vieux Nélédinsky, et vous assure de mon amitié et bien sincère estime et à jamais votre bien affectionnée «Marie».

Въ началѣ Іюля Императрица пригласила Ю. А. Нелединскаго пріѣхать въ Петербургъ слѣдующимъ письмомъ:

«Юрій Александровичъ. Въ отвѣтъ на письмо ваше отъ 26 Іюня, коимъ изъявляете желаніе ваше пріѣхать сюда, если состояніе здоровья супруги вашей тому не воспрепятствуетъ. Я поспѣшаю сообщить вамъ самое простое средство соединить ея пользу съ выполненіемъ вашего

cet heureux événement, en contribuant à votre satisfaction, raffermir de plus en plus, Votre santé. Revenez bientôt chez nous et croyez moi à tout jamais, avec le sentiment d'une sincère amitié, Votre bien affectionnée «Marie».

Вскорѣ за симъ, а именно 18 Августа разрѣшилась отъ бремени и Великая Княгиня Екатерина Павловна. Императрица Марія Ѳеодоровна въ слѣдующемъ письмѣ извѣщаетъ Нелединскаго объ этомъ:

Юрій Александровичъ. Порадуйтесь со мною о пріятнѣйшемъ для меня происшествіи, о которомъ, въ удостовѣреніи о вашей ко мнѣ приверженности, поспѣшаю васъ увѣдомить. Вы, я чаю, сами догадываетесь о чемъ настоитъ рѣчь и не ошибаетесь, думая, что любезнѣйшая дочь моя Великая Княгиня Екатерина Павловна благополучно разрѣшилась отъ бремени. Вчерашняго числа въ пятомъ часу по полудни Всевышній даровалъ ей сына, а мнѣ внука, и дражайшая родильница, такъ какъ и новорожденный Принцъ, находятся въ самомъ вожделѣнномъ здоровіи. Вознесемъ же благодареніе ко Всеблагому за таковую Его милость и присоединимъ къ тому усерднѣйшее моленіе, да продолжитъ покровительство Свое обоимъ! Увѣрена будучи, что вы въ томъ охотно и ревностно соединитесь со мною — я пребываю впрочемъ съ совершеннымъ доброжелательствомъ вамъ всегда благосклонною «Марія». Павловскъ 14 Августа 1810 года.

Засимъ въ собственноручномъ письмѣ отъ 30 Сентября Императрица писала:

,,Je vous envoie ma réponse à Votre charmante fille, mon bon Nélédinsky, remettez la lui, car elle lui fera plaisir en la tenant des mains de son *papa:* Votre fille est plus heureuse que ma Catiche qui n'a pu nourrir son enfant, même elle ressent encore quelques incommodités qui sont la suite de la cause qui l'en ont empêché, mais grâce à Dieu c'est sans aucune conséquence, et du reste elle se porte à merveille de même que le petit chou qui me rend très heureuse.

A propos, mon ami, je réclame un vol que Vous avez fait à la ferme, Vous avez fait des vers sur la *Lune*: mon *âme faible* les réclame, car c'est un bien que je ne veux pas voir enlever à la ferme.

Restituez donc, et payez les intérêts du sursis. Sans cela Votre personne est confisquée. Adieu mon bon Nélédinsky, Vous savez tout le bien que je Vous veux et combien sincèrement je suis votre bien affectionnée. «Marie».

На поздравленіе князя Александра Петровича Принцъ Георгій Ольденбургскій отвѣчалъ слѣдующимъ письмомъ:

Pavlovsky ce 3 Septembre.

C'est avec le plus grand plaisir, mon cher Prince, que j'ai vu par Votre lettre la part que Vous voulez bien prendre à ma joie. Vous sentez Vous même le bonheur d'être père et êtes à même de vous rendre compte d'un sentiment qui m'a été jusqu'ici inconnu. Ma femme me charge de Vous dire mille choses de sa part et à la Princesse. Elle a dû renoncer au plaisir de nourrir Son enfant. Je n'ai pas besoin de Vous parler de la peine que ce sacrifice nous a causé. Certes rien n'a été négligé pour l'essayer. Adieu cher Prince à revoir. «George».

Въ Ноябрѣ мѣсяцѣ Великая Княгиня, оправившись отъ родовъ, вернулась съ Принцемъ въ Тверь, гдѣ снова начались праздники, какъ это можно видѣть изъ слѣдующихъ писемъ князя Александра Петровича къ княгинѣ, оставшейся въ Москвѣ. «....Я слава Богу пріѣхалъ сюда въ 12 часовъ утра, въ часъ былъ у Ихъ Высочествъ, которые очень милостиво меня приняли и говорили, что напрасно пріѣхалъ и тебя оставилъ. — За обѣдомъ и послѣ обѣда много со мной говорили, распрашивали о тебѣ, водили къ молодому Принцу, который совсѣмъ не таковъ, какъ намъ сказывали, поменьше Юніи — но совсѣмъ не субтиленъ и имѣетъ видъ здоровый. Носъ Великой Княгини, а глаза Принца. Говорили, чтобы мнѣ ѣхать назадъ,—но не очень настоятельно, буду ожидать еще отъ нихъ на оный счетъ вызововъ.—Мнѣ кажется, что если не будутъ сильно отправлять не ловко отъ 24-го (*) уѣхать. — Вчера у Татищевой былъ балъ, — нынче свадьба со всѣми возможными церемоніями, гдѣ и я отличаться буду... 27 Ноября. Enfin

(*) День имянинъ Великой Княгини.

voilà toutes nos fêtes terminées et tout notre monde parti. La Dolgorouky est partie ce matin. Tous ces jours ont été bien fatigants, actuellement je vais bien me reposer.

Вскорѣ за тѣмъ князь А. П. вновь отправился въ Москву по случаю тяжкой болѣзни новорожденнаго, окончившейся его смертію. Потеря перваго ребенка сильно огорчила обоихъ супруговъ, они вернулись въ Тверь. Въ началѣ же 1811 года князь вновь ѣздилъ въ Москву, гдѣ присутствовалъ при кончинѣ матери своей въ селѣ Троицкомъ—близъ Москвы. На просьбу его о продолженіи отпуска Принцъ Ольденбургскій отвѣчалъ ему слѣдующимъ письмомъ:

Tver 17 Janvier 1811.

Je suis au désespoir, mon cher Prince, qu'une raison aussi triste que celle de la perte d'une mère chérie nous prive du plaisir de vous revoir. Ma femme et moi nous partageons votre douleur et vous prions de rester avec les vôtres aussi long-temps que vous voudrez. Nos compliments à la princesse votre épouse, ménagez votre santé et conservez vous à votre femme qui seule pourra vous consoler. Je vous envoie votre frère pour vous témoigner combien je désire pouvoir vous soulager dans ce moment terrible. Tout à vous. «George.»

Послѣ похоронъ князь и княгиня вернулись въ Тверь. Не смотря на собиравшіяся уже на политическомъ горизонтѣ грозныя тучи жизнь въ Твери не возмущалась никакими особенными опасеніями — по крайней мѣрѣ изъ переписки того времени этого не видать. Доброта и предупредительное вниманіе Великой Княгини къ окружающимъ лицамъ установили при Дворѣ ея такія пріятныя и дружественныя отношенія, что князь Александръ Петровичъ всегда съ особымъ чувствомъ вспоминалъ о времени пребыванія его въ Твери. Доказательствомъ этихъ пріятныхъ отношеній могутъ служить слѣдующія записочки безъ числа, писанныя рукою Великой Княгини:

Chère princesse, faites moi le plaisir de pardonner cette petite offrande que je vous fais; dans ce moment je reçois ces cerises, mangez les par amitié pour celle qui vous les offre.

Chère princesse que savez-vous des dates des fêtes de la p-se Vol-

honsky? Je vous demande mille fois pardon de vous déranger si matin et vous souhaite bien le bonjour.

Excusez, chère Princesse si je vous importune par des bagatelles, mais vous qui êtes si bonne me pardonnerez j'espère. M-r Field est-il parti? Si non, viendra-t il ce matin? Veuillez me dire les intentions du cher homme; je lui envoie au cas qu'il veuille encore charmer nos oreilles; de la musique, et vous prie aussi d'accepter les notes pour le chant. Remettez je vous prie à Field de la part du Prince et de la mienne la bague ci-jointe. Je me flatte que vous n'êtes pas fatiguée chère Princesse; à vous de cœur et d'âme....

Въ Іюлѣ мѣсяцѣ князь и княгиня отправились въ Москву для свиданія съ матерью княгини, которая была серьезно больна. Здѣсь въ Августѣ мѣсяцѣ 29 числа княгиня родила сына Петра. На просьбу княгини быть воспріемницею, Великая Княгиня отвѣчала:

Je ne puis assez vous remercier, chère princesse, du plaisir que vous me faites en me demandant d'être marraine de votre enfant, tout ce qui me prouve quelque affection de votre part m'est bien agréable, vous ayant voué une sincère amitié. Les circonstances ne permettent pas que vous fassiez Vos couches ici, il est inutile de s'appesantir sur les regrets que cela me cause, espérons que nous vous reverrons bientôt et vous avec un joli petit de plus. Mes voeux vous accompagnent, puissiez vous être aussi heureuse que vous le méritez et que je le désire. Mon mari vous présente ses hommages, moi je suis de cœur et d'âme votre dévouée. «Catherine.»

Императрица Марія Θеодоровна привѣтствовала княгиню слѣдующимъ письмомъ, посылая ей вмѣстѣ съ тѣмъ въ подарокъ арфу.

Je vous félicite de tout mon cœur, ma chère princesse, de vos couches, de votre rétablissement et de la naissance du petit bon homme. Qu'il hérite votre caractère et il sera estimé et protégé par toute âme honnête. Je vous envoie, ma chère princesse, une lyre pour que vous accompagniez votre voix mélodieuse et chantiez les œuvres de papa. Adieu, mes compliments à votre mari, croyez moi pour toujours votre affectionnée. «Marie.»

Въ началѣ Ноября Князь и Княгиня возвратились въ Тверь.—Государь Императоръ Александръ Павловичъ посѣтилъ Августѣйшую

Сестру свою и пробылъ нѣсколько дней въ Твери. Къ этому времени относится слѣдующая собственноручная записка Великой Княгини безъ числа.

Je viens, en chargé d'affaire, vous exposer ma très humble demande chère Princesse. L'Empereur désire vous entendre chanter et à cet effet voudrait que vous Lui fassiez le plaisir de venir ce soir à huit heures et demie. Si c'est une indiscrétion veuillez me le dire, mais si vous avez la complaisance d'y consentir arrivez avec le cher époux, car il est bien juste qu'il jouisse des succès que Vous aurez. Ce matin j'ai dû faire le second dans une litanie, ce qui a produit des sons si agréables que j'ai eu de suite mon congé. Veuillez me répondre chère Princesse et me permettre de vous souhaiter bien le bonjour.

Въ Москвѣ также, не смотря на приближающуюся грозу, даже въ началѣ 1812 года общественныя увеселенія не прекращались, какъ это можно видѣть изъ слѣдующихъ писемъ Ю. А. Нелединскаго къ дочери:

15 Марта 1811 г. «D'aprés ce que vous avez dit à votre maman au sujet de Ficher, j'ai été très impatient de l'entendre et j'ai eu cette satisfaction hier à un concert qu'il y a eu chez le c-te Goudowitch. J'ai trouvé sa voix superbe, mais ce qu'il a chanté n'était guères propre à faire ressortir son talent. C'étaient des paroles faites par une actrice d'ici (Aurore du Burtag) à la louange de l'Empereur. Musique à mon avis, peu signifiante, qui a commencé par un récitatif, suivi d'un couplet, d'une invocation, ensuite d'un choeur. Tout cela ne disait rien à l'âme — quoique pourtant il y avait des trompettes et même des timbales! Comme votre maman, d'après l'éloge que vous avez fait de Ficher a extrêmement envie de l'entendre, j'ai fait sa connaissance, et pour bien commencer je lui ai demandé pour son concert de dimanche trois billets. Vous saurez, par parenthèse, que j'ai été très charmé d'avoir, en prenant ces billets, prévenu la quête que la c-sse Rasoumovsky a faite un moment après, en distribuant ces billets à 25 roubles—prix que j'ai donné moi-même, mais j'ai donné de mon plein gré et non comme une imposition forcée. A ce concert, outre Ficher nous avons eu Field qui a touché du clavecin à deux reprises, la première fois seul, et ensuite avec un élève de Moscheti, sur

deux instruments l'un vis-à-vis de l'autre. Field a été très mécontent de l'orchestre et s'est beaucoup démené. Ensuite est venu un nommé Tarquini, un de ces malheureux qui chantent *aux dépens de leur postérité*, il a chanté *palpitar* qu'il a terriblement brodé et je l'aime beaucoup mieux éxécuté par vous. La voix capillaire de ce Tarquini se perd dans les nues et fait bien voir que les choses d'ici bas ne l'attachent plus. Autrefois je l'aurais plaint! Maintenant, hélas! je lui porte envie. Au moins me dis-je, il est dédommagé de sa perte par la voix!

20 Марта 1812 г. Si nous eussions eu hier le 1 Avril, j'aurais tout de suite deviné en entendant chanter Ficher, que votre intention avait été de me donner le poisson d'Avril, mais comme nous ne sommes encore qu'aux deux tiers de Mars, je ne sais plus, ma foi, que penser du grand éloge que vous en faites, jusqu'à le nommer, *l'incomparable Ficher!* Tout ce que je puis vous dire, c'est qu'il n'a plu à personne, et s'il donne encore un concert, je doute qu'il y ait du monde: pour hier, c'était une foule! Au point qu'on a été plus de deux heures pour partir, et j'ai craint mille fois sur l'escalier, et en bas que nous ne soyions écrasés ou étouffés. On a été si peu content de Ficher, que personne n'a voulu attendre le finale, où pourtant il devait chanter. Tout s'est levé au dernier coup d'archet de Romberg que le public a applaudi avec fureur aussitôt qu'il a paru. А. Ѳ. Уваровъ que j'avais prévenu de ce que vous disiez de Ficher, m'a chargé de vous écrire de sa part. «Не тѣми, матушка, ушьми слушали»! En vérité cela ne valait rien du tout, et je vous ferai payer les 60 roubles que j'ai donnés de surplus. Онъ выѣзжалъ на триллерѣ, такъ что многіе хохотали! La scène de l'opéra d'Achille est ce qu'il a chanté de plus mal. La cavatine a été mieux. Dans le duo que j'ai trouvé agréable il a adouci sa voix et grâce à lui Tarquini m'a plu, quoique je n'aime pas ces sortes de voix. Князь Петръ Александровичъ Хованскій que j'ai rencontré dans la salle après le premier air, m'a dit: сегодня онъ очень пѣлъ неудачно. Avait-il donc peur? Car tous ceux qui l'ont entendu en chambre m'en ont dit merveilles! et en général on se récrie sur sa manière de chanter les romances. Deux jours avant le concert С. Ф. Соковнинъ a dit à Sophie, que La Mara après l'avoir entendu avait été intimidée au point de ne pas

oser chanter devant lui. Il s'est mis, dit-on, à ses genoux. Elle a commencé et n'a achevé qu'avec peine et très embarassée. Comment concilier tout cela avec le témoignage de mes propres oreilles?

3 Февраля 1812 года. Для забавы твоей матери я пригласилъ къ себѣ третьяго дни Семенову. Она декламировала роли Аріаны, Герміоны, Ксеніи, изъ Эдипа Озерова—также изъ Дмитрія Донскаго. Катерина Николаевна (*) отъ нея въ восхищеніи, такъ что осталась недовольна приготовленнымъ мною подаркомъ и отъ себя дастъ ей гранатовыя серги, подарокъ будетъ стоить до 500 р. Я очень радъ, что доставилъ ей удовольствіе и какъ ты знаешь ее слабость все преувеличивать, то она теперь повторяетъ не только самой Семеновой, но и посторонимъ, что не повѣритъ, что могли быть актрисы лучше ее. Вчера Семенова декламировала у Строгоновыхъ, гдѣ имѣла большой успѣхъ. Графиня плакала. Завтра она будетъ у Вяземскихъ. Пятый часъ въ исходѣ и я сейчасъ съ балу. . . . .

8 Февраля 1812 г. Ты знаешь какъ Катерина Николаевна боится пожара въ театрѣ, не смотря на то вчера сама предложила Софьѣ ѣхать смотрѣть «Танкрета». Кромѣ Семеновой—все остальное было невыносимо дурно—и я воспользовался минутой когда Семенова не была на сценѣ, написалъ карандашомъ стихи, которые тутъ же ей послалъ. Вотъ они:

Il se présentera; gardez Vous d'en douter. Tanc: Act. III.

Не сомнѣвайся въ томъ—предстали бы толпою
 Семенова! Защитники твои
Когда бы критикой завистною и злою,
Твои мрачилися, талантомъ славны дни.—
Аменаиду намъ явя собой на сценѣ,
Органа сладостью, плѣнительной игрой,
И—чувствій вѣстника, лица ты красотой,
О! музъ питомица, любезна Мелпоменѣ,
Всѣхъ привела въ восторгъ! Твоихъ страшася бѣдъ;
Всякъ, чувствами къ тебѣ, всякъ зритель былъ Танкредъ.

(*) К. Н. Нелединская-Мелецкая.

29 Февраля 1812 г. . . . . . Я эти дни усталъ какъ собака! Всякій день балы. Вчера пріѣхалъ домой въ 6 часу; сегодня ѣдимъ въ маскарадъ къ Позднякову; завтра на завтракъ къ Кологривому; завтра же въ 6 часовъ будетъ у насъ, *для* Катерины Николаевны, Г-жа Семенова; а потомъ мы, съ Софьей, ѣдимъ на балъ къ Шереметеву. Въ Суботу денной маскарадъ въ собраніи; а въ Воскресенье балъ у Вяземскаго. Посреди всего этого веселія, мнѣ грустно отъ того, что отъ Сергія (*) три почты къ ряду нѣтъ писемъ. Послѣ первыхъ двухъ почтъ Катерина Николаевна уже очень была печальна; но какъ и на послѣдней не пришло писемъ, то *я*, сберегая ее, велѣлъ ей подать (выставя Луцкъ 6 Февр.) одно изъ двухъ *запасныхъ* Сергѣевыхъ писемъ (**); и ты не повѣришь, мой другъ, какъ я былъ тронутъ видя, что она его получая, поднявъ глаза, перекрестилась. Милая голубушка? Она не подозрѣваетъ что она обманута, но по чувству, съ какимъ она это письмо приняла ясно видно было сколько этотъ обманъ былъ нуженъ. Теперь у меня осталось одно *запасное* письмо, но оно годится не можетъ, потому что въ немъ все говорится о Генералѣ Доктуровѣ, а Катеринѣ Николаевнѣ извѣстно, что Сергѣй уже не при немъ» . . . . .

(*) Сергѣй Юрьевичъ Нелединскій-Мелецкій единственный сынъ Юрія Александровича (род. 25 Марта 1790 г. умеръ въ Калугѣ въ 1870 году) былъ въ то время въ арміи въ унтеръ-офицерскомъ чинѣ.

(**) Эти *запасныя* письма Юрій Александровичъ заказалъ сыну писать впередъ для успокоенія матери, на тотъ случай когда, по какимъ либо обстоятельствамъ, долго отъ него не будетъ извѣстій.—25 Марта 1812 года Юрій Александровичъ писалъ сыну: «Письмо твое о вступленіи вашемъ въ Ковель я получилъ и при немъ другое къ Катеринѣ Николаевнѣ; но сего послѣдняго я еще не отдалъ для того, чтобы имѣть въ запасѣ, на случай ея большаго безпокойства. Не худо, коли бы ты, когда досугъ, вмѣсто одного писалъ бы по два къ ней и числа бы не ставилъ. Одно бы запечатанное адресовалъ бы на ее имя, а другое къ ней же да на мое имя; такимъ бы образомъ у меня было бы всегда запасное. Ты этого не пугайся. Въ каждомъ письмѣ по 10 или по 15 строчекъ въ осмушку и довольно. Да въ концѣ Софьѣ два слова. Тому, сему поклоны и содержаніе письма, чтобы всегда означало, что ты проводишь время въ пріятности. О походахъ ей разсказывать не зачѣмъ, лишь бы я зналъ гдѣ ты; такъ ее письма будутъ мной всегда туда адресованы. . . . . .

Въ Маѣ мѣсяцѣ 1812 года Сергѣй Юрьевичъ Нелединскій произведенъ былъ въ офицеры; по этому случаю Юрій Александровичъ привѣтствовалъ сына слѣдующимъ замѣчательнымъ, во многихъ отношеніяхъ, письмомъ.

«Поздравляю тебя, мой другъ, въ офицерскомъ чинѣ. Не правда ли, что его пріятнѣе получить за службу, нежели бы сидя дома? Исправленіе же низшей должности открыло тебѣ такія подробности, которыя будучи офицеромъ, ты бы можетъ быть не узналъ, и которыхъ знаніе послужитъ тебѣ на все будущее службы прохожденіе. Кто самъ былъ въ нижнихъ чинахъ и постепенно восходитъ, тому всегда понятны будутъ должности каждаго званія, и онъ въ приказаніяхъ своихъ и во взысканіяхъ за слабое исполненіе, будетъ поступать не слѣпо (потому только, что онъ командиръ), а по точному увѣренію, взятому изъ собственнаго опыта, что онъ приказываетъ должное и возможное и взыскиваетъ дѣльно. Главная же польза начинать такъ, какъ ты началъ—съ нижнихъ чиновъ, состоитъ въ томъ, что этимъ способомъ утверждается субординація (чиноподчиненность, чиночитаніе), безъ которой никакая, а паче военная служба существовать не можетъ; ибо безъ нея полкъ, корпусъ и цѣлая армія не иное что̀ будетъ, какъ толпа несвязная; въ своей землѣ—тягостная, а передъ непріятелемъ—всегда готовая понести стыдъ, сдѣлаются жертвою меньшаго противъ себя числа. Одно только соединеніе волей, ничто болѣе—можетъ составить изъ всѣхъ общую силу, нужную для одержанія побѣдъ или по крайней мѣрѣ для отпора; а особливо для непостыдной ретирады, иногда не менѣе самой побѣды, славной, для начальника и войскъ ему подчиненныхъ. Я много имѣю причинъ, мой другъ, тобою быть довольнымъ. 1-е, спасибо тебѣ за то, что ты не пропускаешь случая письмами твоими утѣшать бѣдную, разслабленную мать твою, которая тебя любитъ паче своей жизни. Продолжай всегда, мой милый другъ, платить ей долгъ благодарности за ея о тебѣ съ младенчества попеченіе, и замѣнять свое присутствіе изъявленіемъ твоей къ ней привязанности. Я не скажу, что за это тебѣ Богъ заплатитъ; нѣтъ. Онъ уже тебя награждаетъ чувствомъ самодовольствія, которымъ ты несомнѣнно пользуешься, исполняя долгъ честнаго человѣка и признательнаго сына.

2-е, похвально такъ-же, что ты не забываешь П. И. Франка (*). Это твой искренній другъ, который, если когда нибудь изображаться будетъ не таковымъ въ мысляхъ твоихъ, то пріими это за знакъ, что сердце твое готово повредиться. 3-е, изъ благосклонности къ тебѣ твоихъ начальниковъ, которую ты описываешь, я къ душевному моему удовольствію вижу, замѣчаю что ты ведешь себя хорошо. Не ослабѣвай мой другъ!—Богъ! Честь! . . . *NB.* Честь и point d' honneur, двѣ вещи разныя. Правила чести, которыя нечто иное есть какъ *добродѣтель въ дѣйство производимая*. Правила чести, говорю я, не могутъ быть подвержены ни сомнѣніямъ ни толкамъ: онѣ суть вѣчны повсемѣстно одинаковы и основаны на естествѣ. Point d'honneur, напротивъ, состоящій въ защищеніи правъ своихъ или въ охраненіи себя отъ обиды, зависитъ не только отъ условныхъ мнѣній; но иногда единственно отъ того, что самъ себѣ часто и не основательно вообразишь. Слѣдствіе само по себѣ выходящее изъ сего различія между честью и point d'honneur есть: что для исполненія того, что велитъ первая не надобно другаго совѣтника кромѣ собственнаго сердца, не спрашиваясь даже ума, который часто не иное что, какъ ябедникъ или сообщникъ. А для управленія себя по правиламъ point d'honneur, по большей части, нужны совѣты и наставленія человѣка испытаннаго, и по его честнымъ правиламъ отъ подобныхъ ему уважаемаго . . . Но возвратимся къ начатой мною рѣчи.—*Богъ! Честь! Преданность и любовь къ Государю*, который не раздѣленъ съ отечествомъ, да будутъ всегда въ твоей памяти не разлучны. Ты не можешь погрѣшить противу одного изъ нихъ, чтобы не быть тѣмъ самымъ виновнымъ передъ всѣми и они суть вѣрнѣйшіе покровители, вожди и мздовоздатели по заслугамъ.

«Ты избралъ военную службу; но смѣшно ежели при томъ не имѣешь дальнѣйшей цѣли, кромѣ той, чтобы быть въ сраженіи; смѣлостью своею дать себя примѣтить и постепенно получать чины, оставаясь всегда при одной азбукѣ ремесла твоего. Возвышеніе въ чины, не есть одно

(*) Бывшій наставникъ молодаго Нелединскаго.

награжденіе; паче сего оно есть способъ, которымъ дается служащему возможность мало по малу пріобрѣтать познаніе и испытывать свои способности, идучи, какъ по лѣстницѣ, отъ малыхъ порученій до важнѣйшихъ. Не переставая быть рачительнымъ и точнымъ въ мѣлочахъ, составляющихъ должность маленькаго офицера, между тѣмъ приготовляй себя ко всему большему. Не довольствуйся слѣдовать рутинѣ и дѣлать все машинально, чему увидишь примѣры частые въ тѣхъ, которыхъ природа сотворила быть вѣчно не болѣе какъ субалтерь-офицеромъ, во что бы впрочемъ ихъ не жаловали. Старайся допытаться до причинъ всего что дѣлается, какъ своимъ войскомъ такъ и непріятельскимъ. Слѣдствія примѣняй къ намѣреніямъ . . . . Съ покорностью приличною неопытности—спрашивай—(*NB.* Коли въ тебѣ узнаютъ искреннее желаніе научаться, то ты и прапорщикомъ найдешь въ самихъ генералахъ доброхотныхъ себѣ наставниковъ)».

«Пріучай глазъ свой къ разпознаванію положенія мѣстъ; сравнивай ихъ одного передъ другимъ выгоды; научайся, взглянувши, узнавать разстояніе предлежащихъ тебѣ пунктовъ, разстояніе ихъ отъ тебя и каждаго изъ нихъ между собою. По склоненію земли старайся узнавать гдѣ должно быть водѣ и проч. Ты все это можешь сдѣлать, у тебя есть умъ—у тебя зрѣніе хорошее, всѣ чувства здоровыя. Говори съ колоновожатыми . . . . съ казаками . . у сихъ послѣднихъ часто глазъ превѣрный и примѣты особенныя. Прочти въ книгѣ «Esprit de Folard le chapitre du camp d'un militaire. Усовершенствоваться въ сихъ познаніяхъ есть дѣло не одного года—дѣло цѣлой жизни; но начинать должно теперь—неотложно».

«Не думай, что одна храбрость нужна въ военномъ ремеслѣ. Въ высшихъ чинахъ храбрость есть самое послѣднее качество. Въ сихъ чинахъ нужны: опытность, знаніе и рѣшимость отъ знанія и опытности родящаяся и на нихъ основанная. Впрочемъ за храбрость не за что самому себя отлично эстимовать; а еще менѣе превозноситься ею; ибо не храбрымъ быть—стыдно; а быть онымъ для офицера—не удивительнѣе какъ имѣть на рукахъ пальцы. Случай—дѣлаетъ храбрость или похвальною, или глупою опрометчивостію».

«Повторяю—знаніе и опытность пріобрѣтаются не иначе какъ при-

лѣжнымъ наблюденіемъ всѣхъ движеній, происшествій, и постояннымъ вниманіемъ къ разсужденію людей знающихъ. Для этого надо стараться быть близку къ этимъ знающимъ людямъ и начать все это съ самой молодости и съ самыхъ нижнихъ чиновъ, въ комъ ты будучи всему свидѣтель, отвѣчаешь почти за одного себя. Безъ всѣхъ сихъ стараній спроси у собственнаго своего разсудка—не скажетъ ли онъ тебѣ что пожалованъ будучи Генераломъ, ты однакоже Генераломъ не будешь? а только къ стыду своему будешь нести званіе, на пагубу многихъ тебѣ подчиненныхъ и ошибки, плодъ невѣжества, есть въ семъ чинѣ, пятно неизгладимое во вѣки».

«Задунайскій и Италійскій—сами себя сдѣлали фельдмаршалами. Монархи въ семъ званіи ихъ утвердившіе,—дали имъ только титло!»

«Не могу довольно твердить!—*Богъ, честь, преданность къ твоему Государю* да будутъ всегда учредителями твоего поведенія. Помни что *дурнымъ поведеніемъ всѣ прочія качества затмѣваются*. Помни (какъ я и прежде тебѣ говорилъ) что разбойники всѣ почти прехрабрые. Изъ нихъ есть преумные; находятся между ими и такіе, которые по способностямъ и знаніямъ своимъ могли бы водить войска; но не имѣя нравственности, какіе бы успѣхи не имѣли—удѣлъ ихъ всегда будетъ общее презрѣніе».

«Умоляю тебя, мой милый Сергій! Заклинаю тебя твоею ко мнѣ, къ матери и ко всѣмъ намъ привязанностію! Обѣщай мнѣ, что ты станешь себя пріучать, всякій день, не болѣе какъ на четверть часа, уединяться и употреблять это время на приведеніе себѣ на память всего того, что ты сдѣлалъ наканунѣ, дабы ты могъ видѣть во всемъ ли ты соблюлъ обязанности свои къ Богу, къ чести и къ Государю. Собственный надъ собою судъ, всѣхъ судовъ дѣйствительнѣе и меня много разъ спасалъ!» . . . . .

«Только что окончилъ я предъидущія четыре страницы, какъ вдругъ мнѣ показали письмо, въ которомъ говорятъ, что Генералъ хотѣлъ тебя употребить по части квартирмейстерской, да будто ты *не захотѣлъ* отъ того, что это дѣло скучное. Во первыхъ я не разумѣю, что такое въ службѣ *не захотѣть то, что велятъ*, но я это слово кладу на счетъ того, который писавши дурно объяснился; а думаю что ты

просилъ, чтобы тебя туда не отряжали. И ты это сдѣлалъ не хорошо. Вы теперь не предъ непріятелемъ, ни съ кѣмъ у васъ не можетъ быть дѣла; слѣдовательно ты при фронтѣ ни чему новому не научишся, ибо надѣюсь, что пріемъ ружьемъ, повороты на право и на лѣво; захожденіе. . . . Какъ смѣнять караулъ новымъ; какъ старому сходить съ своего мѣста; какъ разводить на часы; рундомъ ходить, рунда принимать . . . . и проч. Надѣюсь, говорю, что ты это уже понялъ. . . И такъ; какъ же тебѣ убѣгать отъ пріобрѣтенія новыхъ познаній и особливо такихъ, которыя расположатъ твой умъ къ понятію обширнѣйшей тактики. Употреблясь вмѣстѣ съ квартирмейстерами ты научишся смотрѣть на положеніе мѣстъ не пустыми глазами, научишся знать, которыя изъ нихъ удобны для лагерей; гдѣ ихъ сильная и гдѣ слабая сторона; какимъ образомъ эту слабую сторону укрѣпить, наконецъ какъ отводить мѣста подъ полки и команды, что великая разница съ тѣмъ, чтобы занять мѣсто уже отведенное и на немъ расположиться. Это послѣднее не требуетъ ничего кромѣ рутины, которую получишь въ два дни, хотя бы у васъ и палатки ставились, которыхъ я чай, у васъ нѣтъ».

«Нѣтъ! Сергей, не обѣгай того, что скучно и не скучай тѣмъ, что можетъ тебѣ доставить новыя знанія, къ твоей пользѣ и къ выведенію тебя изъ рядовыхъ офицеровъ; изъ такихъ какъ я выше сказалъ, которые созданы на то только, чтобы командовать плутонгомъ или махать саблею пока мочь есть. Суворовъ и безъ рукъ и безъ ногъ, также бы побѣждалъ—головою своею; а голову эту онъ приспособилъ, не исключительнымъ занятіемъ однимъ дѣломъ плутонжнаго командира или тому подобнаго, а вниманіемъ на всѣ части военнаго ремесла, и потомъ общимъ ихъ соображеніемъ». . . . . .

«Теперь станемъ говорить о другомъ.—Спасибо тебѣ, что ты прислалъ *запасныя* письма для матери, на случай, когда долго отъ тебя не получится, и впредь пожалуста присылай; но только чтобы эти запасныя письма были бы запасныя на всякое время; а то напримѣръ: въ одномъ ты пишешь: je crois que nous irons camper, dans peu, quelque part.—Въ другомъ ты говоришь: il doit déja faire beau chez Vous et les promenades ont dû commencer.—Какія же это *за-*

пасныя письма? Въ нихъ только что числа непоставлено; а начало лѣта ясно опредѣлено. Слѣдовательно, черезъ мѣсяцъ, они уже не могутъ годиться. Вотъ это сущая бездѣлица, которая однакоже должна тебѣ служить свидѣтельствомъ не зрѣлости твоего ума; ибо у тебя умъ точно есть, а не зрѣлъ онъ еще по той же причинѣ, по которой и яблоки зелены бываютъ, пока время имъ не пришло.—Съ незрѣлымъ умомъ не надо на него надѣяться и не думать что ты уже все знаешь и обо всемъ можешь судить безъ ошибки.—Прежде чѣмъ присылать ко мнѣ запасныя письма, писавши ихъ обдумывай всякій перечень, размысли годится ли оно во всякое время, и лѣтомъ и зимою, и съ похода и съ квартиры. Напримѣръ: во всякомъ письмѣ говори о здоровьи матери своей, сказывай о своемъ; иногда молвь слово о томъ, что тебѣ въ службѣ нравится, иногда сказывай, что ты въ праздное время дѣлаешь, читаешь, дѣлаешь ружьемъ, играешь на скрипкѣ.—Друженъ ты съ кѣмъ изъ офицеровъ, называй не именемъ, а чинами. Иногда что нибудь скажи объ обычаяхъ или какихъ либо обрядахъ того края, гдѣ ты живешь.—Изъ этого, что я сказалъ, можно сочинить 10 разныхъ писемъ, строкъ въ 20 каждое; а потомъ въ каждомъ письмѣ ласковое слово сестрѣ, да пять или шесть почтеній и поклоновъ, тому и сему: вотъ и три страницы наполнены.—Въ запасныхъ письмахъ, о свиданіи съ людьми извѣстными, ничего не говори; напримѣръ! «J'irai chez le général Doctoroff».—Это никуда не годится—потому что Доктуровъ можетъ переменить мѣсто и объ этомъ у насъ будутъ знать; слѣдовательно это письмо и придется бросить.—Ты писалъ сестрѣ! J'éspère Vous voir cet ivère. Первое, зима пишется hiver а не ivère; да развѣ ты не знаешь, что это бѣда, у насъ, подать надежду за ранѣе.—Я это выскоблю.—Когда будешь надѣяться сюда пріѣхать—тогда мнѣ дай знать особымъ письмомъ, чтобы я зналъ, ежели можно, точное время и могъ бы твою маменьку къ свиданію съ тобой приготовить.—Въ другихъ твоихъ письмахъ, т. е. не въ *запасныхъ*, ты не довольно обстоятеленъ; напримѣръ: какъ не написать имя, отчество и фамилію Генераловъ твоихъ; а паче благосклонныхъ къ тебѣ:—Полковаго твоего командира и Капитана, у котораго ты жилъ. Я бы давно засвидѣтельствовалъ за тебя свою благо-

дарность.—Это опять вѣтренность мѣшала тебѣ чувствовать, что насъ всѣ тѣ одолжаютъ кто къ тебѣ добры».

«Всегда къ намъ пиши кто къ тебѣ ласковъ. Мнѣ, въ особенности, давай знать, какъ ты будешь употребляться по службѣ; объ удачахъ твоихъ, о неудовольствіяхъ, о шалостяхъ. Ты знаешь что я не святоша и по пустому не браню; а за дѣло, отъ кого же тебѣ и быть бранимy коли не отъ меня. Прощай! Я не требую, чтобы ты это прочиталъ въ одинъ разъ; хотя въ три, четыре раза, но прочитай съ размышленіемъ»......

Послѣ знаменитаго манифеста о всеобщемъ ополченіи Государь Императоръ прибылъ въ Москву. Въ залахъ Слободскаго дворца, по его повелѣнію, собралось дворянство и купечество и тутъ Государь лично обратился съ воззваніемъ къ Своимъ подданнымъ. Извѣстно, съ какимъ единодушіемъ отозвались всѣ сословія на призывъ Монарха. Желая увѣковѣчить память сего событія, Государь поручилъ Ю. А. Нелединскому написать статью для печати о собраніи сословій 15 Іюля въ Слободскомъ дворцѣ. Статья эта была напечатана въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, Іюля 20, № 58. Вотъ она:

Въ Москвѣ. Іюля 15.

Сей день украситъ новымъ блескомъ лѣтописи наши, и память его перейдетъ до послѣдняго потомства, въ вѣчное предъ свѣтомъ свидѣтельство патріотическаго духа, вѣрности и привязанности къ Государю своему Благороднаго нашего дворянства и всѣхъ вообще сословій. Въ сей день, по предварительному наканунѣ обвѣщенію, благородное дворянство и купечество, здѣсь пребывающее, собравшись въ 8 часовъ утра въ залахъ Слободскаго дворца, ожидали прибытія Всемилостивѣйшаго Государя Императора. Причина собранія хотя объявлена не была, но каждый прибылъ въ оное преисполненный чувства, поселеннаго въ сердцѣ его воззваніемъ Отца Отечества къ сынамъ Его, въ Первопрестольномъ Градѣ обитающимъ. Тишина, посреди столь многолюднаго общества повсюду царствовавшая, ясно предозначала всеобщее единомысліе и готовность на всѣ пожертвованія, и коль скоро предъ благороднымъ собраніемъ, въ присутствіи здѣшняго главнокомандую-

щаго, прочтенъ былъ Высочайшій Его Императорскаго Величества манифестъ, призывающій всѣхъ и каждаго на защиту отечества противу врага его, *съ лукавствомъ въ сердцѣ и лестію во устахъ несущаго вѣчныя для Россіи цѣпи и оковы:* то горящее усердіемъ знаменитое потомство Пожарскихъ и ему подобныхъ, по единодушномъ изъявленіи безпредѣльной готовности каждаго жертвовать имуществомъ своимъ и самою жизнію, окончательно постановило собрать въ Московской губерніи для внутренняго ополченія со 100 душъ по 10 человѣкъ, вооруживъ ихъ по возможности и снабдивъ одеждою и провіантомъ.

Потомъ Высочайшій манифестъ также былъ прочтенъ въ собраніи купечества, и сіе сословіе, духомъ общаго соревнованія движимое, тотчасъ предположило на потребныя для предпринимаемаго ополченія издержки сдѣлать со всѣхъ гильдій денежный сборъ, расчисляя оный по капиталамъ: но симъ не довольствуясь, знатная часть купечества настоятельно изъявляла желаніе свое на частныя, сверхъ общаго сбора, отъ лица каждаго пожертвованія, и всѣ просили, чтобъ дозволено было имъ безвыходно приступить къ подпискѣ. Оная немедленно была ими начата, и менѣе нежели въ два часа суммы подписной составилось полтора милліона рублей.

Таково было расположеніе обоихъ собравшихся сословій, когда Государь Императоръ, по выслушаніи въ Придворной церкви молебна, изволилъ прибыть въ залу благороднаго дворянства. Здѣсь, краткимъ привѣтствіемъ Его Императорское Величество ознаменовавъ, колико твердымъ почитаетъ Онъ оплотомъ усердіе Россійскаго благороднаго сословія, во времена и при всякомъ случаѣ явившаго себя недремлющимъ стражемъ и вѣрнымъ защитникомъ цѣлости и славы любезнаго отечества, соблаговолилъ потомъ изъявить настоящее положеніе воинскихъ обстоятельствъ, требующихъ чрезвычайныхъ отразительныхъ мѣръ, и увѣдавъ о намѣреніи, общимъ согласіемъ утвержденномъ, поставить съ Московской губерніи 80 тысячь воиновъ обмундированныхъ и вооруженныхъ, благоволилъ принять новый сей опытъ приверженности къ Его Особѣ и любви къ отечеству съ чувствомъ чадолюбиваго Отца, доблестію чадъ Своихъ славящагося и въ полнотѣ душевнаго умиленія изрекъ обществу, ему предстоящему: *иного Я не ожи-*

далъ, и не могъ отъ васъ ожидать! вы оправдали Мое о васъ мнѣніе.

Послѣ Его Величество изволилъ шествовать въ залу, гдѣ собрано было купечество, и тамъ, когда до Высочайшаго Его свѣдѣнія доведено было о рвеніи, съ каковымъ члены купеческаго сословія приступили къ частнымъ денежнымъ пожертвованіямъ и къ дальнѣйшимъ о денежномъ же общемъ сборѣ постановленіямъ, Его Императорское Величество соизволилъ изъявить усердному сему сословію Высокомонаршее Свое благоволеніе въ словахъ, самою небесною благостію внушенныхъ, которыя сопровождены были вырывающимися отъ всѣхъ сторонъ восклицаніями: *мы готовы жертвовать Тебѣ, Отецъ нашъ не только своимъ имуществомъ, но и собою!* Такъ гласили достойные потомки незабвеннаго Минина, и зрѣлище сего достопамятнаго утра требовало бы пера новаго Тацита и кисти втораго Апеллеса! зрѣлище, являющее Монарха, Отца отечества, сіяющаго благостію и пріемлющаго отъ толпящихся вокругъ Его дѣтей своихъ несчетныя жертвы, приносимыя на олтарь отечества! Да познаетъ сіе надменный и жребіемъ подвластныхъ ему людей играющій врагъ нашъ! Да познаетъ и вострепещетъ! Мы идемъ противъ него всѣ, предводимые вѣрою и неизмѣнною любовію къ Монарху и отечеству своему. Умремъ всѣ совокупно, или побѣдимъ.

Въ проѣздъ Всемилостивѣйшаго Государя чрезъ Смоленскъ тамошнее благородное дворянство ознаменовало свое усердіе, представивъ, по собственному своему подвигу, 20 тысячъ воиновъ къ составленію внутренней воинской силы. Отъ Калужскаго дворянства прислана сюда депутація для изъявленія предъ Его Императорскимъ Величествомъ готовности его на всякое, какое потребно будетъ, пожертвованіе. Безъ сомнѣнія, всѣ прочія губерніи сему же послѣдуютъ, и Россія вскорѣ вся возстанетъ на пораженіе враговъ ищущихъ ея погибели».

Отъ 30 Іюля княжна Марья Николаевна Хованская писала племяннику своему Сергѣю Юрьевичу: «C'est un charme de voir à quel point règne ici et se fait voir l'amour de la patrie et l'amour qu'on a pour son Souverain. Moscou qui ne voyait autrefois que de loin en loin un brave soldat ne voit plus à présent que soldats et officiers déterminés........ Presque

tous ont passé du service civil dans le militaire, attendant avec impatience qu'on les envoye à l'armée. Non, dans l'univers entier et dans tout ce que nous avons lu jusqu'ici de toutes les histoires du genre humain, rien n'est à comparer au zèle et à l'empressement que chacun témoigne ici de se rendre utile de quelque manière que ce soit. Sa Majesté a désiré encore une augmentation de troupes, il s'en forme plus qu'il ne le désire, il lui faut de l'argent, des millions lui sont offerts de la meilleure grâce du monde. Voilà le Russe! il ne s'est jamais démenti, c'est dans les grandes occasions que son énergie et la noblesse de son âme se font toujours voir».

Самоувѣренность, самообольщеніе, неразлучныя спутницы возбужденнаго патріотизма, скоро уступили мѣсто другому чувству. Москвою овладѣло безпокойство на счетъ собственной безопасности, безпокойство, возраставшее по мѣрѣ заманиванія главнокомандующимъ Барклаемъ-де-Толли непріятельскихъ силъ внутрь Россіи. Слово *измѣна* послышалось въ арміи, подхвачено Москвою и вотъ длинными вереницами потянулись изъ Москвы по всѣмъ дорогамъ — кто въ Ярославль, кто во Владиміръ, кто въ Нижній.

Дѣйствительно, уже въ началѣ Августа, чрезъ нѣсколько дней по отбытіи Государя изъ столицы, спокойствіе жителей Москвы, не безъ основанія, было встревожено непонятнымъ рядомъ уклоненій двухъ армій, отъ всякой серьезной встрѣчи съ непріятелемъ на полѣ сраженія.... Что было основаніе бояться за Москву—скоро доказали послѣдствія, не смотря на увѣренія главнокомандующаго Кутузова, который просилъ графа Ростопчина (*) «увѣрить и успокоить всѣхъ Московскихъ жителей, что войска наши не достигли еще до такого разслабленія и истощенія въ какомъ, можетъ быть, стараются ихъ представить; напротивъ того, всѣ воины, неимѣвъ еще до нынѣ генеральнаго сраженія, не могли дойти до такой степени оскуденія въ пособіяхъ и оживляясь свойственнымъ имъ духомъ храбрости, ожидаютъ, съ послѣднимъ нетерпѣніемъ, минуты запечатлѣть кровію преданность свою къ

(*) Изъ письма князя Кутузова къ графу Ростопчину списаннаго Нелединскимъ.

Августѣйшему престолу и отечеству. Всѣ движенія были доселѣ направляемы къ одной цѣли, къ спасенію первопрестольнаго града Москвы: да благословитъ Всевышній сіи предпріятія наши».

Служебныя обязанности удерживали Ю. А. Нелединскаго въ Москвѣ, но онъ рѣшился отправить жену съ сестрою ея княжною Марьею Николаевною Хованской и дочерью Софьей въ Ярославль. 10 Августа въ трехъ тяжелыхъ каретахъ, на городскихъ лошадяхъ съ многочисленною дворнею выѣхали они изъ Москвы. Катерина Николаевна, будучи больна, долго не соглашалась выѣхать, не вѣря опасности и дотащившись до Троицы, кормя лошадей и дворню въ каждой почти деревнѣ, она вдругъ захотѣла вернуться въ Москву. Къ счастію бѣжавшая изъ Москвы старуха графиня Каменская объявила ей, что изъ Москвы всѣ выбираются и что помышлять нельзя о возвращеніи. Въ это же время пріѣхалъ къ Троицѣ пьяный почталіонъ, который, размахивая обнаженной саблей, кричалъ по всему посаду: «идутъ, идутъ Французы» и тѣмъ навелъ на всѣхъ страхъ и ужасъ. Рѣшено было тихимъ шагомъ продолжать путешествіе и такимъ образомъ благополучно прибыли 18 Августа въ Ярославль.

III.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ЗАПИСОКЪ КНЯЗЯ А. П. ОБОЛЕНСКАГО.
(1812—1813 г.).

Наступилъ наконецъ грозный 1812 годъ, предвѣстникомъ онаго былъ уже 1811. Наполеонъ требовалъ, чтобы во всей строгости исполнялась его континентальная система, чтобы никакіе товары Англійскіе не ввозились въ Россію, даже подъ Американскимъ нейтральнымъ флагомъ и чтобы жгли Англійскіе товары; хотѣлъ, какъ въ Пруссіи, распоряжаться русскими таможнями, чего Россія исполнять не считала совмѣстнымъ съ ея достоинствомъ. Онъ угрожалъ войной, и собиралъ войска во всей, ему тогда подвластной, Европѣ. Въ началѣ весны 1812 г. всѣ его полчища были собраны на р. Нѣманѣ. Войска наши тогда были собраны на границѣ. Мы тогда еще были въ Твери: тутъ занемогъ я сильной нервической горячкой; это было въ Февралѣ мѣсяцѣ, а въ началѣ Марта я сталъ выздоравливать. Принцъ Ольденбургскій, навѣщая меня объявилъ, что, по случаю военныхъ обстоятельствъ, онъ съ Великой Княгиней ѣдетъ въ С.-Петербургъ и что, по новому положенію, онъ долженъ убавить число своихъ адъютантовъ, (у него ихъ было 6, а остаться могли только 2) и чтобъ я, какъ войду въ силу, ѣхалъ бы къ Великой Княгинѣ и при Ней остался. Просилъ на то моего согласія, но я ему никакого рѣшительнаго отзыва не далъ. Въ началѣ Мая, выздоровѣвъ совершенно, мы поѣхали въ С.-Петербургъ. Явился я къ Великой Княгинѣ; Принцъ уже былъ въ арміи въ Вильнѣ, гдѣ была главная квартира. Пробывъ нѣсколько дней въ С.-Петербургѣ безъ дѣла и кипя воинымъ духомъ, я присталъ къ Великой Княгинѣ, чтобы она меня отпустила. Она мнѣ наконецъ ска-

зала, что насильно меня держать при Себѣ не желаетъ и что я могу ѣхать въ армію. Добрая жена моему стремленію не перечила и брала на себя столько бодрости духа, что даже одобряла мое рѣшеніе, согласное съ тогдашнимъ общимъ духомъ (*). И такъ я отправился въ г. Вильну, гдѣ на разводѣ, представился Государю. Его Величество приказалъ мнѣ обратно ѣхать въ С.-Петербургъ, сказавъ мнѣ, что я нуженъ сестрѣ Его и что я отъ этого ничего не потеряю.

(*) Отъ 8 Февраля 1812 г. Юрій Александровичъ Нелединскій писалъ своей дочери: «Toutes vos lettres me font voir que vous êtes fort agitée; mais en même temps toujours ma raisonnable Agrippine! Vous faites très bien, ma bonne amie, de ne point vous opposer aux projets de votre mari. S'il veut aller à l'armée, il n'y est pas entrainé par une effervescence de jeunesse, ni par fanfaronade, vous le savez, et tout ce que vous pourriez lui opposer, il y a sûrement réfléchi. Effectivement, comment pourrait-il, étant au service, s'y refuser au moment décisif et surtout si le prince ne garde pas tous ses adjudants? Si le p-ce Alexandre reste son adjudant, c'est autre chose; et je ne vois pas pourquoi il ne profiterait pas de l'offre que lui fait la Grande Duchesse de demeurer auprès d'Elle: ce serait un sacrifice qu'il lui ferait, sans doute on lui en tiendrait compte. Au reste, ma chère amie, le désagrément à part de vous séparer pour quelque temps; outre cela il n'y pas encore de quoi recourir à ce fond de courage et de fermeté qui vous est propre. Votre mari a déjà été à l'armée; il n'a jamais été tué, et on n'y tue pas tout le monde. Quant à la nécessité de vous séparer, c'est une de ces vicissitudes qui arrivent dans la vie à tout le monde et auxquelles il faut toujours être préparé. Gardez vous de vous laisser aller, comme votre maman! Vous voyez combien elle en est malheureuse. Je ne lui ai encore parlé ni de la guerre, ni du départ de la Grande Duchesse. Ce soir je soupe chez Wyasemsky et demain j'annoncerai comme une nouvelle que j'y ai apprise, le départ de la Grande Duchesse. Elle en cherchera le pourquoi et cela la préparera à entendre parler de guerre. Si Serge y va, Dieu m'aidera, sans doute, à soutenir le courage de ma femme, ou plutôt à soutenir sa faiblesse; je mets mon espérance en Lui seul. Une chose singulière, c'est qu'aujourd'hui le lendemain du jour où la poste arrive de Doubno, elle n'a pas songé à demander s'il y avait une lettre pour elle. J'en ai cependant depuis hier, mais je ne veux pas la lui donner pour l'accoutumer à ne pas en recevoir souvent, et pour avoir une ou deux lettres de réserve. Ah! ce serait bien heureux, ma bonne amie, si vous pouviez parvenir à bien imiter l'écriture de Serge, et pour cela servez vous d'encre qui soit pâle, de mauvaise encre: premièrement, parce que toutes ses lettres sont écrites comme cela, et puis, quand l'encre est bien noire le défaut de ressemblance est plus visible. Je vous enverrai des originaux par la poste prochaine».

летѣлъ я на курьерскихъ обратно, восхищаясь какъ счастлива будетъ жена моимъ возвращеніемъ, надѣясь что, изъявивъ всю готовность и желаніе стать въ ряды войска и получивши Высочайшее повелѣніе отбыть изъ арміи, воинскій духъ во мнѣ успокоится. Но это было не на долго. Въ началѣ Іюня Великая Княгиня переѣхала въ Павловское и, подъ предлогомъ, что нехочетъ стѣснить Императрицу—оставила меня въ С.-Петербургѣ. Это намъ показалось страннымъ, ибо Императрица и по мимо Великой Княгини, когда лѣтомъ мы бывали въ С.-Петербургѣ всегда Сама приглашала Насъ въ Павловское и мы тамъ были угощаемы при тестѣ моемъ, коего Царица особенно любила. Такимъ образомъ прожилъ я съ недѣлю въ С.-Петербургѣ.

Между тѣмъ Французы вступили въ Россію и я не былъ въ состояніи укротить воинственнаго патріотическаго моего порыва. Я отправился къ Великой Княгинѣ и рѣзко объявилъ Ей, что считаю предосудительнымъ оставаться при Ней, нося мундиръ военный, что я полагаю что она удерживаетъ меня при Себѣ только потому, что я Матерью Ея опредѣленъ былъ къ Принцу въ Адъютанты (*). Напрасно Великая Княгиня увѣряла меня, что она желаетъ собственно для Себя имѣть меня при Ней, что у Ней одинъ только Шталмейстеръ Кн. Гагаринъ, который можетъ занемочь и пр., я рѣшительно отказался оставаться, и Она велѣла мнѣ пріѣхать на другой день за письмами къ Ея мужу. Я видѣлъ что Великая Княгиня

(*) По этому поводу Ю. А. Нелединскій писалъ отъ 8 Іюля: «C'est au moment même où je viens de recevoir vos lettres que je vous écris, et je ne puis m'empêcher de vous témoingner tout de suite mon admiration: vous p-ce Alexandre, de vous voir déterminé à une démarche qui toute indispensable qu'elle aurait été pour tous ceux qui se trouveraient à votre place, n'en serait pas moins négligée par beaucoup de personnes, qui dans votre situation se croiraient à l'abri de tout blâme. Et vous, ma chère Agrippine, c'est votre résignation qui me charme! Soyez sûre que vous en serez toujours récompensée. S'oublier soi-même, c'est le moyen de se retrouver avec plus de plaisir. Vous avez bien raison, prince Alexandre, il faut que non seulement le public, mais la Grande Duchesse Elle-même soit convaincue que vous êtes toujours prêt à sacrifier vos aises et vos plaisirs à ce qu' exige de vous le devoir et votre honneur.

разсердилась. Но когда я явился къ Ней на другой день, то Она ласково и милостиво мнѣ пеняла, что я, наканунѣ, такъ горячился и наконецъ сказала мнѣ: «Мы помиримся. Я Васъ оставляла при Себѣ для того, что бы поручить Вамъ формировать полкъ на моемъ содержаніи. Согласны ли Вы принять сіе порученіе на себя?» Это лестное предложеніе принялъ я съ большимъ удовольствіемъ, оно доставляло мнѣ дѣятельную службу и не разлучало съ семействомъ. Попенялъ я Великой Княгинѣ, что, удостоивая меня своею довѣренностію, Она могла бы повѣрить мнѣ причину, для какой меня удерживала и избавила бы отъ непріятности Ей противорѣчить. Великая Княгиня приняла то объясненіе милостиво.

Мѣстомъ для формированія полка назначенъ былъ г. Тверь, а сумма Ею жертвуемая была 500,000 рублей, въ коей я Ей одной долженъ былъ отдавать отчетъ. Даны были въ распоряженіе мое, сколько я найду нужнымъ, изъ чиновниковъ Путей Сообщенія, кои были посланы мною для набора людей въ 9 губерніяхъ, въ которыхъ были удѣльныя имѣнія Великой Княгини, съ приглашеніемъ отъ Ея имени желающихъ идти на защиту отечества, съ обѣщаніемъ и за кратко-временную службу зачесть оную за полную рекрутскую повинность, а по увольненіи—быть освобожденными, во всю жизнь, отъ платежа Ей оброка.

Воззваніе Великой Княгини, присоединенное къ тому патріотическому духу, который одушевлялъ тогда всѣ классы народа, столь было дѣйствительно, что большая часть людей не по очереди, а охотой, явилась на службу, такъ что поступало нѣсколько человѣкъ, и по два брата, изъ одного семейства.

Въ половинѣ Іюля были посланы чиновники, а въ исходѣ Августа всѣ люди, изъ удѣльныхъ имѣній (750 человѣкъ) были привезены въ Тверь (*). Между тѣмъ, одежда и вся солдатская аммуниція изгото-

---

(*) Отъ 9 Августа князь писалъ своей женѣ:... Про себя тебѣ скажу, что чѣмъ ближе въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ; высморкаться; какъ говорятъ, некогда. Мнѣ, дѣйствительно, теперь пропасть дѣла. Баталіонъ мой уже принимаетъ нѣкоторый воинственный видъ; уже собрано 250 человѣкъ, и въ числѣ ихъ есть

tous ont passé du service civil dans le militaire, attendant avec impatience qu'on les envoye à l'armée. Non, dans l'univers entier et dans tout ce que nous avons lu jusqu'ici de toutes les histoires du genre humain, rien n'est à comparer au zèle et à l'empressement que chacun témoigne ici de se rendre utile de quelque manière que ce soit. Sa Majesté a désiré encore une augmentation de troupes, il s'en forme plus qu'il ne le désire, il lui faut de l'argent, des millions lui sont offerts de la meilleure grâce du monde. Voilà le Russe! il ne s'est jamais démenti, c'est dans les grandes occasions que son énergie et la noblesse de son âme se font toujours voir».

Самоувѣренность, самообольщеніе, неразлучныя спутницы возбужденнаго патріотизма, скоро уступили мѣсто другому чувству. Москвою овладѣло безпокойство на счетъ собственной безопасности, безпокойство, возраставшее по мѣрѣ заманиванія главнокомандующимъ Барклаемъ-де-Толли непріятельскихъ силъ внутрь Россіи. Слово *измѣна* послышалось въ арміи, подхвачено Москвою и вотъ длинными вереницами потянулись изъ Москвы по всѣмъ дорогамъ — кто въ Ярославль, кто во Владиміръ, кто въ Нижній.

Дѣйствительно, уже въ началѣ Августа, чрезъ нѣсколько дней по отбытіи Государя изъ столицы, спокойствіе жителей Москвы, не безъ основанія, было встревожено непонятнымъ рядомъ уклоненій двухъ армій, отъ всякой серьезной встрѣчи съ непріятелемъ на полѣ сраженія.... Что было основаніе бояться за Москву—скоро доказали послѣдствія, не смотря на увѣренія главнокомандующаго Кутузова, который просилъ графа Ростопчина (*) «увѣрить и успокоить всѣхъ Московскихъ жителей, что войска наши не достигли еще до такого разслабленія и истощенія въ какомъ, можетъ быть, стараются ихъ представить; напротивъ того, всѣ воины, неимѣвъ еще до нынѣ генеральнаго сраженія, не могли дойти до такой степени оскуденія въ пособіяхъ и оживляясь свойственнымъ имъ духомъ храбрости, ожидаютъ, съ послѣднимъ нетерпѣніемъ, минуты запечатлѣть кровію преданность свою къ

(*) Изъ письма князя Кутузова къ графу Ростопчину списаннаго Иелединскимъ.

разсердилась. Но когда я явился къ Ней на другой день, то Она ласково и милостиво мнѣ пеняла, что я, наканунѣ, такъ горячился и наконецъ сказала мнѣ: «Мы помиримся. Я Васъ оставляла при Себѣ для того, что бы поручить Вамъ формировать полкъ на моемъ содержаніи. Согласны ли Вы принять сіе порученіе на себя?» Это лестное предложеніе принялъ я съ большимъ удовольствіемъ, оно доставляло мнѣ дѣятельную службу и не разлучало съ семействомъ. Попенялъ я Великой Княгинѣ, что, удостоивая меня своею довѣренностію, Она могла бы повѣрить мнѣ причину, для какой меня удерживала и избавила бы отъ непріятности Ей противорѣчить. Великая Княгиня приняла то объясненіе милостиво.

Мѣстомъ для формированія полка назначенъ былъ г. Тверь, а сумма Ею жертвуемая была 500,000 рублей, въ коей я Ей одной долженъ былъ отдавать отчеть. Даны были въ распоряженіе мое, сколько я найду нужнымъ, изъ чиновниковъ Путей Сообщенія, кои были посланы мною для набора людей въ 9 губерніяхъ, въ которыхъ были удѣльныя имѣнія Великой Княгини, съ приглашеніемъ отъ Ея имени желающихъ идти на защиту отечества, съ обѣщаніемъ и за кратко-времянную службу зачесть оную за полную рекрутскую повинность, а по увольненіи—быть освобожденными, во всю жизнь, отъ платежа Ей оброка.

Воззваніе Великой Княгини, присоединенное къ тому патріотическому духу, который одушевлялъ тогда всѣ классы народа, столь было дѣйствительно, что большая часть людей не по очереди, а охотой, явилась на службу, такъ что поступало нѣсколько человѣкъ, и по два брата, изъ одного семейства.

Въ половинѣ Іюля были посланы чиновники, а въ исходѣ Августа всѣ люди, изъ удѣльныхъ имѣній (750 человѣкъ) были привезены въ Тверь (*). Между тѣмъ, одежда и вся солдатская аммуниція изгото-

---

(*) Отъ 9 Августа князь писалъ своей женѣ:... Про себя тебѣ скажу, что чѣмъ ближе въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ; высморкаться, какъ говорятъ, некогда. Мнѣ, дѣйствительно, теперь пропасть дѣла. Баталіонъ мой уже принимаетъ нѣкоторый воинственный видъ; уже собрано 250 человѣкъ, и въ числѣ ихъ есть

вались съ поспѣшнымъ усердіемъ всѣхъ ремесленниковъ, коихъ часть прибыла изъ Москвы; такъ что къ 1 Сентября всѣ люди были одѣты и вооружены изъ Московскаго арсенала и готовъ былъ полный обозъ. Молодые ратники сами учились стрѣлять и покупали порохъ. Рвеніе всеобщее давало во всемъ быстрый успѣхъ. Мнѣ было предоставлено въ дополненіе числа людей вербовать охотниковъ, и таковыхъ мною было набрано до 300 человѣкъ изъ духовнаго званія въ Тверской губерніи (*). Офицеровъ также предоставлено было мнѣ

отличные пѣсельники—народъ чудный и смѣтливый. Навербуй мнѣ здѣсь нѣсколько офицеровъ; жаль, что тебя, другъ мой, здѣсь нѣтъ, ты бы удивилась моему удальству: право опять сдѣлался славный и дѣятельный служивый!

(*) О необходимости образовать резервную роту, князь 30 Сентября писалъ Великой Княгинѣ слѣдующее:

Ваше Императорское Высочество!

Осмѣливаюсь всенижайше взойти съ моимъ мнѣніемъ къ Вашему Императорскому Высочеству, о чемъ ниже слѣдуетъ.

Резервы во всѣхъ войскахъ признаны необходимыми, и для того въ армейскихъ полкахъ, состоящихъ изъ трехъ баталіоновъ, одинъ оставляется всегда въ резервѣ, съ тѣмъ чтобы пополнять изъ онаго убыль людей въ дѣйствующихъ баталіонахъ: баталіонъ Вашего Высочества онаго не имѣя, легко можетъ, бывъ разъ или два въ дѣлѣ, по теперишнему образу воевать, придти въ большую разстройку потерею людей, не имѣя отъ куда замѣстить число убылыхъ. Недостающее теперь число нижнихъ чиновъ въ баталіонѣ, бывъ набрано, могло бы составить оный резервъ, въ которомъ до требованія баталіона люди приготовлялись бы къ службѣ и поступали въ оную съ нѣкоторымъ уже образованіемъ.

Навербовать еще съ небольшимъ 200 человѣкъ изъ церковнаго званія не весьма затруднительно, и я бы самъ оное исполнить могъ, ежели бы имѣлъ болѣе времяни, не такъ былъ занятъ другимъ. Ежели Ваше Императорское Высочество предусмотрѣть изволите долгое продолженіе войны и таковое существованіе баталіона, то вышеозначенный для него резервъ будетъ недостаточенъ, и на тотъ случай осмѣливаюсь представить мнѣніе мое: съ удѣла Вашего Императорскаго Высочества, по теперешнему набору, должно собраться тоже самое число людей, которое уже поступило въ баталіонъ Вашъ, 705 человѣкъ, за исключеніемъ теперь изъ Смоленской и Московской губерній 108 человѣкъ, выйдетъ 597; ежели Ваше Высочество изволите выпросить у Государя изъ оныхъ людей, сколько надо, для составленія резервной роты, а протчихъ считать рекрутскимъ

приглашать изъ отставныхъ, и дано было мнѣ изъ Института Корпуса Путей Сообщенія 12 молодыхъ людей лучшаго образованія, въ числѣ коихъ нѣсколько изъ знатныхъ фамилій.

Между тѣмъ, Наполеонъ шелъ во внутрь Россіи. Послѣ сраженія подъ Смоленскомъ, я былъ въ Москвѣ; все тамъ кипѣло воинственнымъ духомъ къ защитѣ отечества. Генералъ-губернаторъ графъ Ростоп-

---

депо Вашего баталіона на казенномъ содержаніи и общемъ положеніи такого роду депо; то сверхъ той пользы, что баталіонъ укомплектоваться будетъ хорошими людьми, еще та, что въ войскѣ съ сего будетъ большая связь; сумнѣнія нѣтъ, что люди, прежде службы, между собою знакомые и изъ однихъ селеній другъ за друга стоять и другъ за друга выручать усердно будутъ. При блаженной памяти бабушкѣ Вашей такимъ образомъ войска комплектовались: малороссіяне поступали все въ кавалерію, также экономическіе казенные въ особые полки. Резервъ долженъ быть въ вѣдѣніи баталіоннаго начальника, какъ часть самаго баталіона и которая отдѣляется отъ него тогда только, когда онъ выступаетъ въ походъ противу непріятеля. Когда изъ резерва берутся люди въ дѣйствующее войско, тогда выбылое число пополняется изъ рекрутскаго депо, въ резервной же ротѣ обмундировываются, обучаются и приготовляются къ отправкѣ, на случай, ежели ихъ потребуютъ. Въ предполагаемую резервную роту особенныхъ офицеровъ не нужно, а оставлять при оной изъ каждой роты по одному.

Повергая себя къ стопамъ Вашихъ Императорскихъ Высочествъ, щастіе имѣю быть Вашего Императорскаго Высочества всенижайшій и усерднѣйшій слуга

Кн. Александръ Оболенскій.

Весьегонскъ.

30 Сентября 1812 года.

Отвѣтъ Великой Княгини:

Господину Гвардіи Капитану, Князю Оболенскому.

Найдя совершенную справедливость и пользу въ мнѣніи вашемъ о составленіи резервной роты для укомплектованія убыли людей въ баталіонѣ, легко могущей быть въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ весьма значительной, Я поручаю вамъ употребить всевозможное стараніе дополнить недостающее число рядовыхъ по штатному положенію, опредѣленное вербованіемъ въ баталіонѣ на законномъ основаніи всякаго званія людей, желающихъ добровольно вступить въ оный. Таковымъ вербованіемъ резервная рота будетъ состоять изъ 240 человѣкъ, нынѣ недостающихъ въ баталіонѣ, и будутъ приготовляться по службѣ для поступленія въ баталіонъ съ нѣкоторымъ уже образованіемъ. Многія ваши по службѣ обязанности не позволятъ вамъ нынѣ заняться неотрывно толь полезнымъ для баталіона предметомъ, но какъ оный имѣетъ быть доведенъ до совершеннаго ус-

чинъ, воззваніями своими и издаваемыми ежедневно записками, занималъ и возбуждалъ патріотическій духъ, и до самаго вступленія непріятеля въ Москву, сохранилъ въ столицѣ спокойствіе и порядокъ. Когда послѣ Смоленскаго сраженія, Наполеонъ двинулся впередъ, то дальновидные люди увѣрились, что онъ идетъ на свою погибель. Послѣ кровопролитной битвы подъ Бородинымъ не было сомнѣнія, что непріятель вступитъ въ Москву; народъ вызывался на Поклонную гору для защиты Москвы. Графъ Ростопчинъ поощрялъ это рвеніе, но это только была уловка, чтобы занять чернь и отвлечь ее отъ безпорядковъ и грабежа. По сей благоразумной мѣрѣ и другимъ ей подобнымъ, ни въ городѣ, ни на дорогахъ ни одного случая грабежа не было. Кому можно было—всѣ выбирались изъ Москвы, и непріятель вступилъ въ оную, почти всѣми жителями оставленную. Войска наши не дѣлали ему преграды и расположились фланговымъ маршемъ по тульской и калужской дорогамъ, верстахъ въ 50 отъ Москвы.

Какъ ни ожидано было сіе событіе, но меня такъ чувствительно оскорбило, что я о Москвѣ нѣсколько ночей проплакалъ. Отъ занятія Москвы непріятелемъ и потомъ пожара оной не только не упалъ духъ въ народѣ, но произошло ожесточеніе еще сильнѣйшее противъ врага и полная надежда, что Господь поможетъ истребить его совершенно.

Спокойствіемъ въ столицѣ обязаны благоразумнымъ распоряженіямъ графа Ростопчина. Его въ то время обвиняли иностранцы и нѣкоторые русскіе въ пожарѣ Москвы, будто имъ была устроена и оставлена въ Москвѣ шайка зажигателей и вывезены изъ города пожарныя трубы. Правда, что вся полиція и пожарная команда были выведены, но учрежденныхъ зажигателей не было и нужды въ томъ не было, ибо въ духѣ народномъ было чтобы камня на камнѣ не оставить для незваныхъ гостей. Таковымъ же духомъ самъ былъ проникнутъ Графъ Растопчинъ,

---

ройства къ 15 числу сего мѣсяца, то Я увѣрена, что по истеченіи сего времени вы потщитесь сію мысль привести въ дѣйствіе, тѣмъ болѣе, что вы сами Мнѣ ее подали и доказали симъ какъ стараніе равно и попеченіе ваше о баталіонѣ, заслуживающее особенное Мое вниманіе.

Екатерина.

ибо самъ зажегъ въ селѣ Вороновѣ свой великолѣпный домъ. Этотъ подвигъ его пріобрѣлъ ему славу въ чужихъ краяхъ, въ Россіи же, въ то время, не отдали ему полной справедливости; я видѣлъ его въ 1814 году въ упадкѣ духа, весьма озабоченнаго оправдать себя въ зажигательствѣ.

Въ Мартѣ 1814 года я былъ въ Москвѣ: во всемъ Москворѣчьи стояли только однѣ обгорѣлыя трубы, а въ прочихъ частяхъ города развѣ пятая часть уцѣлѣла. Между тѣмъ, французская армія приходила въ совершенное разстройство отъ изнуренія и недостатка въ продовольствіи. Большія и малыя партіи отъ оной отправлялись фуражировать къ сѣверной части Московской губерніи и смежныя съ оною губерніи. Большая часть ихъ истреблялась вооруженными крестьянами и нашими партизанами. Послѣ Тарутинскаго сраженія, въ которомъ большая часть авангарда непріятельскаго была истреблена, Наполеонъ не имѣлъ другаго средства какъ бѣжать изъ Москвы безъ хлѣба, обуви и теплой одежды. Наступившіе морозы положили конечное истребленіе арміи; онъ самъ покинулъ свои войска, и изъ 500.000 арміи едва 30.000 человѣкъ возвратились за границу.

Къ 1 Ноября 1812 года сформированный батальонъ привелъ я въ Ярославль, гдѣ находилась тогда Великая Княгиня и дѣлала ему смотръ. Оттуда пошелъ я въ Тверь, куда и Принцъ съ Великой Княгиней прибыли. Прощаясь съ набранными Ею воинами, Великая Княгиня благословила насъ образомъ Нерукотвореннаго Спаса, который теперь у меня находится.

29 Ноября я выступилъ изъ Твери къ дѣйствующей арміи. Принцъ Ольденбургскій долженъ былъ встрѣтиться со мною въ Витебскѣ и дать мнѣ дальнѣйшее направленіе.

Разставаніе съ милою женою было менѣе прежняго тягостно, ибо мы были въ полной надеждѣ, что война продолжиться не можетъ, потому что всѣ союзники Наполеона готовы были отъ него отложиться. Прибывъ въ Витебскъ, я не нашелъ тамъ Принца, а получилъ извѣстіе о его кончинѣ. Онъ захватилъ въ Твери въ лазаретѣ гнилую горячку и въ нѣсколько дней умеръ.

Не имѣвъ никакихъ приказаній куда мнѣ слѣдовать, я рѣшился

идти по стопамъ арміи Витгенштейна, бывшей тогда уже за границей. Хотя зима была очень холодная, но мы мало оттого терпѣли, бывъ снабжены теплою одеждой. Но такъ какъ шли по разореннымъ мѣстамъ и зараженнымъ отъ бѣгущей непріятельской арміи тифозною горячкою, то почти половину моей команды я оставилъ дорогою, гдѣ только могъ, поручая мѣстному надзору или просто человѣколюбію обывателей, давая имъ щедрое денежное пособіе на содержаніе больныхъ. На 1000 верстъ разстоянія до Нѣмана не было лазаретовъ. Мы находили въ нѣкоторыхъ мѣстахъ только въ большихъ корчмахъ лежавшихъ больныхъ французовъ въ ужасномъ состояніи, а возлѣ корчемъ груды мертвыхъ замерзшихъ тѣлъ, которыя ожидали оттепели чтобы быть похороненными. Дорогою большая часть селеній были выжжены: кое гдѣ оставались избушки, но въ нихъ были десятки замерзшихъ французовъ. Глубокій снѣгъ прикрывалъ еще болѣе ужасные слѣды опустошенія, и несчастное истребленіе могущественной арміи оружіемъ, голодомъ и холодомъ».

Этимъ кончаются записки князя о 1812 годѣ. Въ сохранившейся же корреспонденціи того времени заключается много любопытныхъ подробностей. Мы приведемъ нѣкоторыя изъ нихъ:

Въ изданной въ 1868 году г. Языковымъ брошюрѣ, подъ заглавіемъ: «Баталіонъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Екатерины Павловны, Герцогини Ольденбургской, 1812 года» приведено собственноручное письмо Великой Княгини къ князю Василію Петровичу Оболенскому, родному брату князя Александра Петровича, состоявшаго также адъютантомъ при Принцѣ Ольденбургскомъ. Въ этомъ письмѣ (безъ числа) Великая Княгиня въ первый разъ подъ *величайшею тайною* сообщаетъ мысль свою о формированіи баталіона. Вотъ это письмо:

«Dites au comte Rostopschin, que quand Vous m'avez annoncé Votre départ pour Moscou je Vous avais répondu: Si c'est ainsi, vu la con-

fiance que le comte Rostopschin a en Vous, je veux Vous parler d'une idée, qui m'est venue et que je lui ai communiquée en gros, dont j'ai ensuite mûri les détails dans ma tête, lesquels Vous pouvez lui rendre, que je Vous ai lu ma lettre à lui. Que c'etait à lui à enflammer le patriotisme de sa noblesse, la première de l'Empire par ses richesses et par ce respect, dont jouissait le nom de Moscou; qu'il n'avait qu'à se rendre ou à l'assemblée de noblesse ou à quelque réunion, leur exposer le danger de la patrie et combien cette guerre était nationale, que sa ville renfermant des nobles de tous les gouvernements, l'enthousiasme qu'il aurait produit dans les siens se répandrait promptement par tout l'Empire, que Vous étiez assuré, tout comme moi, qu'il n'y aurait pas un Russe qui ne serait honteux de ne pas offrir à sa patrie sa personne et son zèle, que non seulement Vous, comme gentilhomme trouviez que chaque Gouvernement pouvait offrir un régiment de mille hommes, mais que, tout comme moi, Vous croyez que la noblesse devrait s'engager à nourrir et entretenir ce corps durant la guerre, qui plus elle serait vigoureusement menée moins elle durerait, que hors les fusils et la poudre, choses qu'aucun or ne peut donner, ce serait un objet, par Gouvernement, de deux cent mille roubles par an à mille hommes. S'il objecte qu'il y en a de trop pauvres pour supporter cette charge, répondez que du moins ceux-là pourraient fournir quelque partie d'un régiment, mais que sûrement aucun ne resterait, pour son propre honneur, en arrière; qu'il n'avait qu'à créer son régiment de Moscou, lui trouver les officiers et le chef et l'offrir à l'Empereur, qui serait le maître de l'accepter, mais qui ne pourrait blâmer son zèle; s'il Vous demande si l'Empereur le sait et de qui part cette idée, répondez que l'Empereur l'ignore à ce que Vous croyez, mais que le Prince et moi nous avions pensé à cela, surtout parceque lui était à Moscou et qu'aussi nous étions sûrs qu'il ne s'y passerait rien de tumultueux, vu que lui représenterait la chose à la noblesse simplement sous son vrai jour, mais que Vous pensiez bien que comme il n'y avait aucun mal à ce projet, l'Empereur ne pourrait rien avoir contre. S'il Vous objecte le manque d'officiers, répondez lui qu'alors au lieu de nommer ces mille hommes régiment, on pourrait les nommer bataillon, ce qui reviendrait au même, avec l'avantage d'exiger moins d'offi-

ciers. S'il Vous demande, que deviendront ces gens ensuite, dites que Vous êtes sûr, et moi de même, que l'Empereur ne les abandonnera pas et qu'il est peu noble à la noblesse de penser aux récompenses avant de les avoir méritées. S'il Vous demande comment la noblesse nourrirait et soignerait ces différents corps, répondez que, Vous et moi, nous sommes sûrs que l'Empereur, en faveur de leur bonne volonté leur fera la grâce d'en former un corps à part et de leur donner un chef digne d'eux. S'il ne Vous faisait pas une de ces questions, dites lui tout cela de Vous même et de moi, car il est bon qu'il le sache, afin de prévenir les erreurs, les inquiétudes et les discussions qui peuvent naître. S'il Vous demande ce que personnellement je compte faire, répondez que Vous l'ignorez, mais que Vous êtes très sûr que je ne resterai pas en arrière pour prouver ma reconnaissance à ma Patrie».

(Письмо не подписано).

Изъ записокъ князя Александра Петровича видно, что по прибытіи его, въ началѣ Мая, въ Петербургъ, онъ сталъ проситься у Великой Княгини отпустить его въ армію; очевидно, что Великая Княгиня уже тогда имѣла въ виду поручить ему формированіе своего баталіона, но дабы не нарушить тайны, до утвержденія проекта ея Государемъ, Великая Княгиня рѣшилась уступить настоятельному желанію князя и отпустила его, зная напередъ, что Государь опять вернетъ князя къ ней въ Петербургъ.

Всего замѣчательнѣе то обстоятельство, что уже послѣ отъѣзда князя въ Вильну, Великая Княгиня часто видалась съ супругою князя, и зная въ какомъ она была безпокойствѣ о мужѣ, еще не задолго предъ тѣмъ выдержавшемъ сильную горячку, не рѣшалась повѣдать ей тайну скораго возвращенія князя въ Петербургъ, и съ какою цѣлію. 24 Мая княгиня Аграфена Юрьевна пишетъ своему мужу въ Вильну слѣдующее: «Cher et tendre ami. Serait-il possible qu'il me fut encore possible de conserver l'espérance d'avoir bientôt le bonheur de te revoir, je t'avoue que j'y avais renoncé et que je cherchais à me fortifier dans l'idée que c'était une chose impossible, mais ce matin en fesant promener Catiche j'ai aperçu la voiture de l'angélique Grande

Duchesse à la porte du jardin d'été, je n'ai pas voulu manquer cette occasion de la voir et je suis entrée au jardin. J'ai eu le bonheur de causer plus d'un quart d'heure avec Elle, et Elle m'a demandé:«Eh bien, quand attendez-vous donc votre mari?»—Cette question m'a rendue toute stupéfaite.—Comment dis-je, l'attendre Madame! je ne sais pas même encore quand il est arrivé à Vilna.—«Ah, bah! m'a-t-elle répliqué»—et bientôt après Elle m'a quittée en me chargeant de te dire bien des choses lorsque je t'écrirai.»

Мы видимъ изъ записокъ князя, что и по возвращеніи его въ Петербургъ, въ началѣ Іюня, Великая Княгиня не рѣшилась, сохраняя тайну, объявить ему о своемъ намѣреніи, и только уже въ Іюлѣ, послѣ настоятельнаго требованія князя вернуться въ дѣйствующую армію, она сказала ему о его новомъ назначеніи. Вѣроятно сохраненіе столь строгой тайны было вызвано опасеніемъ преждевременнаго разглашенія объ общей мѣрѣ народнаго ополченія, которая встрѣтила противодѣйствіе въ графѣ Ростопчинѣ, какъ это можно видѣть изъ слѣдующаго письма Великой Княгини Екатерины Павловны къ князю Василію Петровичу Оболенскому.

St.-Pétersbourg. 7 Juillet 1812.

J'ai reçu hier soir, mon Prince, la gracieuse confirmation de l'Empereur, mon offre a été acceptée formellement et n'est plus un secret. Votre frère va partir, à tout instant les bas-officiers doivent m'arriver; j'ai écrit aujourd'hui pour que le Prince me renvoie sur le champ Todoroff qui sera chargé de recevoir les objets de M-r Godleffsky; je suis la cause du retard de cet officier, car tout le jour j'attendais la réponse et voulais profiter de cette occasion pour Vous en faire part. Le grand projet va s'arranger en dépit du Comte, je ne sais pas encore absolument les détails, mais en quinze jours Moscou fera voir à son gouverneur qu'il l'a méconnu. N'en parlez pas. Je suis heureuse de voir que le bien se fera, peu importe par qui. Vous êtes homme à le sentir et je m'empresse de Vous en faire part, cette nouvelle m'est aussi venue hier. A l'armée cela va très-bien, les bulletins Vous seront connus, je pense. Pardon de mon laconisme, mais je n'ai pas un moment. Comptez toujours sur mon estime

parfaite et donnez moi de Vos nouvelles et des nouvelles comment l grande affaire aura pris à Moscou lorsqu'elle s'entamera. Portez Vou bien et ne doutez jamais de Votre dévouée «*Catherine.*»

Въ первой половинѣ Іюля князь съ княгиней уже выѣхали изъ Пе тербурга въ Тверь, гдѣ баталіонъ долженъ былъ формироваться Между тѣмъ непріятель подвигался къ Москвѣ; княгиня Оболенска была почти на сносѣ беременна. Великая Княгиня была въ томъ ж положеніи, и намѣревалась для бо̀льшей безопасности отправиться в Ярославль, куда, въ началѣ Августа, уговорила переѣхать и княгиню въ половинѣ же мѣсяца пріѣхали туда Нелединская съ дочерь Софьею, а Юрій Александровичъ Нелединскій оставался въ Москвѣ, за ботясь объ отправленіи въ Казань воспитанницъ институтовъ.

Это поспѣшное отправленіе, вызванное необходимостью, въ то время когда, въ ожиданіи вступленія непріятеля въ Москву, всѣ жители спаса лись бѣгствомъ и увозили пожитки свои, на чемъ попало—крайне огор чило Императрицу, которая, очевидно, не знала, въ какомъ положені находилась Москва. Отъ 26 Августа (въ самый день Бородинско битвы) писала она Нелединскому:

«Ce 26 Août 1812. Savez-vous, mon bon vieux Nélédinsky, que pou la première fois de la vie je suis fâchée contre vous, j'ai envie de vou gronder et je dois vous dire que vous m'avez causé la peine la plus vive Le départ des Instituts me déchire déjà le coeur, je dois le croire nécessaire parceque vous tous l'avez rendu si prompt que vous ne m'avez pas consulté sur aucune des mesures à prendre pour le départ. Mais comment s peut-il que vous, mon bon Nélédinsky, avec la délicatesse de vos senti ments, vous ayez pu souscrire au cruel arrangement de faire partir no D-elles de l'Institut de S-te Catherine, toutes filles de gentilshommes, enfi toutes nobles, sur des charrettes? Cette mesure était désolante déjà pou l'Institut d'Alexandre, mais la voir exécutée pour les Demoiselles d S-te Catherine—c'est de quoi faire désespérer, aussi, je vous l'avoue, mo bon Nélédinsky, que j'en ai versé des larmes amères. Grand Dieu! que spectacle pour la capitale de l'Empire que de voir emmener la fleur de l Noblesse sur des charettes! Je conçois très-bien que, dans ce momen d'angoisse, chaque particulier a besoin de son équipage, et que de l

la raison pourquoi on nous en prête si peu, mais il fallait en louer et à Moscou on peut en trouver tant qu'on veut: Madame de Perrette est très coupable de n'avoir pas protesté, en forme, contre cette mesure, tout comme contre celle du renvoi de tous les maîtres, et vous, mon bon vieux Nélédinski, vous, chargé de cette partie, vous laissez partir l'Institut sans prêtre, sans inspecteur des études, sans aucun maître, pas même celui des langues étrangères; comment cela a-t-il été possible? Mais enfin ce qui est fait est fait, il s'agit de réparer le mal autant que possible. J'écris, par ce courrier, à M-r de Baranof de tâcher de louer des voitures à Wladimir, enfin partout où il peut en trouver; ensuite vous, mon bon vieux Nélédinsky, je vous charge après avoir dit *виноватъ* de réparer vos fautes, de soigner l'envoi de notre excellent prêtre que vous munirez de nos vases sacrés et images (si vous le trouvez nécessaire), ensuite de notre inspecteur des études, de même que du meilleur de nos maîtres des langues étrangères et d'un de nos bons maîtres d'histoire et de géographie; je suppose que l'université de Casan fournira des maîtres d'arithmétique, de grammaire Russe, de rhétorique; au reste l'inspecteur une fois arrivé à Casan vous avertira s'il faut lui envoyer tel ou tel maître, il s'entend de soi-même qu'il faudra continuer tout aussi bien les études de l'Institut d'Alexandre. Enfin, mon bon Nélédinsky, pour que notre paix se fasse vite, mettez à cette expédition de maîtres tout le zèle que je vous connais. Je vous remercie de la voiture, que vous avez prêté à l'Institut: dites à tous ceux qui en ont fait de même, que je leur en suis des plus obligée: j'ai vu avec une grande sensibilité les noms de Khovansky comme vous appartenant et du P-ce Iousoupof à qui vous le direz bien expressément: mon bon Nélédinsky je n'ai pas besoin de vous exprimer ce qui se passe dans mon coeur, les paroles le rendent mal; cependant soyez persuadé que je suis remplie d'espoir et de confiance dans la bonté Divine; ce Dieu de la Russie — que je chéris, respecte et vénère de tout mon coeur — ne nous abandonnera pas: les temps sont bien pénibles, mais le bonheur renaîtra, et la gloire de la Russie sera à son comble. Ah! mon bon Nélédinsky, que je serai heureuse, lorsque je saurai de nouveau nos enfants en chemin pour revenir à Moscou, que je les saurai arrivés et que celles rendues aux parents se réuniront de nouveau

à eux. Informez-vous, je vous en prie, comment va la petite Smetkoff, qui a été si malade: dites-moi si les parents quittent Moscou; enfin ayez un oeil protecteur sur les leurs et dites aux parents que je vous ai prié de m'en donner des nouvelles. Adieu, mon bon Nélédinsky, tous les détails pécuniers vous les trouverez dans ma lettre officielle; celle-ci est tracée à quelqu'un auquel je veux beaucoup de bien, quoique je l'ose trouver en défaut, mais je me dis que c'est par trop de zèle. Portez-vous bien et soyez persuadé que je serai à jamais votre bien affectionnée. «Marie».

Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ Нелединскій получилъ отъ Императрицы и формальный рескриптъ слѣдующаго содержанія:

Юрій Александровичъ! Я получила съ послѣднею Московскою почтою донесенія о сдѣланныхъ обоими совѣтами распоряженій, въ сходствіе предписанныхъ въ письмѣ Моемъ къ Александру Михайловичу Лунину, отъ 9-го сего мѣсяца, мѣръ предосторожности на случай несчастія, и хотя вообще Я отдаю полную справедливость дѣятельности и усердію, оказаннымъ въ исполненіи по Моимъ предначертаніямъ, Я не могла однако не замѣтить въ дѣйствіи нѣкоторой торопливости, отчего произошли два положенія касательно отправленія институтовъ, которыхъ Я не только бы не утвердила, есть ли бы могли прежде дойти до Моего свѣдѣнія, но одно изъ нихъ непремѣнно желаю поправить. Я истинно вамъ признаюсь, что Я не знаю, какъ Совѣтъ могъ на сіи двѣ статьи рѣшиться, и вы на то согласились? Какъ могли во первыхъ допустить, что благородныхъ дѣвицъ отправить на тѣлегахъ? Уже довольно Мнѣ прискорбно, есть ли необходимость заставила возить на тѣлегахъ воспитанницъ Александровскаго Училища, которыя изъ нижнихъ офицерскихъ, мѣщанскихъ и подобнаго состоянія дѣтей; а дочерей лучшаго Дворянства—на тѣлегахъ! не могу Себѣ представить безъ огорченія и, прямо сказать, стыда, и даже слезъ. Не ужели въ обширной, изобильной всѣмъ, Москвѣ не можно было, есть ли не ссудою, то наймомъ достать потребнаго числа каретъ? Или Совѣтъ могъ ли остановиться незначущимъ на то расходомъ? Для исправленія сего, сколько возможно, Я предписала Николаю Ивановичу Баранову нанять кареты, гдѣ только на пути найдетъ къ тому возможность.—Какъ, во-

вторыхъ, вы, яко попечитель о просвѣщеніи сихъ дѣвицъ, позволили отправить ихъ безъ учителей, даже безъ духовника, и Инспектора классовъ? Я чистосердечно вамъ скажу, что Я сему весьма удивилась и при другихъ спокойнѣйшихъ обстоятельствахъ, Я бы вамъ всѣмъ изъявила Мое о томъ сожалѣніе, въ чемъ останавливаюсь однако, видя усердіе ваше въ снабженіи институтовъ «собственными» каретами. Но теперь подумать должно только какъ исправить сію ошибку. Я просила Министра Просвѣщенія, чтобъ позволилъ Инспектору классовъ Цвѣтаеву по вѣдомству его, отъ Московскаго Университета, дать отпускъ для слѣдованія за Институтами въ Казань, и прилагаю при семъ письмо его къ Попечителю Университета по сему предмету, которое прошу васъ ему доставить. Вашему же попеченію предоставляю также достойнаго Нашего священника Екатерининскаго Училища, съ согласія Московскаго Викарія Епископа Августина, равно какъ и лучшихъ Учителей, т. е. особенно такихъ, какихъ нѣтъ надежды найти въ Казани. Какъ Я полагаю, учителей иностранныхъ языковъ, принять опять въ службу сихъ заведеній, отъ которыхъ по напрасну уволены, и всѣхъ тѣхъ, которыхъ вы выберете, такъ какъ и Инспектора Цвѣтаева отправить въ Казань вслѣдъ за Институтами; для продолженія ученія по прибытіи на мѣсто, на каковой конецъ снабдить ихъ прогонными деньгами, изъ суммъ, оставленныхъ въ распоряженіи Главнаго Надзирателя Тутолмина, и о томъ увѣдомить Александра Михайловича Лунина, дабы онъ могъ дополнить нужныя Главному Надзирателю на другіе предметы деньги. Препоручая сіе особливому вашему ревностному попеченію, Я увѣрена, что вами со всякимъ стараніемъ и дѣятельностію, и притомъ всевозможнымъ сбереженіемъ издержекъ выполнено будетъ. Я съ удовольствіемъ въ доставленномъ отъ Николая Ивановича Баранова спискѣ особъ ссудившихъ Институты наши экипажами видѣла имя ваше, чего хотя отъ васъ и сочленовъ вашихъ ожидала, но тѣмъ не менѣе благодарю васъ искренно за таковое усердіе, и прошу васъ объявить Мою признательность прочимъ особамъ въ семъ вспоможеніи участвовавшимъ, какъ-то: Князю Николаю Борисовичу Юсупову, Княжнѣ Хованской, Г-жѣ Анненковой и Генералъ-Маіору Шепе-

леву, и съ истиннымъ доброжелательствомъ пребываю впрочемъ вамъ всегда благосклонною. «Марія».

Въ Таврическомъ дворцѣ Августа 26 дня 1812 года.

На эти рескриптъ и письмо Келедзинскій отвѣчалъ Императрицѣ слѣдующее:

Moscou ce 29 Aout 1812. Madame. Il est une heure après minuit et dans ce moment même, je viens de recevoir les ordres suprêmes de Votre Majesté Impériale du 26. — Dès demain matin je m'occuperai à prendre toutes les informations qui pourront servir à les exécuter le plus promptement possible; mais en attendant je profiterai du loisir que la nuit me laisse pour répondre à la lettre très-gracieuse de V. M. I.; lettre où cette âme bienfaisante qui embellit le rang suprême où le ciel Vous a placée se peint dans tout son éclat; mais par laquelle je suis forcé de conclure que V. M. est mal informée de ce qui concerne Moscou depuis la perte de Smolensk.—Les circonstances de cette perte ont influé généralement sur tout le monde. On a su que Smolensk n'a pas été pris, mais abandonné, après que l'ennemi en avait été repoussé.—Dès ce moment, l'idée *de trahison* a rempli toutes les têtes, et avant qu'on ait su que le P-ce Koutouzow était nommé commandant en chef, tout ce qui ne tenait point au service et avait un équipage a pris le parti de fuir de Moscou, au point que le chemin de Troitza, pendant plusieurs jours était couvert de voitures qui allaient à la file comme dans un jour de promenade. Le Comte Rostoptchine m'a dit que dans trois jours consécutifs il était sorti de Moscou près de 4 milles tant carosses que calèches. La défiance générale s'est accrue, lorsqu'on a vu que, sans le moindre combat, nos armées intactes, à l'exception de deux corps qui ont été sacrifiés à Smolensk,—ces armées, dis-je, ont reculé, jusqu'à Wiasma, ce qui fait 160 vertes, dans l'espace de 4 ou 5 jours. Wiasma a été livrée comme Smolensk; on a encore reculé et quoique l'arrivée du P-ce Koutouzow ait ranimé les espérances, mais la ville était déjà abandonnée par tout ce qui ne tenait à rien, avait ou était en état de se procurer des chevaux, dont le loyer le jour même de la nouvelle de Smolensk a quadruplé. Dans cet état de choses, quand il a été question de faire partir les Instituts, il ne restait presque plus personne à qui l'on puisse

demander des voitures. Faisant profession de parler toujours vrai à Votre Majesté Impériale, j'oserai l'assurer que dans des circonstances tranquilles et quand la ville était pleine, à peine aurions nous pu trouver à emprunter le nombre de carosses qu'on a prêtés dans cette occasion, où ne sachant qu'en faire on a été bien aise de les sauver du pillage avec la certitude de les ravoir un jour. — Quant à l'expédient d'en faire louer, il eut été difficile d'y faire consentir les marchands de voitures, vu la difficulté de les faire revenir et même d'y assigner un terme. Les marchands n'auraient voulu donner leurs carosses qu' en vente et c'eût été un objet de 50 à 60 milles roubles ou davantage: dépense à laquelle il était impossible de songer, dans un moment, où M-r de Lounine se plaignait constamment de la pénurie dans laquelle se trouvait la caisse de la maison. En un mot, Madame, nous ne pensions qu'à sauver les Instituts et à les éloigner le plus tôt possible du danger qui tous les jours augmente de plus en plus. Le 26 à 110 verstes de Moscou, nous avons eu une bataille, où l'ennemi a perdu en tués et blessés entre 40 à 50 milles hommes; notre perte n'est que de la moitié et nous avons gardé le champ de bataille. L'avantage est donc de notre côté. Eh bien, depuis ce temps, dans trois jours, sans nous être battus, nous avons reculé de 75 verstes et maintenant notre armée n'est qu'à 35 verstes de Moscou. Le Prince (*) . . . .

«Sur l'article des maîtres et d'inspecteur des classes, je n'ai que des pardons à demander à V. M. I. Ses bontés habituelles me font espérer qu'Elle daignera me l'accorder et excuser, en même temps, le désordre de ma lettre. Il vient d'une cause qui trouvera, je n'en doute point, grâce à ses yeux. Mon fils profitant de sa proximité est venu me voir; il a obtenu un congé seulement de 6 heures, et je vais moi-même le reconduire à son poste».

26 Августа Великая Княгиня разрѣшилась благополучно сыномъ

(*) Къ сожалѣнію, въ черновомъ отпускѣ съ этого письма вырѣзана четверть второй страницы, осталось только окончаніе отъ строки, которое и приводимъ.

Петромъ.—Около же этого времени родила и княгиня Оболенская дочь Екатерину.

Тяжелыя времена переживала Россія.—Любопытно, по частной корреспонденціи этого времени, прослѣдить въ какомъ затруднительномъ и тягостномъ положеніи находились семейства, вынужденныя переѣзжать изъ города въ городъ, съ больными женами и дѣтьми, укрываясь отъ нашествія непріятеля. Едва успѣли только устроиться въ Ярославлѣ, какъ получено было извѣстіе о занятіи Москвы, мародеры показывались уже и въ Ярославской губерніи—Великая Княгиня отправила своихъ дѣтей въ Вологду и должна была сама въ слѣдъ за ними ѣхать. Она убѣдила также княгиню Оболенскую, съ больными дѣтьми, отцомъ и больной матерью, отправиться туда же ни мало не медля.

Не выждавъ девяти дней послѣ родовъ, Княгиня, со всѣмъ семействомъ, пустилась въ путь по самой ужасной дорогѣ. Двѣ недѣли продолжалось это путешествіе.

Въ это время князь занятъ былъ въ Весьегонскѣ и Твери формированіемъ баталіона.

Трудность сообщенія, при полномъ почти отсутствіи почтъ и неизвѣстность о военныхъ дѣйствіяхъ, усиливали всеобщее безпокойство. Только урывками и больше по слухамъ, узнавали о совершающихся событіяхъ.

Замѣчательно, что съ приближеніемъ непріятеля къ Москвѣ, народный духъ не только не упалъ, но молва стала разносить все болѣе и болѣе благопріятные слухи.

Такъ, отъ 24 Августа князь пишетъ изъ Твери.... «Я получилъ секретное предписаніе, которое прошу хранить такожде, чтобы въ случаѣ вступленія непріятеля въ Тверскую губернію, дѣлать Барклаевскій маневръ до Ярославля, хотя буду и въ довольномъ разстояніи, ибо граница губерніи отъ сюда болѣе 200 верстъ. Но можно быть кажется увѣрену, что всѣ дѣла примутъ другой оборотъ и француза разобьютъ такъ, что и мнѣ ничего не оставятъ».

Отъ 26 Сентября княгиня пишетъ князю: Veux-tu savoir les nouvelles que l'on débite ici et auxquelles nous n'ajoutons pas beaucoup de

foi; on prétend que pendant que Napoléon est à guerroyer ici, Moreau est devenu Empereur des Français; il est difficile à croire que l'on ait choisi justement le moment où Napoléon se couvre de gloire, pour le détrôner. Mais il y a quelque chose de plus sûr, c'est le rapport de Koutouzoff sur la prise de Moscou; je suis fâchée de ne pas l'avoir à présent pour te l'envoyer, mais tu l'auras par le courrier prochain, en attendant je te dirai seulement que le P. Koutouzoff dit que la perte de Moscou n'est pas celle de tout l'Empire et que s'il n'avait pas reculé, il aurait sacrifié toute l'armée, sans sauver Moscou, ensuite il prétend avoir enfin trouvé une *Starke position* et qu'il peut attendre l'ennemi de pied ferme; mais je crains bien que Napoléon ne lui dise: «attendez moi sous l'orme, Vous m'attendrez longtemps» et ira du côté opposé. On écrit de Pétersbourg que l'on y est très alarmé, tout est emballé, l'hermitage est tout prêt d'être transporté à Archangel et de là, s'il le faut, en Angleterre, on croit même que la cour pourrait bien nous arriver ici. Là bas outre les Français on craint dit-on encore les Suédois; je savais bien que ce Bernadotte n'était pas un ami très sûr! Ah mon ami quand tout cela finira-t-il? Quand Dieu aura-t-il pitié de nous?

Malgré le peu de fond que l'on peut faire sur les choses d'ici-bas, j'ose encore espérer, ma très chère Катерина Ивановна (пишетъ Нелединскій Е. И. Нелидовой отъ 9 Сентября), que ma lettre vous parviendra et que je ne l'aurai pas écrite en pure perte; au reste les momens que j'aurai employé à m'entretenir avec vous, seront autant de gagné pour moi.—Vous avez donc eu un moment de plaisir, en apprenant la nouvelle de notre prétendue victoire du 26 Août!—Si c'en était une, au moins ne nous a-t-elle servi de rien; car 6 jours après, l'ennemi, comme vous savez, est entré à Moscou. Je l'avais quitté la veille pour venir trouver ma femme et tous les miens à Jaroslavl. J'y ai trouvé Madame la Grande-Duchesse et le Prince, tout étonnés de la retraite subite de l'armée et toujours prêts à partir.—Nous, qui n'avons que de mauvais chevaux de paysans, et les chemins commençant à se gâter par les pluies, qui ont commencé depuis hier, nous comptons émigrer après-demain et aller à Vologda. Agrippine accouchée depuis 14 jours, est grâce à Dieu bien portante et paraît en état de soutenir un voyage de 3 ou 4 jours ainsi que

ses enfans, dont l'aîné avant mon arrivée a été dangereusement malade.— Dans les circonstances malheureuses où se trouve tout le monde, quelles grâces n'ai-je point à rendre au Tout-Puissant! S'il était dans mes principes d'oser demander quelque chose à cet être suprême qui même en nous châtiant ne retire point entièrement de nous ses bontés, quelles autres prières aurais-je pu lui adresser que celle d'accorder à tous les miens la santé et la force nécéssaires pour résister aux peines et aux fatigues qu'ils ont à supporter?—Jugez, матушка, avec quel sentiment de reconnaissance je bénis le Ciel, en voyant ma femme non seulement plus forte qu'elle ne l'était, mais en même tems assez tranquille sur les événemens: elle qui depuis 27 ans que nous sommes mariés, a toujours aggravé ses maux par une malheureuse prévoyance de ce que son imagination lui représentait dans l'avenir!—Je serais doublement coupable, si après tant de grâces que le ciel verse sur moi, j'osais faiblir dans ma confiance, et si j'osais murmurer d'un malheur qui est commun à toute la nation, au milieu duquel des chagrins domestiques au moins ne viennent point m'assaillir!

Vous, матушка, que la nouvelle de la reddition de Smolensk a si fort affligée, quel sentiment avez-vous donc éprouvé quand vous avez appris que Moscou était occupé par les ennemis,—surtout après vous être réjouie d'une victoire qu'on vous avait dépeint comme complète? — Elle l'aurait été [m'ont dit à l'armée plusieurs généraux], si l'on avait su pousser ses avantages; si sans laisser reposer l'ennemi on l'avait attaqué dès la nuit même. Mais on a fait les choses autrement, et la manière qu'on a agi est inconcevable, ainsi que toute cette campagne.—Enfin, Dieu le veut ainsi! A la grandeur du châtiment, on doit conclure que nous sommes bien coupables!—L'orgueil empêchera peut-être bien du monde d'en convenir; mais vous m'avouerez que jamais l'orgueil n'a été moins motivé ni justifié. Adieu, матушка. Ne me privez pas de la consolation d'avoir de vos nouvelles en m'écrivant à tout hazard à Vologda.

Je voudrais entendre, sur cette guerre les raisonnemens de M-lle Arséniow.

Vologda ce 10 Octobre 812. Il est trois heures après minuit; mais je dormirais trop mal, si je manquais la poste de demain matin (et qui ne

part qu'une fois la semaine) sans vous remercier de votre charmante lettre du 12 Septembre que Madame la Grande-Duchesse m'a fait parvenir hier par une estafette.—Oh, combien vous êtes bonne, ma bien chère Катерина Ивановна! Combien les marques de votre souvenir me sont consolantes dans la situation d'esprit, qui m'est commune avec tout le monde, sans doute, mais qui m'est d'autant plus pénible que je la cache sous l'apparence de la gaîté afin de ne pas attrister ma femme qui sans cela est désespérée de n'avoir point de nouvelles de son fils. Cependant par une bonté Divine toute particulière, cette femme continuellement malade à Moscou, se porte mieux ici.—Je me souviens d'avoir lu quelque part, et c'est bien le cas de le dire que le Tout-Puissant proportionne la toison des brebis selon les climats, aux frimas au milieu desquels elles doiven vivre.—Je vous ai écrit le 7 de Septembre si je ne me trompe, de Jaroslavl et je dois vous avoir dit que mon fils est venu chez moi à Moscou passer quelques heures et que je l'ai reconduit à l'armée. Par la grâce de Dieu, il est sorti sain et sauf de cette terrible affaire du 26 Août, que tous les généraux m'ont dit ne pouvoir être comparée à aucune autre.—J'ai parlé tête-à-tête à mon fils; je lui ai demandé—comment il se sentait au milieu du carnage, et ce brave garçon m'a dit que la vue des blessés et des mourans le troublait quelquefois; que pour cela il évitait autant qu'il le pouvait de les regarder, mais au reste il était tranquille, et il a fini par me dire décidement qu'il persistait à continuer toute sa vie son métier. Eh bien que le Tout-Pusisant soit son guide!—Un des adjudants du général Doctorow a été tué auprès de Serge au moment où ils conversaient ensemble. Le voir tomber, m'a-t-il dit, m'a déchiré le coeur, mais je n'ai fait aucun retour sur moi-même, persuadé que si Dieu ne le veut pas, les balles et les boulets se détourneront de moi.—Je n'ai eu garde de rien opposer à cette idée et nous nous sommes embrassés bien tendrement, je vous assure!—Il été aussi à l'affaire de Smolensk, mais il la regarde comme rien en comparaison de celle du 26.

Vous me parlez du sentiment qui anime l'âme énergique de notre Grande Duchesse. Oui, vous avez bien raison!—Elle sent fortement les malheurs de notre patrie, et dans les conversations que nous avons eues, elle a saisi avec beaucoup de chaleur l'idée où je parais avoir prévenu ce qu'elle

allait dire elle-même; qu'il ne fallait entendre à aucune proposition de paix; mais exterminer l'ennemi dans le pays au milieu duquel il a osé pénétrer si audacieusement. — Non, sans doute, il ne faut pas de paix; mais en même tems il faut ne pas se retirer comme on l'a fait jusqu'à présent, et savoir, sans le laisser se refaire ni se reposer, profiter des avantages comme ceux qu'on a obtenus sur lui. — Autant que j'en peux juger par ce que je crois m'être connu, il me semble qu'entouré comme il est, si on lui ôte tout moyen de s'approvisionner, il faudra nécessairement qu'il nous attaque afin de pouvoir percer; et alors, pourvu qu'on ne se laisse pas tromper par une fausse attaque et que pour se renforcer d'un côté on ne se dégarnisse pas trop d'un autre, il ne trouvera jamais le moyen de se tirer du mauvais pas où il se trouve.—Au reste, Dieu conduit toute chose, et la vanité des combinaisons humaines ne s'est jamais plus montrée que dans cette guerre. Vous dites, матушка, que le peu de fond que vous faites sur le succès vous semble un manque de confiance dans la protection Divine et que vous vous le reprochez.—Je ne pense point comme vous en cela. Tout en nous confiant en la bonté du Tout-Puissant, nous pouvons craindre d'être plus mal encore que nous ne sommes; car nous ne savons pas jusqu'où nous avons mérité d'être punis. C'est un point dont Madame la Grande Duchesse ne convient point. Elle prétend que les revers viennent des fautes que font les hommes et qu'il ne faut pas s'en prendre à la Providence... mais je n'ai plus de place et il faut que je vous dise qu'Agrippine nous a quittés pour faire une excursion auprès de son mari à 180 verstes d'ici. Elle sera de retour dans dix jours.

Ce qui m'a déterminé à quitter Jaroslavl c'est que l'on s'y était alarmé de ne recevoir aucune nouvelle d'un détachement qui se trouvait sur le chemin de Moscou et devait envoyer journellement des rapports. Madame la Grande Duchesse a fait passer le Volga à ses enfans, et je suis aussi parti.

Въ отвѣтъ на письмо Императрицы отъ 29 Сентября, въ которомъ она между прочимъ писала: Nous sommes à attendre d'un jour à l'autre de grands événements et encore on est très-tranquille ici, Юрій Александровичъ изъ Вологды 7 Октября писалъ Императрицѣ «Madame,

Combien nous devons de reconnaissance à V. M. J. d'avoir daigné nous marquer son souvenir, à nous autres pauvres exilés. Depuis plus de 15 jours que nous sommes ici, notre première jouissance a été d'apprendre de Vous-même, Madame, qu'une tranquillité parfaite règne au lieu de Votre séjour. Ce n'est pas que nous soyons privés de nouvelles. C'est dans les églises ici qu'on va les chercher, et hier à la Cathédrale j'ai appris que Коломна a été attaqué trois fois sans succés; que Napoléon furieux de cela a sabré de sa propre main 4 de ses généraux; et quantité d'autres détails qui m'ont rendu tout honteux de n'avoir rien à y opposer.—Aussi je compose et dimanche prochain, je compte détruire la moitié de l'armée ennemie; faire sabrer par Napoléon 12 de ses généraux et lui faire brûler la cervelle par le 13-me au moment qu'il courrait dessus. J'espère que personne n'osera renchérir sur moi et qu'il y en aura assez pour occuper Vologda jusqu'à dimanche prochain.

«Баталіономъ своимъ я очень доволенъ», писалъ Князь изъ Весьегонска отъ 20 Сентября. Нельзя, въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ очень не радоваться быть военной, хотя малой части, начальникомъ. Я никакъ не извѣстенъ о своей участи сколько времени здѣсь простою и куда отсюда отправленъ буду,—но думаю, меня, прежде половины будущаго мѣсяца отсюда не тронутъ, ибо я прежде сего времени не буду готовъ, хотя люди уже всѣ собраны, и обмундированы будутъ скоро, но обозъ не прежде поспѣетъ какъ къ 15 Октября. Столько хлопотъ, что не надѣюсь имѣть времени къ тебѣ самъ пріѣхать, тѣмъ болѣе, что старшій по мнѣ Маіоръ Ковалевскій (*) боленъ. Ничего новаго тебѣ сказать не имѣю. О военныхъ извѣстіяхъ я себѣ обѣщалъ не освѣдомляться; надо намъ предаться волѣ Божіей, а человѣческое до сихъ поръ такъ шло криво и косо, что отъ сего нельзя многаго надѣяться.

17 Ноября изъ Твери. Сейчасъ, сказываетъ мнѣ Висьяновъ, о знаменитой побѣдѣ, которая кажется, равно какъ всѣ обстоятельства, оста-

(*) Евграфъ Петровичъ—бывшій впослѣдствіи Министромъ Народнаго Просвѣщенія.

вить мнѣ честь сформированія баталіона, а ничего болѣе; но сіе меня не сокрушаетъ. Кромѣ всѣхъ нашихъ добрыхъ извѣстій тоже получили свѣдѣніе, что въ Парижѣ дѣйствительно бунтъ. Савари, который Генералъ-Губернаторомъ и многіе другіе схвачены, Луиза насилу уплелась. Это привезъ Вагденбургъ изъ Петербурга, такъ и то, что сего числа Государь ѣдетъ въ армію.

Отъ 18 Ноября Княгиня изъ Вологды пишетъ князю:.... Хотя я знаю, что ты этого не желаешь, но все-таки я надѣюсь, что вы, можетъ быть, ужъ и не поспѣете въ армію, или, по крайней мѣрѣ, нечего будетъ вамъ тамъ долго дѣлать. У насъ здѣсь новость, которая, по несчастію, не очень вѣрна, но не невозможна. Будто Наполеонъ очень тяжело раненъ въ руку и не могши уже сидѣть на лошади, ускакалъ съ Мюратомъ въ каретѣ, казаки за нимъ пустились въ догонку, дай Богъ, коли бы это была правда. Спроси отъ меня у Арсенья Семеновича нельзя ли на него теперь гончихъ напустить?

Въ концѣ ноября, князь выступилъ съ баталіономъ изъ Твери въ Витебскъ;—съ пути слѣдованія изъ Старицы онъ пишетъ 1 декабря княгинѣ:........ «Къ несчастію въ тѣ мѣста куда иду, то есть въ Витебскъ, еще не учреждены почты, то и можемъ долго другъ отъ друга не имѣть свѣдѣній. Стужи заставляютъ насъ идти очень скоро—но для насъ сносно, такъ какъ мы тепло одѣты, всѣ мои солдатики въ полушубкахъ и валенцахъ. Къ несчастію, въ здѣшнемъ уѣздѣ деревня Господина Ермолаева, который считаетъ себя въ обязанности меня и весь баталіонъ трактовать. Я отъ холода, да и просто такъ, на глупые праздники никакъ не расположенъ, а отъ него никакъ отвязаться не могу,—долженъ быть фейверкъ, будетъ горѣть мой вензель и я сужденъ на это дурачество смотрѣть и сидѣть тутъ въ невытопленномъ домѣ часовъ съ шесть. Ты знаешь, сколько я до сихъ роскошей мало охотникъ и какъ я, когда оное противу моей воли, бываю—правенъ—это однакожъ, признаюсь, не хорошо.

Праздникъ этотъ, какъ водится, не обошелся безъ стихотворенія. Вотъ стихи которые на немъ пѣлись и авторъ коихъ намъ неизвѣстенъ:

«Кто мнилъ вѣкъ славою сплетенный
Вѣнецъ лавровый съ Россовъ снять?

Въ коварствѣ злобѣ погруженный
Кто смѣлъ Россіи угрожать?
То врагъ людей—Наполеонъ.
Но правда, Богъ, Екатерина,
Рекла, да будетъ злу кончина—
И послань нашъ баталіонъ,
Казнить злодѣя къ благу міра
И кровь невинныхъ отомстить.
Греми моя военна лира!
Врагу не долго въ свѣтѣ жить,
Ужъ мы идемъ съ вождемъ любезнымъ
Блистаютъ броня, мечь и шлемъ
Царю и Вѣрѣ быть полезнымъ
Вотъ нашъ предметъ. Ура! Идемъ!

Между тѣмъ, по мѣрѣ полученія успокоительныхъ извѣстій изъ арміи и изъ Москвы—жители спѣшили возвращаться въ мѣста постояннаго ихъ жительства.

Въ половинѣ декабря княгиня, со всѣмъ семействомъ, выѣхала изъ Вологды, съ намѣреніемъ поселиться опять въ Твери, но остановилась въ Ярославлѣ, получивъ извѣстіе о кончинѣ принца Георга Ольденбургскаго. Вотъ что она пишетъ мужу изъ Ярославля 27 декабря...... «Знаю какъ и ты долженъ быть огорченъ кончиной намъ всѣмъ любезнаго принца. Кромѣ нашей привязанности къ нему и къ Великой Княгинѣ, мы собственно для себя и для своего спокойствія сдѣлали въ немъ весьма чувствительную потерю. Ты себѣ не можешь представить какъ меня ошеломило и огорчило это несчастное и вовсе неожиданное извѣстіе, ибо я не знала, что онъ боленъ былъ. Въ первую минуту я только и подумала объ бѣдной милой Великой Княгинѣ и отъ всей души поплакала, а теперь думаю и объ тебѣ, что съ нами теперь будетъ? Ну чтоже дѣлать въ этомъ надо полагаться на милосердіе Божіе, лишь бы Онъ своею благостію тебя сохранилъ. А между тѣмъ, о Боже! дай мнѣ терпѣнія и твердости духа. Охъ! какъ это мнѣ нужно, ты вообразить себѣ не можешь, другъ мой, сколько я, съ твоего отъѣзда, имѣла безпокойства; ты знаешь какъ не весело наше обыкновенное житье;— къ тому же въ дорогу пустились въ самые жестокіе морозы и я ни минуты, въ семь дней, что мы ѣхали изъ Вологды сюда, не была безъ

страха, чтобы дѣти не простудились. Однако, благодарю Бога, Онъ меня въ этомъ помиловалъ. Пріѣхавши сюда, думала только нанять лошадей и тотчасъ продолжать свой путь до Твери и потому не приготовила здѣсь дому, постоялаго же двора не нашла, а отвели намъ квартиру постоемъ, въ которой мы всѣ, дня три помѣщались въ двухъ холодныхъ прохожихъ комнатахъ. Какъ только мы пріѣхали, то свѣдали о несчастной кончинѣ принца, это нашъ планъ перемѣнило, ибо бывъ увѣренными, что Великая Княгиня въ Твери не останется, насъ ужь ничто туда не привлекало, ибо ни докторовъ, ничего тамъ ужъ не будетъ. И такъ стали искать дома, чтобы здѣсь зимовать, но никакъ не нашли такого, гдѣ бы намъ всѣмъ можно было помѣститься. Маменькѣ, кое какъ, домикъ наняла и перевезли въ него; а я съ дѣтьми и тетенькой все еще нахожусь въ тѣхъ же двухъ прохожихъ комнатахъ. Но съ тѣхъ поръ какъ маменька переѣхала, то я для дѣтей отгородила изрядный уголокъ, гдѣ имъ тепло и довольно хорошо, но не менѣе того мудрено будетъ тутъ долго прожить, ибо очень скучно, что безпрестанно мимо меня ходитъ хозяева или гости. Въ добавку ко всѣмъ безпокойствамъ,—эта упрямая и непризнательная Наташа (*) родила 24 числа, т. е. четвертаго дня дочь, тутъ же у меня въ комнатѣ и я почти у ней была бабкой, ибо она и въ мукѣ-то не хотѣла признаться, что должна родить. Я было выпросила у своего хозяина для нее баню, въ которой она и лежитъ теперь, но завтра онъ хочетъ париться и ее выгоняютъ, не знаю куда ее дѣвать, ибо въ другой моей комнатѣ живетъ тетенька, а въ моей съ дѣтьми ужъ и угла нѣтъ, завтра буду уговаривать бабку, чтобы она ее къ себѣ взяла или постаралась въ воспитательный домъ помѣстить, а болѣе никакого средства не вижу. Представь ты себѣ мое положенье—Акулина очень было занемогла въ дорогѣ и теперь еще не совсѣмъ оправилась, Наташа въ родахъ, и такъ я съ дѣтьми осталась при двухъ кормилицахъ и Просковьей, которая также должна ходить и за Наташей, да особливо за ее ребенкомъ, объ которомъ она не только не думаетъ, но даже и кормить не хочетъ—но увѣряетъ будто не можетъ, а всѣ говорятъ что это неправда. Я ей неотмѣнно

(*) Горничная женщина.

велѣла кормить и завтра сама посмотрю за этимъ. Скажи пожалуста это все ее мужу, дабы если что случится онъ бы не могъ на меня пенять. По этой длинной реляціи ты можешь судить, что я на нее сердита, однако же право не такъ сердита какъ объ ней же безпокоюсь и ты можешь себѣ представить, что я своего негодованія еще ей не показывала, чтобы ее не разстроить, напротивъ очень ее утѣшаю и ласкаю но она все очень не весела и сердита, я думаю что наконецъ стало немного предо мной совѣстно. Я чувствую, милый мой, какъ при твоихъ дѣлахъ, эти подробности тебѣ кажутся смѣшны да и скучны, но право я не могла удержаться, чтобы тебѣ не описать всѣхъ своихъ безпокойствъ—мнѣ отъ этого стало легче........ Я было, какъ провѣдала несчастное извѣстіе о принцѣ, хотѣла тотчасъ одна скакать въ Тверь; но здѣсь не знали навѣрное тамъ ли еще Великая Княгиня, потомъ хотя и узнали, что еще тамъ—но скоро ѣдитъ, и такъ я боялась, что уже не застану и по пустому брошу дѣтей; а я писала къ Алединской и просила, чтобы она мнѣ подробно объ Великой Княгинѣ дала знать. Бортоломей мнѣ сказывалъ, что она чрезвычайно огорчена, но благодаря Бога здорова. Теперь съ ней герцогъ и Алединская. Охъ, какъ мнѣ объ ней грустно. По всѣмъ славнымъ извѣстіямъ я, благодаря Всевышняго, совершенно покойна на твой счетъ; кажется вамъ нечего будетъ дѣлать въ арміи........

Ю. А. Нелединскій писалъ Е. И. Нелидовой.

Vologda ce 12 Decembre 812. Comment avez vous pu, матушка Катерина Ивановна, m'humilier au point de me dire: *Il est consolant et encourageant pour un esprit vulgaire comme le mien, de voir le vôtre susceptible des mêmes impressions!* Je vous l' avoue sincèrement: cette phrase venant de votre part m'a déconcerté, et a été un véritable trait de lumière, qui m'a fait subitement découvrir que ce que vous appelez de *mon vulgaire* en moi, n'est qu'une licence d'idées sans suite, fondées uniquement sur le doute et dont le résultat n'est qu'un doute encore plus pénible, en ce qu'il ravale à mes propres yeux ma raison.—Heureuse, me suis je dit, celle qui avec un sens droit et un

tact sûr, a su contenir son amour-propre et faire toujours un usage légitime de sa raison, en ne l'employant qu'aux objets de sa compétence!—Croyez-moi, une sagesse pareille n'est rien moins que *vulgaire*, et chez ceux qui en sont doués, la résignation aux décrets de la Providence en est une suite naturelle et accoutumée, tandis que chez d'autres, elle n'est souvent, comme je vous l'ai dit, que l'effet de la poltronnerie.—A présent que l'ennemi fuit devant notre fidèle allié, l'hiver, je n'entends plus réclamer . . . . . moi-même je ne réclame plus aussi souvent la protection Divine qu'auparavant; cependant tout n'est pas fini puisque le Démon incarné existe et qu'une paix solide avec lui n'est pas présumable.—Notre Empereur a sans contredit assuré la gloire de son nom en se refusant aux propositions qu'il avait osé faire étant à Moscou: la situation désastreuse où ce fléau du genre humain s'est trouvé après, en a été la suite; mais puisqu'il est échappé, la Providence veut sans doute s'en servir encore.—Qu'il ait l'impudence de mettre sur le compte des Russes tous les ravages et les incendies de Moscou: qu'il attribue même une partie de ces ravages à la licence d'une soldatesque effrénée, il n'en est pas moins incontestable que le Kremlin miné et sauté en l'air est une infamie qui lui est personnelle et attestera dans tous les siècles sa barbarie.—Je vous remercie bien vivement, матушка, pour les deux bulletins que vous m'avez envoyés. Ils sont venus bien à propos, car il y avait déjà quelque tems que le gouverneur d'ici n'en avait reçu officiellement. D'après tous ces rapports, les troupes qui sont venues jusqu'à Moscou souffrent tout ce qu'on peut souffrir et périssent sans doute; mais il est plus que probable que la disette ne s'étend pas jusqu'à ses gardes, et vous le verrez avec quelques trente ou quarante mille hommes arriver sain et sauf auprès de Schvartzenberg.—S'il ne se trouve pas assez fort au printems prochain, il tâchera peut-être l'année suivante, et puisque l'Allemagne et la Prusse, n'ont pas profité de sa déroute actuelle pour se soustraire à son joug, vous les verrez de nouveau servir sa rage qui s'est accrue du mauvais succès de ses projets.—

Vous me demandez, матушка, si je vous ai écrit le 4 Septembre.—J'ai pu en avoir le projet; mais comment l'aurais-je pu effectuer? Les

Français sont entrés à Moscou le 2, et j'en étais parti la veille, de même que le comptoir de la Poste. Ma dernière lettre de là, n'a pu être datée que du 26 au 29 Août, et dans les circonstances où nous étions alors, je ne pouvais manquer d'avoir le dessein de vous communiquer à l'avenir où en étaient nos affaires.—Le sort en a décidé autrement, et je n'ai pu vous écrire que le 7, deux jours après mon arrivée à Jaroslavl.

Nous avons eu ici jusqu'à 27 degrés de froid et jamais moins de 18, Comme cela dure déjà depuis plus de quinze jours, j'espère que cela finira bientôt et que nous pourrons partir l'un de ces jours pour Twer.— Je compte y laisser tous les miens et venir tout seul au commencement de Janvier à Pétersburg. Là, avec l'agrément de l'Impératrice je demanderai à y être placé au sénat, aux enfans-trouvés, etc, comme je l'étais à Moscou. Après cela, de faveur en faveur, peut-être obtiendrai-je celle de recevoir la permission d'aller chercher ma femme pour l'amener vivre à Pétersbourg. Elle veut que je lui loue une maison tout près de la communauté, et se fait une fête de passer sa vie dans la société de ses institutrices et co-élèves.—La description que lui a fait Agrippine de son dernier séjour chez vous a donné de nouvelles forces à l'attachement qu' elle n'a cessé de conserver pour l'asile de sa première jeunesse, et elle se promet d'y recouvrer toute sa santé! Il me semble que mon plan ne peut point rencontrer de difficultés, et si vous avez la bonté de m'écrire, en m'adressant votre lettre à Twer, je Vous supplie de me dire ce que vous en pensez.

Nous venons de recevoir des lettres de notre fils du 14 Novembre. Il s'attend à recevoir l'épée de l'ordre de S-te Anne pour l'affaire de Borodino, et il a aussi été recommandé pour celle de Malo-Yaroslavetz dans le gouvernement de Kalouga. Le Tout-Puissant l'a encore tiré sain et sauf de cette affaire! Adieu, Матушка Катерина Ивановна, j'espère, je désire au moins bien vivement de n'avoir plus le tems de vous écrire avant mon arrivée auprès de vous.—Ma femme me charge de vous faire part de la joie qu'elle se promet de vous revoir.—Sophie et Agrippine vous présentent leurs respects.

Yaroslavl ce 6 Janvier 1813. Je suis persuadé, ma très chère Катерина Ивановна, que si avant d'avoir lu cette lettre, vous apprenez que je

demande une prolongation de congé jusqu'au 15 Juin, vous serez tentée de penser qu'en me disant malade, je ne fais qu'employer un prétexte pour me dispenser de venir, comme je vous l'ai écrit, seul à Pétersbourg, afin d'y demander ma translation du sénat de Moscou. Il est vrai qu'après les voyages que j'ai faits—petits sans doute mais aussi longs que s'ils étaient huit fois plus grands—remplis d'ennuis, d'incommodités et de tribulations de toute espèce, avec une crainte continuelle de voir ma femme tomber malade au milieu du chemin . . . . . . Après tout cela, dis-je, on peut désirer un peu de repos! Mais indépendamment de ce désir. ma santé extrêmement dérangée par les froids de 27 dégrés (qui depuis l'attaque que j'ai eu me sont toujours très nuisibles) et par tout ce que je vous ai dit plus haut, m'oblige à être sur mes gardes.— J'ai tous les jours des vertiges, ce qui me fait craindre en m'éloignant des miens, de me trouver après dans le cas de ne pouvoir les rejoindre cet hiver, ce qui ferait à ma femme un mal incalculable.—Au reste, si je demande un semestre jusqu' à la moitié de Juin, c'est pour avoir de la marge, car j'espère bien si j'obtiens ma translation du sénat de Moscou, venir à Pétersbourg au moins un mois avant.—J'envoie aujourd'hui à Sa Majesté l'Impératrice sous cachet volant ma requête à l'Empereur, en la suppliant de daigner me protéger dans mes projets, *s'ils ne sont point contraires à Ses intentions*. Sinon, que Sa volonté soit faite.

Ai-je besoin de Vous dire, Матушка, combien la nouvelle du décès de S. A. Im-le le P-ce d' Oldenburg m'a affligé! Nous ne l'avons appris qu'au moment de notre arrivée dans cette ville et nous en avons été atterrés. Agrippine a subitement fondu en larmes, et ses premières idées comme elle me l'a dit depuis, se sont portées sur Madame la Grande Duchesse, qu'elle croyait voir devant elle dans le plus grand accablement et sourde à toute espèce de consolation.—Ce bon Prince a été, dit-on, victime de sa bienfaisance en visitant trop souvent les malades de ses hôpitaux! En donnant des larmes à sa mémoire nous devons bien remercier Dieu de ce que le mal contagieux qui nous l'a enlevé, ne se soit point communiqué à l'adorable Grande-Duchesse qui n'a cessé de lui donner ses soins jusqu'à son dernier moment!—Après cette fatale nou-

19 Марта я былъ въ Ольденбургѣ. Нѣмцы уже всё рѣшительнѣе и серіознѣе начинали противиться французамъ, выняли изъ терпѣнія и, было отчего. Въ бывшемъ департаментѣ устьевъ Эльбы въ Гамбургѣ наши войска были приняты съ энтузіазмомъ, тотчасъ же отправили одного изъ нашихъ казаковъ въ Англію, какъ доказательство что они избавлены отъ ига французскаго и съ извѣстіемъ, что портъ ихъ имъ опять открытъ.

Въ Гамбургѣ уже были вооружены 7,000 волонтеровъ. Когда къ Берлину приблизились наши первые два полка казаковъ—въ немъ еще находилось около 7,000 пѣхоты и 36 пушекъ непріятельскихъ; жители, зная какъ французы боятся казаковъ, увѣрили сихъ послѣднихъ, что только въ городѣ три баталіона непріятеля, надѣясь что какъ только казаки появятся, хотя въ маломъ количествѣ, французы отретируются. Казаки бросились въ городъ, но французы съ своей стороны, предувѣдомленные въ малочисленности ихъ, стали сопротивляться, поставили пушки на улицахъ и не смотря на то, что жители вырывали фитили у артиллерійстовъ, казаки должны были ретироваться. Во все это время въ городѣ раздавались крики ура! женщины изъ окошекъ привѣтствовали казаковъ и кричали Vivat Alexandre! Krepit Napoleon! Наши войска занимали уже Гановеръ и вся Германія была въ волненіи и смотрѣла на Русскихъ какъ на избавителей.

Въ Нейдамѣ, куда я прибылъ 23 Марта имѣлъ я большую радость. Цвѣтъ моей молодежи Прудниковъ, Мейендорфъ (*) и Юдинъ захво-

---

(*) К. А. Н. особенно любилъ барона Петра Казиміровича Мейендорфа и во всю жизнь оставался съ нимъ въ сношеніи; баронъ же Мейендорфъ тоже всегда сохранялъ къ нему чувство привязанности и признательности и сознавался, что въ эту эпоху князь нѣсколько разъ спасалъ его отъ смерти. Послѣ войны баронъ Мейендорфъ вышелъ въ отставку, продолжалъ учиться въ Германскихъ университетахъ и потомъ поступилъ въ дипломатическую службу, скоро подвигался на этомъ поприщѣ и былъ въ послѣдствіи посланникомъ въ Стутгардѣ, Берлинѣ и Вѣнѣ. Въ 1853 году пріѣзжалъ нарочно въ Москву, чтобы повидаться съ своимъ старымъ командиромъ и другомъ. Въ Маріенвердерѣ, когда баронъ Мейендорфъ заболѣлъ гнилою горячкою, К. А. Н. упросилъ своихъ хозяевъ, семейство совѣтника правленія, взять больнаго къ себѣ на домъ и ходить

равши сильно горячкою, оставались въ Маріенвердерѣ на попеченіи жителей, возвратились цѣлы и невредимы.—Мы перешли черезъ р. Одеръ въ г. Цединъ и 25 прибыли въ г. Вритценъ, гдѣ я остановился, чтобы почистить свой баталіонъ, передъ вступленіемъ въ Берлинъ, хотя и узналъ что король оттуда уѣхалъ въ Калишъ для свиданія съ нашимъ Императоромъ. Нанялъ я тутъ четырехъ музыкантовъ въ помощь къ моимъ.

Крѣпость Кюстринъ, мимо которой мы проходили, должна была скоро сдаться, ибо имѣла во всемъ недостатокъ и всякій день было пропасть перебѣжчиковъ, гарнизонъ сталъ такъ малочисленъ, что не имѣлъ средствъ защищаться и его блокировали только двѣ сотни козаковъ.

Наконецъ прибыли мы 27 Марта въ Берлинъ; отъ самой границы имѣли мы торжественный ходъ, во всѣхъ селеніяхъ и городахъ жители выходили къ намъ на встрѣчу, на лицахъ выражалось удовольствіе, привѣтствовали насъ какъ избавителей и побѣдителей, женщины открывали окна, хлопали въ ладоши, махали платками; народъ кричалъ ура! Русь бравъ солдатъ! француз Шпицбубъ! Солдатъ кормили и поили на отвалъ.

Съ тильзитскаго мира владычество французовъ въ Пруссіи такъ ожесточило противъ нихъ всю націю, что освобожденіе отъ претерпѣннаго ими ига возбудило въ высшей степени патріотическія чувства

за нимъ. Къ счастію, хозяева были люди очень добрые и узнавъ отъ доктора, что не было большой опасности, чтобы болѣзнь была прилипчивая, согласились и съ большою любовію ходили за нимъ. Дочери совѣтника день и ночь отъ него не отходили. Въ послѣдствіи, когда баронъ Мейендорфъ былъ назначенъ посланникомъ въ Берлинъ, онъ вспомнилъ о благодѣтельномъ семействѣ, узналъ, что оно находится въ Данцигѣ и нарочно отправился туда съ подарками; имѣлъ счастіе всѣхъ найти въ живыхъ; совѣтникъ и супруга его уже въ глубокой старости, дочери уже давно замужемъ и матери многочисленныхъ дѣтей. Онъ не могъ выразить какъ ему было пріятно опять съ ними свидѣться и видѣть какое удовольствіе доставилъ его пріѣздъ всему почтенному семейству; не менѣе былъ счастливъ, что могъ въ послѣдствіи сдѣлаться имъ полезенъ въ Берлинѣ.

народа въ Германіи, еще прежде чѣмъ правительства ихъ явно отложились отъ Франціи. Всё что было въ силахъ, студенты, сыновья богатыхъ банкировъ и негоціянтовъ, лучшая молодежь, всѣ вооружались и составляли роты волонтеровъ.

Въ Берлинѣ нашолъ я письмо Великой Княгини, въ которомъ она меня упрекала за то, что я по дорогѣ оставлялъ больныхъ и за издержки по сему предмету; это меня весьма разогорчило, потому особенно, что я чувствовалъ, что дѣлалъ все возможное, въ тѣхъ ужасныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ я находился въ походѣ до границы. Я тотчасъ отвѣчалъ довольно рѣзко и получилъ милостивый отвѣтъ (*).

(*) Прилагаемъ донесеніе К. А. П. Великой Княгинѣ по сему случаю: Ваше Императорское Высочество. Милости ваши обнадеживаютъ меня, что Ваше Высочество благоволите принять благосклонно оправданіе мое на полученное мною отъ васъ замѣчаніе сего 31 Марта изъ С.-Петербурга отъ 1 числа, въ коемъ значится что Ваше Императорское Высочество въ представленной вамъ о денежной суммѣ батальона за Генварь мѣсяцъ вѣдомости встрѣтить изволили: «что больные нижніе чины оставлены на пути въ разныхъ мѣстахъ по нѣсколько человѣкъ въ каждомъ, и что, какъ сіе пребываніе больныхъ отдѣльно, такъ и другіе по вѣдомости расходы, произвели такія издержки, какихъ бы въ иномъ случаѣ и быть не могло, и что Ваше Императорское Высочество, съ одной стороны желая оказывать всякое вспомоществованіе какъ Гг. Офицерамъ, такъ и нижнимъ чинамъ баталіона, съ другой стороны признаете полезнымъ на всегда правиломъ, чтобы издержки всякаго рода соображаемы были съ прямою въ нихъ надобностію». Всенижайше осмѣливаюсь донести Вашему Императорскому Высочеству, что я тщательно старался наблюдать всегда всевозможную бережливость. Вашему Высочеству неизвѣстно мѣстное положеніе того края, гдѣ сдѣланы были расходы для больныхъ, я въ томъ осмѣливаюсь васъ увѣрить, что оные не только въ тогдашнее время, но и въ другое бы сдѣлать умѣреннѣе не было возможности; ежели же Вашему Высочеству показались издержки госпиталя въ Генварѣ мѣсяцѣ велики, то отъ того что въ семъ мѣсяцѣ оставлены были деньги и на будущее продовольствіе. Больнымъ офицерамъ выдавались деньги въ зачетъ жалованья, и коли что о семъ помѣщено въ расходѣ, то опять при вычетѣ запишется въ приходъ; а то, что оставлены въ нѣкоторыхъ мѣстахъ больные по малому числу, то не причинило никакого особенно расхода. Ваше Императорское Высочество еще приказывать изволите, чтобы я съ сего времени больныхъ людей на пути, въ ма-

Пробывъ съ недѣлю въ Берлинѣ, я, по приказанію, которое мнѣ привезъ адъютантъ Витгенштейна, отправился въ главную квартиру въ Дессау. Край, чрезъ который мы проходили теперь, былъ еще несравнительно пріятнѣе Пруссіи. Жители еще болѣе оказывали намъ усердія, да и люди были совсѣмъ другіе, очень веселаго и счастливаго нрава, которые вели жизнь самую пріятную.

5 Апрѣля я прибылъ въ городъ Дессау, и представилъ баталіонъ свой

помъ числѣ и по разнымъ мѣстамъ отнюдь не оставлялъ, а отсылалъ бы ихъ для пользованія въ ближайшіе госпитали, платя за леченіе и бравъ квитанціи, оставлялъ бы ихъ не иначе какъ всѣхъ вмѣстѣ, а не порознь, и то въ такомъ случаѣ, когда никакого госпиталя въ виду моемъ предстоять не будетъ. На сіе имѣю доложить Вашему Императорскому Высочеству, что самая крайность была причиною, что я оставлялъ больныхъ отдѣльно, въ мѣстахъ гдѣ вовсе госпиталей не было, и тѣхъ только, которыхъ по трудности болѣзни уже везти не было возможности. Продолжая 5 мѣсяцовъ походъ въ самую суровую погоду, трудно больныхъ случилось много, но не въ одно время; госпиталей отъ Витебска до Вилькоміра не было на разстояніи болѣе 300 верстъ. Сіи обстоятельства вынуждали меня оставлять больныхъ не всегда тамъ, гдѣ оное могло бы быть удобно, ибо кромѣ невозможности, за неимѣніемъ подводъ, вести оныхъ за собою, я несравнительно бы болѣе потерялъ людей отъ перевозу оныхъ зимой, чѣмъ отъ болѣзни. Изъ вышеписаннаго Ваше Высочество усмотрѣть изволите, что я по обстоятельствамъ ничего другого дѣлать не могъ. Теперь же при соединеніи баталіона къ арміи, не отъ меня будетъ зависѣть въ точности исполнять приказаніе Вашего Императорскаго Высочества, ибо мѣстныя обстоятельства, движенія войскъ и множество непредвидимыхъ случаевъ, часто препятствуютъ въ семъ случаѣ руководствоваться какимъ нибудь опредѣлительнымъ правиломъ. Съ своей стороны конечно ничего не упущу исполнить приказаніе ваше и долгъ свой. Не могу скрыть отъ Вашего Императорскаго Высочества, сколько огорчило меня замѣчаніе Ваше. Кромѣ прочаго, въ семъ продолжительномъ походѣ столько угнетенъ былъ разстройствомъ баталіона, что только могъ единственно подкрѣплять себя надеждою, что исполняю, должнымъ образомъ, порученіе Вашего Императорскаго Высочества; но нѣтъ, и теперь сей надежды себя лишить не могу: оное бы свершило мое несчастіе. Справедливость Вашего Высочества и мое усердіе и преданность къ вамъ удостовѣряютъ меня, что я передъ Вашимъ Императорскимъ Высочествомъ уже оправданъ. Повергая себя къ стопамъ моей Августѣйшей благодѣтельницы, съ глубочайшимъ почтеніемъ и проч.

главнокомандующему. Получилъ благодарность въ приказѣ за сбереженіе людей и за хорошій видъ ихъ, не смотря на то, что я только почти съ половиной прибылъ, ибо на дорогѣ въ госпиталяхъ оставилъ до 600 человѣкъ. Такъ тогда были слабы армейскіе полки, что во многихъ не болѣе было на лицо людей, сколько у меня. Меня прикомандировали сперва къ главной квартирѣ, а потомъ къ пятой пѣхотной дивизіи. Витгенштейнъ и корпусный по пѣхотѣ командиръ, генералъ Бергъ, приняли меня очень ласково. Витгенштейнъ квартировалъ во дворцѣ герцога, который съ супругою всякой день угощали насъ обѣденнымъ столомъ.

Послѣ несчастной Пруссіи, край здѣшній мнѣ казался восхитительнымъ. Былъ доволенъ и счастливъ, что наконецъ добрался до арміи, и надѣялся что уже никогда безъ начальника не буду, а то, или никого или вдругъ много.—Познакомился я съ графиней Витгенштейнъ, женщиной весьма доброй, съ перваго взгляда весьма привлекательной; она очень меня обласкала. Дѣла наши продолжали идти весьма хорошо. Шведы уже высадили 8,000 человѣкъ, которые и соединились съ нашими войсками; 2,200 остальныхъ должны были высадиться за ними вслѣдъ. Кромѣ того пріѣхалъ изъ Гамбурга курьеръ къ Витгенштейну съ депешами отъ Датскаго правительства съ испрашиваніемъ куда прикажетъ идти десятитысячному Датскому корпусу, который собранъ близъ Гамбурга и который король ввѣряетъ въ его команду. Прусаки при всякихъ встрѣчахъ били французовъ безъ пощады. Народъ до того былъ озлобленъ противъ нихъ, что потерялъ вовсе свой флегматическій характеръ. За два перехода до Дессау я былъ свидѣтелемъ ихъ рвенія; вдругъ получаю извѣстіе, что въ то мѣстечко, которое я былъ долженъ занять для ночлега, идутъ французы, въ нѣсколько тысячахъ, но безъ кавалеріи и артиллеріи. Я, натурально, этому повѣрить не могъ, и догадывался, такъ какъ это послѣ и вышло, что то были плѣнные. На всякій случай я былъ обезпеченъ, ибо за мною шли 600 козаковъ и 24 пушки. По деревнямъ и мѣстечкамъ ударили въ набатъ, всѣ бросились, и не болѣе какъ въ часъ времени собралось до 2,000 человѣкъ, и не то, что шли, но бѣжали всѣ туда, гдѣ слышно будто былъ непріятель, кто

съ чѣмъ попало; а между тѣмъ слухъ все увеличивался будто бы французовъ 6,000, и съ пушками.

Все это дѣлалось съ такою рѣшительностію, что предвѣщало, что французы уже опять господствовать въ Пруссіи не будутъ.

Я нашелъ при графѣ старшимъ адъютантомъ съ дѣтства мнѣ пріятеля и очень добраго человѣка, Игнатьева; дивизіей же, къ которой я былъ прикомандированъ, командовалъ Г. М. Алексѣевъ, бывшій полицеймейстеромъ въ Москвѣ.

Здѣсь я получилъ извѣстіе, что сдѣланъ флигель-адъютантомъ (*).

Въ началѣ Апрѣля получено извѣстіе, что Наполеонъ съ значительною силою идетъ на Лейпцигъ; войска наши туда же двинулись и, пробывъ дня два въ Лейпцигѣ и его окрестностяхъ, пошли непріятелю на встрѣчу. Обѣ арміи сошлись 20 Апрѣля подъ городомъ Люценомъ, гдѣ и произошло кровопролитное съ обѣихъ сторонъ сраженіе. Хотя мы и удержались цѣлый другой день на мѣстѣ, не бывъ атакованы, но на третій день стали отступать на Дрезденъ и переправляться черезъ Эльбу, и такимъ образомъ выигрышъ сраженія остался на сторонѣ французовъ. Главнокомандующій нашъ, Витгенштейнъ, хотя имѣлъ болѣе войскъ и болѣе опытныхъ, не могъ искуснѣйшему въ военномъ дѣлѣ полководцу не уступить. Отличная храбрость пѣхоты нашей и въ особенности прусскихъ волонтеровъ, отъ недостатка распоряженія, не принесли ожидаемаго перевѣса, равно какъ и многочисленная кавалерія наша на открытыхъ мѣстностяхъ и въ сравненіи малочисленности и слабости непріятельской кавалеріи, не оправдали ожиданій.

(*) Вотъ письмо, которымъ Великая Княгиня извѣщаетъ о семъ: Г. полковнику и кавалеру князю Оболенскому. Желая почтить память покойнаго супруга моего доставленіемъ всѣмъ тѣмъ, кои его наиболѣе приближали и усердно ему служили—вознагражденіе, я испрашивала Государя Императора для васъ милости быть наименовану адъютантомъ Его Величества, на что уже получила Всемилостивѣйшее Государя соизволеніе. Сіе однако не отдаляетъ васъ отъ настоящаго вашего званія и должности командира баталіона, мною сформированнаго. Увѣдомляя васъ о семъ, пребываю вамъ доброжелательною.

С.-Петербургъ, 3 Февраля 1813 года.

Екатерина.

Въ началѣ сраженія я былъ оставленъ въ резервѣ, подъ командою Казачевскаго съ двумя полками пѣхоты и ротой артиллеріи. Но такъ какъ напали непріятельскія большія силы на правый флангъ, то я поставленъ былъ въ линію.

Баталіонъ стоялъ подъ огнемъ и потомъ дрался съ большою храбростію, овладѣлъ, на штыкахъ, деревней Гонъ-Гершенъ и тѣмъ доставилъ возможность батареѣ полковника Лиништейна дѣйствовать по наступающимъ непріятельскимъ колоннамъ. Совсѣмъ тѣмъ баталіонъ потерялъ не очень много людей. Я милостію Всевышняго вышелъ изъ боя невредимъ: отъ порядочной раны спасла меня мундирная пуговица; пуля пробила шарфъ, сюртукъ и ударилась въ мундирную пуговицу, такъ что получилъ самую легкую контузію, которую почувствовалъ уже на другой день.

Симъ первымъ дѣломъ пріобрѣлъ нѣкоторую славу баталіону и съ небольшою потерею, ибо баталіонъ былъ въ самомъ сильномъ огнѣ, и отличился если не искусствомъ, то по крайней мѣрѣ неустрашимостію. Будучи въ первый разъ противъ непріятеля, натурально солдатъ послѣ перваго ядра сталъ колебаться, но я имъ скоро растолковалъ, что отъ этого много страху, а пользы никакой нѣтъ, и ни одинъ уже послѣ, подъ самымъ сильнымъ огнемъ, не шевелился, чего трудно даже и отъ старыхъ солдатъ добиться. Баталіонъ бросился быстро на деревню Гроссъ-Гершенъ и выгналъ оттуда французовъ. Мнѣ было особенно пріятно убѣдиться въ этомъ случаѣ, что я пріобрѣлъ любовь своихъ солдатъ; послѣ сраженія случилось мнѣ спросить, гдѣ мой тѣлохранитель? такъ называлъ я своихъ вѣстовыхъ, на это вдругъ голосовъ сорокъ закричали: «мы всѣ ваши тѣлохранители», и дѣйствительно могъ надѣяться на своихъ ребятъ, что въ случаѣ опасности командира своего не выдали бы. Не могу выразить, какъ мнѣ была пріятна эта любовь моихъ подчиненныхъ, равно какъ привязанность ко мнѣ и согласіе между собою офицеровъ моего баталіона. За дѣло подъ Люценомъ я получилъ Георгія 4-й степени (*).

(*) Вотъ рескриптъ графа Витгенштейна: Командиру баталіона Ея Высочества, г. полковнику князю Оболенскому. Именемъ Его Императорскаго

Послѣ сраженія мы ретировались къ Дрездену и заняли весьма выгодную позицію въ трехъ миляхъ впереди Дрездена. Здѣсь я имѣлъ удовольствіе свидѣться съ братомъ, кн. Васильемъ. Государь поѣхалъ въ Прагу для переговоровъ съ Австрійскимъ Императоромъ. Французы все болѣе ослабѣвали; кавалеріи у нихъ почти не было, и въ одномъ изъ послѣднихъ дѣлъ Ней былъ раненъ, взято у нихъ было въ плѣнъ 600 человѣкъ и нѣсколько пушекъ. Мы стояли на бивуакахъ за Эльбой. Французы покусились-было переходить рѣку, нѣсколько колоннъ уже перешло, но были 29 Апрѣля совершенно разбиты, и ретировались тѣмъ поспѣшнѣе, что австрійцы рѣшительно перешли на нашу сторону и пошли французамъ въ тылъ. Я получилъ благодарственный рескриптъ отъ Великой Княгини за послѣднія дѣла (*).

Величества и властію Высочайше мнѣ ввѣренною, въ справедливомъ уваженіи къ отличной храбрости вашей, оказанной въ сраженіи при Люценѣ 20 Апрѣля сего года, гдѣ вы находясь на правомъ флангѣ противъ деревни Гросъ-Гершенъ, занятой значительнымъ числомъ непріятельскихъ войскъ и препятствовавшимъ нашей батареи и нѣсколькимъ баталіонамъ стать на назначенномъ имъ мѣстѣ, то вы, не смотря на несоразмѣрность силъ, бросились съ баталіономъ въ означенную деревню и принудили непріятеля, сильно сопротивлявшагося, уступить вашей храбрости и бѣжать въ безпорядкѣ, чѣмъ доставили возможность батареѣ подполковника Липштейна стать на выгодномъ мѣстѣ и заставить молчать непріятельскія батареи, а колонны отступить совершенно; по засвидѣтельствованію генералъ-лейтенанта Берга и генералъ-маіора князя Шаховскаго и по утвержденію совѣта кавалеровъ военнаго ордена, препровождаю при семъ для возложенія на васъ орденъ Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія 4-го класса. Въ главной квартирѣ, городъ Гирлебергъ, 5 Августа 1813 года. Главнокомандующій соединенною арміею графъ Витгенштейнъ.

(*) Прилагаемъ его: «г. полковнику князю Оболенскому. Съ несравненнымъ удовольствіемъ извѣстилась я отъ Его Императорскаго Величества объ отличіи оказанномъ въ послѣднихъ сраженіяхъ какъ офицерами, равно и нижними чинами баталіона, вамъ ввѣреннаго. Сіе извѣстіе тѣмъ болѣе меня обрадовало, что нынѣ на опытѣ доказывается достоинство гг. офицеровъ, о коемъ я никогда не была въ сумнѣніи. Пріятнѣйшимъ долгомъ поставляю изъявить имъ мою особенную признательность, и васъ яко начальника увѣрить въ моемъ уваженіи.

Мая 2-го 1813 года. Прага.

Екатерина.

Въ началѣ Мая стояли мы на бивуакахъ близь Бауцена, и нѣсколько времени ни съ одной стороны не было сдѣлано выстрѣла, ибо происходили переговоры съ прибывшимъ Австрійскимъ министромъ, графомъ Стадіономъ.

Въ началѣ Іюня мы находились въ Силезіи на квартирахъ близь Швадлица, въ деревнѣ Вилькау, и я жилъ въ прекрасномъ замкѣ съ садомъ. Перемиріе было назначено долгое, и такъ какъ переговоры длились, то надѣялись, что не поведутъ къ миру. Часто видался въ это время съ братомъ Васильемъ и съ зятемъ кн. Щербатовымъ. Главная квартира находилась въ Рейхенбахѣ, и я туда ѣздилъ просить кн. Волконскаго, чтобы меня отпустили въ Прагу къ Великой Княгинѣ, но онъ велѣлъ мнѣ подать просьбу по командѣ. Здѣсь я получилъ извѣстіе о кончинѣ К. Н. Нелединской, что весьма меня огорчило и увеличило мои безпокойства на счетъ супруги. Мой баталіонъ находился въ корпусѣ кн. А. И. Горчакова, и мы проводили время довольно пріятно, сильно играли въ карты, и я очень счастливо.

Не получая долго отвѣта на мою просьбу, я вторично отправился въ главную квартиру Государя и выхлопоталъ себѣ отпускъ къ Великой Княгинѣ, которая находилась въ Карлсбадѣ. Я прибылъ туда 28 Іюня. Великая Княгиня очень меня приняла пріятно и рада кажется была меня видѣть; въ тотъ же день повела и пригласила меня обѣдать къ Великой Княгинѣ Марьѣ Павловнѣ. Это было мнѣ тѣмъ пріятнѣе, что нѣкоторое время имѣлъ сомнѣніе на счетъ расположенія Великой Княгини. Полученное мною отъ нея одно письмо съ нѣкоторыми пустыми замѣчаніями, на которое я отвѣчалъ такъ, какъ моя

Прилагаемъ тоже отвѣтъ князя Александра Петровича: «Ваше Императорское Высочество. Рескриптъ Вашего Высочества отъ истекшаго Мая 2 дня имѣлъ счастіе получить сего 15 Іюня. Столь лестное изъявленіе благоволенія Вашего Императорскаго Высочества господамъ офицерамъ и всему баталіону Вашему за его дѣйствіе въ сраженіи при Люценѣ преисполнило его чувствами благодарности и новаго рвенія заслужить еще впредь неоцѣненное вниманіе Вашего Императорскаго Высочества. Съ сими чувствами повергая себя со всѣми моими подчиненными къ стопамъ Вашимъ, съ глубочайшимъ пожеланіемъ, и проч.

Кн. А. Оболенскій.

правота мнѣ на то давала право, потомъ другое слишкомъ учтивое и церемонное, съ благодарностію за отличіе офицеровъ и баталіона въ сраженіи подъ Люценомъ, заставляли меня полагать, что благорасположеніе Ея ко мнѣ уменьшилось. Но тутъ я увидѣлъ, что ни въ томъ, ни въ другомъ письмѣ она ни тѣломъ, ни душой не виновата, а ея письмоводитель, который сталъ меня увѣрять что я все придираюсь и не хочу принимать вещи такъ какъ слѣдуетъ. Возвратившись къ своему баталіону, мы 29 Іюня вышли изъ своихъ квартиръ на самую Богемскую границу, гдѣ былъ сдѣланъ смотръ войскамъ Государемъ 30-го. Въ этотъ же день австрійцы объявили войну французамъ, а на слѣдующій день мы перешли границу и подвигались довольно медленно. Я все оставался въ корпусѣ кн. Горчакова въ арміи Витгенштейна. Хотя всѣми желанный миръ не совершился, но по всѣмъ обстоятельствамъ полагать можно было, что сильное напряженіе, которое союзники дѣлали, безъ скораго рѣшительнаго конца быть не могло. Кромѣ надеждъ на милости Всевышняго Творца и на наше правое дѣло, мы могли надѣяться на силы наши, столь превосходныя непріятельскимъ, и на расположеніе народовъ въ пользу нашу. Австрійцевъ теперь съ нами дѣйствовать должно было дѣйствительныхъ подъ ружьемъ 300,000 ч., и войско отмѣнное. Въ этомъ походѣ я очень сошелся съ дивизіоннымъ генераломъ нашимъ Мезенцовымъ, человѣкомъ очень хорошимъ, добрымъ товарищемъ и пользовавшимся очень хорошей репутаціей; мы вездѣ съ нимъ останавливались на одной квартирѣ. 7 Августа мы прибыли въ м. Гиршбергъ; здѣсь я былъ порадованъ присылкою мнѣ Георгіевскаго креста за Люценское дѣло. Усиливъ наши переходы, мы 11 Августа уже были въ Теплицѣ и перешли въ Саксонію, гдѣ нашли непріятеля въ числѣ отъ 15 до 20 тысячъ, который послѣ нѣсколькихъ перестрѣлокъ, уступилъ намъ дорогу и ретировался къ Лейпцигу; я былъ въ резервѣ, но 12 Августа командированъ съ баталіономъ для наблюденія кр. Кенигштейнъ въ отрядъ г.-м. Иловайскаго, гдѣ получилъ предписаніе защищать дефилею, чрезъ которую лежитъ дорога изъ крѣпости въ Теплицъ.

Крѣпость Кенигштейнъ, не смотря на всѣ успѣхи военнаго искусства, никогда не можетъ быть взята; она построена на

высотѣ 200 саженъ, на скалѣ, совершенно прямой; одна только весьма узкая дорога къ ней водетъ, и на эту дорогу обращено слишкомъ сто орудій. Ее обыкновенно защищаютъ 500 человѣкъ. Король во время войны отправляетъ туда всѣ свои сокровища, и она продовольствуется постоянно на десять лѣтъ. Кн. Горчаковъ хотѣлъ просить главнокомандующаго, чтобы меня не отдѣляли отъ его корпуса, но такъ какъ я всегда держался правила ни отъ чего никогда не отказываться и никуда никогда, въ военное время, не проситься, то и просилъ его не безпокоиться. Край, въ которомъ мы находились, хотя уже и былъ истощенъ, но не смотря на то, жители доставляли намъ со всею доброю волею что намъ было нужно, и мы никакого недостатка не терпѣли. 14 числа я былъ атакованъ непріятелемъ, но удержалъ дефилею и заставилъ непріятеля отступить съ потерею. 15-го получилъ повелѣніе соединиться съ войсками г.-л. графа Остермана.

При отступленіи къ Петервальду, посланъ былъ гр. Остерманомъ занять высоту подъ м. Гизгюбель, и входя на оную нашелъ ее занятою уже непріятельскими стрѣлками, на которыхъ ударивъ въ штыки въ одно время съ 3-мъ баталіономъ гв. Преображенскаго полка, прогналъ и далъ тѣмъ способъ пѣхотѣ и артиллеріи продолжать отступленіе; 17-го находился въ аріергардѣ и удерживалъ стрѣлками и сомкнутымъ фронтомъ наступающаго непріятеля до деревни Кульмъ, гдѣ потомъ 18 числа находился вмѣстѣ съ гвардіей при отраженіи непріятеля и дрался на лѣвомъ флангѣ съ стрѣлками.

Баталіонъ мой въ этотъ день опять отличился, но очень много потерялъ народа. Вообще, сраженіе подъ Кульмомъ было для насъ наиблистательнѣйшее: непріятель, который хотѣлъ насъ отрѣзать отъ большой арміи, въ ономъ не только не успѣлъ, но напротивъ, когда изъ оной къ намъ подошло подкрѣпленіе, былъ самъ атакованъ нами съ фронту, австрійцами во флангъ, а прусаки заняли дефилей, которымъ ему слѣдовало ретироваться. Не болѣе какъ въ четыре часа времени онъ былъ совершенно разбитъ и побѣжалъ во всѣ стороны. Самъ главнокомандующій, генералъ-аншефъ Вандамъ, былъ взятъ въ плѣнъ со многими другими генералами. Всѣ бывшія пушки и обозъ были взяты, кромѣ

того взято было 10,000 плѣнныхъ. Потерявъ много народа, я,въ ожиданіи резерва баталіона подъ командой Радичева, который однако не могъ скоро ко мнѣ соединиться, былъ опять причисленъ въ резервъ къ корпусу кн. Горчакова, болѣе другихъ потерявшему въ послѣднихъ сраженіяхъ; у меня изъ ѳицеровъ сильно былъ раненъ Ковалевскій.

Непріятель, сверхъ нашей надъ нимъ побѣды, еще былъ совершенно разбитъ Блюхеромъ въ Силезіи, который взялъ у него 84 пушки и 15,000 плѣнныхъ. Кромѣ того, Бернадотъ съ своей стороны разбилъ его и взялъ 24 пушки. Непріятель ретировался и наши передовыя войска его преслѣдовали. Наша вся армія почти опять перешла въ Саксонію и подвигалась къ Дрездену, я же съ баталіономъ австрійцевъ командированъ былъ на границу; 25-го перешелъ до города Либштадта, гдѣ имѣлъ повелѣніе остановиться на нѣсколько время для наблюденія подъ командою г.-м. Кайсарова; австрійцы насъ оставили. Тутъ мы отдыхали, и имѣли на то право, ибо баталіонъ на всякомъ шагу дрался вездѣ славно и гораздо бы еще болѣе потерялъ людей, если бы я не позволялъ себѣ, гдѣ можно было, даже и во время сраженія, сберегать. Изъ офицеровъ одинъ Ковалевскій былъ у меня тяжело раненъ, прочіе три, между прочимъ Тютрюмовъ, очень легко. Мейендорфъ, Прудниковъ и Юдинъ показали себя славными офицерами; одинъ Милецкой послѣ перваго дѣла разстроился нервами, хотя во время сраженія дѣлалъ свое дѣло. Непріятель между прочимъ ушолъ, въ маломъ числѣ, въ Дрезденъ отъ нашихъ передовыхъ войскъ. Бернадотъ же еще разбилъ его, взялъ въ плѣнъ 15,000 человѣкъ и 53 пушки.

28 Августа я подвинулся немного впередъ до м. Максенъ, но потомъ въ началѣ Сентября при отступленіи авангарда гр. Палена отъ Пирны до Петерсвальда, оставленъ въ селеніи Бритонину для удержанія непріятельской кавалеріи, противъ которой дрался и препятствовалъ войти во флангъ отступающей пѣхотѣ, пробиваясь чрезъ дефилею.

Здѣсь баталіонъ участвовалъ во всѣхъ авангардныхъ и аріергардныхъ дѣлахъ близъ Пирна и Дрездена подъ командою г.-л. гр. Палена. Тутъ я сошелся съ отрядомъ г. Платова и имѣлъ удовольствіе видѣть кн. Щербатова; братъ же, кн. Василій, находился въ это время при Ланжеронѣ вышелъ живъ и здоровъ изъ дѣлъ, въ которыхъ былъ въ арміи Блюхера

Въ первыхъ числахъ Сентября мы прибыли въ Кульмъ, гдѣ и пробыли болѣе двухъ недѣль на бивуакахъ, не видавъ непріятеля и въ ожиданіи соединенія съ нами арміи Бенингсена. Артиллерія и кавалерія были поставлены на квартиры. Между прочимъ баварцы присоединились къ намъ и выставили 30,000 войска; кромѣ того получено было извѣстіе, что Бернадотъ разбилъ армію Нея, состоящую изъ четырехъ корпусовъ подъ Витембергомъ, взялъ 1,600 плѣнныхъ и 60 пушекъ. 20 Сентября мы отправились по направленію къ Лейпцигу при весьма дурной погодѣ, по сквернымъ дорогамъ, по горамъ, но за то имѣли прекрасныя квартиры въ хорошихъ городкахъ, которые здѣсь въ маломъ разстояніи другъ отъ друга, недостатка ни въ чемъ не имѣли и непріятеля не видали; мы шли ему во флангъ, но онъ ретировался на всѣхъ пунктахъ. 25 Сентября прибыли мы въ Цвикау, гдѣ остановились на нѣсколько дней, а 31 числа прибыли въ Гера, а потомъ ускоренными маршами къ Лейпцигу; 2 Октября я былъ въ авангардномъ сраженіи при деревнѣ Госенъ, а 4 числа кромѣ баталіона мнѣ поручены были Мезенцовымъ три полка 5 дивизіи, и я посланъ былъ аттаковать непріятеля на позиціи при дер. Вибертволквичѣ, коей и овладѣлъ. Не смотря на сильное сопротивленіе непріятеля, того же числа, когда генералъ Кленау отступивъ на правомъ флангѣ и всѣ непріятельскія силы обратились на 5 дивизію, то вмѣстѣ со ввѣренною мнѣ бригадой отражалъ многократныя нападенія столь превосходнаго числомъ непріятеля и удержалъ позицію; 6 числа находился въ блистательномъ сраженіи подъ Лейпцигомъ; непріятель держался недолго. Французы въ своемъ поспѣшномъ бѣгствѣ оставили намъ пропасть плѣнныхъ и пушекъ, маршалы Реньє и Лористонъ взяты въ плѣнъ. 7 числа мы довершили побѣду. Король Саксонскій, послѣ нѣсколькихъ часовъ сопротивленія, сдалъ городъ и всѣ свои войска, которыя къ намъ присоединились, и мы побѣдителями вошли въ городъ. Сія побѣда не весьма дорого намъ обошлась; 4 числа было мнѣ очень жарко и я потерялъ довольно много людей, изъ офицеровъ Тютрюмовъ былъ тяжело раненъ, и вскорѣ умеръ. 6 числа хотя и было очень жарко, но не для меня, а 7-го и никому изъ нашихъ очень не досталось, а только пользовались успѣхами предъидущихъ дней. Послѣ сраженія я имѣлъ счастіе свидѣться въ Лейп-

цинѣ съ Дохтуровымъ, С. Ю. Щолодинскимъ, Щербатовымъ и кн. Васильемъ, которые всѣ были въ сраженіяхъ и уцѣлѣли; меня Богъ видимо хранилъ (*).

Послѣ того мы стали преслѣдовать непріятеля по дорогѣ въ Эрфуртъ, брали плѣнныхъ множество, которые большею частію бросая оружіе сами по себѣ къ намъ по дорогѣ на встрѣчу являлись. Блюхеръ съ своей стороны 11-го Октября взялъ еще 30 пушекъ и 260 челов. плѣнныхъ однихъ штабъ и оберъ-офицеровъ, Наполеонову казну и всѣ экипажи Неаполитанскаго Короля. Во всемъ было явно Божіе къ намъ милосердіе и уничиженіе изверга. Мы прибыли въ Эрфуртъ 13-го Октября; 16-го гр. Виттенштейнъ оставилъ меня съ отрядомъ пѣхоты и кавалеріи комендантомъ въ Гота, гдѣ я пробывъ нѣсколько дней, передалъ свою должность прусскому офицеру и послѣдовалъ за арміей (**).

(*) За дѣло подъ Лейпцигомъ кн. Александръ Петровичъ получилъ орденъ Св. Анны 2 степени съ алмазными украшеніями 22 Января 1814 г. Въ рескриптѣ, выданномъ уже въ 1830 году, сказано: Въ воздаяніе ревностной вашей службы и отличія оказаннаго въ сраженіяхъ противъ французскихъ войскъ 2, 4 и 6 Октября 1813 года при Лейпцигѣ бывшихъ, гдѣ вы командывали бригадой, и благоразумными распоряженіями и искуснымъ движеніемъ колоннъ доставляли средства батареямъ нашимъ поражать непріятеля, рѣшительнымъ же и храбрымъ нападеніемъ въ штыки неоднократно опрокидывали превосходными силами непріятеля, стремившагося овладѣть высотою и лѣсомъ, пожаловали», и проч.

(**) Вотъ переписка по сему съ прусскимъ генераломъ Клейстомъ:

Herr General-Lieutenant! Auf Befehl S-r Excellenz, des Herrn Generals, Grafen v. Wittgenstein, bin ich als Kommandant in hiesiger Stadt mit einem Kommando aus Infanterie und Kavalerie bestehend, bereits am 16/28 Oktober zurückgelassen worden, und habe schon den Tag darauf durch einen Kgl. Preussischen Offizier in diesem Kommando abgelöst werden sollen, welchen Ew. Excellenz dazu ernennen möchten. Da ich nun bis jetzt noch nicht remplacirt worden bin, so bitte ich Ew. Excellenz, dass Hochdieselben die Gnade haben möchten, baldigst einen Offizier als Kommandanten in hiesige Stadt zu beordern, damit ich der Intention S-r Exc. des Herrn Grafen v. Wittgenstein gemäss mit der mir untergebenen Infanterie und Kavalerie-Kommando der Armee nachfolgen könne. Mit Respekt habe ich die Ehre zu sein. Gotha d. 1 Nov. 1813. S-r Exc. dem Kgl. Preussischen G. L. Herrn v. Kleist.

Мы всё подвигались впередъ; я догналъ Г. Витгенштейна и отпросился въ началѣ Ноября въ Франкфуртъ, гдѣ находился Царь и всѣ почти Союзные Государи; собирался ѣхать къ Великой Княгинѣ въ Веймаръ, но Государь, которому я былъ представленъ, сказалъ мнѣ,

---

Wenn Ew. Durchlaucht bis jetzt noch nicht in Gotha abgelöst worden sind, so liegt das lediglich daran, dass man mir meine Truppen, die man sehr unrecht vorgezogen hat, nicht hat zurück gehen lassen. Ich könnte diese Rückkehr eigentlich erst erwarten, indem ich von hier aus keinen Mann entbehren kann, da ich bereits ein Kommando von 2 Offizieren und 60 Pferden in Gotha habe; so habe ich dem ältesten dieser Offiziere aufgetragen Ew. Exc. förmlich abzulösen. Vor Erfurth d. 2 Nov. 1813. v. Kleist.

Князь А. Н. часто вспоминалъ о своемъ пребываніи нѣсколько дней въ Гота; онъ разсказывалъ о странностяхъ тогдашняго Герцога, который его принялъ набѣленый, нарумяненый и въ какомъ то необыкновенномъ, почти женскомъ костюмѣ. Жена его была молоденькая и прехорошенькая женщина, и такъ полюбила князя, что плакала съ нимъ прощаясь. Когда Князь явился къ Герцогу и спрашивалъ, изъ учтивости, какъ комендантъ города, его приказаній, тотъ сказалъ ему грустно: C'est à moi, mon Prince, à demander vos ordres. У него былъ Министромъ Двора одинъ изъ французскихъ эмигрантовъ, бѣдный старичекъ, одинъ изъ тѣхъ французскихъ аристократовъ, признавшихъ Наполеона, которыхъ Императоръ, въ награду за сіе, заставлялъ подвластныхъ ему нѣмецкихъ принцевъ брать къ себѣ въ службу при Дворѣ съ порядочнымъ жалованьемъ, но которые вмѣстѣ были его, при сихъ Дворахъ, шпіоны и должны были не только увѣдомлять его о всёмъ происходившемъ, но и перечить, всѣми способами, другимъ какимъ либо вліяніямъ, кромѣ французскаго. К. А. Н. изъ Главной Квартиры Государя получилъ приказаніе выслать его въ 24 часа изъ города. Князь послалъ за нимъ и онъ ему показался очень жалокъ, придя въ совершенное отчаяніе и увѣряя, что лишается послѣдняго куска хлѣба; но дѣлать было нечего — приказъ былъ положительный. Каково же было огорченіе Князя когда онъ узналъ что старикъ, пришедъ домой, удавился и что такимъ образомъ былъ невинной причиной самоубійства бѣднаго старика.

Прилагаемъ здѣсь же письмо изъ Галле 20 Ноября 1813 года къ Князю отъ Генерала Игнатьева. Въ немъ идетъ дѣло о нѣкоторыхъ предметахъ, о которыхъ онъ въ это время просилъ Графа Витгенштейна и о томъ какъ лестно Графъ выражался о баталіонѣ Ея Высочества. Городъ Галле 20 Ноября 1813 года. Что дружба и искренняя привязанность человѣка, который тебя много любитъ могли внушить средствъ къ исполненію порученія твоего, любезный другъ К. А. Н., сдѣланнаго въ письмѣ твоемъ полученномъ мною съ Господиномъ

что Ея Высочество на дняхъ будетъ въ Франкфуртѣ и совѣтовалъ Ее здѣсь дожидаться. Я отправился ее встрѣчать въ г. Ганау, куда въ тотъ же день вступилъ баталіонъ, и Г. Витгенштейнъ приказалъ его тамъ оставить, чтобы вступилъ къ Ея Высочеству въ караулъ.

Ея Высочество приняла меня чрезмѣрно милостиво, и кажется, сколько возможно была мною довольна. Государь и всѣ военные, которые Ее видѣли наговорили Ей про баталіонъ диво. Государю угодно было причислить его къ Гвардіи, для сбереженія и ему назначено было квартировать нѣкоторое время, въ г. Ганау, близь Франкфурта. Потомъ баталіонъ поступилъ въ резервъ и причисленъ къ Гренадерскому Корпусу подъ команду Г. А. К. Трубецкаго, который занималъ мѣсто заболѣвшаго Г. Раевскаго. Въ концѣ Ноября баталіонъ выступилъ; 28 Ноября прибылъ въ Ашофенбергъ, потомъ отправился далѣе черезъ Дибургъ въ Стутгардъ.

Мейендорфомъ, было всё мною употреблено. Представивши письмо твое къ Графу, я просилъ его въ три пріема и душевно радъ, что успѣлъ въономъ и могъ тебѣ оказать малую услугу. Онъ представленіе о перемѣнѣ награжденія сдѣлалъ и проситъ Главнокомандующаго, чтобы произвесть тебя въ Генералъ-Маіоры. Графъ поручилъ мнѣ въ отвѣтъ на твое письмо увѣдомить, что онъ тебя представилъ къ чину и при томъ изъявить сожалѣніе его, что онъ чрезъ прикомандировку тебя къ Гвардейскому Корпусу лишается въ тебѣ отличнаго офицера, также жалѣетъ что и баталіонъ твой взяли отъ него, хотя не много людей въ немъ осталось, но тѣмъ болѣе чувствительно, ибо они всѣ потеряны столь отмѣнно, участвовавши во всѣхъ дѣлахъ, которыя онъ имѣлъ съ непріятелемъ. Списокъ офицерамъ отъ тебя присланный при семъ препровождаю обратно; въ немъ отмѣчены къ чему Графъ ихъ представилъ, изъ него увидишь что Господамъ Мейендорфу и Юдину назначены чины, къ которымъ они уже представлены прежде и ты нохлопочи о перемѣнѣ ихъ у Главнокомандующаго Графа Барклая-де-Толли. Мейендорфу назначено было за Лейпцигское дѣло благоволеніе, но оное перемѣнено и поставлено Святого Владиміра 4 степени, Тулубьеву же за Дрезденскія и другія сраженія благоволеніе перемѣнить нельзя, потому что представленія уже отосланы. Сердечно жалѣю, что твое желаніе не исполнилось въ отпускѣ тебя въ Россію, но что дѣлать, положись во всемъ на провидѣніе, всё что ни дѣлается всё къ лучшему. Прощай Д. Игнатьевъ. Если брата К. В. увидишь, то поздравь его съ чиномъ.

Наши войска занимали Швейцарію, австрійцы, баварцы, англичане и испанцы были уже во Франціи и были приняты жителями совсѣмъ не такъ, какъ ожидали и нигдѣ не находили расположенія къ народной оборонѣ.—Голландцы тоже подвигались къ Франціи и самъ Мюратъ отложился отъ Наполеона и присоединился къ намъ.

Пробывъ въ Стутгардѣ нѣсколько дней, мы 18-го Декабря вышли изъ него; баталіонъ отправился въ Фрейбургъ, а я поѣхалъ въ Шафгаузенъ для свиданія съ Великою Княгинею, которою былъ очень ласково принятъ. Погостивъ у нея нѣсколько дней, я догналъ баталіонъ и привелъ его въ Фрибургъ 29 Декабря.

1 Генваря 1814 года вся Гвардія перешла черезъ Рейнъ, но я еще оставался въ Базелѣ, но вскорѣ тоже перешелъ Рейнъ и прибылъ въ половинѣ Генваря въ Алткирхенъ, гдѣ баталіонъ мой былъ назначенъ прикрывать резервные парки, а я—комендантомъ (*).

(*) Сохранились два письма отъ мера и су-префекта г. Алткирхена къ К. А. П. этого времени. Вотъ они: Le Maire d'Altkirch à S. E. le P-ce Obolensky commandant à Altkirch: Mon Prince.—J'ai requis dans toute la ville les chevaux et voitures qui peuvent s'y trouver, je doute que je puisse fournir la quantité de voitures que vous me demandez, cependant vous ne devez nullement douter que je ferai mon possible pour les avoir; on vient de me demander encore 4 voitures et 8 chevaux depuis, je ne vois aucune possibilité de pouvoir les fournir; depuis plus de 8 jours pas un village ne nous envoie un seul cheval et nous sommes réduits à nos seules ressources qui sont peu conséquentes. Vous voyez que nous sommes dans une situation assez désagréable: Veuillez je vous prie recommander à l'officier que vous laisserez ici nos intérêts et il peut être persuadé que je ferai toujours mon possible pour tâcher de satisfaire aux demandes que l'on me fera. Daignez agréer, Mon Prince, mes salutations respectueuses. Je vous prie de m'excuser si demain je ne pourrai venir vous présenter mes respects, je suis malade depuis 3 jours et je suis obligé de garder la chambre.

Altkirch le 22 Fevrier 1814. A S. A. S. M-r: le Prince Obolensky colonel aide de camp de S. M. L'Empereur de toutes les Russies.—Monseigneur! La bonté magnanime avec laquelle vous avez secondé les députés de cet arrondissement dans les démarches qu'ils ont faites au quartier général en les appuyant de recommandations si efficaces qu'elles ont produit le plus heureux succès pour mes administrés, cette bonté dis-je, qui a mis le comble à tant de traits d'humanité et de bienfaisance dont toute cette contrée fut témoin a excité les sentiments de la plus vive reconais-

Между тѣмъ я сталъ получать грустныя извѣстія отъ жены, кончина матери ея и постоянное безпокойство обо мнѣ произвели на здоровье столь сильное дѣйствіе, что она начала чахнуть и можно было даже опасаться за жизнь ея. И потому я рѣшился отправиться въ Главную квартиру въ Троа, чтобы просить Главнокомандующаго, позволить мнѣ остаться въ Главной квартирѣ, такъ какъ баталіонъ мой, будучи употребленъ для прикрытія парковъ, былъ раздѣленъ на части и я никакой команды не имѣлъ.

Пріѣхавъ въ концѣ Генваря въ Троа, я нашелъ при Государѣ г. Уварова, который очень былъ со мною хорошъ и принималъ живое участіе въ моемъ положеніи. Я его просилъ сказать Государю, что получая отъ жены извѣстія, наводящія на меня большое безпокойство, я нахожусь въ необходимости просить позволенія возвратиться въ Россію, тѣмъ болѣе, что собственное мое здоровье отъ этого разстроивается, Уваровъ исполнилъ мое порученіе, Государь принялъ живое участіе въ положеніи жены и отвѣчалъ, чтобы я не много подождалъ, потому четыре или пять дней не могутъ сдѣлать мнѣ большой разницы, на что Уваровъ возразилъ, что находясь въ большомъ безпокойствѣ и эта отсрочка не можетъ быть мнѣ равнодушна. Государь тогда полагалъ, что, чрезъ нѣсколько дней, война кончится. Нѣсколько дней спустя я опять обратился съ тою же просьбою къ Князю Волконскому и на сей разъ Государь велѣлъ мнѣ отвѣчать, что получу отпускъ на дняхъ; дѣйствительно, я имѣлъ счастіе около половины Февраля отправиться въ Россію.

---

sance dans l'universalité de ses habitants. Le nom d'un Prince qui a su répandre de pareils bienfaits au milieu de nous pour alléger les maux de la guerre, sera éternellement révéré et le devoir le plus sacré que m'imposent à la fois mes fonctions et les voeux de mes administrés est de vous en donner le témoignage le plus solennel. Daignez, Monseigneur, en l'agréant, recevoir également l'assurance de la reconnaissance et du dévouement particulier avec lesquels le sous-préfet de cet arrondissement a l'honneur d'être de V. A. S. le très humble et très obéissant serviteur.

V.

(1814.)

На пути изъ Вологды въ Тверь, въ концѣ Декабря 1812 года, княгиня А. Ю. Оболенская съ матерью и дѣтьми остановилась въ Ярославлѣ, узнавъ о кончинѣ Принца Ольденбургскаго, и такъ какъ Великая княгиня Екатерина Павловна уже не предполагала оставаться въ Твери, то и Княгиня рѣшилась зимовать въ Ярославлѣ, куда прибылъ изъ Москвы и Ю. А. Нелединскій.

Безпокойства и заботы тяжелаго времени такъ сильно повліяли на здоровье Катерины Николаевны Нелединской, что нервныя страданія ея усилились до степени опасной болѣзни, требующей помощи искусныхъ врачей.—Это побудило Юрія Александровича, въ началѣ Января 1813 года, просить Императрицу о продолженіи ему отпуска до 15 Іюня и о переводѣ его въ Петербургскій Сенатъ и Опекунскій Совѣтъ.

На эту просьбу Императрица отвѣчала 4 Февраля 1813 года слѣдующимъ рескриптомъ.—«Юрій Александровичъ. Я читала письмо ваше отъ 6 Января и приложенное приономъ на имя Императора, Любезнѣйшаго Моего Сына, съ противуположными чувствованіями удовольствія и сожалѣнія. — Весьма пріятно мнѣ васъ видѣть здѣсь — вы въ томъ сомнѣваться не можете и Я истинно радуюсь надеждѣ симъ часто пользоваться; но можно ли мнѣ не жалѣть о нашихъ Московскихъ заведеніяхъ, лишающихся вашего попеченія по столь важной части воспитанія? А какъ вамъ довольно извѣстно, что Я всегда готова жертвовать личными удовольствами въ пользу заведеній, то вы принимать должны только особливому Моему къ вамъ благорасположе-

нію, что я рѣшилась выполнить ваше желаніе и довести просьбу вашу до свѣдѣнія Императора.—Я получила извѣщеніе Его Величества о согласіи Его на ваше перемѣщеніе и какъ по Сенату повелѣніе уже дано, то Я съ Своей стороны предписала Совѣтамъ, подъ Моимъ начальствомъ состоящимъ, объ опредѣленіи васъ Членомъ въ здѣшнихъ Совѣтахъ Общества благородныхъ дѣвицъ, Училища Ордена Св. Екатерины и Опекунскимъ съ отпускомъ по 15 Іюня. Увѣдомляя васъ о семъ, Я ожидаю вашего прибытія, чтобы имѣть удовольствіе лично возобновить увѣреніе объ истинномъ доброжелательствѣ съ каковымъ пребываю всегда вамъ благосклонная «Марія». Въ С.-Петербургѣ 4 Февраля 1813 г.»

Мысль о переселеніи въ Петербургъ очень утѣшала Катерину Николаевну Нелединскую. «Il nous arrive tant de bonheur» писала она 9 февраля сыну — «que j'ai envoyé chercher le prêtre pour chanter un tedeum. Premièrement pour Votre translation aux gardes et puis celle de papa au Sénat de S.-Pétersbourg où nous allons à la fin de mai ou au commencement de juin, j'espère bien vous y voir un jour. C'est alors que je crains que la joie me fasse mourir». — Но ей не суждено было испытать эту радость. 13-го апрѣля 1813 г. Катерина Николаевна Нелединская скончалась въ Ярославлѣ.

Юрій Александровичъ съ обѣими дочерьми отвезъ тѣло ея въ Москву и похоронилъ въ Новоспасскомъ монастырѣ близъ могилы отца своего.

Московскій домъ Юрія Александровича, изъ котораго заблаговременно вывезена была большая часть прекрасной библіотеки въ село Ильинское, владимірской губерніи, хотя и не сгорѣлъ въ 12-мъ году, но былъ совершенно разоренъ. Его занималъ раненый французскій генералъ Desset. Остававшійся при домѣ старый слуга Нелединскихъ, Василій Парамоновъ не могъ жаловаться на обращеніе прислуги раненаго генерала только до тѣхъ поръ, пока все вино въ погребѣ не было выпито. Портреты и картины всѣ были увезены французами безъ рамъ; неудобовозимые фоліанты дорогихъ изданій обращены были въ тротуаръ для сообщенія по немощеному двору. Забытыя въ домѣ шубы и салопы согрѣвали часовыхъ при домѣ. Изъ цѣнныхъ вещей Василій

Парамоновъ (*) успѣлъ сохранить отъ незванныхъ гостей только одну серебряную суповую чашу, которую и получилъ впослѣдствіи въ награду отъ барина за свою вѣрную службу.

Нелединскій спѣшилъ вонъ изъ Москвы. При ужасающемъ видѣ опустошеннаго и опустѣлаго города, частное горе его еще сильнѣе терзало его сердце. Въ половинѣ мая онъ съ обѣими дочерьми выѣхалъ изъ Москвы.

По прибытіи въ Петербургъ Ю. А. получилъ отъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны отъ 28 Мая слѣдующее письмо: «Vous sachant arrivé en ville, mon bon et digne Nélédinsky — je m'empresse de vous témoigner tous mes regrets de la perte cruelle que vous avez faite et dont je partage la douleur avec ces sentiments de sincère attachement que je vous ai voué, comme à un fidèle serviteur de feu notre cher et bien aimé Empereur. Il me tardait de vous en assurer, mais vous sachant en course j'ai dû retarder de vous faire parvenir ces lignes, mais en vérité il m'importe que les expressions de mes regrets et de ma participation à vos peines vous arrivent, pour ainsi dire, tout *chaud*. J'espère que vous vous rendrez, vous et vos filles, au plutôt, chez moi à Pavlovsk: j'ai fait préparer un logement pour la P-ce Obolensky et ses enfants. Vous et votre fille, la demoiselle d'honneur, serez au château: du jardin vous ne pourrez être que chez moi, car vous m'appartenez de droit. Puissiez vous trouver chez moi des adoucissements à vos peines par l'empressement que je mettrai à chaque occasion de vous prouver les sentiments bien sincères d'amitié et d'estime que je vous porte, étant pour toute la vie votre bien affectionnée «Marie».

Переѣхавъ въ Павловскъ, Юрій Александровичъ жилъ тамъ съ семействомъ до половины Сентября, но по дѣламъ службы часто долженъ былъ пріѣзжать въ Петербургъ и оставаться тамъ по нѣскольку

(*) Жена Василія Парамонова, Секлетея Васильевна была нянюшкой въ домѣ Оболенскихъ и выняньчила на рукахъ своихъ около 50 дѣтей.

дней. Во время разлуки онъ часто переписывался съ своими дочерьми и всегда съ обычнымъ своимъ юморомъ:

«Demain», пишетъ онъ отъ 29-го Іюня «je Vous apporterai une petite souris empaillée qui j'ai achetée pour accoutumer les enfants à voir ce petit animal. S'il y a chez Vous quelqu'un qui les craigne, prévenez qu'on ne fasse pas d'exclamation quand je la montrerai, ni qu'on ne parle pas du tout ni de *боюсь*, ni de *не боюсь*.

Le 6 Août à minuit 1813. Абрамъ Vous apportera Votre coffre; Si par hazard Vous y trouverez de mes papiers qui sont devenus je ne sais quoi je Vous prie de les garder soigneusement jusqu'à mon arrivée, et *discrètement même*, parceque Vous pourriez y trouver des facéties qui ne sont pas de la plus grande décence: Surtout si Vous y trouviez un livre in 4° très mince, relié . . . Surtout celui là dis-je, n'ayez garde de l'ouvrir!—C'est du fruit défendu pour Vous. Descendente d'Eve! l'imiterez Vous?

Votre lettre pour le féal et bien aimé mari, sera envoyée demain matin à Mme de Miloradowitch avec un billet suppliant ou supplicatoire, si Vous l'aimez mieux—quoi que je doute que ce soit français. . . . Mais Vous écrivez donc tous les jours à Votre mari? Ne craignez Vous pas qu'un excès de surabondance sentimentale ne nuise à la longue aux progrès de Vos desseins louables sans contredit, mais qui pourraient émousser la suavité d'une correspondance, qui sans être alambiquée peut cependant produire un conflit de circonstances, à coup sur, hétérogènes? Ce n'est pas qu'un débit bien soutenu et une construction bien solide ne soit un obstacle reconnu à toute prévarication défaillante; mais la proximité d'une cohérence sousentendue, peut quelquefois, et rien n'est plus commun,—rallentir les vibrations intellectuelles du sensorium, et retracer des fantômes calqués pour la plupart du temps sur un canevas de contrebande.—Oui, ma chère amie!—Rien n'est plus vrai. L'intempérie des saisons; le Da-capo des mêmes cadences; et le chuchotement spontané de l'étoile polaire, sont autant de causes d'une raréfaction subite, occasionée, pour l'ordinaire, par les lois d'une prépondérance qu'on ne saurait ni prévenir ni arrêter; je m'en rapporte à Votre propre jugement,

à ce sens droit qui a toujours été Votre qualité distinctive. Réfléchissez y bien, et Vous avouerez que rien ne saurait être plus irréprochable qu'une vélocité expiative des événemens pathétiques tournant au profit d'une articulation péremptoire et rhumatique;—Solomon l'a dit: Vanité des vanités, et tout est vanité!—N'est ce pas nous enseigner bien clairement, que nous tâcherions en vain d'alimenter nos espérances par le reflet d'une perspicacité comparable à la hauteur d'un poème épique ou d'une sarabande équilatérale! Les antropophages, il est vrai, soutiennent que tout projet sudorifique équivaut à une fraternité indubitable, lorsqu'elle n'est pas motivée sur un plan incliné ni sphérique; mais comme le triangle ne peut s'amalgamer avec le vif argent, il est clair que le produit d'une circulation reffluante, cause une exaspération vacillante, fruit d'un laconisme trop enfumé. Je me résume: Ah! qu'il en avait de beaux des couteaux, mon grand père, quand il vivait dans sa gaine, le bon Dieu veuille avoir son âme pendue à ses côtés!...

Adieu mes chères amies, je Vous embrasse de tout mon coeur. Voilà trois pages au lieu de trois lignes. Remerciez moi de Vous faire grace de la quatrième; car lorsque la main écrit sans que la tête s'en mêle; il n'y a pas de raison de s'arrêter. . . . .

Не смотря на частыя извѣстія получаемыя изъ арміи, при Дворѣ всѣ неутѣшно грустили и безпокоились объ участи близкихъ сердцу. Обычное занятіе, щипаніе корпіи, прерывалось рѣдко какими либо невинными забавами или прогулками.

Для образца приведемъ отрывокъ одного изъ многочисленныхъ писемъ этого времени: Сентября 8 Павловскъ...... «Вчера еще получила три письма отъ тебя и послѣднее очень свѣжо,» писала Княгиня А. Ю. мужу—«вотъ уже теперь отъ тебя самого знаю, что ты былъ въ дѣлѣ, но въ какомъ еще неизвѣстно; да ты здоровъ милый мой, Всевышній тебя сохранилъ и я не престаю Его всѣмъ пламеннымъ сердцемъ благодарить. Сколь велико Его ко мнѣ милосердіе. О какъ мнѣ не совершенно отдаться въ волю Его Святую и съ терпѣніемъ ожидать скораго возвращенія моего благополучія? такъ, теперь полную надежду имѣю въ милосердіе благаго Создателя и уже вовсе не унываю, а все предаюсь самымъ пріятнымъ мыслямъ. Пред-

ставь себѣ, до какой степени меня твои милыя письма ободрили и развеселили, что я опять пустилась въ большой свѣтъ, вчера цѣлый день была во дворцѣ и даже весь вечеръ любезничала съ однимъ путешественникомъ Англичаниномъ; но не пугайся: это не опасно, ибо я его въ первый и послѣдній разъ видѣла, онъ здѣсь только проѣздомъ. За обѣдомъ Головкинъ просилъ всѣхъ дамъ, чтобы этого Англичанина не оставили и посадили бы съ собой играть въ лото, — я вызвалась взять его на свои руки и сдержала свое слово, т. е. посадила его возлѣ себя, выучила играть въ лото; но подъ конецъ немножко его забыла; съ другой стороны, возлѣ его, сидѣла г-жа Мейстеръ и какъ мы начали съ ней говорить о своихъ мужьяхъ, то конца этому не было, и бѣдный Англичанинъ принужденъ былъ слушать и зѣвать. Однако въ этомъ есть добро— онъ въ своемъ журналѣ вѣрно напишетъ, что Русскія жены чрезвычайно любятъ своихъ мужей.—Чтобы имѣть это мнѣніе, онъ не могъ лучше попасть какъ на меня, да кажется тоже и г-жи Мейстеръ; она бѣдная не такъ счастлива какъ я, рѣдко имѣетъ извѣстіе объ своемъ мужѣ и теперь въ большомъ безпокойствѣ о немъ; если что узнаешь объ немъ, пожалуста отпиши, я чувствую, по себѣ, какое этимъ одолженіе ей сдѣлаешь, онъ долженъ быть въ Блюхеровомъ корпусѣ»...

Въ Декабрѣ мѣсяцѣ Великая Княгиня Екатерина Павловна изъ Шафгаузена писала Княгинѣ А. Ю. слѣдующее:

«J'ai tardé bien longtemps à vous répondre, chère Princesse, mais j'ai mieux aimé le faire pour vous donner de bonnes nouvelles du Prince Votre époux et de votre beau frère Basile. Je viens de les voir il y a 8 jours à Francfort, jouissant de l'estime générale par leur conduite distinguée et de la bienveillance de l'Empereur qui m'a parlé de tous deux avec considération; je ne puis, pour ma part, assez me louer des soins que le P-ce Alexandre apporte au bataillon que je lui ai confié. Tout en vous croyant trop bonne épouse pour ne pas préférer la gloire du Prince à votre désir de le voir près de vous, je voudrais pourtant bien pouvoir le rendre à vos voeux; espérons en la bonté de la Providence que ce moment n'est pas éloigné et croyez que je serai charmée de vous prouver en toute occassion l'intérêt bien sincère que je prends en vous. Rappelez moi au souvenir de M-de Nélédinsky et de votre

aimable soeur, veuillez aussi faire mes amitiés à M-lle Nelidoff.—Portez-vous bien, chère Princesse, et n'oubliez pas votre dévouée «Catherine.»

Получивъ отпускъ, князь А. П. Оболенскій пріѣхалъ въ Февралѣ въ Петербургъ, къ величайшей радости всего семейства. Вскорѣ отправился онъ съ женой въ Москву для свиданія съ своими родными.—Къ этому времени относятся слѣдующія любопытныя письма:

Княгиня Аграфена Юрьевна пишетъ изъ Петербурга отъ 6 Января 1814 г........ заѣхали къ Тутолминой, чтобы съ ней ѣхать въ Императорскую Библіотеку, которой въ этотъ день (2 Января) было открытіе.—Это требуетъ нѣкоторыхъ подробностей, но я недовольно имѣю на сіе краснорѣчія, однако, кое-какъ, разскажу тебѣ что тутъ было. Первое зало для чтенія, очень хорошо и довольно велико, ибо въ немъ было около 300 человѣкъ и еще много оставалось пустыхъ мѣстъ. Началось тѣмъ, что А. Н. Оленинъ прочелъ краткое объявленіе, что Императорская Публичная Библіотека, съ того дня, открыта для публики и что будутъ читаны нѣкоторыя новыя сочиненія, приличныя сему случаю. Послѣ этого библіотекарь Г. Красовскій, что-то очень длинное, читалъ: *О пользѣ человѣческихъ знаній и о способахъ оныя распространять посредствомъ подобныхъ заведеній.* Потомъ г. Гнѣдичъ всѣхъ восхитилъ чтеніемъ новаго своего сочиненія. *О причинахъ медленности успѣховъ русской литературы;* какъ скоро это будетъ напечатано я тебѣ непремѣнно пришлю, потому что это прекрасно, и такъ хорошо, что я не могу рѣшиться тебѣ подробно объяснять и говорить, ибо я никакъ не въ состояніи изъяснить все, что меня восхищало въ этомъ прекрасномъ сочиненіи,—какъ можно скорѣе постараюсь тебѣ его прислать. На послѣдокъ Крыловъ читалъ свой аполоrъ «*Водолазы*» это очень хорошо, однако я нахожу, что много изъ его басней лучше. Эти чтенія продолжались часа полтора и я съ большимъ удовольствіемъ слушала, особливо Гнѣдича, тутъ я и плакала и смѣялась и въ изумленіи была. Потомъ насъ подчивали фруктами, чаемъ, кофіемъ, конфектами и все такъ была хорошо распоряжено, я очень была довольна этимъ вечеромъ.......

Ю. А. Нелединскій пишетъ изъ Петербурга Апрѣля 6-го: «Здрав-

ствуйте мои милые друзья! Прямо изъ Казанскаго собора отъ молебна сажусь къ вамъ писать и поздравить съ побѣдами, о которыхъ описаніе надѣюсь сейчасъ получить отъ князя Горчакова.— Успѣхи большіе; но было бы гораздо пріятнѣе есть ли бы, къ чувствованію радости, не примѣшивался страхъ опасности, въ которую Государь нашъ вдается. Воля Его! а Онъ не имѣетъ права отваживать жизнь Свою. Она безцѣнна не для одной Россіи, но для цѣлаго міра. Самъ велъ кавалерійскую атаку и такъ далеко, что Рапотена въ его глазахъ посадили на штыкъ! Примѣчательно что и Генералъ и его адъютантъ кончили жизнь возлѣ Государя.»

Апрѣля 9-го...... «вспомнилъ разсказать тебѣ случившееся вчера въ вечеру, въ бытность мою у Государыни.—Разговаривали о въѣздѣ въ Парижъ Государя Императора—и вдругъ входитъ Г. Н. Вилламовъ, несетъ что то въ обѣихъ рукахъ закутанное. Подноситъ къ Императрицѣ, которая, раскрывъ, видитъ—прекраснаго ребенка мѣсяцевъ двухъ, спеленнаго очень чисто, и на немъ лежитъ письмо—подъ которымъ поставлены только двѣ начальныя литеры. — Пишутъ, что это законная дочь благородныхъ родителей, Марья Александрова, отецъ ея палъ на полѣ сраженія; а мать умерла 29-го прошедшаго мѣсяца. Дитя черными своими глазками, казалось со вниманіемъ, глядѣлъ на держащую его на колѣнахъ своихъ, новую сердобольную мать; и видно былъ сытъ и покоенъ, потому что никакого движенія не дѣлалъ и голоса не подымалъ вовсе.—Такъ тихо лежалъ цѣлые четверть часа, что во все время ниже головой — ниже губами не пошевелилъ ни разу, а смотрѣлъ во всѣ глаза. — Его нашли въ 9 часовъ вечера, положеннаго у стѣны, на этой лѣстницѣ по которой входитъ всѣ во дворецъ пріѣзжающіе.»

«Нельзя было безъ сердечнаго умиленія смотрѣть на добрую Императрицу, особливо при чтеніи Вилламовымъ письма. — При словахъ: *Всемилостивѣйшая Государыня! Будь ей мать и покровительница!* — «Я это буду моя миленькая! Oui je la serai, mon petit-chou»! произнесла Она, нѣсколько разъ, самымъ трогательнымъ голосомъ и прижимала къ сердцу держимое Ею дитя. — Въ мигъ приведена была изъ воспитательнаго дома кормилица и дѣвочка будетъ воспитываться

подъ вѣдѣніемъ графини Ливенъ. — Между тѣмъ, станутъ отыскивать чья она дочь (*).

«Государя, съ одною Своею и Прусскою Гвардіею, вступившаго въ Парижъ, встрѣтилъ Сенатъ. Императрица съ частію національной стражи выѣхала въ Орлеанъ. — Въ Парижѣ надѣли бѣлыя кокарды и кричали «Vive le Roi!—à bas l'Empereur». Прилагаемую декларацію я списалъ съ подлинника у Государыни. Она отправлена была съ эстафетой изъ Парижа въ Берлинъ, изъ Берлина въ Кенисбергъ съ эстафетой же, а отъ туда привезена сюда курьеромъ. — О Бонапарте ничего не знаемъ; но можно надѣяться теперь, что большею частію войска своего онъ будетъ оставленъ. — Двѣ фразы этой деклараціи рѣшительны. 1-я: Les souverains alliés... ne traiterons plus avec N. Bonaparte и пр. 2-я: Les intentions que je viens d'exprimer, me sont communes avec les autres puissances. Кажется послѣ этого, народъ не будетъ бояться обнаружить свои расположенія. — Сообщите все это Николаю Михайловичу Карамзину.»

Апрѣля 30-го. «Здѣсь было общее собраніе Сvнода, Совѣта и Сената, на которомъ положено: отправить къ Государю депутацію для принесенія отъ лица Россіи поздравленіе и благодарности.»

Заимствуемъ изъ записокъ Ив. Ив. Дмитріева (взглядъ на мою жизнь ст. 222) разсказъ объ этомъ знаменитомъ собраніи.

«Вся Имперія обрадована была извѣстіемъ объ торжественномъ вступленіи Государя съ побѣдоносною своей арміей и союзными войсками въ Парижъ и объ отреченіи Наполеона, за себя и сына, отъ престола Франціи. Сіе достопамятное событіе послѣдовало 19 Марта, а извѣстіе о томъ получено съ Генералъ-Адъютантомъ Кутузовымъ, помнится мнѣ, въ Апрѣлѣ. Въ тотъ же или на другой день я имѣлъ счастіе, съ нѣкоторыми изъ министровъ, быть приглашеннымъ къ

(*) Родителей не нашли, а дѣвочка, подъ именемъ «Маріи Парижской» воспитывалась въ Смольномъ Монастырѣ и въ послѣдствіи вышла за мужъ за извѣстнаго табачнаго фабриканта В. А. Жукова.

столу вдовствующей Императрицы. Никогда столь искренняя радость не сіяла на челѣ матери вѣнценоснаго побѣдителя! Послѣ обѣда она приказала подать новости, полученныя ею; собрала вокругъ себя всѣхъ гостей своихъ обоего пола и заставила секретаря своего г. Вилланова читать французскія и нѣмецкія вѣдомости, наполненныя похвалъ и благословеній освободителю Европы. Во всѣхъ превозносили его скромность, великодушіе и человѣколюбіе. Потомъ поручено было сенатору Нелединскому-Мелецкому прочитать постановленія, относительно къ обстоятельствамъ, французскаго временнаго правительства и Блюстительнаго Сената. Наконецъ было заключено пѣсенкою, сочиненною въ Парижѣ въ честь нашего Императора, на голосъ извѣстной старинной пѣсни: Vive Henri quatre! Да здравствуетъ Генрихъ Четвертый.

«За первымъ извѣстіемъ послѣдовалъ и Высочайшій манифестъ, подписанный въ Парижѣ, о занятіи онаго нашими и союзными войсками. Назначенъ былъ день для торжествованія сего достопамятнаго событія. Обѣ Императрицы изволили прибыть въ Казанскій соборъ къ слушанію литургіи. Церковь уже была наполнена гражданствомъ обоего пола и всѣхъ сословій. Самая площадь предъ нею усѣяна была народомъ. По совершеніи литургіи и по выходѣ изъ алтаря митрополита Амвросія со всѣмъ духовенствомъ на средину храма, для отправленія благодарственнаго молебна, я имѣлъ счастіе читать манифестъ, взойдя на первую ступень помоста возлѣ амвона, обратясь къ народу и имѣя съ правой стороны императорскую фамилію, а съ лѣвой иностранныхъ министровъ. Съ послѣднимъ словомъ манифеста начался благодарственный молебенъ, заключенный хоромъ: *Тебе Бога хвалимъ.* За симъ грянулъ громъ пушекъ, и раздалось *ура!* по всей площади.

«Въ тотъ вечеръ весь городъ былъ освѣщенъ. Знатнѣйшія присутственныя мѣста, начиная съ Сената, министерскіе и многіе частные домы украшены были великолѣпными щитами; даже посредственнаго состоянія, не только хозяева но и жильцы выставляли въ окнахъ своихъ прозрачныя аллегорическія картины или что другое съ остроумными надписями.

«Но все это было недостаточно для изъявленія нашей признательности; она требовала большей, важнѣйшей дани отъ лица всей Имперіи.

Нѣкоторымъ сенаторамъ внушено было подать о томъ свои голоса, иные обращали ихъ ко мнѣ, другіе къ предсѣдателю комитета министровъ. Всѣ они слушаны и разсматриваемы были въ общемъ собраніи сената. Тамъ единогласно положено пригласить, для чрезвычайнаго присутствія въ Сенатѣ, Святѣйшій Синодъ, всѣхъ Министровъ и Членовъ Государственнаго Совѣта, дабы совокупно придумать и положить на мѣрѣ, какимъ приличнѣйшимъ образомъ изъявить признательность отечества Государю, виновнику новой нашей славы и освобожденія Европы.

«Чрезвычайное собраніе, въ засѣданіи своемъ апрѣля 25-го утвердило единогласно: 1-е составить отъ лица всѣхъ присутствующихъ, какъ отъ представителей Имперіи, всеподданнѣйшее на высочайшее имя прошеніе о принятіи наименованія *Благословеннаго* и о разрѣшеніи на добровольную денежную складку во всемъ государствѣ для сооруженія въ Петербургѣ памятника; 2-е отправить съ симъ прошеніемъ къ Государю посольство, составленное изъ членовъ совѣта: дѣйствительнаго тайнаго совѣтника перваго класса князя Александра Борисовича Куракина, отъ арміи генерала Александра Петровича Тормасова, гофмейстера графа Александра Николаевича Салтыкова: 3-е въ ожиданіи же высочайшаго на то соизволенія, предварительно предложить, посредствомъ министра просвѣщенія, художникамъ императорской академіи художествъ, равно и прочимъ извѣстнѣйшимъ въ Европѣ, о изобрѣтеніи чертежа сему памятнику и еще медали, которая бы достойна была передать потомству славную для Россіи эпоху.

«Но для меня и сіе торжество не прошло безъ нѣкоторыхъ неудовольствій. Готовясь къ чрезвычайному собранію въ сенатѣ и зная цѣль онаго, для собственнаго руководства въ нѣкоторыхъ случаяхъ, я заблаговременно велѣлъ отыскать въ сенатскомъ архивѣ производство дѣла по поводу подобнаго же чрезвычайнаго собранія, гдѣ положено было просить отъ имени всего народа Императрицу Екатерину Вторую о воспріятіи наименованія *Великой*. Тогда сочиненіе адреса или прошенія всѣмъ собраніемъ предоставлено было генералъ-прокурору князю Вяземскому. Собраніе знало, что онъ передастъ это обязательство другому (графу Заводовскому), но хотѣло тѣмъ изъявить ему свое вни-

маніе. Въ настоящемъ случаѣ поступлено было совсѣмъ иначе. Согласно съ вышесказаннымъ сенатскимъ стариннымъ производствомъ и моею должностью, въ назначенный день для чрезвычайнаго собранія, я предупредилъ старшаго оберъ-прокурора Титова, что присутствіе начнется прочтеніемъ протокола, которымъ опредѣлено было пригласить членовъ синода и Государственнаго совѣта для общаго совѣщанія съ сенатомъ; что онъ долженъ стоять за мною, у императорскихъ кресель, и по слову моему приступить къ чтенію; но вмѣсто того, едва собраніе стало усаживаться за столъ, каждый по своему старшинству, какъ председатель комитета министровъ графъ Салтыковъ, опускаясь еще въ кресла, уже заговорилъ не тономъ приглашенаго гостя, хотя самъ наканунѣ предупреждалъ меня, что онъ будетъ гостемъ, не болѣе; князь же А. Б. Куракинъ, не давъ ему докончить, уже тотчасъ предлагаетъ, по обыкновенію своему кудрявыми фразами, сенатора Нелединскаго-Мелецкаго для сочиненія всеподданнѣйшаго прошенія, о которомъ еще ни слова не было сказано; ближайшіе къ нимъ члены изъявили на то согласіе, и Нелединскій принялъ на себя быть редакторомъ адреса, но только просилъ составить комитетъ изъ нѣсколькихъ особъ, дабы онъ могъ предварительно показывать имъ свою работу и пользоваться ихъ совѣтомъ. Собраніе согласилось и въ члены комитета избрало архіепископа Серафима (нынѣшняго митрополита) и графа Кочубея. Но вскорѣ за тѣмъ съ конца стола, гдѣ сидѣлъ сенаторъ Молчановъ, присланъ былъ къ графу Салтыкову князь Горчаковъ съ предложеніемъ, будто отъ многихъ сенаторовъ, о избраніи въ члены же комитета и дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Василія Степановича Попова, и на то согласились.

«Я не оскорбился тѣмъ, что собраніе не признало меня достойнымъ участвовать, хотя совѣтомъ при сочиненіи адресса; но не могъ быть равнодушнымъ къ тому, что графъ Салтыковъ помѣшалъ мнѣ открыть засѣданіе приличнымъ образомъ и вмѣшался не въ свое дѣло».

Вотъ это прошеніе писанное Нелединскимъ по опредѣленію чрезвычайнаго присутствія:

Прошеніе Святѣйшаго Правительствующаго Синода, Государственнаго Совѣта и Правительствующаго Сената Государю Императору Александру I.

Всепресвѣтлѣйшій, Державнѣйшій, Великій Государь, Императоръ, Самодержецъ Всероссійскій.

Воздавъ хвалу, честь, славу и благодареніе Всевышнему Богу, удивившему надъ Тобою милости Свои, Россія, о Тебѣ радующаяся, славою Твоею надъ всѣми Державами превознесенная, Тобою благоденствующая, обращается днесь къ Тебѣ, Помазанникъ Божій! и въ лицѣ Святѣйшаго Синода, Государственнаго Совѣта и Сената Твоего, совокупно предъ Тобою колѣна преклоняющихъ, приноситъ общую вѣрноподданныхъ Твоихъ жертву, жертву сердецъ, восхищенныхъ великими Твоими подвигами, въ лѣтописяхъ міра примѣра неимущими.—Услыши, Всемилостивѣйшій Государь! воззваніе усердныхъ чадъ Твоихъ, и милостиво пріими возсылаемое изъ глубины душъ ихъ благодареніе. Но какъ достойно возблагодаримъ Тебѣ за ту непоколебимую твердость, съ какою, положась на любовь и преданность Твоихъ подданныхъ, и тѣмъ ихъ возвелича, не усомнился Ты отвергнуть мира съ коварнымъ врагомъ, вторженіемъ въ предѣлы наши возгордившимся?—Что воздадимъ Тебѣ, оградившему безопасность отечества нашего возстановленіемъ независимости Державъ ему сопредѣльныхъ?—Какія хвалы могутъ довлѣть Тебѣ, отомстившему за насъ дерзкому врагу, не токмо Твоимъ въ столицу его побѣдоносныхъ шествіемъ, но и совершеннымъ низложеніемъ того страшнаго угнетателя Европы, престолы поколебавшаго, и желѣзному скипетру своему всѣ племена и Царства подвергнуть возмнившаго?—Превознося Тебя, яко Побѣдителя, благословляемъ мы и милосердіе Твое, ознаменованное предъ лицемъ Свѣта великодушнымъ прощеніемъ побѣжденныхъ, и избавленіемъ ихъ отъ тиранскаго ига. Кто изъ Владыкъ земныхъ уподобится Тебѣ, Великій! Кто изъ нихъ, подъявъ оружіе въ оборону отечества, пронесъ его изъ края въ край Европы не ради пріобрѣтенія личныя славы, но для спасенія чуждыхъ народовъ, ярмомъ ненасытнаго властолюбія беззащитно подавляемыхъ, и для возвращенія за-

конныхъ имъ Владѣтелей! Кто мудростію своею, и кроткимъ среди самаго могущества убѣжденіемъ, возмогъ враждебные народы обратить въ союзниковъ себѣ, назидая тѣмъ собственное ихъ благо!—Дѣла Твои, Государь, совѣчны пребудутъ имени Твоему, имени Александра Великаго, великодушнаго защитителя Европы, возстановителя законныхъ Правительствъ. Вселенная, величію Твоему чудящаяся, упреждая гласъ безпристрастнаго потомства, присвояетъ уже Тебѣ всѣ сіи титла.—Ты же, достойный Избранникъ Вышняго, восписуя всѣ великія дѣянія Твои единому всеблагому Его Промыслу, жертвы хваленія не благоволишь, и смиренномудріемъ Твоимъ заграждаешь уста наши.—Покорствуя Тебѣ, Государь, мы не оскорбимъ громкими хвалами кротости Твоея: но всеобщія благословенія и Твоихъ и чуждыхъ народовъ, и благодать Господня, Тебѣ всегда соприсущная, и во всѣхъ Твоихъ предначинаніяхъ знаменующаяся, да оправдаютъ дерзновеніе преданныхъ Тебѣ чадъ Твоихъ, поднести Тебѣ титло, единодушно всѣми утвержденное, благости сердца Твоего, нашимъ къ Тебѣ чувствованіямъ соотвѣтствующее, и безъ стяжанія коего нѣтъ истиннаго величія—титло *Благословенный*. Усердно Тебя молимъ! не отрини сего, Тебѣ отъ сыновъ Твоихъ, приношенія.—Но дабы чувствованія нашей признательности, симъ Тебѣ изъявляемыя, не были безмолвны предъ потомствомъ, мы возжелали увѣковѣчить ихъ видимымъ знаменіемъ, хотя мало достойнымъ Тебя, Государь Безсмертный! и потому дерзаемъ умолять Тебя, Благословенный! не возбрани намъ воздвигнуть въ престольномъ градѣ Твоемъ для грядущихъ вѣковъ памятникъ, гласящій о великихъ Твоихъ подвигахъ: не да приложитъ оный что либо ко славѣ незабвеннаго Твоего имени, но да оправдимся мы предъ потомками нашими. Да не укоритъ насъ нѣкогда нечувствительностію къ изліяннымъ Тобою на насъ благодѣяніямъ, и да сынамъ сыновъ нашихъ до позднѣйшихъ временъ памятникъ сей пребудетъ свидѣтельствомъ нашея къ Тебѣ любви и безпредѣльныя преданности».

Его Императорское Величество, удостоя Всемилостивѣйшимъ принятіемъ сіе всеподданнѣйшее прошеніе трехъ Государственныхъ Сословій, благоволилъ отвѣтствовать на оное Высочайшимъ Указомъ слѣдующаго содержанія:

Святѣйшему Правительствующему Синоду, Государственному Совѣту и Правительствующему Сенату.

«Внимая посланному ко Мнѣ отъ Святѣйшаго Синода, Государственнаго Совѣта и Правительствующаго Сената прошенію, о воздвигнутіи Мнѣ въ престольномъ градѣ памятника и принятіи проименованія Благословенный, не могъ Я во глубинѣ души Моей не почувствовать величайшаго удовольствія, видя съ одной стороны дѣйствительно совершившееся надъ нами благословенія Божеское, а съ другой чувствованія Россійскихъ Государственныхъ Сословій, подносящихъ Мнѣ имя самое для Меня лестнѣйшее: ибо всѣ старанія и помышленія души Моей стремятся къ тому, чтобъ теплыми молитвами призывать на Себя и на ввѣренный Мнѣ народъ Божеское благословеніе, и чтобъ быть благословляему отъ любезныхъ Мнѣ вѣрноподданныхъ Моихъ и вообще отъ всего рода человѣческаго. Сіе самое есть верхъ Моихъ желаній и Моего благополучія! Но при всемъ тщаніи Моемъ достигнуть до сего, не позволяю Себѣ, яко человѣкъ, дерзновенія мыслить, что Я уже достигъ до того, и могу смѣло званіе сіе принять и носить. Тѣмъ паче почитаю Я оное съ правилами и образомъ мыслей Моихъ несогласнымъ, что всегда и вездѣ преклоняя вѣрноподданныхъ Моихъ къ чувствамъ скромности и смиренія духа, Самъ первый покажу несоотвѣтствующій тому примѣръ. Сего ради, изъявляя совершенную Мою признательность, убѣждаю Государственныя Сословія, оставить оное безъ всякаго исполненія. Да соорудится мнѣ памятникъ въ сердцахъ вашихъ, какъ оный сооруженъ въ чувствахъ Моихъ къ вамъ! Да благословляетъ Меня въ сердцахъ своихъ народъ Мой, какъ Я въ сердцѣ Моемъ благословляю оный! Да благоденствуетъ Россія, и да будетъ надо Мною и надъ нею благословеніе Божіе.»

По поводу этого Указа Нелединскій пишетъ дочери отъ 16 Іюля «Мы имѣемъ здѣсь копію съ Указа въ отвѣтъ депутаціи данный, который чрезвычайно хорошъ, трогателенъ и, безъ сомнѣнія, писанъ не инымъ кѣмъ, какъ самимъ Государемъ».

По случаю прибытія Великаго Князя Константина Павловича съ из-

вѣстіемъ о мірѣ и потомъ 27-го Іюня для встрѣчи Государя устроивались въ Павловскѣ Императрицею Маріею Ѳедоровною праздники.

«Demain ou après-demain on attend les Grands-Ducs», пишетъ Нелединскій отъ 19 Іюня изъ Павловска, «Le 22 il y a fête à Peterhoff et le 26 ici.—Vers les 7 heures on ira en ligne du palais au pavillon des Roses auquel on a ajouté une salle de huit sagènes en quarré; c'est à dire aussi grande que le pavillon.—Il y aura sur le chemin qui y conduit deux portes en verdure avec une inscription; sur l'une des deux, tirée d'une ode de M-lle Bounin: *Тебя грядущаго къ намъ съ бою, врата побѣды не вмѣстятъ.*—A l'approche de l'Empereur on y chantera mes couplets, (*) musique de Bortnyánsky—à la porte sui-

---

(*) **Хоръ, пѣтый въ Павловскѣ 27-го Іюля 1814 года, у первыхъ воротъ, ведущихъ къ Розовому павиліону.**

Гряди, гряди благословенный,
Оливой вѣнчанный Герой!
Побѣдой славой утружденный,
Вкуси пріятный здѣсь покой!

—

Въ объятьяхъ Матери нѣжнѣйшей,
Забудь труды и шумну брань;
Оградѣ вдайся всѣхъ живѣйшей:
Ея любви пріемля дань.

—

Она въ разлукѣ утѣшала,
Духъ скорбный славою Твоей.
Смущенной мыслью пребывала,
Съ Тобой средь вражескихъ мечей.

—

Днесь вняли небеса благія,
О сынѣ матерней мольбѣ!
Ты возвращенъ, и вся Россія
Въ восторгѣ съ Нею о Тебѣ.

—

vante, où il y aura des couronnes de lauriers suspendues, on c antera le quatrain de Wyasemsky, (*) aussi musique de Bortnyansky.—

Ensuite on entrera dans le pavillon des Roses aux quatre côtés duquel, il y aura les 4 âges, qu'on verra successivement l'un après l'autre. Il s'y exécutera des scènes composées de chant et de danse. Musique de Cavos et d'Antonolini—décorations de Gonzague. Costumes Russes.—La prose et les vers de ces scènes ont été composées par M-r Batuschkoff, qui heureusement pour moi, est arrivé ici à point nommé pour cela.—Je suis fâché de ne pouvoir pas vous les envoyer. Le seul exemplaire qui existe est entre les mains des acteurs».

По случаю приготовленій къ этимъ празднествамъ, велась, можно сказать, литературная переписка между Павловскимъ и Петербургомъ, отъ куда Нелединскій, по дѣламъ службы, не могъ ежедневно отлучаться, а посылалъ на апробацію Императрицы стихи сочиненные имъ, Княземъ Вяземскимъ и Батюшковымъ. Въ отвѣтъ получалъ отъ Императрицы слѣдующія письма:

«Le 9 Iuillet 1814. J'ai reçu et lu à l'instant le projet de deux scènes et les trouve très-jolies, mais demandant cependant absolument quelques changements pour que cela puisse plaire à l'Empereur; j'ai effacé quelques passages et j'ai changé le mot de (здѣсь русское слово, которaго не могли разобрать) en . . . . *утѣшеніе*; j'ôte le couplet du portrait, comme le portrait même, et j'ai chargé Villamof de marquer ce que je désire pour le buste, il faut absolument ménager la délicatesse de l'Empereur, car sans cela il sera de mauvaise humeur et la fête sera

(*) **Хоръ.**

У послѣднихъ воротъ передъ павиліономъ.

О твердый мужъ во браняхъ, и скромный побѣдитель
Какой вѣнецъ Тебѣ?—Какой Тебѣ Алтарь?...
Вселенная!.... Пади предъ нимъ, Онъ твой Спаситель!
Россія, Нмъ гордись!—Онъ сынъ твой; Онъ твой Царь.

Кн. Вяземскій.

gâtée: voilà, mon bon ami, les remarques que j'ai à faire. Je ne puis juger de l'effet de la seconde scène, ne sachant pas comment elle sera liée à la troisième. Je recommande le tout à votre protection, mon bon Nélédinsky et vous assure de toute mon amitié. Marie.»

«Ce 10 Juillet 1814. Mon bon Nélédinsky, ce matin le C-te Golovkin m'a remis de la part du P. T. la pièce composée par Mr. Corsakof. Or j'ai reçu les deux Actes, que vous m'avez envoyés hier, et les ai parfaitement approuvés, à quelques changements près, ainsi je me tiens à ceux-là de droit et je vous l'avoue très-naturellement, de prédilection, car ils me plaisent beaucoup mieux et j'attends avec impatience les derniers; mais comme Mr. Korsakof s'est donné de son côté cette peine, je le fais remercier le plus poliment possible et fais écrire au P. T. que je vous écrirai exprès et le prie de s'entendre avec vous, pour employer quelques couplets de Mr. Corsakof dans la pièce, que vous avez la grande et l'aimable complaisance, de m'arranger. On pourrait prolonger l'Acte des enfants, en y ajoutant les couplets de Corsakof qui me paraissent jolis; mais les autres actes sont beaucoup trop personnels à l'Empereur et au lieu de lui donner l'illusion qu'il se trouve à une fête, lui donneront de véritables souffrances, ainsi je ne puis les admettre. Je vous envoye la copie de ce que je fais écrire au P. T. et vous prie en grâce de lui parler en conséquence et de vous entendre avec lui. La manière dont l'Empereur s'est exprimé sur les préparatifs, exige encore plus de délicatesse de ma part pour lui épargner tout embarras. L'idée du peintre — est bonne. Le vieillard qui a vu Pierre-le-Grand, peut être admis. Enfin, en sage abeille, mon bon Nélédinsky, vous trouverez le meilleur miel de cette autre pièce, pour contenter un peu Corsakof, qui recevra naturellement un cadeau de ma part; mais de grâce que les deux derniers Actes sortent de votre creuset, comme les premiers et que je les reçoive bientôt. Adieu mon bon Nélédinsky, portez-vous bien et arrivez nous au plutôt. Marie».

«Il m'est venu une idée, mon bon ami, dont j'ai fait parler à T. celle— qu'au moment qu'on veut découvrir le buste de l'Empereur, par un mouvement spontané, tous les Adolescens s'arrêtent et disent ou chantent . . . . (не разобрали) puis croyant témoigner plus de respect en

modérant ce transport et en ne découvrant pas des traits dont la vue produirait trop d'enthousiasme. Voyez, mon bon ami, si vous trouvez cette idée acceptable».

Ce Lundi 10 Août 1814.

«J'ai chargé Villamoff de vous envoyer le projet du Записка que je crois devoir présenter à l'Empereur touchant les affaires de S . . . je vous prie, mon bon Nélédinsky de le lire et relire avec la plus grande attention et d'y faire les changements que vous croirez utiles. Vous les communiquerez dans ce même sens à vos collègues, pour qu'ils en disent leur opinion et notent les changements qu'ils croyent nécessaire de faire en marge. Après une mûre réflexion, j'ai trouvé que le conseil ne saurait me présenter un докладъ sur une affaire déterminée par un Oukase de l'Empereur, mais le mode d'une Записка de moi à l'Empereur est permis; vous voyez que j'ai revu et corrigé mon opinion, je suis toujours prête à le faire, pour agir le mieux qu'il est possible.

«Voici les vers dont j'ai parlé hier, de même que ceux qui m'ont été remis par la P.T. Adieu, mon bon Nélédinsky, voici un temps qui gèle le cerveau, l'imagination et qui porterait à croire que le bonheur consiste dans une chambre close et bien chauffée; cependant je ne veux pas précipiter mon jugement, j'aime mieux le chercher dans l'affection et l'attachement de ceux que j'estime et chéris, et vous assure que vous êtes du nombre. Portez vous bien et venez nous bientôt «Marie.»

Ce 6 Septembre 1814.

«Que faites vous mon bon Nélédinsky—il y a un siècle que je ne vous ai pas vu. N'êtes vous pas encore tout à fait rétabli—cela m'inquiète et je vous prie de me donner un petit mot pour que je puisse porter de vos nouvelles à votre fille et vous serez aimable, si vous m'envoyez un petit mot pour Elle. Adieu mon bon Nélédinsky—venez me voir le plus tôt possible, car nulle part on ne vous aime plus que chez moi. «Marie.»

VI.

(1815—1816.)

Въ концѣ Мая 1814 года князь А. П. Оболенскій отправился съ княгиней за границу. Князь—къ своему баталіону, который находился въ Вирцбургѣ, слѣдуя съ главной квартирой на Берлинъ, — а княгиня остановилась въ Дрезденѣ съ намѣреніемъ пользоваться въ Германіи минеральными водами.

«Я прибылъ сюда вчера» пишетъ князь отъ *15-го Іюня* изъ Вирцбурга. Радъ былъ вновь увидѣть своихъ дѣтей—Баталіонъ остается здѣсь до 1-го Іюля. Изъ маршрута увидите, что мы только въ половинѣ Сентября войдемъ въ свои границы. — Узнавъ отъ генералъ-адъютанта графа Апраксина, что Государя и Великую Княгиню ждутъ въ Карлсруэ, я намѣренъ туда отправиться....

Брюксаль, 21-го Іюня. Я нахожусь теперь въ Брюксалѣ въ ожиданіи Государя, который завтра или послѣ завтра самъ будетъ. Нынче сюда и Государыня пріѣхала. Изъ Вирцбурга я ѣхалъ до сихъ поръ на форшпанахъ, не торопясь; полторы сутокъ. Тутъ нашелъ главную квартиру, остановился у Рыскова и узналъ только, что Государь будетъ 23-го. Фельдмаршалъ былъ въ Раштатѣ, я переночевавъ поѣхалъ туда, но его уже не засталъ, онъ поѣхалъ провожать жену, которая поѣхала въ Лейпцигъ и долженъ былъ воротиться чрезъ два дня. Въ Раштатѣ я ночевалъ и поѣхалъ въ Баденъ, чтобы представиться Императрицѣ, для чего явился къ Александру Львовичу Нарышкину, котораго нашелъ въ компаніи за завтракомъ и собиравшагося ѣхать en partie de plaisir въ Страсбургъ. Меня также туда завербовали. Мы пріѣхали въ Страсбургъ прямо къ театру — давали нѣмецкую оперу, прекрасно исполненную. На другой день бѣгали по магазинамъ и кон-

чили отличнымъ обѣдомъ, который стоилъ Нарышкину 500 франковъ за 7 персонъ. Александръ Львовичъ здѣсь уже видно часто бывалъ — его всѣ знаютъ и когда онъ выходитъ на улицѣ замѣтно движеніе. Онъ покупаетъ пропасть разныхъ вещей, очень мало платитъ наличными, а все больше на банкировъ. Съ него дерутъ безъ милосердія. Но я думаю онъ ихъ всѣхъ надуетъ. Послѣ обѣда мы вернулись въ Баденъ и я представился Императрицѣ, которая была очень милостива и много о тебѣ разспрашивала. Сегодня я видѣлъ фельдмаршала въ Раштатѣ, онъ мнѣ сказалъ, что не получалъ никакого особаго приказанія о баталіонѣ, — но что онъ самъ назначилъ ему квартированіе въ Россіи въ Твери. Онъ обѣщалъ мнѣ уважить всѣ мои представленія объ офицерахъ....

Бруксаль, 26 Іюня. Государь прибылъ сюда вчера ночью. Сегодня я Ему представлялся и былъ отлично принятъ. Онъ полагалъ, что я прибылъ изъ Россіи вслѣдствіе его повелѣнія, ибо, по желанію Великой Княгини, онъ приказалъ написать военному министру, чтобы сказать мнѣ, чтобы я ѣхалъ въ Вѣну или въ то мѣсто, гдѣ будетъ находиться Великая Княгиня. Я объяснилъ Государю, что прибылъ сюда по собственному побужденію и прежде чѣмъ повелѣніе его было отправлено. Сегодня я обѣдалъ съ Ихъ Величествами у Маркграфини-матери Императрицы. Государь приказалъ князю Волконскому меня отпустить немедленно и я уже получилъ паспортъ. Завтра выѣзжаю въ 10 часовъ въ Вирцбургъ, гдѣ пробуду день съ баталіономъ, который уже долженъ быть въ пути, а отъ туда отправлюсь въ Лейпцигъ».

На пути изъ Бруксаля въ Вирцбургъ князь А. Н. встрѣтилъ Великую Княгиню и показывалъ ей баталіонъ въ Миннерштатѣ 30 іюля. Тутъ она объявила волю Государя о совершенномъ его роспускѣ и отдала слѣдующій приказъ:

«Благодарю васъ ребята за труды ваши; вы служили отечеству со славою; идите нынѣ обратно въ семьи ваши и обучайте дѣтей какъ должно кровь проливать за Вѣру и Царя. Мнѣ лестно, что вы носили имя мое, Я васъ не забуду.

Особымъ удовольствіемъ поставляю себѣ господамъ офицерамъ изъявить мою признательность за ревностную ихъ службу. Пріятный для

меня будетъ долгъ, быть ихъ ходатаемъ при Государѣ Императорѣ.

Господъ штабъ офицеровъ, особливо же полковника князя Оболенскаго благодарю за отличіе во всѣхъ частяхъ службы.

Екатерина.

Въ Миннерштатѣ.

30 Іюня / 12 Іюля 1814 года.

«Баталіонъ мой, писалъ князь (изъ Франценбруна близъ Эгера отъ 23 Іюля) пойдетъ прямо въ Тверь, гдѣ его и расформируютъ. Пребываніе мое здѣсь неизвѣстно на долго ли. Ея Высочество мнѣ говорила нынче, что кромѣ дѣлъ касательно баталіона, она имѣетъ нужду въ присутствіи моемъ, на нѣкоторое время, при ней; ибо съ ней только одинъ Гагаринъ, а Арсеньевъ уѣхалъ изъ Англіи въ Россію; но между тѣмъ подтвердила, что долго при себѣ не оставитъ. На счетъ будущей участи своей ни на что рѣшиться еще не могу.......

Такимъ образомъ князь А. Н. остался за границей при Великой княгинѣ, а княгиня А. Ю. въ Сентябрѣ мѣсяцѣ вернулась въ С.-Петербургъ черезъ Москву.

Отъ 9 Сентября князь пишетъ изъ *Брюна*. Мы отправились изъ Праги (мѣсто Вѣны) въ Брюнъ на встрѣчу Государю, считая, что онъ будетъ сюда только 13. Но пріѣхавъ сюда вчера, нашли все въ тревогѣ, по послѣднимъ извѣстіямъ Государь долженъ былъ уже пріѣхать 10 въ Вѣну и отъ того мы здѣсь все на воздухѣ ожидаемъ Его ежеминутно.

Вѣна, 17 Сентября. Всѣ эти дни все въ представленіяхъ, они еще по крайней мѣрѣ дни четыре продлятся. Всѣ Императоры и Короли съѣхались. Я все время у Великой Княгини. Провожаю Ее къ Королевамъ и представляю Ей, по очереди съ Гагаринымъ тѣхъ, кто къ ней является. Собраніе всѣхъ Царей представляетъ много великолѣпнаго и пышнаго; но среди всего этого чувствую много усталости и скуки. Ты знаешь что я знакомлюсь трудно et les premières connaissances avec des gens avec lesquels on n'a aucun rapport offre bien peu d'agrément. Aussi depuis que je suis ici je n'ai fait la connaissance que du Comte de

Stakelberg notre ambassadeur, chez qui je suis invité à diner pour demain et à un petit bal chez la P-se Bogration, que je ne connais pas encore, pour après demain. Demain soir il y aura grand gallas à la cour. Cela sera une réunion de souverains et de tout ce qui tient à toutes les cours; Cela sera une des plus terrible présentation; Depuis que nous sommes ici les Empereurs, Rois et Princes dinent ensemble et toutes les suites de même. Aussi la table des Majestés et Princes est de 30 à 40 couverts et de nous autres de 130 à 150. On est partout magnifiquement servi. J'ai un très joli quartier de la cour en ville et un équipage de la cour quand j'en ai besoin.

Вѣна, 20 Сентября. Время провожу все такимъ же образомъ какъ съ перваго дня т. е. все въ толпѣ народа. Вчера былъ на балѣ у княгини Багратіонъ, гдѣ собраны были всѣ прекраснѣйшія женщины Вѣны. Государь былъ во фракѣ и мы тоже. Балъ былъ прекрасный, но мнѣ кажется наши бы дамы своими прелестями здѣшнихъ перещеголяли бы не только въ Москвѣ, но и въ Петербургѣ. Нынѣ всѣ дворы ѣдутъ въ публичный раутъ, въ который роздано билетовъ 10,000. Очень большой придворный манежъ, для сего, превращенъ въ огромную залу и говорятъ, очень хорошо отдѣланъ.

23 Сентября. Вчера я былъ въ раутѣ. Зрѣлище чрезвычайное, особенно большая зала, которая одна конечно помѣщала въ себѣ до 5,000 народу; отдѣлана и освѣщена славно. Въ ней горѣло 6,000 свѣчь восковыхъ. Нынче былъ на обѣдѣ у графа Разумовскаго. Государь, Государыня и Великая Княгиня тоже у него обѣдали. Домъ удивительный. Конечно нѣтъ подобнаго, гдѣ бы было столько вкуса и великолѣпія. Обѣдъ славный.

25 Сентября. Вчера была охота на кабановъ, а вечеромъ, балъ у Императрицы. Нынче вечеромъ гулянье, освѣщеніе, фейерверкъ и народный праздникъ въ Лаксенбургѣ.

5 Октября. Вчера былъ до 4 часовъ на балѣ у принцессѣ Естергази. Сейчасъ пріѣхалъ съ званаго обѣда г. Траутмансдорфа, а вечеромъ будетъ въ большой дворцовой залѣ ораторія. Съ завтрашняго дня три дни съ ряду праздновать будутъ побѣду подъ Лейпцигомъ, которой минетъ годъ.

10 Октября. Балы и праздники идутъ своимъ чередомъ. Вчера былъ балъ у Стюарта, англійскаго посланника. Довольно было весело и много англійскихъ странностей. Нынче у князя Метерниха большой маскарадъ. Всѣ будутъ въ костюмахъ....

16 Октября. Здѣсь шумъ и гамъ. Балы, спектакли всякій день. Вчера былъ великолѣпнѣйшій карусель — шесть кадрелей въ роскошныхъ костюмахъ. При каждомъ кавалерѣ дама была въ соотвѣтственномъ средневѣковомъ костюмѣ, ихъ было счетомъ 24 и конечно на нихъ было бриллiантовъ миллiоновъ на десять.

25 Октября. Продолжаю житье свое по прежнему; всякій день въ шуму, въ скукѣ и усталости. Теперь надѣюсь нѣсколько дней отдохнуть; ибо Государь поѣхалъ въ Венгрію и праздники нѣсколько перемежатся. Великая Княгиня здѣсь осталась. Скоро говорятъ всѣ разъѣдутся.

20 Ноября. Не можешь себѣ представить моего счастія, я получилъ дозволеніе ѣхать и черезъ три дни я отправляюсь въ Тверь и къ 15 Декабря надѣюсь быть въ Петербургѣ. Я тебѣ никакъ довольно радости своей изъяснить не въ состояніи—всѣ офицеры мои переведены въ гвардію!

Бояны, 27 *Ноября.* Я выѣхалъ изъ Вѣны 23 Ноября, послѣ обѣда. Ѣду день и ночь—четвертый день, но не усталъ, дороги ужасно скверны и отъ того я рѣшился ѣхать на Лембергъ, ночью надѣюсь быть въ Лембергѣ, а коли въ Россіи санный путь, то можетъ, дней черезъ одиннадцать пріѣду въ Москву, гдѣ только остановлюсь нѣсколько часовъ, а потомъ въ Тверь, гдѣ примусь за роспускъ баталіона, такимъ образомъ, что не выѣду отъ толь пока все не кончу. Великой княгинѣ угодно, чтобы къ новому году люди были распущены.

Тверь, 11 Декабря. Я пріѣхалъ сюда сегодня въ 3 часа по полудни. Слава Богу здоровъ, но очень усталъ, ибо ѣхалъ всю ночь и на телѣгѣ. Выѣхалъ изъ Москвы вчера послѣ обѣда въ саняхъ, но съ Черной Грязи долженъ былъ оные оставить, такъ какъ вовсе снѣгу нѣтъ. Я пріѣхалъ позже чѣмъ предполагалъ. Причина тому ужасная дорога. Я былъ въ пути отъ Вѣны до Твери 22 дни; только въ Кіевѣ пробылъ

полторы сутокъ для починки коляски, да въ Москвѣ день, а то ѣхалъ безъ отдыха день и ночь....

21 Декабря. Гоню свои дѣла и въ хвостъ и въ голову. Нынче поутру отпускаю людей на всѣ четыре стороны. Надѣюсь завтра послѣ обѣда выѣхать.

Распуская баталіонъ князь А. П. отдалъ слѣдующій приказъ:

«Баталіонъ сей по Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, имѣетъ быть расформированъ и почему завтрашняго числа совершенно распустится. Первые набранные люди съ удѣла Ея Императорскаго Высочества, возвращаются въ свои селенія въ силу рескрипта Ея Императорскаго Высочества министру удѣловъ, Государемъ Императоромъ утвержденнаго, со всѣми преимуществами въ томъ рескриптѣ имъ назначенными. Всѣ вольноопредѣляющіеся получаютъ свободу вступить въ первобытное состояніе или куда пожелаютъ. Принадлежащіе къ военному вѣдомству вступаютъ въ распоряженіе онаго, вторые и сіи послѣдніе получаютъ отъ Ея Высочества должное награжденіе; господа штабъ и оберъ-офицеры Высочайшимъ приказомъ получаютъ дальнѣйшее свое назначеніе. Ея Императорское Высочество предстательствуетъ у Государя Императора, дабы оное было для нихъ выгоднѣйшимъ.

Съ живѣйшею признательностію должны мы чувствовать всѣ излiянныя на всѣхъ и на каждаго толикія милости Ея Императорскаго Высочества, и всѣ благотворительныя попеченія, кои Ея Высочество оказывала имѣвшимъ счастіе служить въ баталіонѣ Ея Императорскаго Высочества.

Самимъ господамъ штабъ и оберъ-офицерамъ извѣстно, сколько я ими былъ доволенъ, во все время какъ командовалъ баталіономъ. Ихъ добрые и благородные поступки, не только по военной службѣ, но и во всѣхъ отношеніяхъ, дѣлали мнѣ честь и заставляли гордиться быть ихъ начальникомъ. Завтрашній день, баталіонъ будетъ распущенъ и наши сношенія по службѣ окончены. Не могу еще не повторить имъ всю мою признательность за всѣ пріятности, которыя я отъ нихъ имѣлъ въ продолженіе нашей общей службы. Господа офицеры конечно будутъ удостовѣрены, что лестнѣйшее для меня вознагражденіе будетъ сохра-

ненiе той дружбы, которою, я, столь увѣрительно, надѣюсь пользоваться.

Съ своей стороны также благодарю всѣхъ нижнихъ чиновъ, за доброе и честное поведенiе и за отличные храбрые поступки противъ непрiятеля.

Въ свою очередь всѣ штабъ и оберъ офицеры баталiона представили князю слѣдующiй адресъ:

Ваше Сiятельство,

Милостивый Государь

Князь Александръ Петровичъ,

Служа въ баталiонѣ Ея Императорскаго Высочества Государыни Великой Княгини Екатерины Павловны, состоящимъ подъ командою Вашего Сiятельства—мы долгомъ считаемъ признать въ Васъ, яко начальникѣ нашемъ, примѣръ храбрости, и принесть совершенную нашу благодарность за попеченiе Ваше; примите Ваше Сiятельство малый знакъ сей истинной нашей благодарности и приверженности къ Вамъ.

Ея Императорскому Высочеству Высокой нашей благодѣтельницѣ угодно было, повелѣнiемъ своимъ, признать, что мы, служа въ баталiонѣ, честь Ея имени дѣлали, то позвольте и намъ признать симъ, что мы за честь себѣ вмѣняли служить подъ командою

Вашего Сiятельства,

Милостиваго Государя

всепокорнѣйшiя слуги (слѣдуютъ подписи)

Иванъ Глегъ, Николай Суминъ, Василiй Польманъ, Александръ Брандорфъ, Михайло Чаплинъ, Алексѣй Кусовниковъ, Федоръ Юдинъ, Александръ Прудниковъ, поручикъ Кафтыревъ, Василiй Борисовъ, Александръ Глазатовъ, Кузьма Морковниковъ, Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ, Арсенiй Тулубьевъ, Федоръ Родичевъ, Макаръ Черемовъ, Николай Шубинскiй, подполковникъ Ковалевскiй.

Въ заключеніе посланъ былъ княземъ отъ баталіона слѣдующій адресъ Великой Княгинѣ.

Ваше Императорское Высочество,

Всѣ господа штабъ и оберъ-офицеры, равно и всѣ нижніе чины, служившіе въ баталіонѣ Вашего Императорскаго Высочества, бывъ преисполнены чувствами живѣйшей благодарности, поручили мнѣ, повергнувъ ихъ къ стопамъ Вашимъ, изъяснить Вашему Императорскому Высочеству, сколько они считали себя счастливыми, удостоясь служить въ баталіонѣ, который носилъ Имя Ваше и сколько глубоко въ нихъ навсегда останутся запечатлѣнными всѣ благодѣянія, кои каждый ощутилъ отъ милостей Вашихъ.

Повергая и себя также, къ стопамъ Вашего Императорскаго Высочества всенижайше прошу, принять повтореніе живѣйшей благодарности моей, за милостивое и лестное мнѣ довѣріе; ежели я столько счастливъ, что возмогъ его оправдать, то тѣмъ совершились всѣ желанія мои и совершенное мое благополучіе. Съ глубочайшимъ почтеніемъ и беспредѣльною преданностію есмь,

Вашего Императорскаго Высочества,

Милостивѣйшей Государыни

всенижайшій и усерднѣйшій слуга

Князь Александръ Оболенскій.

Тверь.

22 Декабря 1814 года.

Такимъ образомъ окончилъ свои подвиги баталіонъ, образованіемъ котораго, по мысли Великой Княгини Екатерины Павловны, положено начало народному ополченію.

Въ представленной Великой Княгинѣ командиромъ баталіона справкѣ о томъ, въ какихъ сраженіяхъ наиболѣе отличалъ себя баталіонъ, показано:

При *Люценъ* овладѣлъ на штыкахъ деревней *Клейнъ-Гертенъ*, и тѣмъ доставилъ возможность батареѣ полковника Линитейна дѣйствовать по наступающимъ непріятельскимъ колоннамъ.

При *Гезюбенѣ*, въ одно время съ 3-мъ баталіономъ гвардіи Преображенскаго полка, ударилъ на штыки, и разбилъ непріятельскія колонны, преградивъ дорогу къ *Петервальду* отступающей гвардіи 16 Августа.

При *Кульмѣ*, въ главномъ сраженіи 17 числа, сначала прикрывалъ отступленіе, потомъ дрался въ линіи съ лейбъ-гвардіи полками.

При *Лейпцигѣ*, 4-го Октября, въ 1-й линіи атаковалъ и овладѣлъ непріятельской позиціей у деревни *Либерволько̀вицъ*. Того же числа, когда генералъ Кленау отступилъ на правомъ флангѣ, и всѣ непріятельскія силы обратились на 5-ю дивизію, то вмѣстѣ съ бригадой той дивизіи, въ моей командѣ состоящей, отражалъ многократныя нападенія столь превосходнаго числомъ непріятеля и удержалъ позицію, 6-го числа Октября при сбитіи непріятеля съ позиціи въ 1-й линіи, и наконецъ при деревнѣ *Пропетенде* въ сильнѣйшемъ сраженіи находился.

Кромѣ сего, въ сраженіи при *Баутценѣ* на лѣвомъ флангѣ въ сильнѣйшемъ огнѣ и во всѣхъ авангардныхъ и аріергардныхъ дѣлахъ близь Пирны и Дрездена, подъ командою генералъ-лейтенанта графа Палена находился.

20 Марта 1815 года князь Александръ Петровичъ получилъ повелѣніе явиться въ главную квартиру, которая, въ это время, все еще находилась въ Вѣнѣ. Тутъ же пребывала и Великая Княгиня Екатерина Павловна. Намѣреніе ея вступить во вторичный бракъ за Принца Виртембергскаго было уже тогда извѣстно приближеннымъ двору лицамъ. По просьбѣ Великой Княгини, князь Александръ Петровичъ былъ командированъ состоять при ней до ея возвращенія въ Россію.

«Вотъ я опять, противу желанія своего, нахожусь въ придворной свитѣ» пишетъ князь А. П. *изъ Вѣны, отъ 14 Мая*. «Нынѣ, къ несчастію, такія времена, что ни на что считать не должно; ибо такъ, какъ кажется по всѣмъ обстоятельствамъ, эта кампанія продолжиться не можетъ, то мнѣ бы несравненно было бы пріятнѣе и выгоднѣе служить при Государѣ, чѣмъ при Великой Княгинѣ, когда она тоже воротиться можетъ только тогда, когда все кончится. Но такъ какъ вамъ извѣстно, что единственная моя цѣль есть—искать всѣ способы,

чтобы воротиться скорѣе къ своему семейству, то въ теперешнемъ положеніи кажется болѣе надѣяться могу въ ономъ успѣть. Великая Княгиня, говорятъ, очень влюблена, и потому не отложитъ своей свадьбы на долгое время, а для оной должно воротиться въ Россію. Да и родъ теперешней службы не заведетъ меня на продолженіе оной, какъ бы могла—военная карьера. Кромѣ того, имѣю ея обѣщаніе, ежели сверхъ всѣхъ предположеній она здѣсь долѣе останется, быть отпущену въ Октябрѣ—это было нѣкоторымъ образомъ мое съ ней условіе...

Нынче Государь изволитъ отъѣзжать въ Мюнхенъ, а оттуда въ Эльбрунъ. Мы ѣдемъ дней на десять въ Венгрію, а оттуда въ Веймаръ...

Вѣна, 16 Мая. Мы завтра очень рано ѣдемъ въ Венгрію; туда проѣдимъ три дня. Въ Пестѣ пробудемъ три дня, и опять той же дорогой, только не заѣдемъ сюда, а внѣ города перемѣнимъ лошадей и пустимся къ Веймару. Великая Княгиня Марья Павловна къ себѣ поѣхала прямо. По всѣмъ извѣстіямъ изъ Франціи видно, что весь народъ противъ Наполеона, кромѣ войска, и до такой степени, что даже, въ выдаваемомъ въ Парижѣ, журналѣ «Le Censeur» on discute très librement sur l'illégitimité du gouvernement actuel de Bonaparte et que jamais il n'a été appelé par la nation; que quelques troupes portées sur son chemin de Fréjus à Paris et quelques canailles qui se sont trouvées sur son passage en criant «Vive l'Empereur» ne fesaient pas la nation... Et encore beaucoup de choses très fortes. Il avait donné ordre à Fouché, le ministre de Police, d'arrêter l'auteur et l'imprimeur, mais Fouché s'est refusé en disant que c'était contraire à la constitution et que d'ailleurs cela ne produirait qu'un mauvais résultat. Ce qui est clair c'est qu'il est tout à fait entre les mains des Jacobins et il paraît que malgré qu'il a la force armée pour lui, il n'ose pas les écraser. On ne peut rien prévoir de cet état de choses, mais les agitations des différents partis qui remuent la France donnent encore quelque espoir qu'il peut être encore culbuté, sans la participation des puissances alliées. Dieu le veuille! Tout le monde étant parti avec l'Empereur, me voilà tout à fait tranquille.

17 Мая, мѣстечко Шонъ въ Венгріи. «Nous voilà en Hongrie. La

journée était assez agréable. J'ai vu un très beau pays. Nous avons dîné dans une petite ville sur la frontière de la Hongrie qui s'appelle Broock, dans un château qui appartient à un seigneur autrichien le comte d'Aras. Je n'ai rien vu de plus beau que le jardin anglais—c'est superbe. Quelle végétation et quel goût! Le jardinier d'ici est un des premiers botanistes de l'Europe. Le Palatin nous accompagne et nous fait les honneurs de chez lui...

18 Мая. Мы сейчасъ пріѣхали въ Комарнъ, маленькій городъ и крѣпость, которая тѣмъ славится, что французы ее не взяли въ 1809 году (потому что не хотѣли взять), и тутъ была Императорская фамилія, когда Вѣна была занята непріятелемъ. Comme *nous* voyageons avec fruit et que rien n'échappe à *notre* attention, *nous* avons été voir un couvent à une lieue du chemin, par une route excessivement pénible. Il n'y a rien de remarquable que la position du couvent sur une hauteur dominant le pays. Aussi avons *nous* tenu à jeter un coup d'oeil du haut en bas et avaler un détestable dîner monastique, après quoi *nous* avons été voir un superbe haras.

Будъ, 20 Мая. Мы прибыли сюда въ столицу Венгріи, третьяго дня къ ужину. Мѣстоположеніе чрезвычайно красивое на берегу Дуная. На другой сторонѣ моста городъ *Пестъ*. Вчера цѣлый день въ представленіяхъ, то есть до обѣда. Костюмы и физіогноміи совсѣмъ отличные. Въ обхожденіи замѣтенъ духъ народа свободнаго. Женщинъ хорошихъ очень мало. Ты знаешь, что я на этотъ предметъ довольно внимателенъ. Я часто собою забавляюсь видя себя тутъ,— право, со стороны, можно подумать, что, коли мнѣ не чрезмѣрно весело, то по крайней мѣрѣ—не скучно, во всемъ пространствѣ! на все готовъ, и всѣмъ отмѣнно доволенъ, и со мной обходятся отмѣнно благосклонно. Нынѣшнее утро *мы* таскались по учености-латыни, и проч.! Видѣли пустой университетъ; а какъ забрались въ библіотеку—то тамъ позанялись часа три! (а и взглянуть-то право не на что); я сѣлъ въ углу и сталъ размышлять sur la vanité de ce monde. Car, d'après ma manière de voir, cette passion *nous* domine tout à fait. A propos de vanité: je vais te conter une réponse tout à fait anglaise de Wellington à l'Impératrice d'Autriche. Elle lui disait, qu'elle ne savait comment té-

moigner sa reconaissance aux dames de Vienne qui la secondaient toutes dans tout ce qu'Elle fesait pour rendre le séjour de Vienne agréable, et surtout qu'elles se donnaient tant de peine pour étudier les rôles et faire les costumes pour les pièces qu'on représentait.—Welington répondit avec l'air le plus sérieux: *Il n'y a pas de quoi les remercier, Madame, tout ce qu'elles font, ce n'est que par vanité!* Военныя дѣйствія еще не начались, и многіе надѣются, что можетъ быть и совсѣмъ войны не будетъ, ибо, по всѣмъ слухамъ, очень много безпокойствъ внутри Франціи. Участь Королевства Неаполитанскаго рѣшена. Мюратъ подписалъ свою абдикацію и сдалъ Неаполь и все Королевство въ пользу прежняго Короля. Здѣсь слышно, будто онъ долженъ пріѣхать самъ въ Вѣну, однакоже это невѣрно.

Бюдъ, 22 Мая. Вчера и нынче ѣздили смотрѣть здѣшнія окрестности. Обѣдали нынче на островѣ, на Дунаѣ, у Палатина; здѣсь прекрасный садъ. Завтра въ 6 часовъ ѣдемъ отсюда въ Линцъ, оттуда заѣдемъ, дня на два, въ Штутгартъ, а оттуда въ Веймаръ. Право, на той ногѣ, на которой я теперь здѣсь—человѣку неимѣющему собственныхъ дѣлъ, а наипаче семейства, къ которому стремятся всѣ чувства, помыслы и желанія—тому на моемъ мѣстѣ было бы весело. On a tout plein d'attention pour moi et je n'ai que la peine d'être de toutes les parties. Но не въ коня кормъ!

Линцъ, 29 Мая. Мы сегодня вечеромъ сюда пріѣхали и пробудемъ два дня. Ѣздили въ городъ Гемюнде смотрѣть соленую руду и приготовленіе соли. Эта поѣздка была очень интересна, она взяла у насъ два дня; проѣзжали великолѣпныя мѣста...

30 Мая (утро). Въ 9 часовъ долженъ я быть у Великой Княгини. Она сидитъ съ Императрицей Австрійской, съ которой мы здѣсь съѣхались смотрѣть проходящихъ венгерскихъ узаровъ. Послѣ завтра мы ѣдемъ, на два дня, въ Штутгартъ, а оттуда въ Веймаръ; изъ Веймара мы поѣдемъ въ Голштинію, въ Ютинъ, къ Ольденбургскому Дюку, а оттуда въ Берлинъ, чтобы уже ѣхать, какъ говорятъ, въ Россію.

5 Іюня, Штутгартъ. Наконецъ мы доѣхали сюда. Четыре дня ѣхали безпрестанно, безъ всякой нужды очень торопиться. Выѣзжали въ 7 часовъ утра, а пріѣзжали на ночлегъ въ полночь... Мы здѣсь

пробудемъ только два дня. Ни женихъ, ни Государь не будутъ сюда, а мы отправимся въ Гейдельбергъ на три дня. Я думаю что тамъ будетъ свиданье, а оттуда поѣдемъ въ Веймаръ. Новаго ничего нѣтъ.

Войска все двигаются, но дѣйствія еще не начинались. Во Франціи, въ Вандеѣ, безпокойства умножаются. Впрочемъ, никакъ еще ничего предвидѣть нельзя...

4 Іюня, Лудвигсбургъ (Штутгартъ). Нынѣшній день кажется будетъ довольно покоенъ. Кромѣ обѣда и спектакля—ничего не слыхалъ. Образъ жизни здѣшняго хозяина похожъ очень на то, какъ живалъ покойный Павелъ въ Павловскомъ. Обѣдаютъ въ 1 часъ, ужинаютъ въ 9, и вездѣ такое смиреніе, молчаніе, субординація, и парадъ...

6 Іюня, Гейдельбергъ. Мы пріѣхали вчера сюда къ обѣду, нашли здѣсь Принца Веймарскаго, и Государь скоро тоже пріѣхалъ; мы здѣсь пробудемъ дня два.

10 Іюня, Лангацень, близь Гейдельберга... Велингтонова побѣда очень меня разхмурила. Теперь, уповательно, можно считать на быстрый успѣхъ нашего оружія; ибо вся главная армія совершенно разбита, а наши войска только еще собираются на его границѣ, и при вступленіи, ему нечѣмъ будетъ сильно противиться, и кажется на этихъ дняхъ все двинется къ нему въ гости со всѣхъ сторонъ. Авось, Богъ милостивъ, и безъ русской крови все дѣло будетъ окончено. Да кромѣ того, можно себѣ представить, сколько сія сильная неудача ободритъ всѣ враждующія противъ него партіи. И будетъ ли національное войско драться? Неужели эти бестіи сами теперь его не задавятъ? Этого должно кажется ожидать, потому что это одно можетъ ихъ спасти отъ окончательной гибели. Сраженіе, говорятъ, было ужасное. Велингтонъ, нѣсколько разъ, думалъ потерять сраженіе: все стремленіе Наполеона было направлено на него, чѣмъ воспользовался Блюхеръ и зашелъ ему, съ своею арміею, во флангъ и въ тылъ, и совокупно съ Велингтономъ—смяли. Большая часть старой Наполеоновской гвардіи, истреблена. Потеря со стороны англичанъ очень велика. Убито нѣсколько Генераловъ. Одинъ изъ нихъ очень хорошій—*Пиктонъ.* Подробностей всѣхъ еще не получили. Наполеонъ самъ, по обыкновенію, отъ разбитой арміи—бѣжалъ, ее же быстро преслѣдуютъ.

Дней черезъ пять или черезъ недѣлю увидимъ какой дѣла возьмутъ оборотъ и какія будутъ послѣдствія сего побоища. Дай Боже, чтобы могло симъ кончится! Я теперь не раскаиваюсь, что согласился остаться при Великой Княгинѣ, хотя по истинѣ и не могъ другаго ничего сдѣлать. Она ясно видѣла, что я согласился противъ своего желанія. Ежели бы я захотѣлъ упорствовать, то я думаю, что противу бы моей воли, насильно бы, меня не оставили. Но ты знаешь мое правило: въ службѣ не искать себѣ назначенія, а слѣдовать опредѣленію; какъ бы я ни старался быть употреблену на военное дѣло, но это не можетъ отъ меня зависѣть, а самое непріятное положеніе военнаго человѣка то, чтобы избѣгать случая быть употреблену, и оно слишкомъ противно моему образу мыслей. И при Государѣ даже нельзя быть увѣрену остаться, и теперь онъ большую часть своихъ адъютантовъ разослалъ по разнымъ главнымъ квартирамъ, другихъ опредѣлилъ въ должности. Знавши меня, ты можешь себѣ представить, какъ трудно мнѣ было рѣшиться, но разсудокъ превозмогъ мое отвращеніе. Ce qui concerne l'opinion,—je ne suis plus un enfant. Ayant eu le bonheur jusqu'à présent de m'être conduit de manière à n'avoir mérité aucun reproche aux yeux du monde, j'espère que dans ceux qui me connaissent l'opinion qu'on a de moi est faite, ainsi cela ne m'inquiète pas et personnellement ayant remporté une espèce de victoire sur moi-même, je suis fort tranquille sur toutes les vanités, qui, autrefois, me chatouillaient davantage. Tout cet appareil militaire qui est, dans ce moment, sous mes yeux—m'aurait rendu fou dans le temps—et actuellement cela ne me remue nullement. La preuve—c'est que je n'ai pas regretté un seul instant d'avoir pris la résolution de rester. On est parfaitement bien avec moi; mais pas plus qu'à l'ordinaire. Beaucoup d'attentions et de prévenance, *mais je ne suis pas indispensable*, *ce dont je suis bien aise et espère ne pas le devenir*. *Nous* sommes dans l'affliction. L'objet de *notre* amour est parti. Le corps qu'il commande doit aussi entrer en France. Je crois aussi que nous ne quitterons cet endroit que quand le quartier-général quittera Heidelberg. Nous avons dîné aujourd'hui le 11 chez l'Empereur. Il n'y a rien de nouveau que quelques détails encore sur la bataille de

Wellington qui Vous seront portés par Balachoff, qui doit partir demain pour Pétersbourg.

13 Іюня, Гейдельбергъ... Спѣшу сообщить вамъ извѣстіе, которое сейчасъ привезъ фельдъегерь отъ Государя. Napoléon abdique de nouveau. Le chef de l'armée française sur le Rhin, le comte Rapp, a envoyé un parlementaire avec une lettre où il dit, qu'ayant reçu de Paris des nouvelles télégraphiques que le gouvernement avait changé par l'abdication de Napoléon en faveur de son fils, il priait de faire cesser les hostilités jusqu'à l'arrivée des plénipotentiaires du gouvernement provisoire. Nos armées marchent en avant. Bluсher est déjà au delà de Mourbourgue. C'est le résultat de la bataille gagnée par Wellington. Naturellement il ne peut pas y avoir de quartier pour Napoléon et on ne pourra traiter qu'à cette condition. L'état moral et militaire dans lequel se trouve la France, nous donne l'espérance assez fondée, que la campagne sera bientôt terminée et sans grande effusion de sang. À la bataille de Vaterlóo le bataillon des gardes qui a été à l'Elbe a été entièrement détruit. Les diamants qui appartenaient à Napoléon ont été pris par les Prussiens; on les dit fort beaux. Blucher les a envoyés au Roi en le priant, de la part de toute l'armée, d'en doter la Princesse Charlotte. Carnot, Fouché et Caulamcourt sont dans le gouvernement provisoire. Cela a l'air d'une farce! Теперь уже извѣстно изъ Берлина, что Бонапартъ арестованъ въ Парижѣ. Что ключи Парижа выслали къ Блюхеру, обѣщая притомъ выдать ему Бонапарта. Онъ отвѣчалъ, что ключи пошлетъ своему Королю, а самъ къ нимъ спѣшитъ для взятія этого молодца. Именемъ Людовика XVIII учреждено временное правительство, подъ предсѣдательствомъ Удино и Макдональда; форпосты прусскіе были 26 (нов. стиля) въ Компьенѣ.

16 Іюня, Эльбрунъ. Мы сюда пріѣхали къ обѣду, нашли Короля Виртембергскаго et la Princesse Louis de Wurttemberg, que Vous avez vue à Franzbroun et qui Vous fait ses compliments, ainsi que ses filles. Tout le monde est joyeux des bonnes nouvelles. Tous les corps d'armée avancent en France, sans résistance. Les habitans se tiennent très tranquilles. Blucher est déjà près de Laon. Tous les chefs de corps demandent une suspension d'armes s'appuyant toujours sur l'abdication de

Napoléon. Vandamme a été tué à la bataille de Vaterlôo. Son corps a été trouvé sur le champ de bataille; il a eu les deux jambes emportées. Blucher ne trouve aucun obstacle à sa marche. Les débris de l'armée en grande partie jettent les armes et mettent la cocarde blanche. Si c'est réellement comme cela, il n'y aura donc qu'une occupation du pays. On ne sait encore rien de positif sur Napoléon. On dit qu'à l'affaire Vaterlôo, tant que la bataille n'était pas décidée, il a mené lui-même les troupes au feu; mais une fois qu'elles étaient obligées de plier, il a pris la fuite. Мы отсюда ѣдемъ завтра черезъ Нюренбергъ въ Веймаръ, гдѣ, не больше, пробудемъ какъ дней пять, а оттуда не въ *Ютинъ*, какъ располагали, но къ водамъ въ Теплицъ; неизвѣстно, сколько тамъ пробудемъ: оное будетъ зависѣть отъ военныхъ и политическихъ обстоятельствъ, съ коими наша участь столь тѣсно связана. Quand les choses seront décidées pour la paix, nous prendrons incessamment le chemin de Russie, car *nous* sommes impatiens d'être à la fin du roman!

19 Іюня, Бернекъ близь Барейта въ Баваріи. Мы нѣсколько дней опять въ дорогѣ; сейчасъ пріѣхали сюда на ночлегъ и встрѣтили курьера, который ѣдетъ къ Государю изъ арміи. Эти дни ничего нѣтъ особеннаго, кромѣ того, что сдалась крѣпость Ландау и арміи все подвигаются. Хотя при теперешнихъ обстоятельствахъ сдача крѣпости Ландау не сдѣлаетъ эпохи, но однако это важно тѣмъ, что крѣпость сія еще никогда никѣмъ взята не была, и теперь сдалась безъ всякаго понужденія.

22 Іюня, Веймаръ... Нынче къ обѣду пріѣхали сюда очень усталые отъ скверной дороги, которою ѣхали всю ночь. Здѣсь пробудемъ только три дня и поѣдемъ, куда—навѣрно еще не знаемъ; кажется, по совѣту Баха, въ *Висбаденъ*, а можетъ быть и въ Теплицъ. Впрочемъ часто про себя пѣсенку пою:

«Мнѣ моркотно молоденькѣ,
Нигдѣ мѣста не найду!»

23 Іюня, Веймаръ... Великая Княгиня рѣшилась, по совѣту Баха, ѣхать къ водамъ въ Висбаденъ; сейчасъ отправляетъ курьера, чтобы о семъ ея намѣреніи извѣстить Государя. Мы пробудемъ здѣсь

до возвращенія курьера; онъ не прежде пяти или шести дней воротится. Никакихъ новыхъ извѣстій изъ арміи нѣтъ, а партикулярныхъ слуховъ много. Говорятъ, будто Наполеонъ себя застрѣлилъ; другіе сказываютъ, что будто въ сенатѣ, какъ Кесарь, заколонъ. Лудовикъ XVIII слѣдуетъ за Велингтономъ. Смѣшно, ежели онъ опять будетъ царствовать; а очень похоже на это!

26 Юня, Веймаръ... Теперь опять пріятнѣйшія извѣстія меня очень ободрили. Сейчасъ за столомъ получили мы печатное извѣстіе изъ Эрфурта, что уже Велингтонъ съ Блюхеромъ вошли въ Парижъ 5 числа Іюля, по здѣшнему стилю, что съ ними и Людовикъ XVIII; а Наполеонъ не знаютъ куда дѣвался. Это извѣстіе оставилъ Эрфуртскому коменданту ѣдущій прусскій курьеръ въ Берлинъ. Эрфуртъ принадлежитъ пруссакамъ, и курьеры изъ арміи ѣдутъ всѣ мимо. Это извѣстіе имѣетъ всѣ вѣроятія, потому что мы имѣли оффиціальное извѣстіе, что 29-го союзныя войска были уже въ Версалѣ и въ С.-Жерменѣ, что Бонапартъ просилъ у Велингтона фрегата, чтобы отплыть въ Америку, въ чемъ ему отказано; наконецъ, что онъ просилъ, временное правительство, опять поручить ему остатки разбитой арміи, которыми увѣрялъ, что разобьетъ и Блюхера и Велингтона, но и тутъ былъ не въ кредитѣ, и что временное правительство предложило союзникамъ принять отъ нихъ въ регенты кого они назначутъ, до образованія новаго правительства, лишь бы то не былъ Бери и Ангулемъ. На это имъ отвѣчали тогда, что дожидаются англійскаго министра, безъ коего трактовать не могутъ. Вотъ извѣстія для насъ, милостію Всевышняго, очень радостныя. Поблагодаримъ Его отъ всего сердца за себя и за всѣхъ нашихъ, что крови русской не стоили, сіи столь важныя событія. Черезъ короткое время узнаемъ какой возьмутъ дѣла оборотъ и какъ можно надѣяться быть въ Россію. Великая Княгиня пріѣдетъ прежде Государя, это вѣрно—но за нѣсколько только дней.

29 Іюня (утро). Сейчасъ пріѣхалъ курьеръ отъ Государя изъ Нанси. Подтвержденія о занятіи Парижа нѣтъ, слѣдственно извѣстіе полученное изъ Эрфурта—пустое; мы ему легко повѣрили, потому что оно ожидается всякій часъ, и по всѣмъ военнымъ и политическимъ соображеніямъ должно случиться безъ замедленія. Государь долженъ былъ вы-

Napoléon. Vandamme a été tué à la bataille de Vaterlôo. Son corps a été trouvé sur le champ de bataille; il a eu les deux jambes emportées. Blucher ne trouve aucun obstacle à sa marche. Les débris de l'armée en grande partie jettent les armes et mettent la cocarde blanche. Si c'est réellement comme cela, il n'y aura donc qu'une occupation du pays. On ne sait encore rien de positif sur Napoléon. On dit qu'à l'affaire Vaterlôo, tant que la bataille n'était pas décidée, il a mené lui-même les troupes au feu; mais une fois qu'elles étaient obligées de plier, il a pris la fuite. Мы отсюда ѣдемъ завтра черезъ Нюренбергъ въ Веймаръ, гдѣ, не больше, пробудемъ какъ дней пять, а оттуда не въ *Ютинъ*, какъ располагали, но къ водамъ въ Теплицъ; неизвѣстно, сколько тамъ пробудемъ: оное будетъ зависѣть отъ военныхъ и политическихъ обстоятельствъ, съ коими наша участь столь тѣсно связана. Quand les choses seront décidées pour la paix, nous prendrons incessamment le chemin de Russie, car *nous* sommes impatiens d'être à la fin du roman!

19 Іюня, Бернекъ близь Барейта въ Баваріи. Мы нѣсколько дней опять въ дорогѣ; сейчасъ пріѣхали сюда на ночлегъ и встрѣтили курьера, который ѣдетъ къ Государю изъ арміи. Эти дни ничего нѣтъ особеннаго, кромѣ того, что сдалась крѣпость Ландау и арміи все подвигаются. Хотя при теперешнихъ обстоятельствахъ сдача крѣпости Ландау не сдѣлаетъ эпохи, но однако это важно тѣмъ, что крѣпость сія еще никогда никѣмъ взята не была, и теперь сдалась безъ всякаго понужденія.

22 Іюня, Веймаръ...Нынче къ обѣду пріѣхали сюда очень усталые отъ скверной дороги, которою ѣхали всю ночь. Здѣсь пробудемъ только три дня и поѣдемъ, куда—навѣрно еще не знаемъ; кажется, по совѣту Баха, въ *Висбаденъ*, а можетъ быть и въ Теплицъ. Впрочемъ часто про себя пѣсенку пою:

«Мнѣ моркотно молоденькѣ,
Нигдѣ мѣста не найду!

23 Іюня, Веймаръ... Великая Княгиня рѣшилась, по совѣту Баха, ѣхать къ водамъ въ Висбаденъ; сейчасъ отправляетъ курьера, чтобы о семъ ся намѣреніи извѣстить Государя. Мы пробудемъ здѣсь

до возвращенія курьера; онъ не прежде пяти или шести дней воротится. Никакихъ новыхъ извѣстій изъ арміи нѣтъ, а партикулярныхъ слуховъ много. Говорятъ, будто Наполеонъ себя застрѣлилъ; другіе сказываютъ, что будто въ сенатѣ, какъ Кесарь, заколонъ. Лудовикъ XVIII слѣдуетъ за Велингтономъ. Смѣшно, ежели онъ опять будетъ царствовать; а очень похоже на это!

26 Іюня, Веймаръ... Теперь опять пріятнѣйшія извѣстія меня очень ободрили. Сейчасъ за столомъ получили мы печатное извѣстіе изъ Эрфурта, что уже Велингтонъ съ Блюхеромъ вошли въ Парижъ 5 числа Іюля, по здѣшнему стилю, что съ ними и Людовикъ XVIII; а Наполеонъ не знаютъ куда дѣвался. Это извѣстіе оставилъ Эрфуртскому коменданту ѣдущій прусскій курьеръ въ Берлинъ. Эрфуртъ принадлежитъ пруссакамъ, и курьеры изъ арміи ѣдутъ всѣ мимо. Это извѣстіе имѣетъ всѣ вѣроятія, потому что мы имѣли офиціальное извѣстіе, что 29-го саперныя войска были уже въ Версалѣ и въ С.-Жерменѣ, что Бонапартъ просилъ у Велингтона фрегата, чтобы отплыть въ Америку, въ чемъ ему отказано; наконецъ, что онъ просилъ, временное правительство, опять поручить ему остатки разбитой арміи, которыми увѣрялъ, что разобьетъ и Блюхера и Велингтона, но и тутъ былъ не въ кредитѣ, и что временное правительство предложило союзникамъ принять отъ нихъ въ регенты кого они назначутъ, до образованія новаго правительства, лишь бы то не былъ Бери и Ангулемъ. На это имъ отвѣчали тогда, что дожидаются англійскаго министра, безъ коего трактовать не могутъ. Вотъ извѣстія для насъ, милостію Всевышняго, очень радостныя. Поблагодаримъ Его отъ всего сердца за себя и за всѣхъ нашихъ, что крови русской не стоили, сіи столь важныя событія. Черезъ короткое время узнаемъ какой возьмутъ дѣла оборотъ и какъ можно надѣяться быть въ Россію. Великая Княгиня пріѣдетъ прежде Государя, это вѣрно—но за нѣсколько только дней.

29 Іюня (утро). Сейчасъ пріѣхалъ курьеръ отъ Государя изъ Нанси. Подтвержденія о занятіи Парижа нѣтъ, слѣдственно извѣстіе полученное изъ Эрфурта—пустое; мы ему легко повѣрили, потому что оно ожидается всякій часъ, и по всѣмъ военнымъ и политическимъ соображеніямъ должно случиться безъ замедленія. Государь долженъ былъ вы-

ступить 25-го изъ Ианси съ войскомъ. Новаго только то, что Чернышевъ занялъ Лаонъ, гдѣ взялъ 6 пушекъ и все что тамъ находилось. Я думаю, дни черезъ три, поѣдимъ въ Висбаденъ. Завтра ѣду въ Готу на праздникъ къ Готской принцессѣ, ея имянины, куда приглашенъ былъ тому нѣсколько дней. Коли поѣду, то завтра же вернусь.

2 Юля, Веймаръ...По послѣднимъ извѣстіямъ, отъ пріѣзжаго курьера уже изъ Парижа, Государя онъ встрѣтилъ въ десяти миляхъ отъ Парижа; 27 числа Іюня онъ долженъ былъ туда пріѣхать; 28 Французскій король былъ въ Версалѣ. Наполеонъ въ Плимутѣ: сіе послѣднее извѣстіе еще неофиціальное. Но теперь уже, конечно, всѣ перемѣны сдѣлались во Франціи и чрезъ нѣсколько дней, конечно, все здѣсь узнаемъ. Государю незачѣмъ пробыть болѣе двухъ или трехъ недѣль въ Парижѣ.

3 Юля. Курьеръ нашъ пріѣхалъ, и мы завтра ѣдемъ въ Висбаденъ, и только три дня будемъ въ дорогѣ. Курьеръ оставилъ Государя въ Ланьи 27-го, гдѣ онъ располагалъ, оставя войско, ѣхать прямо въ Парижъ. Дѣла остаются въ томъ же положеніи до съѣзда союзныхъ Государей во французскую столицу. Бонапартъ изъ Парижа скрылся. Еще не знаютъ гдѣ онъ. Французская армія, состоящая изъ 40,000, подъ командою Даву, перешла за Луару, и съ ней заключено перемиріе.

Франкфуртъ, 6 Юля...Мы сейчасъ сюда пріѣхали и, перемѣняя лошадей, нашли здѣсь князя Трубецкаго, ѣдущаго въ Петербургъ съ извѣстіемъ о занятіи Парижа. Сейчасъ отправляемся далѣе, въ Висбаденъ.

10 Юля, Висбаденъ. Bonne nouvelle. Napoléon s'est vu obligé de se rendre aux Anglais à Rochefort. Il est déjà, mort ou vif, sur une frégate anglaise, voilà ce que nous a fait savoir par une estafette le roi de Wurttemberg, qui a reçu cette nouvelle officiellement de Paris du 18 Juillet. Il faut espérer maintenant, que tous les partis seront d'accord et que cela accélerera l'établissement d'un gouvernement stable. Les Français ont montré une joie extraordinaire au retour du Roi. La garde nationale dansait autour de lui à son entrée, cela ne prouve que l'avilissement de la nation; mais la capture de Napoléon, l'épuisement total dans lequel se trouve la France après cette guerre, l'énergie que le gouvernement peut

employer contre les séditions et contre la canaille avec l'appui de formidables forces étrangères, la réforme de toutes les anciennes troupes et l'exportation de quelques chefs ou maréchaux, doivent assurément mettre le reste tout à fait à la raison et fera sortir peut-être de leurs têtes l'esprit de conquête et d'anarchie. La leçon, ma foi, a été bonne. Hier l'archiduc Charles qui commande le blocus de forteresse, résidant à Mayence, a été ici; il épouse une Princesse de Nassau de 18 ans, très jolie, à ce que l'on dit. Je n'envie pas le sort de la Princesse. Il nous a dit que les forteresses de Strasbourg, Metz etc. avaient été informées par le gouvernement que l'armée de la Loire s'est soumise au Roi et ont reçu l'ordre d'en faire autant. L'archiduc croit que demain les forteresses arboreront aussi le drapeau blanc puisque le général Rapp n'attendait que cet ordre.

11 Іюля. Нынче получили мы также повтореніе изъ Франкфурта касательно Напoлеона, только сказываютъ, что онъ не въ Рошфортѣ былъ взятъ, а уже на островѣ Ре. Но только то уже вѣрно, что онъ въ рукахъ нашихъ и что надо надѣяться, что ему пардону не будетъ.

4 Августа Висбаденъ. Мы завтра ѣдимъ путешествовать по Рейну, на яхтѣ отъ Маинса до Кобленца. Путешествіе наше продолжится три дня и думаю будетъ очень пріятное, потому что это лучшая часть Рейна. Новаго еще ничего нѣтъ на счетъ нашего отъѣзда. Генералъ-адъютантъ Мишо, который пишетъ Великой Княгинѣ и увѣдомляетъ о всемъ, что тамъ происходитъ, въ послѣднемъ письмѣ писалъ, что Государь изволитъ черезъ мѣсяцъ или недѣль черезъ 6 навѣрно оставить Парижъ.

7 Августа Висбаденъ. Мы вчера воротились изъ нашего вояжа по Рейну, отмѣнно провели время пріятно. Мѣстоположенія восхитительныя, погода была прекрасная. Съ послѣднимъ курьеромъ пишутъ Великой Княгинѣ, что по снятіи хлѣба, будутъ при Лаферщамшенуазѣ маневры, послѣ коихъ Цари, каждый къ себѣ разъѣдутся. Наполеонъ уже въ дорогѣ, очень отговаривался какъ пересаживали съ корабля на корабль, просилъ день отсрочки, потомъ еще.

15 Августа Висбаденъ. Я собирался было ѣхать въ Парижъ. Нынче объ этомъ говорилъ Великой Княгинѣ, которая меня не останавливала

совершенно, но желала однакожъ, коли мнѣ можно обойтиться безъ сего, чтобы я остался. Я ей объяснилъ причину моего путешествія, а именно, чтобы выпроситься въ отпускъ, объявя ей, что я намѣренъ ѣхать въ половинѣ Сентября въ Россію, такъ какъ я имѣю ее уже обѣщаніе меня не удерживать долѣе, и ежели она тоже въ это время поѣдетъ, то я готовъ ее провожать до границы, а тамъ прошу ее отпустить меня прямо въ Москву. Что же касается до Парижа, то коли ей пріятно, чтобы я остался, то я не поѣду, а буду писать объ отпускѣ Князю Волконскому, объясня, что это съ ее согласія. Она мнѣ на сіе сказала, что кажется ей, что я дѣлаю это напрасно, что она не можетъ быть долго въ невѣдѣніи на счетъ свой, что Государь конечно послѣ маневръ, которые назначены въ Форшампенуазѣ 8 числа по новому стилю и кои окончатся 15, будетъ на Рейнѣ и коли не прежде, то тогда ея участь рѣшится, и она меня тотъ часъ отпускаетъ, не требуя, чтобы я ее и до границы провожалъ; что сверхъ сего она надѣется черезъ недѣлю еще узнать о себѣ и какъ только что нибудь будетъ рѣшительное, то она меня тотъ часъ отпуститъ и потому предлагаетъ мнѣ подождать просить отпуска еще недѣлю, отдавая впрочемъ на мою волю. По словамъ ея она должна имѣть отъ матери письмо, которое рѣшитъ, гдѣ быть свадьбѣ дома или на здѣшней сторонѣ (это по секрету) и что впрочемъ, ни въ какомъ случаѣ, долѣе половины Сентября держать меня не будетъ.

22 Августа Висбаденъ. Изъ Парижа получено подтвержденіе извѣстій, что Государь ѣдетъ къ арміи 29 Августа и по осмотрѣ будетъ къ намъ на Рейнъ. Государь будетъ, стало быть, сюда 5 или 6 и мудрено, чтобы онъ пробылъ болѣе трехъ или четырехъ дней, стало быть, около 10 или по крайней мѣрѣ около половины Сентября Великая Княгиня отправится въ Россію, это и для меня послѣдній самый срокъ . . . .

3 Сентября Висбаденъ Добрыя вѣсти! Я отпущенъ Великою Княгинею въ Россію! Такъ какъ обстоятельства касательно ея возвращенія остаются еще въ неизвѣстности; я ее просилъ вновь о своемъ отпускѣ и третьяго дни получилъ оный. Можешь себѣ представить мое счастіе. Время терять не буду, поѣду завтра. Но такъ какъ поѣду на форшпанахъ, то не такъ скоро пріѣду, какъ бы мнѣ хотѣлось; прежде мѣсяца

меня не ждите. Разстался очень хорошо. Отпустить меня не было большой охоты, но совѣстно было послѣ всѣхъ обѣщаній меня удерживать. Я писалъ князю Волконскому и просилъ о безсрочномъ отпускѣ. . . . .

Воротясь въ Октябрѣ мѣсяцѣ въ Москву, князь А. П.; засталъ княгиню и свое семейство, состоящее уже изъ четверыхъ дѣтей въ подмосковной въ селѣ Троицкомъ, принадлежащей старшему брату его, князю Андрею Петровичу. Еще во время кампаніи 13 года любимой мечтой князя была тихая семейная жизнь и онъ тогда же рѣшился оставить военную службу, какъ только миръ будетъ окончательно упроченъ въ Европѣ.

Ни успѣхи его по службѣ, ни милостивое расположеніе Государя, ни лестное званіе флигель-адъютанта не могли измѣнить его намѣреній, и по возвращеніи въ Москву, онъ твердо рѣшился безъ отлагательно искать мѣста по гражданской службѣ, а ежели это встрѣтитъ препятствіе, то выдти со всѣмъ въ отставку. Въ этомъ намѣреніи укрѣпло его сознаніе необходимости заняться устройствомъ дѣлъ для обезпеченія существованія увеличивающагося семейства. Въ Москвѣ открылась тогда вакансія шталмейстера. Отъѣзжая, по окончаніи срока отпуска въ Петербургъ, князь А. П. имѣлъ въ виду, при случаѣ, хлопотать о полученіи этого мѣста. Отъ *21 Декабря* онъ пишетъ изъ Петербурга . . . . Ты знаешь, сколько я мало способенъ о себѣ хлопотать, сколько это мнѣ тяжело и какъ я въ семъ дѣлѣ глупъ и неловокъ. Ничего однакожъ не упускаю, заставляю себя дѣлать всѣ исканія, чтобы самому себя въ неудачѣ не обвинить. Дѣла мои, т. е. надежды на мѣсто, все въ одномъ положеніи; Великая Княгиня третьяго дни мнѣ сказала, что она еще говорила и что дня черезъ два буду имѣть рѣшительный отвѣтъ. Между тѣмъ велѣла себѣ подать такую же записку, какую я отдалъ Барклаю. Ей повидимому хочется доставить мнѣ мѣсто, но видно—не прежнія времена. Теперь дѣло зависитъ отъ того, дадутъ ли мнѣ чинъ при отставкѣ? По справедливости кажется оный слѣдуетъ, но есть положеніе, что только по выслугѣ 5 лѣтъ въ полковничьемъ чинѣ отставлять генералъ-маіоромъ—слѣдственно и тутъ встрѣчу затрудненіе и потому кажется буду просить увольненія къ

штатскимъ дѣламъ, ибо все лучше быть и въ отставкѣ статскимъ-совѣтникомъ, чѣмъ полковникомъ. Впрочемъ, что Богу угодно, то и будетъ, а просьбу объ отставкѣ я во всякомъ случаѣ подамъ прежде 1 Января.

28 Декабря. Вчера подалъ свою просьбу объ отставкѣ и надѣюсь, она выйдетъ на сихъ дняхъ. Я буду отставленъ статскимъ совѣтникомъ. Касательно мѣста, по всему очень ясно видѣть могу, что его не получу и какъ другаго я взять не намѣренъ,—не съ сердцовъ, ибо я къ сего роду случаевъ довольно привыкъ et regarde la chose tout à fait comme accessoire pour mon bien être. Но нѣтъ столь выгоднаго, чтобы отвлечь себя отъ тѣхъ занятій, которыя я себѣ предполагаю. Въ свадьбу Великой Княгини дадутъ мнѣ можетъ быть еще чинъ. Впрочемъ, опредѣляя себя вовсе на мирную жизнь, въ чинѣ прибыли мнѣ никакой не будетъ. Нынѣшній день обрученія Великой Княгини, собираются во дворецъ въ 10 часовъ и почти на цѣлый день; обрученіе, поздравленіе, обѣдъ 3 классамъ обоего пола; балъ въ 6 часовъ и до 9. Да и всѣ эти дни будетъ большая суматоха.

31 Декабря. Вчера Великая Княгиня призывала меня и говорила, что Государь находитъ, что просимое мѣсто не по моему чину и велѣлъ мнѣ предложить быть оберъ-прокуроромъ въ Московскомъ Сенатѣ, такъ какъ я желаю быть въ Москвѣ. Я ей объяснилъ, что другаго никакого мѣста взять не могу и сказалъ ей причину. Она мнѣ сказала, что такъ какъ ей очень хочется исполнить мое желаніе, то она въ тотъ же день возобновитъ опять свое предстательство. Но хотя я увѣренъ, что она сіе сдѣлаетъ, но также и въ томъ увѣренъ, что ничего прибыли изъ сего не будетъ; мѣста же другаго никакого не возьму. Du reste je n'ai rien perdu à toutes ces démarches, j'y ai beaucoup gagné au contraire. Je me suis persuadé, de plus en plus, de mon inaptitude à parvenir. Car il se peut qu'un autre plus adroit à ma place aurait réussi. Je n'ai pourtant rien à me reprocher; je me suis donné beaucoup de mouvement et me suis forcé à ces démarches tout á fait contraires à mon caractère pour n' avoir rien à me reprocher. Cette expérience me fait encore voir que c'est tout à fait inutile pour moi de *chercher* d'obtenir quelque chose par faveur, et ma foi, c'est vraiment bien bête que de chercher d'obtenir le

mieux, quand au fond on se sent aussi heureux, comme on peut seulement l'être. Въ день зговора получилъ я въ подарокъ отъ принца Виртенбергскаго, золотую съ бриліантами съ его вензелемъ табакерку, которую цѣнятъ въ 2.500, но я думаю стоитъ не болѣе 2000. Эти подарки я думаю уйдутъ на мой туалетъ, ежели при отставкѣ еще къ свадьбѣ надобно будетъ мнѣ сдѣлать шитый придворный кафтанъ, завтра на весь свѣтъ маскарадъ, нынче балъ у Куракина.

Января 1 1815 г. *Петербургъ.* Въ заключеніе, кажется, моей военной карьеры отправилъ я вчера великолѣпный парадъ. За мной присылалъ утромъ кн. Волконскій и я думалъ, что это для объявленія Высочайшей милости; но то было для приказанія мнѣ отъ Государя быть при Великомъ Князѣ Константинѣ Павловичѣ на вчерашній день.

Января 11. Наконецъ вчера имѣлъ счастіе получить отставку статскимъ совѣтникомъ. Съ военнымъ мундиромъ на всегда простился, безъ малѣйшаго прискорбія, напротивъ, болѣе еще радъ своей свободѣ, чѣмъ того ожидалъ. Вчера призывала меня Великая Княгиня дѣлать екскузацію и дать мнѣ отчетъ во всемъ, что она сдѣлала безъуспѣшно для доставленія мнѣ желаемаго мѣста. Имѣла порученіе вновь предложить мнѣ губернаторское мѣсто. Также Elle m' a dit qu'on était intentionné, si je n'acceptais pas cette place de me faire d'autres propositions. Je l'ai bien remerciée et l'ai priée de me faire la grâce de ne plus rien demander pour moi, que d'après mes circonstances je ne pouvais accepter pour le moment aucune place, que peut-être dans quelques années les circonstances changeraient. Dieu soit loué tout est fini, je ne reviens pas sur le passé завтра свадьба,—праздновать будутъ пять дней церемоніально. Завтра свадьба и балъ въ георгіевской залѣ, потомъ обѣдъ у Императрицы и Ермитажъ, обѣдъ у Государя, балъ еще въ бѣлой залѣ и день поздравленія у Великой Княгинѣ . . . »

VII.

(1816—1823).

Оставивъ службу, Князь А. П. отправился въ Москву и поселился съ семействомъ въ деревнѣ. Здѣсь онъ пробылъ почти 10 лѣтъ, усердно занимался хозяйствомъ, устроилъ винокуренный заводъ, и вполнѣ наслаждаясь тихою семейною жизнію.

Ю. А. Нелединскій оставался все это время въ Петербургѣ съ дочерью своею Софіею*). Кромѣ постояннаго присутствія въ Сенатѣ и занятій по опекунскому совѣту, онъ почти не отлучно находился при Императрицѣ Маріи Өеодоровны и продолжалъ пользоваться особеннымъ Ея, можно сказать, дружескимъ расположеніемъ. Отъ 15 Мая 1815 года писала она Юрію Александровичу: «Mon bon et vieux ami Nélédinsky. Je sais que votre fils part, je sais aussi que l'argent est rare et le besoin pressant lorsqu'on envoie un fils au champ de gloire. Me permettrez Vous de Vous offrir cette bagatelle pour suppléer à Vos dépenses du moment pour cet objet, et Vous demande seulement, comme témoignage d'amitié et de souvenir de feu notre cher Empereur, de n'en jamais parler et de ne pas m'en dire le mot. Adieu, mon bon ami, j'espère que vous serez des nôtres vendredi. Mes compliments à Vos aimables filles. «Marie».

По званію почетнаго опекуна Нелединскій завѣдывалъ, по порученію Императрицы въ разное время, ссудной казной, карточной экспедиціей и коммерческимъ училищемъ.

Письма и рескрипты Императрицы по этимъ порученіямъ помѣщены въ приложеніи № 2-й.

(*) Въ 1818 году Софья Юрьевна вышла замужъ за Өедора Васильевича Самарина.

Изъ многочисленной переписки этого времени, касающейся про-имущество семейныхъ дѣлъ, можемъ привести только нѣсколько отрывковъ изъ писемъ. Всѣ они большею частію писаны по-русски.

Замѣчательно, что Юрій Александровичъ такъ любилъ правильную русскую рѣчь, что постоянно замѣчалъ дочери тѣ неправильности, которыя встрѣчалъ въ слогѣ ея писемъ. Такъ напримѣръ въ письмѣ отъ *3 Сентября* 1817 изъ Петербурга пишетъ:..... «Впрочемъ письмо твое препріятное, — писано просто, плавно. — О твоихъ занятіяхъ въ деревнѣ и о дѣтяхъ я прочиталъ ни одинъ разъ,—только одно слово въ письмѣ твоемъ къ сестрѣ ты помѣстила, которое, хотя употреблено правильно, однако оно разнитъ со слогомъ всего письма.—*Событіе*,—сохрани Богъ, коли его употребишь, писавши къ женщинѣ! Назовутъ тебя педанткой.—«*Ничто не мѣшаетъ желать намъ событія того, что имѣемъ въ виду*».—Ничто не мѣшаетъ желать намъ, чтобы сбылось то, на что мы цѣлимъ—было бы проще......... Канунъ Елизаветина дня Императрица дастъ Императрицѣ приватный праздничекъ. On jouera des proverbes—des romances (je ne sais pas ce que c'est que jouer des romances) затѣйщикъ всему этому кн. Радзивилъ. On formera des tableaux et le lendemain grand diner.—На прошедшей недѣлѣ былъ введенъ къ Императрицѣ въ гостиную штукарь съ лошадью, которая на вопросы отвѣчала разными знаками.—Посреди представленія, у лошади желудокъ сталъ облегчаться.—Хозяинъ, не теряя головы, подскочилъ и пока мальчикъ побѣжалъ за шляпой, чтобы подставить, то онъ кулакомъ началъ впихивать все назадъ.—Воображаешь ли? можешь ли живо себѣ представить что тутъ дѣлалось съ С....? Ты знаешь какая она хахотунья?—А что еще пуще ее смѣшило; что Катерина Ивановна (Нелидова), которая возлѣ ее сидѣла, направя лорнетъ и ничего не видя, пристаетъ къ ней: mais dites moi donc de quoi rit-on? С.... когда пересказываетъ это и нынче еще валяется отъ смѣха.

2 Октября 1817..Пріѣду я пожить съ вами конечно, а скоро ли, сказать не могу, я получилъ престранный отпускъ: Комитетъ Гг. Министровъ полагалъ уволить мое превосходительство въ отпускъ, тогда, когда по дѣламъ: 1) Волынской губерніи; 2) о бывшемъ въ Тамбовѣ губер-

наторѣ и вице-губернаторѣ; 3) о другомъ Тамбовскимъ же губернаторѣ; 4) о Кіевскомъ губернаторѣ; 5) о поджогахъ въ Тамбовѣ,—когда по этимъ 5-ти дѣламъ подписаны будутъ мною опредѣленія и всеподданнѣйшіе рапорты! *Каковое положеніе Комитета Государь Императоръ Высочайше утвердить соизволилъ*!—Я и безъ того прежде Ноября не надѣялся отъ сюда выѣхать, а на этомъ положеніи—Богъ вѣсть когда можно будетъ! Срокъ предузнать окончанію этихъ дѣлъ не можно.—Ни съ кѣмъ этого не случалось!

По поводу одного изъ сихъ дѣлъ, а именно о Волынской губерніи призошло между Сенатомъ и Государственнымъ Совѣтомъ весьма серьозное разногласіе,—такъ что Сенаторы 5-го Департамента рѣшились писать прямо Государю всеподданнѣйшее письмо, въ которомъ обвиняли Государственный Совѣтъ въ несообразномъ изложеніи обстоятельствъ дѣла.—Это письмо сочинялъ Нелединскій. (*)

(*) Сущность этого дѣла заключалась въ томъ, что, по возникшимъ въ Вологодской губерніи разнымъ безпорядкамъ по взиманію податей и отправленія рекрутской повинности, посланъ былъ ревизировать эту губернію сенаторъ Хитровъ,—сенаторъ произвелъ самое поверхностное слѣдствіе, наполненное разными противорѣчіями, но въ заключеніи признавалъ виновными Губернатора и вице-губернатора Муханова и уволилъ ихъ отъ должностей.—Когда ревизія поступила въ Сенатъ и въ оном замѣчены били явныя несообразности и противорѣчія, то Сенатъ потребовалъ отъ новаго губернатора разныхъ дополнительныхъ свѣдѣній, которыя представили дѣло совершенно въ иномъ свѣтѣ и совершенно слагали всякую вину какъ съ губернатора, такъ и съ вице-губернатора. Въ слѣдствіе сего 5 Депар. Сената опредѣлилъ предать на Высочайшее благосоизволеніе относительно выдачи подсудимымъ Больну и Муханову жалованья, за время бытности ихъ подъ судомъ и опредѣленія ихъ къ прежнимъ или же новымъ должностямъ. 14 Декабря Графъ Аракчеевъ препроводилъ къ Князю Салтыкову Высочайшій указъ, въ которымъ, между прочимъ, было сказано, что или донесеніе Хитрова не имѣетъ законнаго основанія или 5-й Департаментъ сдѣлалъ послабленіе, а потому Высочайшая воля обращала вниманіе Государственнаго Совѣта на этотъ докладъ, повелѣвая разсмотрѣть дѣло со всею строгостію.—Государственный Совѣтъ въ своихъ разсужденіяхъ признавалъ, что Сенатъ не имѣлъ, будто бы право, повѣрять и дополнять слѣдствіе, произведенное сенаторомъ Хитровымъ, а потому заключеніе свое основалъ единственно на этомъ слѣдствіи и обвинилъ губернатора и вице-губернатора.

Вотъ всеподданнѣйшее письмо Сенаторовъ 5 Департамента:

Всемилостивѣйшій Государь. Указомъ, даннымъ Государственному Совѣту Декабря въ 14-й день 1815 года — Ваше Императорское Величество Высочайше повелѣть соизволили оному Совѣту: «Обративъ вниманіе на докладъ, внесенный отъ Правительствующаго Сената по обревизованіи Вологодской Губерніи, со всею строгостію разсмотрѣть слѣдствіе Сенаторомъ Хитровымъ произведенное и съ виновными поступить по законамъ; въ противномъ же случаѣ положить преграду неосновательнымъ донесеніямъ ревизоровъ, дѣлая оныя гласными общо съ оправданіемъ уволенныхъ отъ должностей чиновниковъ».—Со дня обнародованія сей премудрой Государя воли, милостію и правосудіемъ запечатлѣнной; Правительствующаго Сената 5 Департаментъ, свято соблюдавшій при производствѣ дѣла о Вологодскомъ бывшемъ Губернаторѣ Баршѣ и Вице-Губернаторѣ Мухановѣ, предписанный законами порядокъ, и основавшій заключенія свои, безъ всякаго послабленія, на обстоятельствахъ законно-изслѣдованныхъ пребывалъ по днесь въ полномъ и твердомъ увѣреніи, что совершенное исполненіе имъ своего долга удостоится благоугоднаго возрѣнія Вашего Императорскаго Величества.—Сія лестная надежда, единственное ободреніе въ трудахъ каждаго вѣрноподданнаго съ усердіемъ и ревностію служащаго; нынѣ подносимымъ отъ Государственнаго Совѣта докладомъ, ниспровергается, чрезъ неправильныя отклоненія отъ слуха Вашего, Всемилостивѣйшій Государь, всѣхъ тѣхъ истинъ, на коихъ основывается рѣшеніе Правительствующаго Сената и коими убѣдились два члена Совѣта, по видимому, все дѣло прочетшіе—истинъ, при коихъ, если бы онѣ въ докладѣ Государственнаго Совѣта были обнаружены—всѣ заключенія въ докладѣ семъ приведенныя, безъ явной несообразности съ обстоятельствами дѣла, существовать бы не могли.

Сенаторы 5 Департамента, участвовавшіе въ сужденіи и рѣшеніи дѣла сего, бывъ чисты въ совѣсти своей, и законъ, ими руководствовавшій, имѣя за себя предстателемъ у Престола Твоего Государь! Припадая къ подножію онаго: именемъ свойственнаго Тебѣ правосудія, молятъ всеуниженнѣйше! Удостой Высочайшаго вниманія Твоего, изложен-

ныя, въ прилагаемой у сего, краткой выпискѣ обстоятельства, не могущія, безъ искаженія истины, быть устраненными отъ общаго разсмотрѣнія; кольми же паче не доведенными до Твоего свѣдѣнія, въ дѣлѣ особенно на себя обратившемъ Высочайшее Твое вниманіе.

Всемилостивѣйшій Государь! Удостоенные высокой чести засѣдать въ верховномъ судилищѣ, самодержавною властію Твоею уполномоченномъ безпрекословно изрекать Высочайшую Твою волю, да не прибудемъ мы безвинно постыжены укоризною въ несправедливости!— Да не снидемъ въ гробы наши съ горестною, паче всѣхъ, мыслію, что въ мнѣніи Государя своего мы очернены, нетерпимымъ на судѣ, порокомъ пристрастія, которое было бы несомнѣнно, есть ли бы дѣло нами сужденное было таковымъ въ существѣ своемъ, каковымъ оно отъ Государственнаго Совѣта Вашему Императорскому Величеству представлено.

Со благоговѣніемъ къ освященнымъ стопамъ Вашимъ повергаемъ.

Всемилостивѣйшій Государь

Вашего Императорскаго Величества

Вѣрноподданные:

Юрій Нелединскій-Мелецкій.

Дмитрій Ланской.

Кн. Н. Шаховской.

Въ слѣдствіе этого письма, дѣло отъ Государя было обращено къ новому разсмотрѣнію Государственнаго Совѣта и окончилось Высочайшимъ рѣшеніемъ 28 Ноября 1817 г., состоявшимся согласно съ первоначальнымъ заключеніемъ Совѣта съ прибавкою, что въ даваемыхъ резолюціяхъ какъ сенаторы, такъ и оберъ-прокуроры должны отвѣтствовать и чтобы о семъ сообщить для будущаго уложенія въ коммиссію составленія законовъ. Такой исходъ дѣла вполнѣ объясняется сильнымъ вліяніемъ Аракчеева, принимавшимъ въ немъ, неизвѣстно почему, непосредственное участіе.

Какъ бы то ни было, но въ нашей судебной практикѣ, едвали найдется другой примѣръ такой смѣлой и добросовѣстной защиты правды.

Домашняя жизнь Юрія Александровича отличалась необыкновенной простотой. Передавъ все бывшее у него небольшое состояніе дѣтямъ, онъ жилъ однимъ жалованьемъ.—Большой охотникъ покушать, онъ не былъ особенно разборчивъ въ выборѣ утонченныхъ блюдъ, но ѣлъ очень много и преимущественно простыя русскія кушанья. Удовлетворяя этой слабости, Императрица обыкновенно приказывала готовить для него особыя блюда.—При дворѣ, до сихъ поръ, сохранилось преданіе о щучинѣ, до которой Ю. А. былъ великій охотникъ. Вотъ какъ онъ самъ описываетъ свой недѣльный menu:

«Маша повориха точно по мнѣ! Вотъ чѣмъ она меня кормитъ, и я всякій день жадно наѣдаюсь:

1) Рубцы, 2) голова телячья, 3) языкъ говяжій, 4) студень изъ говяжьихъ ногъ, 5) щи съ печенью, 7) гусь съ груздями—вотъ на всю недѣлю, а коли съѣмъ слишкомъ, то на другой день только два соусника кашицы на крѣпкомъ бульонѣ и два хлѣбца бѣлаго.

Декабря 4-го 1817 г. О себѣ скажу, что я крѣпко взялся за экономію. Сижу за одной сальной свѣчой. Сальныя свѣчи я нашелъ удивительныя и пудъ рублемъ только дороже мерзкихъ.—Восковая свѣча стоитъ полтину, а сальная 12 копѣекъ, слѣдовательно 38 коп. экономіи въ день составляетъ въ недѣлю слишкомъ половину расхода моего на разныя удовольствія!

Исполать тебѣ доброму молодцу
Александрушку, Ахъ Петровичу,
Исполать за то, что заводушко,
Что заводушко горяча вина
Такъ идетъ хорошохонько.—
Полно правда ли добрый молодецъ,
Чтобъ изъ четверти чисто хлѣбушка
Выходило бы семь ведерочекъ!
Семь ведерочекъ съ половиною!
Въ томъ ручается и жена твоя,
Лихъ она тебѣ потакальщица!
И готова все по тебѣ сказать,
Угождать во всемъ и подлаживать!—
Изъ чего же все? Самъ ты вѣдаешь.

Іюня 29 1817 г. Напрасно ты думаешь наскучить мнѣ описаніемъ

деревенской жизни. Ахъ! Я деревню очень люблю!... изъ дали.... Люблю какъ объ ней разсказываютъ; люблю видѣть ее представленную на картинѣ. И въ натурѣ хорошо на нее глядѣть—изъ городскаго окошка. Изъ пріятныхъ деревенскихъ занятій, я понимаю, что можно, скорѣе всѣхъ, пристраститься къ тому, чтобы искать грибовъ, когда (какъ ты пишешъ) ихъ нѣтъ. Понимаю это отъ того, что большое нахожу въ этомъ сходство съ моимъ, всегда безъуспѣшнымъ, волокитствомъ—вы ищите грибовъ, не ожидая ихъ найти: я волочусь, зная что отвѣчать мнѣ не будутъ (*). Всякій занимается тѣмъ, что его забавляетъ!—А еще деревенское удовольствіе—Любезные сосѣды! Пожалуютъ съ 9 часовъ утра на цѣлый день!

Іюня 11, 1820 г. Какъ бы я желалъ, чтобы пѣвица Каталани была еще здѣсь, когда ты пріѣдишъ. Всѣ кто ее слышалъ въ восхищеніи!—Мнѣ сказывали, что она поетъ варіаціи Роде и *выпѣваетъ* все, что онъ дѣлаетъ на скрипкѣ. Это говорятъ, когда и слышишь то невѣришь.—Представь себѣ какъ Бартиніскій долженъ быть доволенъ.—Она къ нему пріѣзжала слушать пѣвчихъ; тронута была до слезъ; Бартиняскій также расплакался, и она говорятъ ему сказала, что во всю жизнь ничего подобнаго неслыхивала, и что онъ заслуживаетъ монумента!

Октября 8, 1820. При отъѣздѣ моемъ Жуковскій, какъ сказывали мнѣ, объяснялся съ Г. С. — Въ бытность твою здѣсь, ты знала, что считали его въ нее влюбленнымъ. Онъ ей сказалъ, что отъѣзжаетъ съ сожалѣніемъ о томъ, что исканію его дружбы ея, она не отвѣтствовала, и изъявленіе *его къ ней дружбы* приписала, какъ видно, другому чувствованію, которое, впрочемъ, внушить она всѣхъ болѣе можетъ. — Какъ доведено было до этого, и что далѣе имъ было сказано, не знаю; но на эти слова, она, сказываетъ,—молчала и будто показались у ней на глазахъ слезы. Какъ ты это разстолкуешь? По мнѣнію К. П. отъ которой я это слышалъ;—онъ это говорилъ для того, что боится слыть влюбленнымъ: il craint extrêmement d'être ridicule.—А буде она подлинно плакала, то мнѣ кажется отъ досады.—И подлинно; какъ? Чело-

(*) Юрію Александрычу тогда было уже 64 года.

вѣкъ приходитъ женщинѣ сказать: не подумай ради Бога, чтобъ я въ тебя былъ влюбленъ!!

27 Апрѣля 1821. Благодарю тебя за предлагаемыя капли, — я ничѣмъ лѣчиться не намѣренъ.—*Капельмейстеръ* St-Marie, котораго я лѣтъ сорокъ знаю, уже своими каплями глухоты моей не вылечилъ, а только перемѣнилъ нѣсколько кожъ въ ухѣ. Рейманъ видѣлъ мою ногу, пришедши ко мнѣ незванный; но я ему сказалъ, что радъ всегда видѣть у себя Г. Реймана, а не доктора; что тогда къ нему прибѣгну какъ будетъ не вмочь, и когда не буду знать что дѣлать. И тогда будетъ съ моей стороны стариковская слабость!—Ибо очень глупо лѣчиться въ такой болѣзни, отъ которой никто не вылѣчивался; Гагаринъ, говорятъ, обрадовался свѣдавъ, что у меня подагра, потому что я надъ ней много смѣялся.—Но я не подагру подымалъ на смѣхъ; а то, что онъ непахвалится какими то каплями; а между тѣмъ почти всякую недѣлю подагра къ нему возвращается.—......... Еще хвалю тебя за фразу: Si l'on ne prisait le bonheur que par sa durée, on en jouirait encore moins dans ce monde. — Cette sentence m'a frappé et par sa vérité et par la manière dont elle est énoncée. Très philosophique, très vraie et très concise.

Сентября 21. 1820.... Одышка не помѣшала моему походу въ Невскій манастырь, потому что съ образами не такъ ходятъ какъ по нынѣшнему маперу въ польскомъ, — ходятъ по намощеннымъ, отъ самой казанской до монастыря, доскамъ, и останавливаются два раза для эктиньи и кропленія православныхъ.—Да какъ вамъ это покажется, что я будучи 20 лѣтъ сенаторомъ 11 лѣтъ Александровскимъ кавалеромъ—по отлучкѣ многихъ и по болѣзнямъ, какъ истиннымъ такъ и выдуманнымъ, очутился самымъ младшимъ?—Съ тѣхъ поръ какъ переселился въ Петербургъ уже въ другой разъ этотъ походъ ломаю; но объявилъ что въ третій разъ уже не пойду.—Жуковскій очень утѣшается тѣмъ, что ѣдитъ путешествовать.—Вчера они должны были отправиться въ путь. Онъ приходилъ со мной прощаться: велѣлъ тебя просить, чтобы ты его помнила.—Спросите въ книжныхъ лавкахъ и, буде продаютъ, то купите себѣ поэму: «*Русланъ и Людмила*» молодаго Пушкина. Ручаюсь, что это чтеніе васъ позабавитъ. Легкость

удивительная, мастерская!—Третьяго дни, предъ обѣдомъ у Архаровой чувствовалъ растройство желудка, но тутъ же вспомнилъ, что на Щукиномъ дворѣ, какъ я слышалъ, отмѣнные грузди; только что ей сказалъ,—туже минуту она послала за ними верхомъ и грузди поспѣли къ говядинѣ!—Я принялъ порцію въ шести груздяхъ состоящую и съ тѣхъ поръ свѣтъ увидѣлъ!

11 Ноября, 1821. Завтра минетъ 25 лѣтъ, что Государыня начальствуетъ надъ обществомъ благородныхъ дѣвицъ, и мы ей даемъ тамъ праздникъ. Вчера цѣлымъ совѣтомъ со звали.—Будутъ: пѣніе, танцы, ужинъ и иллюминація съ наружи и внутри дома.—Я теперь ѣду смотрѣть приготовленія.

23 Марта 1822... Невозможно исправнѣе исполнить данное обѣщаніе какъ я теперь дѣлаю.—Едва прошолъ часъ послѣ того какъ у меня кончилось удушье, какого, до сихъ поръ, не бывало—съ хрипѣніемъ, продолжавшееся болѣе 40 минутъ; такъ что мнѣ иначе нельзя было говорить какъ выговаривая по одному только слову, а двухъ сразу никакъ не могъ.—Я, по своему обыкновенію, сидя уснулъ въ 7 вечера; а въ 11 это удушье меня разбудило. Сперва было несильно, но между тѣмъ одышка ежеминутно возрастала и наконецъ при всякомъ усиліи дыханья, сталъ я храпѣть,—тутъ, подумавъ что съ моей стороны будетъ неучтиво умереть, несказавшись своему хозяину (*) я пыталъ позвать Федора Васильевича, который собирался спать ложиться, и увидѣвъ меня послалъ карету за Рейманомъ.—При немъ я хрипѣлъ еще близь четверти часа, но вдругъ закашлявшись выплюнулъ и съ этой минуты стали становиться легчѣ-легчѣ-и совсѣмъ прошло; такъ что Рейманъ засталъ меня ужъ въ обыкновенномъ хорошемъ состояніи.—Написалъ мнѣ нѣсколько рецептовъ—и не велѣлъ ѣсть крутой гречневой каши, которой я за всякимъ обѣдомъ уже съ мѣсяцъ съѣдалъ по цѣлому горшочку, для меня особо приготовляемаго.—И самъ я признаюсь это нынѣшнее удушіе кладу на счетъ голубушки каши!—А какъ мнѣ было очень тяжело, то и воздержусь отъ нее. А всетаки жал[illegible] [illegible]перь слава

(*) Ю. А. въ это время жилъ у Самариныхъ.

Богу прошло и я сѣлъ къ вамъ писать, для того чтобы съ горяча лучше все объяснить.

4 Апрѣля 1822.... Временное худо ведетъ за собой добро, что со мной сегодня оправдалось. — Въ великую Суботу переупрямивъ свою лѣнь, я было отправился въ дворецъ къ заутрени. Чтоже случилось?— Государыня, свѣдавъ, что я тутъ и зная, что у меня было удушіе — приказала меня позвать къ себѣ въ комнату и сколько я ни увѣрялъ, что уже я совсѣмъ здоровъ — прогнала меня домой. — Слѣдствіемъ этого есть, что я никуда съ визитами не ѣздилъ, не поѣду и имѣлъ удовольствіе всю эту недѣлю не бриться.

18 Апрѣля 1822.... Я никогда не сомнѣвался, милые друзья, въ любви вашей и участіи пріемлемомъ вами во мнѣ, но какъ возможно такъ сурьезно принять извѣстіе, самимъ мною вамъ описанное, о бывшемъ со мною припадкѣ, правда чрезмѣрно мучительномъ;—но не опасномъ!—... Обѣдаю я съ тѣхъ поръ нигдѣ больше какъ дома и во дворцѣ.—Въ этомъ послѣднемъ мѣстѣ, я оногдысь былъ совершенно голоденъ. — Императрица велѣла за мной смотрѣть, чтобы я не объѣлся, а Графиня Ливенъ, которую однако я и послѣ того любить не перестаю, посадила меня подлѣ себя и кромѣ тарелки супу, кусочка говядины и 10 устрицъ, о которыхъ знала, что докторъ мнѣ ѣсть велѣлъ—ничего больше мнѣ не дала.—Благодѣтельное это обо мнѣ попеченіе, за которое я впрочемъ очень признателенъ, право лишнее, потому что я самъ воздерживаюсь — За это я и награжденъ. Хожу не задыхаюсь по лѣстницамъ безъ остановки до 20 ступень; а прежде, при всякихъ четырехъ останавливался, взошедши на верхъ нѣсколько минутъ говорить не могъ.

Такое долгое описаніе о себѣ примите, любезные мои, доказательствомъ моей къ вамъ любви.

1 Мая 1822 г. Такъ и случилось! Это письмо третьяго дня опоздало на почту, теперь пишу на канунѣ, для того, что завтра рано нужно ѣхать въ Воспитательный домъ, куда Государыня будетъ къ обѣднѣ и молебну по случаю совершившагося въ этотъ день 25-ти-лѣтія ея надъ этимъ домомъ главнаго начальства. Хотѣли звать митрополита но она запретила. Хотѣли илюминовать домъ: также запретила;

а приказала только благодарственное молебствіе Господу Богу за сохраненіе втеченіи всего этого времяни благосостоянія заведенія. На угощеніе въ этотъ день питомцевъ обоего пола, Государыня пожаловала изъ своей комнаты деньги. По случаю этой 25-ти-лѣтней эпохи сдѣлано сравненіе 797 года съ нынѣшнимъ 822 и чтобы показать вамъ до какой степени увеличился кредитъ дома, скажу вамъ, что въ 797 году (когда Государыня вступила въ управленіе) внесенной отъ вкладчиковъ суммы было менѣе 6.000.000 р., а теперь слишкомъ 149.000.000 р.—По мѣрѣ этого судите и о прибавленіи доходовъ; такъ что домъ, отдалъ на нѣсколько новыхъ заведеній *капиталы*, съ процентовъ коихъ онъ содержитъ себя, имѣетъ сверхъ того собственный изъ нѣсколькихъ милліоновъ состоящій капиталъ. Не правда ли что удивительно!

Мая 23. (По полученіи извѣстія о кончинѣ князя Петра Александровича Оболенскаго, отца князя Александра Петровича). «Вы конечно увѣрены друзья мои, что я принимаю сердечное участіе въ вашей печали. Вчера получилъ я письмо ваше, я живо себѣ представилъ какъ вся ваша семья поражена была этимъ горемъ, такъ неожидаемо! Я самъ послѣ письма твоего отъ 13 числа т. е. за два дни до кончины почтеннѣйшаго князя Петра Александровича писаннаго, будучи увѣренъ, что онъ вышелъ изъ опасности не вдругъ образумился. Такая кончина его уподобилась тихой его жизни и послѣ первой минуты, это должно было послужить къ общему утѣшенію, что онъ скончался безъ всякаго страданія; что даже не чувствовалъ, что разстается со всѣми ему милыми, которыми онъ такъ любилъ быть всегда окруженнымъ. Однимъ словомъ онъ съ вами разстался на вѣки, съ тѣмъ же чувствомъ, съ какимъ каждый день засыпалъ, въ сладкой надеждѣ на утро увидѣть себя опять посреди васъ. «*Смерть грѣшниковъ люта; но честна предъ Господомъ смерть преподобныхъ его*». И послѣдній вздохъ ихъ, есть уже начатокъ вѣчнаго наслажденія. Дай вамъ Богъ, семействомъ вашимъ быть такъ счастливымъ какъ былъ покойный!.

Іюня 9, 1822 г. Послѣднія отъ 28 Мая письма ваши любезнѣйшіе друзья мои, наполненныя доказательствами безцѣнной для меня любви вашей, весьма меня тронули и я прочтя ихъ, чтобы еще болѣе прод-

лить услажденіе моего сердца читалъ другое отъ 5 Апрѣля ваше же письмо; тщательно мною сберегаемое, въ которомъ вы, безпокоясь тогда о бывшемъ у меня удушьи, изъявили ваше участіе и заботливость о моемъ здоровіи, съ видимою въ каждомъ словѣ искренностію и со всею силою сердечнаго—истиннаго краснорѣчія. *Для* усмиренія своего самолюбія нужно мнѣ было твердить себѣ, что столь нѣжными чувствованіями ко мнѣ, обязанъ я вашему добродушію и твердо укоренившемуся въ васъ благосклонному правилу, ненарушимо соблюдать кровныя связи, такъ что всеобщій долгъ сей, *для* душъ вашихъ сдѣлался необходимою потребностью. Всемилостивый Богъ къ утвержденію между вами добраго союза, даровалъ вамъ все нужное: единомысліе и равную къ добру склонность и вы оба, какъ взаимно другъ для друга такъ и для меня: одинъ человѣкъ.—Того кто милую мою дочь, которая отъ самыхъ пеленъ своихъ не переставала приносить мнѣ удовольствіе—того кто ей любезенъ, кто дѣлаетъ ее счастливою, видитъ въ ней и свое счастіе—того сердце мое съ нею не различаетъ. И такъ судите же, друзья мои, желалъ ли бы я доживать вѣкъ мой съ вами? Тутъ тотчасъ родится вопросъ: для чего бы не переѣхать мнѣ въ Москву? — Но во первыхъ и самихъ васъ дѣти скоро сюда перевезутъ; а потомъ, признаюсь вамъ, съ того времяни, какъ насъ изъ Москвы выгнали, она несказанно мнѣ опротивѣла».

«Послѣ кончины дорогой Катерины Николаевны, возвратясь въ домъ свой, на каждомъ въ немъ шагу напоминанія о прежнихъ веселіяхъ, производили во мнѣ грусть. Въ прошломъ году, ѣздя по городу, не нашелъ я ничего, что бы меня порадовало! Люди уже все не тѣ; надо вновь знакомиться; а новое знакомство въ 70 лѣтъ (до которыхъ мнѣ не достаетъ менѣе трехъ мѣсяцевъ) прочности имѣетъ не болѣе какъ на тотъ разъ какъ его сдѣлаемъ. Связи между людей поддерживаются воспоминаніями; а о новомъ знакомомъ въ памяти остается одна только его фигура. Кромѣ дома Киселевыхъ не могъ я придумать куда ѣхать; а впрочемъ отъ всего мнѣ было грустно. Въ клубѣ все почти народъ новый, а и знаемыя, все такіе, съ кѣмъ я мало и говаривалъ.—Виноватъ друзья мои, не люблю Москвы!

15 Августа 1822 г. Ну попался я въ докторскія руки безъ всякой

нужды! Ужъ давно Реманъ совѣтывалъ мнѣ пустить кровь. На прошедшей недѣлѣ чувствовалъ я трепетаніе сердца и на Елагиномъ островѣ, встрѣтивъ Рюля, далъ ему пощупать пульсъ. Онъ нашелъ, что мнѣ очень нужно быть *флеботомерованнымъ*; дошло до Государыни и чуть было тутъ же мнѣ крови не пустили; однако я на этотъ разъ увернулся и на другой день пустилъ дома. Трепетанье сердца прошло, а на завтра я поѣхалъ въ Павловскъ. На другой день т. е. въ воскресенье возвратился сюда; а сегодня взбѣшенъ Самаринымъ, который мнѣ пишетъ, что Государыня *проситъ меня* увидиться съ Реманомъ. Поѣду, но нужды никакой не имѣю. Къ Самарину я написалъ une lettre à cheval. Иное дѣло давать мнѣ совѣты, за которые я всегда благодаренъ; а на что вмѣшивать Императрицу и выискивать способы меня принудить. Я пишу ему, что уже болѣе 50 лѣтъ самъ себѣ гуверneромъ.—И ему ли хилому меня учить какъ править здоровьемъ. Право досадно!

16 Ноября 1822 г... Пропустилъ пять почтъ, не писавши вамъ, не отъ одной лѣни, была еще другая причина. У насъ въ Сенатѣ дѣло такое, которое до того меня занимаетъ, что во все это время я ночи просиживалъ его читая; а оно на нѣсколько тысячи листахъ и до крайности запутано. Смертоубійство сдѣлано было назадъ тому 9 лѣтъ. По оному, за нѣсколько же лѣтъ 4 человѣка сосланы на каторгу; а нынѣ по именному указу, было новое слѣдствіе, для котораго сосланные съ каторги привезены, и изъ нихъ трое найдены невинными; а прямого преступника, во всей точности, еще услѣдить не можно. Если спросить по совѣсти, то каждый изъ насъ его укажетъ; но для законнаго осужденія сего недостаточно и мѣра преступленія до сихъ поръ, по запутанности дѣла, неизвѣстна. Однако мы надѣемся что Богъ поможетъ! Не можешь повѣрить, сколько это насъ занимаетъ. Я просыпаясь и засыпая все объ этомъ невольно думаю».

Дѣло о которомъ говоритъ Юрій Александровичъ, въ высшей степени любопытно, какъ по содержанію своему такъ и по особенностямъ его производства. Оно, въ то время надѣлало, много шума и не только всѣ высшія правительственныя учрежденія но и самъ Государь принималъ живое участіе въ изысканіи средствъ обнаружить истину. Это

дѣло по обвиненію помѣщика Ширкова въ убійствѣ дѣвицы Алтуховой (См. Приложеніе № IV).

Мая 23 1823 г.... Въ минувшую субботу я въ Павлоскъ не ѣздилъ, а вчера обѣдалъ у Государыни въ Таврическомъ дворцѣ. Она пріѣхала сюда для того, что завтра будетъ праздновать въ Екатерининскомъ институтѣ 25-ти-лѣтіе. Отслушавъ тамъ обѣдню и откушавъ вмѣстѣ съ дѣтьми, тотчасъ поѣдетъ въ Павловскъ, а для дѣтей будетъ балъ. Въ большой Таврической галлереи столъ былъ самый маленькій: Madame Адлербергъ, княжна Волконская, Альбедиль, Вилламовъ, Новосильцевъ и я. Будучи одинъ я гость и по старшинству, мнѣ, совсѣмъ не кстати, досталось сидѣть за столомъ возлѣ Императрицы;—а Василиса на меня надѣла накостный мой мундиръ, въ которомъ ѣзжу только въ сенатъ. Я поѣхалъ въ немъ совсѣмъ того не замѣтя. По близости онъ бросился Государынѣ въ глаза, и она не утерпѣла мнѣ сказать: «Mais, mon cher, Vous devriez Vous faire un habit neuf!» Madame ai-je répondu, c'est mon costume du Sénat et j'ai oublié de le changer. D'ailleurs, je ne pouvais pas espérer que Votre Majesté jetterait les yeux dessus, vu que le modeste éclat de la broderie n'est pas fait pour appeler le regard. — Посмѣялись этому и я храбро тѣмъ отдѣлался. «Квартира моя такъ мнѣ мила, что я не желаю никогда ее перемѣнить, не смотря на то, что такого множества клоповъ я нигдѣ не видывалъ. Въ гостиной однако ихъ не видать. Прикащикъ здѣшняго хозяина, которому я на клоповъ жаловался, съ видомъ большой увѣренности мнѣ отвѣчалъ: «Извольте посмотрѣть на стѣнѣ билетъ противъ клоповъ». Я думалъ найти имя и жительство человѣка, который ихъ выводитъ,—велѣлъ себѣ принести.—Что же увидѣлъ? написано: Святаго священномученика Діонисія Ореопагита!!!» (*).

Іюля 23, 1823 г. . . Изъ того, что теперь стану тебѣ сказывать, ты еще болѣе утвердишься въ мнѣніи, что надобно непремѣнно за мной приставить маму. Я и соглашусь на это съ тѣмъ, чтобы она умѣла пускать кровь. Уже съ мѣсяцъ или больше я къ этому собирался

(*) Есть народное повѣрье, что имя этого священномученика уничтожаетъ вредныя насѣкомыя.

для того, что часто чувствовалъ маленькіе вертижцы, но день за день все откладывалъ для того, что вѣдь надо посылать за цырульникомъ. Третьяго дни, сказавъ наканунѣ Государынѣ, что я въ Петергофъ не ѣду, а пріѣду поутру поздравить и откланяться передъ ее отъѣздомъ, въ 7 часовъ нарядился какъ маковъ цвѣтъ, въ новый съ иголочки мундиръ, въ лентѣ черезъ плечо; одинъ во всемъ Павловскѣ, пришелъ и сѣлъ въ передней камердинерской комнатѣ. Вдругъ начали въ глазахъ моихъ стѣны качаться. Я бы ушелъ домой, да уже обо мнѣ было доложено и я думалъ успѣю откланяться. Выходитъ камердинеръ и меня зоветъ, ни тутъ то было! всталъ да пошелъ въ кось, и долженъ былъ сѣсть.—Доложили, что я не слушаюсь. Въ одну минуту добрая наша Императрица явилась передо мной, не дозволила мнѣ встать, спросила воды, послала за Рюлемъ, за Крейтономъ, за камеръ-юнкерами; между тѣмъ своими хорошенькими пальчиками брыжжетъ мнѣ воду въ глаза. Всѣ въ минуту явились, и я подумалъ: попался я! Рюль держитъ за пульсъ; Крейтонъ суетъ подъ носъ какую то коробочку рѣшотчатую изъ которой, по тупому моему обонянію, я чуть чуть духъ слышу; камеръ юнкеры что то пихаютъ мнѣ за уши; Государыня все брыжжетъ водою; а мнѣ бы хотѣлось вылить себѣ стаканъ воды на голову; да боюсь объ этомъ и заикнуться, для того, изволишъ видѣть, что мундиръ то новый! Это продолжалось съ полчаса, и наконецъ, почувствовавъ себя по крѣпче, отпросился къ себѣ въ комнату, далъ слово Государынѣ, что я не выѣду изъ Павловска пока не дозволитъ Крейтонъ, который тутъ остался при дѣтяхъ Великой Княгини. Въ препровожденіи Н. Н. Новосильцева, Рюля и Крейтона я пришелъ домой и скинувъ свой новый мундиръ, въ два пріема вылилъ стаканъ холодной воды себѣ на темя. Это меня гораздо освѣжило; а тутъ ввалили въ меня разъ за разомъ, клистиръ и склянку слабительнаго; послѣ чего оставили въ покоѣ. Подъ вечеръ пріѣхала ко мнѣ К. А. Архарова, къ которой я сошелъ на дворъ и мы сѣли на крыльцѣ я въ шлафорокѣ, что можно было, потому что во всемъ дворцѣ, никого кромѣ истопниковъ не было. Крейтонъ въ теченіи дня посѣтилъ меня три раза и въ четвертый пришолъ уже въ половинѣ 12. Пощупавши пульсъ разсудилъ, что мнѣ надобно пустить кровь. Я этому обрадовался; Но кто пуститъ?

Теперь полночь. Я пущу, сказалъ Крейтонъ. Какъ сказалъ такъ и сдѣлалъ. Послалъ домой своего кучера, который привезъ ему ланцетъ. компрессы, бандажи. . . . Ахти! да во что пускать? Чашки нѣтъ; а у же кафешенская заперта. Рѣшился въ стаканъ. У меня ихъ было два, Одинъ пустили подъ гребло, а другаго третью долю. Крейтонъ, по глазомѣру, разсудилъ, что это будетъ около трехъ чашекъ. Тѣмъ кончился день въ который я былъ, обрызганъ, облитъ съ головы до ногъ, принялъ двухъ родовъ слабительныя и кровь изъ меня пущена. Кажется что бы еще можно было со мною сдѣлать? Послѣ кровопусканія я написалъ о себѣ чрезъ Катерину Ивановну рапортъ и легъ спать, спалъ хорошо; по утру выпущенъ изъ подъ ареста, а къ вечеру вчера пріѣхалъ домой.

13 Августа. . . . Уговариваешь ты меня, чтобы я болѣе радѣлъ о своемъ здоровьи; но я право не теряю изъ виду этого и право удерживаюсь во всемъ отъ излишества; а что не пустилъ давно крови, чувствуя въ томъ нужду; это не отъ чего другаго, какъ отъ откладыванія день за день. Мысли твоей, приговорить цырульника, чтобы онъ ходилъ ко мнѣ всякое утро признаться тебѣ, я посмѣялся! Этотъ въ цѣломъ свѣтѣ я бы сдѣлался примѣрнымъ и самъ цырульникъ надорвался бы со смѣха. Откладывая день за день и то приходитъ въ голову, что коли Богу угодно, то и не, пустивши крови не умру; а въ противномъ случаѣ и пустишъ се—будетъ напрасно. Однако изволь, въ передъ этого запускать не буду. Впрочемъ глухота моя кажется не отъ крови, ибо и послѣ кровопусканія бываютъ дни въ которые лѣвое ухо закладываетъ, а о правомъ уже и говорить нечего. Имъ я давно ничего не слышу. К. И. Нелидова прочитала гдѣ-то способъ лѣченья, которому по совѣту ея, я подвергнулъ это правое безнадежное ухо; а лѣвымъ я рисковать не хочу, потому что ежели оно глохнетъ отъ слабости, то еще болѣе разслабится тѣмъ лѣченьемъ; оно состоитъ въ томъ, чтобы черезъ воронку впускать въ ухо паръ изъ кофейника въ которомъ вскипѣтили воду съ шалфейными листами.

Августа 30 . . . Недавно въ Павловскѣ былъ спектакль: разыгрывали басню Крылова ***Демьянова уха***. Крыловъ на театрѣ уху разхлебывалъ, хозяинъ, который подчивалъ былъ кн. Федоръ Голицынъ; а

княжна Хилкова представляла его жену и кланялась Крылову, чтобы онъ покушалъ, очень натурально, по крестьянски въ поясъ. Надобно знать, что Крыловъ жилъ въ Павловскѣ мѣсяца съ два до отъѣзда въ Петергофъ и всякій день обѣдалъ и ужиналъ за столомъ Государыни.

8 Октября. Нареченная невѣста Великаго Князя Михаила Павловича, на прошедшей недѣлѣ, прибыла въ Гатчино. Государыня Марія Ѳедоровна встрѣтила ее за двѣ или за три станціи. Похвала объ ней единогласна. Всѣхъ безъ изъятія она съ перваго раза плѣнила! Представь себѣ дѣвицу 16 лѣтъ, пріѣхавшую къ такому пышному двору каковъ нашъ и къ которой, черезъ полтора часа по выходѣ изъ кареты подводятъ, одного за однимъ, человѣкъ двѣсти, съ которыми она со всякимъ молвитъ по приличности каждаго. Значительныя имена всѣ у ней были затвержены и ни разу не замѣшавшись всякому все къ стати сказала. . . . Подводятъ къ ней П. В. Кутузова. Лишь его назвали: *Vous portez un beau nom M-r.* Это была тема слѣдовавшихъ нѣсколькихъ словъ о его службѣ подъ фельдмаршаломъ его имяни Le P-e Galitzin ministre des cultes et des lumières. . *Je Vous ai bien de l'obligation pour la promptitude avec laquelle j'ai été servie à chaque poste.* Это меня болѣе всего удивило. Видите ли какъ она все подробно развѣдала и обдумала? Довольно бы затвердить что князь Голицынъ Министръ Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія, нѣтъ! Она узнала что и почты его вѣдомства; Милорадовичу: *votre réputation m'est parfaitement connue M-r.* Татищеву Алексѣю Ивановичу, о которомъ ей сказали, что онъ никакого, кромѣ русскаго языка не знаетъ: *Я очень сожалѣю что не могу съ вами много по русски говорить*»; представляя адмирала Карцова Великій Князь Михаилъ Павловичъ, видно шутя, сказалъ ей, что онъ говоритъ по англійски,—она было заговорила англійскимъ языкомъ; но какъ тотъ отвѣчалъ ей по русски, то она тотчасъ сказала: *Я очень рада что васъ вижу.* Карамзину она сказала. *Votre ouvrage m'est connu Monsieur, et ne croyez pas que j'en ai lu seulement la traduction, je l'ai lu aussi en Russe.* Называютъ ей Тутолмина Le conseiller privé actuel membre du Conseil d'Etat et de ceux des établissements aux ordres de S. Majesté l'Impératrice . . *Vous devez Monsieur être occupé d'affaires bien importantes et bien sérieuses au Conseil*

d'Etat, mais d'un autre côté, vous avez le plaisir d'être toujours témoin de la bienfaisance de S. M. l'Impératrice . . . не помню точно выраженій, но что-то въ этомъ смыслѣ. Щербатову генералъ адъютанту лишь его назвали заговорила объ его экспедиціи, кажется при Гданскѣ и все это тотчасъ не задумавшись; однако не опрометью, а скромно. Еще слышалъ болѣе, да забылъ. На границѣ казачья команда при встрѣчѣ закричала ура! *Спасибо ребята*, сказываютъ, она отвѣчала; и при этомъ случаѣ кому-то у себя въ каретѣ сказала: *Je sens que j'entre dans une patrie;* Умница рѣдкая! Всѣ въ этомъ согласны; но, говорятъ, кромѣ ума она имѣетъ самый зрѣлый разсудокъ и были примѣры рѣшительной ея твердости. И въ 16 лѣтъ! И свѣтъ ей такъ мало знакомъ, что театръ здѣсь въ первый разъ въ жизни увидѣла. Воспитывалась въ пансіонѣ, потомъ жила въ тишинѣ у бабушки и вдругъ къ большому двору, гдѣ приводятъ ее къ толпѣ людей, которая не только чтобы привесть ее въ замѣшательство, напротивъ сю приведена въ удивленіе и обворожена ея привѣтливостію! Это нѣчто чудесное!.. Забылъ было; а удержаться не могу чтобы не написать. Сказавши казакамъ *спасибо ребята*!.. Полковнику казачьему, *пожалуста прикажите имъ прокричать, мнѣ это любо*! Разсудите, какъ казаки дернули, какъ узнали что полюбилось!!!

Все, что вамъ пишу —это слышанное отъ пріѣзжихъ изъ Гатчины; а самъ я не ѣздилъ, вспомня, что черезъ недѣлю рожденье Императрицы, которую я непремѣнно хочу съѣздить поздравить. Еще и для того туда не ѣздилъ, что третьяго дня и вчѐра напала на меня глухота, и я отказался, сказавшись нездоровымъ; а вмѣсто Гатчины обѣдалъ я вчера у Архаровой, которая надсѣлась кричавши мнѣ въ ухо. Однако же, не смотря на то, звала и завтра на рубцы: у ней рубцы и потрохъ готовятъ какъ нигдѣ! Не удалось мнѣ похвастаться знаніемъ въ земледѣліи передъ пріѣхавшимъ изъ деревни твоимъ экономомъ. Я было очень спѣсиво сказалъ: Погода нынѣ прекрасная; но это худо, что нѣтъ дождей, и отъ засухи нельзя пахать!—Какъ нельзя пахать? Самое лучшее время!—Это мнѣ присѣкло языкъ, и я внутренно далъ себѣ слово впередъ никогда не переговаривать ни при комъ того, что знаю о хозяйствѣ».

Декабря 1. Я уже вамъ писалъ о томъ, какъ всѣ въ восхищеніи отъ

невѣсты Михаила Павловича; при всемъ этомъ, какъ вамъ это покажется? Я ее до предвчерашняго дня не видалъ, и вотъ отчего. Какъ былъ въ Гатчинѣ, я тогда такъ былъ глухъ, что за этимъ къ ней не пошелъ, хотя и посылала меня Государыня, но я отговорился тѣмъ, что очень непріятно мнѣ будетъ отвѣчать не впопадъ на то, что она скажетъ. Такъ оно и осталось тогда, а за недѣлю предъ тѣмъ какъ было общее представленіе, я въ Гатчину не поѣхалъ, отложивъ до 14-го, для того, чтобы не два раза ѣздить. Наконецъ третьяго дня былъ по утру у Императрицы; на вопросъ Ея: видѣлъ ли я Принцессу, когда я отвѣчалъ что нѣтъ еще, она приказала мнѣ идти за собой и ввела къ ней. На извиненіе мое что я до сихъ поръ не былъ, и теперь иначе какъ съ предстательствомъ Ея Величества я бы не осмѣлился ее безпокоить, она очень привѣтливо и ласково мнѣ выговаривала; замѣтила, что не вредно ли мнѣ было въ этотъ день, по дурной погодѣ выѣхать. Между тѣмъ Императрица заговорила о тебѣ, сказавъ ей: *il a une charmante fille qui est maintenant à Paris* (*), повторила нѣсколько разъ charmante. Скоро ли воротится? *Je serai charmée de faire sa connaissance*. Послѣ этого я откланялся, оставя Государыню у ней и священника, который тутъ былъ когда мы пришли; личико у ней премиленькое, и такимъ конечно всякому покажется, потому что имѣетъ черты правильныя, свѣжесть розана, взглядъ живой, видъ ласковый. Ростомъ она не велика и еще не совсѣмъ сложилась. Однимъ словомъ очень пріятно на нее смотрѣть и слышать ее непринужденный разговоръ.»

Декабря 20.. Посылаю Вамъ портретъ И. А. Крылова и его біографію, которую онъ одобряетъ. Онъ мнѣ сказывалъ, что въ какомъ то французскомъ журналѣ его обвиняютъ будто въ баснѣ *Разбойникъ и сочинитель* онъ мѣтилъ на Волтера, чего говоритъ, и въ головѣ у него не было.»

(*) Софья Юрьевна Самарина.

VIII.

(1823—1826).

Почти постоянное втеченіи восьми лѣтъ пребываніе въ деревнѣ доставило возможность князю Александру Петровичу устроить небольшое свое хозяйство и уплатить долги; но постоянно увеличивающееся семейство, состоявшее уже изъ девяти живыхъ дѣтей, и забота объ нхъ воспитаніи заставили князя помышлять о вступленіи вновь на службу. Къ этому въ особенности онъ былъ вызванъ приглашеніемъ Павла Васильевича Кутузова (бывшаго тогда начальникомъ всѣхъ военно-учебныхъ заведеній) принять мѣсто директора Царскосельскаго лицея. Вотъ что писалъ П. В. Кутузовъ князю изъ Петербурга 9 Августа 1823 года: «Давно я къ тебѣ не писалъ, любезный кн. Александръ Петровичъ, но не переставалъ душевно тебя почитать и дорожить твоею дружбою: доказательствомъ всегдашняго истиннаго моего къ тебѣ уваженія послужить можетъ слѣдующее предложеніе. Если ты вспомнишь, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда слухи носились, что меня назначаютъ генералъ-губернаторомъ, ты, по дружбѣ моей, говорилъ мнѣ, что охотно пойдешь въ губернаторы для совмѣстнаго со мной служенія. Назначеніе сіе не состоялось, но дружеское твое намѣреніе осталось незабвенно въ моемъ сердцѣ. Теперь, любезный другъ, предстоитъ возможность служить намъ вмѣстѣ. Директоръ царско-сельскаго лицея дѣйствительный статскій совѣтникъ Энгельгардтъ оставляетъ службу; если тебѣ угодно заступить его мѣсто, то я обѣими руками подпишу представленіе. Не стану тебѣ описывать обязанностей сего важнаго званія: ты вѣрно самъ ихъ знаешь; но скажу только, что способы для образованія воспитанниковъ, по милости Государя, всѣ даны, нужно только, что-

бы директоръ былъ благонамѣренный человѣкъ и хорошей нравственности. Однимъ словомъ, чтобы былъ кн. Александръ Петровичъ, тогда дѣло пойдетъ наилучшимъ порядкомъ. Содержаніе директору до девяти тысячъ и прекрасный домъ, въ которомъ со всѣмъ своимъ семействомъ удобно помѣститься. Пожалуйста не замедли отвѣтомъ, дабы въ случаѣ вопроса, я могъ сдѣлать формальное представленіе; впрочемъ, долженъ тебѣ сказать и то, что можетъ опредѣлятъ и не спросясь меня; но ежели захотятъ знать мое мнѣніе, то рѣшительно скажу, что кромѣ тебя никого не желаю и ни о комъ не войду съ представленіемъ. Пожалуй не замедли отвѣтомъ, но таковымъ, который бы меня порадовалъ, а двѣсти человѣкъ воспитанниковъ на всю ихъ жизнь сдѣлалъ счастливымъ».

20 Августа. Легко можешь себѣ представить, любезнѣйшій кн. Александръ Петровичъ, съ какимъ восхищеніемъ получилъ письмо ваше, въ которомъ изъявляете согласіе на мое предложеніе. Коль скоро получу просьбу объ увольненіи (что надѣюсь не замедлится), то вмѣстѣ съ нею и представленіе о васъ пошлю. Въ согласіи вашемъ я почти не сомнѣвался, авось либо услышитъ Богъ молитву воспитанниковъ и ихъ родителей, что и Высочайшее согласіе послѣдуетъ тогда, то я и себя и всѣхъ воспитанниковъ поздравлю!

17 Сентября». Сегодня получилъ я разрѣшеніе на извѣстное вамъ мое представленіе; мнѣ казалось, что оно такъ хорошо было обдумано и соображено единственно съ пользою службы, слѣдовательно и будетъ утверждено. Пожалѣйте, любезнѣйшій другъ, обо мнѣ, о воспитанникахъ и *еще о комъ хотите*. Не говоря никакихъ причинъ, не хотятъ сдѣлать представленія; но я догадываюсь, что все затрудненіе состоитъ только въ томъ, что вы безъ эполетъ и безъ шпоръ! Я зналъ, что въ нынѣшнемъ вѣкѣ это большой порокъ, но никакъ не могъ вообразить, что простирался до такой степени! Надѣюсь, многоуважаемый князь, что желаніе мое совмѣстнаго служенія послужитъ вамъ новымъ доказательствомъ искренней моей дружбы и отличнаго уваженія.»

Эта первая неудача не измѣнила однако намѣреній князя поступить вновь на службу, и съ сею цѣлію онъ отправился въ началѣ 1824 года въ Петербургъ. Черезъ фельдмаршала Дибича доставилъ онъ письмо

къ Государю, въ которомъ изложилъ всеподданнѣйшую свою просьбу о принятіи его на службу. Государь передалъ эту просьбу Генералъ-Губернатору Балашову и выразилъ при этомъ желаніе назначить князя гражданскимъ губернаторомъ въ Тулу. Балашовъ 26 Марта собственноручно писалъ князю: «Мнѣ пріятно было слышать отъ Его Величества о намѣреніи назначить васъ въ Тульскіе гражданскіе губернаторы. Я съ удовольствіемъ равномѣрнымъ вспоминаю дружескую связь семейства вашего съ нашимъ. Желаю, чтобы общее служеніе наше было взаимно намъ пріятно, чего я надѣюсь безъ сумнѣнія. Благоразумная дѣятельность съ вашей стороны, хотя дряхлая но долговременная опытность съ моей, надѣюсь подадутъ къ тому способы. При свиданіи готовъ правила мои изложить предъ вами съ искренностію. Одобреніе мое предъ самимъ Государемъ вашихъ достоинствъ было слѣдствіемъ сего же чувства».

Не смотря однако на волю Государя, указъ о назначеніи князя не былъ тогда же представленъ къ подписанію за отсутствіемъ графа Аракчеева, (*) а впослѣдствіи въ Тулу назначенъ былъ другой губернаторъ, которому, какъ видно, это мѣсто было обѣщано прежде. Только уже въ началѣ 1825 года князь получилъ назначеніе быть гражданскимъ губернаторомъ Калужской губерніи, куда онъ и переселился съ семействомъ.

Съ своей стороны Ю. А. Нелединскій рѣшился окончить свою служебную карьеру. 15 Декабря 1824 года онъ писалъ Императрицѣ:

«Отъ совершенно разстроеннаго моего здоровья, чувствуя въ себѣ

(*) По этому поводу Н. М. Карамзинъ писалъ кн. А. П. «получивъ Ваше дружеское письмо, на другой же день я имѣлъ случай говорить объ васъ съ Государемъ, вотъ слова Его:» *Это недоразумѣніе. Я хотѣлъ и хочу опредѣлить Кн. Оболенскаго Губернаторомъ, но не сказалъ, что въ Тулу, куда назначался другой.* Онъ увѣрилъ меня, что всегда хорошо объ Васъ думалъ и думаетъ. И такъ ждите Губернаторства. Увѣряю Васъ искренно, любезнѣйшій другъ, что въ словахъ Государя не замѣтилъ я ничего, кромѣ самого добраго къ Вамъ расположенія. Онъ помнитъ всю Вашу службу, но какъ сдѣлалось то, что сдѣлалось, не понимаю.»

оскудѣніе малыхъ моихъ способностей, почитаю долгомъ вѣрноподданнаго повергнуть къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества горестное для меня, но праведное опасеніе быть, при всемъ моемъ усердіи, недостойнымъ исполнителемъ обязанностей моихъ по службѣ. Частые болѣзненные припадки, разслабленіе вообще силъ моихъ и глухота, лишающая меня возможности участвовать въ разсужденіяхъ по дѣламъ трактующимся во Опекунскомъ Совѣтѣ, принуждаютъ меня, съ душевнымъ прискорбіемъ, всеподданнѣйше просить Всемилостивѣйшаго Вашего Императорскаго Величества соизволенія на увольненіе меня отъ дѣлъ, подъ Высочайшимъ Вашимъ начальствомъ производящихся, каковымъ соизволеніемъ, а не прежде, я почту себя разрѣшеннымъ и въ намѣреваемомъ испрошеніи отставки моей отъ Сената.

«Безъ малаго тридцать лѣтъ, бывъ предметомъ несчетныхъ благодѣяній вашихъ, Всемилостивѣйшая Государыня, мнѣ ли, преисполненному нескончаемой благодарности, мнѣ ли усомниться въ благоугодномъ услышаніи сей моей наиприлежнѣйшей просьбы и во Всемилостивѣйшемъ оной исполненіи»?

Не смотря на это и неоднократно повторенныя ходатайства, Императрица не согласилась на увольненіе Юрія Александровича до 1826 года.

Въ продолженіе всего этого времени Юрій Александровичъ часто писалъ къ своимъ дѣтямъ. Продолжаемъ выписку всѣхъ мѣстъ изъ этой корреспонденціи, которыя имѣютъ какой либо общественный интересъ.

7 Ноября 1824 года. Пишу къ вамъ, стоя у своего окошка, подъ которымъ вижу рѣку, текущую во всю ширину улицы и покрывшую тротуары, подлѣ которыхъ надолбы чуть торчатъ, не болѣе какъ на четверть, а скоро совсѣмъ ихъ не будетъ видно, ибо вода отъ часу болѣе прибавляется, такъ что извощичьимъ дрожкамъ выше ступицы, а лошадямъ по брюхо. Судите же, что должно быть въ Коломнѣ и по близости оной; почему я не очень увѣренъ, что это письмо попадетъ на почту: пишу на удачу.

Сегодня, *10 Ноября*, распечатываю это письмо, чтобы васъ

увѣдомить, что въ прошлую пятницу я не могъ его отправить, потому что не только пѣшкомъ, но и верхомъ безъ опасности послать было невозможно. Противъ большого наводненія, которое было въ 1777 году, вода, сказывалъ мнѣ комендантъ, нынѣ была на аршинъ съ четвертью выше. На Невскомъ проспектѣ еще вчера изъ погребовъ и мелочныхъ лавочекъ выкачивали воду. Каменная ограда Воспитательнаго Дома повалена. На нѣкоторыхъ домахъ показались трещины. Въ карточномъ магазинѣ (*) было 52,000 дюжинъ. Изъ нихъ, думаю, тысячъ тридцать спасены въ верхній этажъ. Потонуло, говорятъ, множество казенныхъ и офицерскихъ лошадей. Къ великому несчастію, погибло значительное число людей! Посланъ былъ генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ спасти, ежели можно, нѣсколько человѣкъ, которыхъ увидѣлъ Государь. Бенкендорфъ дошелъ до катера въ водѣ по плечи и успѣлъ спасти. Ему пожалована табакерка, говорятъ, въ 50.000 р. Убытки оцѣниваютъ свыше двадцати милліоновъ. Страшно подумать, что должно было быть въ Коломнѣ, гдѣ тьма бѣдняковъ живетъ въ подвалахъ ниже мостовой. Вчера и третьяго дня я былъ у Государыни. Она очень грустна; однако, слава Богу, изъ состоящихъ подъ Ея начальствомъ никто не погибъ.

Ноября 16. Я вамъ писалъ о бывшемъ здѣсь 7 числа наводненіи, да и кромѣ меня Москва уже вѣроятно наполнена подробными о томъ извѣстіями. Но можетъ быть не всѣ знаютъ о благодѣтельныхъ мѣрахъ, принятыхъ Государемъ и Императрицею Маріею Ѳеодоровною для облегченія жребія несчастныхъ, пострадавшихъ наиболѣе отъ сего столь ужаснаго, внезапно ихъ поразившаго бѣдствія. Нѣтъ сомнѣнія, что и Государыня Елисавета Алексѣевна не оставила посѣтить бѣдныхъ разоренныхъ своими благодѣяніями; но о семъ я ничего сказать не могу. Вотъ копія съ рескрипта кн. Александру Борисовичу Куракину. Кто писалъ этотъ рескриптъ, я не спрашивалъ, для того что вижу въ немъ печать сочинителя почитающаго *неиму-*

(*) Нелединскій завѣдывалъ карточной экспедиціей при Воспитательномъ Домѣ.

щихъ имѣющими ближайшее право на Отеческое Его попеченіе. Послѣдняя статья этого рескрипта—божественна!

«Князь Алексѣй Борисовичъ! Бѣдствіе, постигшее С.-Петербургъ въ 7-й день сего Ноября внезапнымъ и необыкновеннымъ наводненіемъ, исполнило сердце Мое горестными чувствами. Судьбы Всевышняго праведны и неисповѣдимы. Въ глубокой покорности волѣ Его и скорби о всѣхъ потерпѣвшихъ убытки и разстройство, Правительство не можетъ вознаградить всѣ траты сего бѣдственнаго дня, но доставленіе скорой и существенной помощи наиболѣе разореннымъ и неимущимъ Я вмѣняю себѣ въ священный долгъ. Они имѣютъ ближайшее право на Отеческое Мое попеченіе.

«Я назначаю въ раздачу имъ, безъ возврата, милліонъ рублей изъ суммъ, оставленныхъ отъ сбереженій изъ суммъ хозяйственнымъ устройствомъ военныхъ поселеній.

«Избирая исполнителемъ сей Моей воли васъ, генераловъ: гр. Аракчеева, гр. Милорадовича, Сукина, Министра Финансовъ, Начальника Морскаго Моего Штаба и С.-Петербургскаго Оберъ-Полицеймейстера—повелѣваю: изъ сихъ лицъ и изъ одной духовной особы по назначенію первенствующаго въ Святѣйшемъ Сѵнодѣ, Преосвященнаго Митрополита Серафима, образовать, подъ предсѣдательствомъ вашимъ *Комитетъ о пособіи разореннымъ наводненіемъ С.-Петербурга.* Комитетъ изберетъ еще для присутствія въономъ двухъ членовъ изъ здѣшняго россійскаго купечества.

«Мое искреннее желаніе состоитъ въ томъ:

1) Чтобы первымъ долгомъ Комитета было доставленіе прибѣжища и содержанія лишеннымъ покрова и пищи; вообще чтобы пособія изъ назначеннаго капитала оказуемы были тѣмъ единственно, для коихъ по совершенной бѣдности они необходимы.

2) Чтобы пособія сіи вѣрно и точно доходили по назначеніямъ.

3) Чтобы доставляемы они были скоро и безпрепятственно.

Сіи правила Комитетъ приметъ главнымъ основаніемъ своихъ дѣйствій. Чувства и состраданія истинной любви къ ближнему, долгъ передъ Богомъ и Отечествомъ укажутъ вамъ и сотрудникамъ вашимъ

во всей подробности пути, коимъ въ великомъ дѣлѣ благотворенія должно слѣдовать».

Рескриптъ этотъ есть печатанный, но у меня его нѣтъ. Можетъ быть вы его знаете; но тѣмъ не менѣе мнѣ пріятно было его списывать.

Подаяніе бѣднымъ вольно присылать въ вышеозначенный Комитетъ.

Кромѣ гр. Милорадовича, назначены три Военные Губернатора: гр. Комаровскій, Депрерадовичъ и Бенкендорфъ. Имъ каждому особенно поручено въ завѣдываніе Васильевскій Островъ, Выборгская, Петербургская стороны. По ихъ свидѣтельствѣ о неимуществѣ, будутъ дѣлаться пособія.

Государыня Марія Ѳеодоровна назначила, отъ обоихъ Воспитательныхъ Домовъ, сто тысячъ рублей для найма дома (который уже нанятъ, весьма большой, за Аничкинымъ мостомъ), въ который, по свидѣтельствамъ Военныхъ Губернаторовъ, будутъ помѣщены, питаемы и отоплены всѣ отъ Военныхъ Губернаторовъ присылаемые. Начальникомъ въ этомъ домѣ Почетный Опекунъ Щулеповъ. Сверхъ этого, въ старомъ домѣ Смольнаго монастыря опредѣлено нѣсколько большихъ и малыхъ комнатъ, для помѣщенія и содержанія всѣмъ нужнымъ, тѣмъ изъ разоренныхъ послѣднимъ бѣдствіемъ, которые когда либо воспитывались въ заведеніяхъ, подъ начальствомъ Ея Величества состоящихъ. Надзоръ порученъ Почетному Опекуну Васильчикову.

Послѣ общихъ главныхъ распоряженій описанныхъ выше, Государыня Императрица простерла благодѣтельность свою на частные способы вспомоществованія бѣднымъ. Она приказала заложенныя въ Ломбардѣ шубы и прочія теплыя одѣянія выдавать немедленно, безденежно закладчикамъ, приходящимъ со свидѣтельствами о ихъ разореніи, хотя бы кто и не представилъ ломбарднаго билета, только бы описаніе заклада оказалось справедливымъ. Платежъ ссудной казны Государыня принимаетъ на себя. Не истинное ли это матернее сердоболіе?

Четыре Адмиралтейскія части, Нарвская и Московская части подѣлены въ завѣдываніе сенаторамъ: Кутайсову, Хитрову, Болгарскому,

Кушелеву и Куракину, да Уварову, правящему Банкомъ. При нихъ чиновники, купцы и старосты церковные при каждомъ. Я читалъ прекрасную, самую полную, однимъ словомъ гдѣ ничего не забыто, инструкцію Военнымъ Губернаторамъ. Таксы на хлѣбъ и соль прибиты къ будкамъ—цѣна соли 2 р. 80 к. за пудъ.

Надобно по истинѣ сказать, что попеченіе Правительства таково, что оно достойно замѣнить благодарностію, унынiе въ сердцахъ посѣянное.

21 Ноября... Кромѣ множества домовъ, въ которыхъ размѣщены бѣдные разоренные, сегодня я слышалъ отъ адъютанта Бенкендорфа, что въ биржѣ живетъ человѣкъ до 1500; имъ роздана одежда и всякій день ихъ кормятъ. Вообще, истинно премудрыя мѣры принятыя Правительствомъ рачительно исполняются. Нищеты совсѣмъ не видать и не слыхать о нуждающихся. Разоренные наводненіемъ, по видимому всѣ призрѣны; а *нищіе ремесломъ*, которые отъ наводненія не потерпѣли, я чаю, стыдятся теперь просить милостыни. Не знаю, правду ли мнѣ сказывали, что при раздачѣ одежды, одной старухѣ подавали шубу: «Нѣтъ, батюшка, мнѣ грѣхъ взять: я свою шубенку спасла, эта годится другому бѣдному; а пожалуйте мнѣ чулочки, у меня ихъ нѣтъ». Почтенная старушка! Откуда она заимствовала такія чувства? Конечно, не изъ правилъ чести: вѣра въ Бога ее руководила. Тебѣ вѣрно эта старушка любезна. И ты разскажешь эту быль своимъ дѣтямъ! Очень основательно ты думаешь, *что гораздо легче переносить испытанія отъ Бога, нежели неудачи и противорѣчія отъ людей.* Хотя судебъ Его не постигаемъ; но знаемъ, что онѣ праведны; а досаду, терпимую отъ людей, мы приписываемъ иногда напрасно, а часто и правильно—ихъ капризамъ или безпечности. И такъ, кромѣ разсудка, нѣкое внутреннее чувство научаетъ насъ повиноваться волѣ Вѣчнаго Правосудія; а противъ вредительныхъ намъ человѣческихъ страстей побуждаетъ быть нетерпѣливыми... Но, другъ мой милый! Если станемъ держаться той истины, что безъ воли Божіей ничто не дѣлается, то изъ сего заключить должно, что наносимыя намъ и отъ людей огорченія-бываютъ по Его же высшей

Волѣ. Слѣдовательно, должно все переносить терпѣливо. Авось, ты меня не спросишь: такъ ли я поступаю?!

13 Іюля 1825 г. Поблагодарите отъ меня вашего банкира г. Бонанже за то, что онъ меня ввелъ въ убытокъ и спросите его для чего онъ думалъ, что вы безъ него не умѣли бы, если бы хотѣли, отправить «*Le chant du Sacre*, (*) по почтѣ? Представте себѣ, что съ меня за эту крошечную тетрадку сдули слишкомъ 11 рублей! Это обстоятельство еще уменьшило мое при чтеніи этой піесы восхищеніе; къ которому, признаюсь вамъ, я уже не готовился и по выпискѣ вашей въ письмѣ вашемъ. Что такое: *des cheveux qui semblent pleurer un Diadême?* Въ простомъ смыслѣ, говоря о волосахъ—это ничего не значитъ; а ежели онъ разумѣетъ о самой вдовѣ; то ничего не трогательно, что она жалѣетъ не о мужѣ, а о коронѣ. И гдѣ разсудокъ, — посреди всеобщаго восторга, представить завистницу вѣнчаемаго короля?... *Le Ciel lui fit une âme égale à sa misère* — никуда не годится! И вы, хваля этотъ стихъ, не подумали, что имъ сказано. Вы думали, что душа въ ней свыше ея бѣдствій—и *misère!!!* Какое слово уничижительное! Но ему надобна была рифма на слово *mère*. Еще если бы *misères* au pluriel; а въ единственномъ числѣ это просто *нищета* и я представляю себѣ ее въ лахмотьяхъ, въ рубищѣ. Онъ хотѣлъ сказать, что душа въ ней равно величіемъ, съ великостію несчатія ея. Слѣдовательно: она верхъ надъ ними не беретъ. Что же этимъ сказано?

Trente ans comme un seul jour s'effacent: ta mémoire
Se souvient de la gloire;
Le crime est oublié!

Очень хорошо; на это умѣстно было бы сказано не Карлу X, а Людовику XVIII. Есть конечно хорошія мѣста; но отъ чего тяжело, надсадно его читать? А возмите стихотворенія французскихъ же писателей минувшаго столѣтія! Сравните королеву молитву, съ воззваніемъ Екатерины, въ Державинѣ. Но пора перестать, умолчавъ о *мгрь кàпающимъ на чело свободы*—о *тѣни* которой *вздохи* Карлъ X *видѣлъ!!!*

Іюля 17 1825 г. Посылаю вамъ двѣ книжки сочиненія Пушкина, и бывшаго лихова танцовщика Ив. Ив. Козлова, который теперь безъ

(*) Victor Hugo.

ногъ, такъ что его носятъ и сверхъ того совершенно слѣпъ. Талантъ въ немъ открылся — и талантъ отличный, послѣ потерянія глазъ. Теперь онъ извѣстный будетъ и потомству, какъ хорошій и чувствительный поэтъ; а пока видѣлъ и танцовалъ, современники объ немъ говорили, что весь его умъ въ ногахъ.

1 Сентября 1825 г. На что же вы хотите меня срамить, заставляя Юшиньку выучить вздорные мои стихи. Онъ выростетъ и будетъ послѣ меня надо мною смѣяться. Скажу вамъ на нихъ счетъ странность. Я не только ни одного слова не помню; но даже совсѣмъ забылъ на какой случай ихъ написалъ. Смѣялись и мы съ кн. А. Н. Сонцевой мысли, что будто всѣ ваши крестьяне вдругъ разомъ чихнули! Она премилая своими шутками и тѣмъ онѣ хороши, что вырываются изъ нее всегда кстати, скоры и ясны какъ молнія! Что же касается до вашего приказа; то конечно онъ очень хорошъ и писанъ языкомъ для крестьянъ приличнымъ; но не всякій помѣщикъ можетъ такъ съ своими говорить; надобно чтобы крестьяне знали, такъ какъ ваши знаютъ вашу о нихъ попечительность; надобно, чтобы увѣрены были, что помѣщикъ ихъ твердъ въ вѣрѣ, и не шутитъ псальтырью, когда ихъ увѣщеваетъ сю. Безъ того, слова его не будутъ дѣйствительны. Вы этого не рискуете....

25 Октября 1825. Вчера вернулся изъ Гатчины, гдѣ прилежнѣйше просилъ Государыню въ *третій* разъ объ отставкѣ. Она согласилась, но приказала дождаться возвращенія Государя, который будетъ въ Декабрѣ. Дуэль Новосильцева съ Черновымъ кончилась смертью обоихъ послѣ нѣсколькихъ дней; но умерли они друзьями, и во время болѣзни всякій день другъ о другѣ присылали навѣдываться. Катерина Владиміровна (Новосильцова) теперь въ Москвѣ. Она свѣдавши, что сынъ ея раненъ, была въ изступленіи; но какъ онъ умеръ, вошла въ себя и стала тиха. Въ этомъ содѣйствовалъ ярославскій архіерей Григорій, котораго она слушалась. Ѣздила къ нему и тамъ вела себя благаразумно. Его отпѣвали въ сергіевскомъ монастырѣ, что по петергофской дорогѣ.

1 Декабря 1825. Ну, друзья мои! Теперь Богу извѣстно, когда я получу отставку и къ вамъ переселюсь! Государыня, какъ вы разсудите,

такъ огорчена (*), что безпокоить Ее о своемъ дѣлѣ не только не пристойно, даже было бы безбожно. Здоровье Ея, слава Богу, держится; но по ночамъ не имѣетъ сна. Отъ Императрицы Елисаветы Алексѣевны вчера получено письмо отъ 21 числа. Ей не хуже прежняго, слава Богу. Здѣсь всѣ поражены были вѣстію о неожиданномъ несчастіи. Простой народъ плачетъ. Оберъ-полицеймейстеръ, сказываютъ, говоритъ, что въ эти дни въ кабакахъ почти не пьютъ... Черезъ 12 дней полагаютъ что надо ожидать или повелѣнія или прибытія Государя Императора.

3 Декабря 1825 г. «Здоровье Императрицы Маріи Θедоровны при всемъ жестокомъ Ея огорченіи, слава Богу, не измѣняется. Сегодня она утѣшена была прибытіемъ Великаго Князя Михаила Павловича. Онъ привезъ извѣстіе, что Императоръ Константинъ Павловичъ здоровъ. Изъ Таганрога послѣднее письмо князя Петра Михаиловича Волконскаго увѣдомляетъ, что Государыня Елисавета Алексѣевна переноситъ свое горе съ необыкновенною твердостію и здоровьемъ не слабѣетъ. Къ ней ѣдитъ гр. Софья Владиміровна Строгонова. Сегодня должна была выѣхать. Больше нечего сказать».

11 Декабря 1825 г. «Я уже кажется вамъ писалъ, что о скоромъ прибытіи Императора есть извѣстіе. Государыня Марія Θедоровна, слава Богу здорова; но очень слаба, однакожъ на ногахъ. Ѣздила въ крѣпость выбирать мѣсто *для* положенія Августѣйшаго драгоцѣннаго Ей покойника: что было новымъ возмущеніемъ Ея чувствъ. Отъ Императрицы Елисаветы Алексѣевны получено собственноручное письмо. Здоровье ея въ томъ же положеніи; но слабость прибавляется».

18 Декабря. Вы уже извѣстны, чрезъ прибавленіе къ газетамъ 15 числа, №100, о приключеніи бывшемъ наканунѣ, которое въ нѣсколько часовъ было благополучно кончено и послужило при самомъ вступленіи Государя на престолъ къ ознаменованію въ Немъ именно Царской кротости и твердости. Кажется нельзя, чтобы у Васъ не было Петербургскихъ Вѣдомостей, а то бы я Вамъ ихъ прислалъ. Въ 7 часовъ

(*) Кончиной Государя.

вечера по усмиренiи мятежниковъ, Государь съ Супругою и Наслѣдникомъ, сопровождаемый Дворомъ и собравшимися во дворцѣ, слѣдовалъ въ дворцовую церковь для молебна. Между тѣмъ, кавалерiя, гнавшая мятежниковъ, ихъ всѣхъ перехватала. Жаль Милорадовича! А прежде, я чай, еще въ казармахъ, Василью Никаноровичу Шеншину—одинъ офицеръ разрубилъ лобъ; однако, слава Богу, ему легче. Раненъ еще Фридрихсъ; но объ немъ я подробностей не знаю. Въ числѣ бунтовщиковъ называютъ какого-то кн. Оболенскаго и другихъ извѣстныхъ фамилiй; также нѣсколькихъ хорошихъ писателей въ стихахъ и прозѣ. Слава! Благодаренiе Господу Богу! Все теперь покойно! Государыня Марiя Θедоровна здорова, какъ и вся Царская Фамилiя.

31 Декабря. Вы оба нетерпѣливо ожидаете отъ насъ извѣстiй; но вы все знаете и отъ меня и черезъ газеты. Все, что здѣсь происходило обнародовано съ воли Правительства, и съ такой полной истиной, что ничего на загадку не оставлено. Начинался мятежъ, но онъ черезъ три часа уничтоженъ личнымъ, истинно мудрымъ распоряженiемъ самого Государя, который въ это короткое время и въ первыя минуты своего царствованiя заставилъ видѣть въ себѣ Царя неустрашимаго, предусмотрительнаго, твердаго и кроткаго. Я это уже вамъ пишу въ другой разъ; а вы меня довольно знаете, чтобы быть увѣренными, чтобы я и ни одного раза не написалъ, ежели бы не такъ было. Читайте манифестъ 14 Декабря о восшествiи. Прекраснѣйшiй манифестъ 19 числа, прибавленiе къ газетамъ. Въ послѣдней бумагѣ поименованы злоумышленные руководители, въ томъ числѣ какой-то Оболенскiй. Успокойтесь на счетъ Шеншина. Я у него, четыре дня назадъ, долго сидѣлъ и много разговаривалъ. Слава Богу! Этотъ добрый, честнѣйшiй человѣкъ будетъ скоро совсѣмъ здоровъ. У него на лбу косой шрамъ вершка въ полтора. Кисть была просѣчена, и медики радуются, что сабля была очень остра и оттого кисть не была раздроблена. На мѣсто добраго Милорадовича поступилъ Павелъ Васильевичъ Кутузовъ.

15-го Генваря 1826 года: «Я нынѣ бываю очень рѣдко у Государыни—иногда по субботамъ, когда сзываются къ ней всѣ Члены Опе-

кунскаго Совѣта и то, всего на полчаса и менѣе. Ежели бы какъ прежде я у ней сидѣлъ по вечерамъ, тогда бы можно завести объ нихъ (дѣтяхъ покойнаго калужскаго прокурора) рѣчь; а теперь я такъ мало гожусь для разговора по глухотѣ моей, что когда она что нибудь мнѣ скажетъ, такъ кто нибудь изъ секретарей мнѣ долженъ переговорить въ ухо,—да и обстоятельства таковы; и Государыня такъ грустна, что я и объ себѣ молчу».

23-го Февраля: «Вчера я узналъ отъ Государыни, что уже рѣшительно избрана Калуга для временнаго пребыванія Императрицы Елисаветы Алексѣевны, куда и она прибыть намѣрена. Изъ этого я заключаю, что одного вашего дома будетъ мало. Прошеніе г-жи Корнилевской (вдовы прокурора) я самъ подалъ въ собственныя руки, и былъ очевидцемъ благодѣтельнаго расположенія милосердой Государыни; но еще не получивъ рѣшенія, не обнадеживаю въ успѣхѣ! самъ же внутренно далекъ отъ того, чтобъ отчаяваться; однако пожалуйста не говори этого г-жѣ Корнилевской. Скажите ей, что я не нашелъ еще удобнаго времени для поднесенія письма ея. Ничто не вѣрно, пока еще не рѣшено! Захотите ли же рисковать усугубить ея горе, ежели послѣ вашего обнадеживанія не исполнится! Я увѣренъ, что отвѣтъ не замѣшкается и вы отъ меня тотчасъ увѣдомлены будете . . . . »

Марта 5-го «Здѣсь все готовится къ завтрашней встрѣчѣ тѣла покойнаго Государя. Мнѣ лично предстоитъ походъ изрядной, однако не чрезмѣрно большой: отъ заставы за Обуховскимъ мостомъ до Казанской. Я ничего не несу, а иду между сенаторовъ остающихся за откомандированіемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ къ несенію орденовъ. Черезъ недѣлю, сказываютъ, 13-го числа, тѣмъ же порядкомъ тѣло перевезется въ крѣпость черезъ вновь наведенный мостъ, отъ монумента Суворова прямо въ крѣпость».

Марта 8-го. Вчера и третьяго дня, я сидѣлъ на креслахъ протянувши горизонтально обѣ ноги, чтобы распухшіе у обѣихъ большіе пальцы, опали. Это было вслѣдствіе пѣшешествія моего отъ Обуховской заставы до Казанскаго собора. Въ эти два дня сапоги не лѣзли на ноги и колѣна развихлялись; но сегодня уже все прошло и я ѣду со двора. Погода была непріятная — холоднѣе предъидущихъ теплыхъ

дней, вѣтеръ довольно сильный и снѣжокъ намъ на встрѣчу; но это не имѣло надо мной никакого дѣйствія; а Ив. Вас. Тутолминъ, который всякой день ходитъ пѣшкомъ, чтобы пріучиться къ воздуху, засѣлъ дома на долго. У него щеку взодрало, и сдѣлалось затвердѣніе. Думаю, что въ будущую субботу, я въ крѣпость не пойду.

«Всеконечно я не стану ждать коронаціи, чтобъ подать. прошеніе объ отставкѣ и намѣреваюсь это сдѣлать спустя недѣли двѣ послѣ погребенія, которое говорятъ будетъ въ субботу. Въ первыхъ числахъ Мая думаю пуститься въ дорогу. Ты пишешь милая моя, что желала бы знать о намѣреніи моемъ заранѣе, для того, чтобы по тому расположиться: и я желалъ бы знать заранѣе, въ чемъ бы могли состоять эти предварительныя къ моему пріѣзду распоряженія? Домъ, что ли, ты для меня построить хочешь? Охъ ты хлопотунья!

Марта 12-го. Слышно, что Императрица Елисавета Алексѣевна къ вамъ прибудетъ 25-го сего мѣсяца; и къ этому же числу намѣрена пріѣхать и Марія Θеодоровна. Слѣдовательно ей должно выѣхать отсюда не далѣе какъ черезъ недѣлю отъ сего числа. Возвратится же, говорятъ, передъ праздникомъ. Куда какъ ты мнѣ смѣшна, говоря все о моемъ скоромъ къ вамъ пріѣздѣ! Куда дѣвался твой разсудокъ? Мужъ умнѣе тебя разсчитываетъ. Кажется не мудрено бы догадаться, что въ теперешнее время не стану спѣшить.

Марта 26-го. Очень понимаю мой любезный К. А. Н. твою радость о томъ, что пріѣздъ Государыни отложенъ до праздника, и вмѣстѣ съ тобой этому радуюсь. Судя по тому какъ мнѣ описываютъ кряжъ земли вашей губерніи, для Императрицы путешествіе было бы весьма тягостно, и для тебя оскорбительно. Очень спасибо тому, кто присовѣтывалъ отложить. Зачинъ о моей отставкѣ сдѣланъ. Написавъ прошеніе Государю, и ссылаясь въ немъ на соизволеніе Императрицы, я подалъ оное на ея апробацію: она оставила его у себя и до сихъ поръ еще ничего не вышло .

2-го Апрѣля. Кажется будетъ по твоему желанію: я отъ самой Государыни слышалъ, что она располагается выѣхать въ концѣ Апрѣля. Что касается до меня, то ежели я бы и получилъ отставку прежде ея отбытія, мнѣ должно будетъ остаться здѣсь до тѣхъ поръ, какъ по

присылкѣ вѣдомостей изъ дальнихъ губерній, можно будетъ представить отчетъ за весь прошлый годъ о карточной продажѣ. Какъ бы то ни было, но ежели не прежде, а въ Іюнѣ, коли кто изъ насъ не свалитъ—т. е.—не умретъ, такъ будемъ вмѣстѣ .

16-го Апрѣля: Христосъ воскресе! Поздравляю васъ мои любезнѣйшіе съ праздникомъ. А я, вчера удостоился пріобщиться Св. Таинъ . . . . Ты почиталъ уже пущеннымъ въ ходъ прошеніе мое объ отставкѣ, съ того времени какъ я поднесъ его Государынѣ; но оно было поднесено мной на ея только одобреніе, и съ тѣхъ поръ удержано было у Ея Величества; а дѣйствительно въ ходъ оно поступило не прежде какъ два дня предъ симъ, и именно 13-го числа я получа отъ Императрицы, въ тотъ же день, подалъ при письмѣ моемъ Министру Юстиціи. Скоро ли выдетъ, не знаю; но послѣ того, я буду долженъ завѣдывать продажу карточную до полученія изъ губерній 4-хъ вѣдомостей. Государыня отъѣзжаетъ въ Москву 25-го числа, а я еще здѣсь останусь. Коротко сказать—прежде Іюня не думаю пуститься въ дорогу.

23 Апрѣля 1826... Объ увольненіи моемъ съ пенсіономъ 4.000 вчера мнѣ объявленъ указъ въ Сенатѣ. Государыня Марія Ѳеодоровна отъ себя жалуетъ мнѣ по 2.000 пенсіона. Сію минуту принесли мнѣ обыкновенно жалуемый Государемъ перстень. Остается только благодарить и сдать карты, о чемъ повелѣнія еще не имѣю, а получу въ дорогѣ. Вчера въ 10 часовъ Государыня изволила отправиться въ путь (въ Москву).

11 Мая 1826. Писавши отъ 2 числа Вы еще не знали о кончинѣ доброй, ожидаемой вами Императрицы Елисаветы Алексѣевны! (*). Здѣсь получено печальное это извѣстіе въ ночь съ 8 на 9 число, и было причиною остановки моего и многихъ Государю представленія, назначеннаго въ то утро. Страданія преставившейся кончились,—вотъ что всякій скажетъ себѣ въ утѣшенье. Теперь еще ничего не извѣстно, коронація на долго ли будетъ отложена? Императрица Марія Ѳеодоровна воротится ли сюда, или останется въ Москвѣ?

(*) На обратномъ пути изъ Таганрога Императрица должна была остановиться въ Калугѣ.

14 Мая: Твое письмо отъ 5-го числа содержало уже позднія для насъ вѣсти. Мы 7-го числа по утру уже знали о кончинѣ долготерпѣвшей страдалицы Императрицы Елисаветы Алексѣевны. Это 7-е число было назначено многимъ, въ томъ числѣ и мнѣ, представляться Государю, и я пріѣхалъ во дворецъ въ 9-ть час., при самомъ входѣ узналъ, что представленіе отмѣняется—при чемъ и плачевная тому причина была объявлена. Чрезъ цѣлые 33 года покойница досады не сдѣлала никому, а добро многимъ. Достойный ея удѣлъ—здѣсь слезы сожалѣнія, а тамъ... вѣчная награда!

21-го Мая: Ожидаемаго разрѣшенія отъ Государыни о сдачѣ карточной экспедиціи я еще не получалъ; вѣроятно потому, что сама Императрица еще не знаетъ возвратится ли она въ Петербургъ или останется въ Москвѣ до коронаціи. Самаринъ на этотъ счетъ ничего кромѣ гадательнаго къ Софьѣ не пишетъ. . . Сейчасъ ѣду навѣстить Карамзина, который очень боленъ. Онъ живетъ въ Таврическомъ дворцѣ, гдѣ четыре дня назадъ я у него былъ; нашелъ его очень слабымъ; однако онъ сказывалъ мнѣ, что иногда прохаживается по комнатѣ и выходитъ сидѣть въ садъ. Но вчера ввечеру говорили, что онъ безъ всякой надежды.... Указа я не видалъ, но слышалъ за вѣрное, что ему пожаловано 50 т. пенсіону по смерть, а послѣ него женѣ съ дѣтьми. Черезъ часъ объ этомъ, такъ и о состояніи больнаго узнаю достовѣрно».

IX.

(1826—1828 г.).

Наконецъ исполнилось давнишнее желаніе Нелединскаго: онъ получилъ увольненіе отъ всѣхъ должностей.

22-го Іюня послѣ трехдневнаго отдыха въ Москвѣ, онъ прибылъ въ Калугу и поселился на покой у нѣжно любимой имъ дочери.

«Не могу довольно нарадоваться здѣшнимъ пребываніемъ моимъ»— писалъ онъ нѣсколько дней спустя въ Москву. «Хозяева мои, въ одну линію съ своимъ домомъ, построили мнѣ въ саду новые хоромы саженяхъ на 12-ти, въ которыхъ у меня прихожая, гостиная и спальня. Я уже писалъ кажется тебѣ, что обозъ мой пріѣхалъ два дня прежде меня. Живу я нельзя покойнѣе. Никто меня не будитъ, а самъ собой; съ тѣхъ поръ какъ я здѣсь, встаю въ 6 часовъ и до 9-ти дожидаюсь пробужденія Василисы Кузминичны и прочихъ; не знаю на что у меня слуга. До 9 часовъ пью чай, съ вечера мнѣ въ четырехъ чашкахъ поставленный, а тутъ подадутъ горячій. Между тѣмъ читаю. Съ 11-го часа посѣщаютъ меня по одиночкѣ мои хозяева; Грушенька не прежде 12-ти часовъ, и во 2-мъ пойдетъ одѣваться, что и я послѣ нея сдѣлавъ, къ половинѣ 3-го иду обѣдать. Нерѣдка за обѣдомъ бываютъ и чужіе; но и безъ нихъ столъ длинный, всегда полный, и за которымъ не смотря на то, что хозяйка, та же Грушенька, которую мы прежде знали, однако я всегда бываю слишкомъ сытъ и безъ крутой каши. Наѣвшись, и посидѣвъ *изъ благопристойности минуты три*, тихимъ шагомъ отправляюсь домой на вольтеріанскія препокойныя кресла, и въ нихъ, отъ трехъ

четвертей 5-го до половины 7-го часа, никто и ничто мнѣ не мѣшаетъ спать. Между тѣмъ большой жаръ пройдетъ, и къ девяти я являюсь въ собраніе, гдѣ всякій день играю въ вистъ очень счастливо. Вечера здѣшніе людны, особливо по воскресеньямъ: дамъ за бостономъ и вистомъ бываетъ до десяти, и болѣе; партіи столахъ на четырехъ; а дѣвицы и молодые мущины танцуютъ подъ клавикорды. Ужинаютъ тамъ гдѣ сидятъ, и въ полночь разъѣзжаются... Таковъ есть здѣшній родъ жизни, и я пользуюсь имъ при полной свободѣ располагать своимъ временемъ, не принимая къ себѣ никого и не ѣздя ни къ кому, и потому бываю одинъ или съ людьми, всегда по собственному произволу. На другой день моего пріѣзда, всѣ здѣшніе господа хотѣли почтить меня своимъ посѣщеніемъ; но я заранѣе поручилъ Оболенскому предупредить всѣхъ, что я предоставляю себѣ честь всѣмъ имъ рекомендоваться у него въ домѣ, и извинили бы меня, что у нихъ не буду. При первомъ моемъ выходѣ въ собраніе все это я сказалъ громогласно, бывъ, по просьбѣ моей, отъ хозяина калужскимъ господамъ представленъ. Общество здѣсь очень хорошее, особливо дамы, изъ которыхъ есть нѣсколько и пригожихъ лицомъ. Для меня прекраснѣйшая, жена ген.-майора Фрейгангъ; послѣ нея здѣшняя полицмейстерша Павлова, рожденная княжна Хованская, дочь кн. Ивана Сергѣича. Городъ очень красивъ, улицы камнемъ вымощенныя, широкія; строенья много каменнаго; два купеческіе дома такіе, что были бы хороши и въ Петербургѣ. Въ одномъ изъ нихъ жила Императрица; а другой назначенъ былъ для покойной Елисаветы Алексѣевны. Въ первомъ (я внутри не былъ) убранство главной комнаты стоило хозяину, купцу Золотареву, сказываютъ, 10.000 рублей. Соборъ прекрасный, въ которомъ 25-го числа служилъ здѣшній архіерей, а послѣ обѣдалъ за праздничнымъ столомъ у губернатора. Грушенька возила меня въ двѣ лавки, а еще въ третью не везетъ: боится, чтобъ я не разорился въ ней. На главныхъ улицахъ тротуары; алея обсаженная деревьями для гулянья; мостъ Каменный широкій, однимъ словомъ все такъ хорошо, что едва ли есть другой столько же хорошій губернскій городъ. Зимняго своего жилища я еще не знаю; а теперь съ одной стороны гляжу въ садъ, а съ другой въ поле, по которому однакожъ

чуть ли не больше прохожихъ, нежели въ сельцѣ Ивановскомъ. Виды здѣсь вообще прекрасные, и воздухъ самый чистый; только съ 10-ти часовъ утра и до 7 безмѣрно жарко, а дождь былъ въ три эти недѣли только три раза, и то непродолжительный. Но полно о Калугѣ! Съ тѣхъ поръ какъ сюда пріѣхалъ, я только въ другой разъ взялъ перо въ руки и не могу съ нимъ разстаться: за то ужъ какъ и положу, такъ не скоро сберусь опять писать».

Калуга, 12 Іюля 1826. «Вы видите, какъ я совершенно властенъ располагать своимъ времянемъ, и ничего бы къ полному моему удовольствію не недоставало, еслибъ сапоги мои противъ меня не заупрямились. Осердясь на нихъ, я хотѣлъ было велѣть ихъ распороть; но Грушенька, которая на все имѣетъ коллекцію разныхъ секретовъ, меня остановила, увѣривъ, что ничто узкой обуви такъ не расширяетъ, какъ вваръ можжевеловыхъ ягодъ и желудковый кофе. И то и другое я пью уже нѣсколько дней, поздравляя между тѣмъ себя съ началомъ водяной... Хорошо заранѣе знать чего себѣ должно ждать. Вотъ вамъ, любезный другъ, подробное описаніе вседневныхъ моихъ занятій, о которыхъ сообщивъ, желаю отъ всего сердца, чтобъ вы жили такъ пріятно и покойно какъ я».

Вотъ какъ описывалъ Нелединскій первое посѣщеніе того недуга, который долженъ былъ прекратить его дни. Бодрость духа не покидала его и въ то время, когда физическія страданія усиливались.

«Тяжеленько мнѣ, любезный другъ, тяжеленько; однако не столько, какъ бы было, ежели подагрическій припадокъ не скоро унялся. Онъ будто только попугать меня хотѣлъ: мучилъ не очень, и продолжался съ небольшимъ трое сутокъ. Гидропическая мука гораздо постояннѣе. Обѣ ноги безпрестанно ноютъ, будто скрученныя бичевками. Отъ тоски въ нихъ, принужденъ временно вставать, а ходить больно: стоять еще больнѣе!.. Тяжеленько, тяжеленько, сударь! Но на что же и терпѣніе, коли не для подобныхъ случаевъ? И кто же болѣе меня обязанъ быть терпѣливымъ, меня, который, какъ себя запомню, кромѣ одной горячки, не перенесъ никакой болѣзни, хотя поведеніемъ своимъ въ продолженіи болѣе 60 лѣтъ всегда заслуживалъ страдать отъ своей невоздержности! Теперь настало время расплаты! Умѣлъ жуировать—

умѣй же и терпѣть. Будетъ хуже! Проси у Бога силы, но роптать права не имѣешь. Такъ ли, мои любезные друзья!»

А черезъ нѣсколько дней, въ отвѣтъ на письмо изъ Москвы, писалъ:

«Ты совершенно правъ, любезный другъ! Твердость наша и терпѣніе тогда только основательны и надежны, когда подкрѣпляются упованіемъ на Всевышнюю помощь. Письмо твое заставило меня испытать самого себя на этотъ счетъ. Я до сихъ поръ въ огорченіяхъ душевныхъ, и въ болѣзненныхъ припадкахъ всегда показывался терпѣливымъ, но эта терпѣливость—*наружная*, и твердость моя не что иное, какъ чванство передъ окружающими меня. Опирался я всегда единственно на собственныя силы не отъ того, чтобъ я былъ безбожникъ, нѣтъ! Во всѣхъ счастливыхъ случаяхъ душа моя горѣла благодарностію, и жертву оныя въ теплѣйшихъ моленіяхъ возносила ко Всемилостивѣйшему Подателю благъ. Счастіе меня всегда приводило къ Богу: оно производитъ въ душѣ моей умиленіе съ покорностію; а въ огорченіяхъ и болѣзняхъ я къ Богу не прибѣгалъ. Какъ-бы противъ нападшаго непріятеля озлобясь, остервенясь будто въ дракѣ, уже тогда въ душѣ моей никакого добраго чувства не вмѣщаю. Размышленія, къ которымъ привело меня письмо твое, любезный другъ, мнѣ будутъ полезны. Такъ, истинно прочный запасъ терпѣнія, не въ ограниченныхъ силахъ нашихъ, а въ упованіи на неисчерпаемое Божіе милосердіе и въ нашей къ нему прибѣжности: отъ одной этой мысли уже чувствую что мнѣ легче»...

Изъ нѣсколькихъ десятковъ писемъ Нелединскаго, сохранившихся отъ этого времени, только эти два, выписанныя нами, сохранили слѣды вздоховъ и жалобъ старика. Ясность мысли, теплота чувствъ и обычная веселость не покидали его, по самую кончину.

Нѣжною заботливостію о многочисленныхъ внукахъ и внучкахъ своихъ дышатъ всѣ письма его къ дочери Самариной. Съ какою-то дѣтскою простотою участвуетъ старикъ въ проявленіи ихъ чувствъ и разума. Недуги не съёжили его; онъ продолжалъ жить сердцемъ для ближняго:

«За описаніе Мишиныхъ проказъ очень васъ благодарю! Ребенокъ онъ брыкливый; но отъ него нельзя не ожидать проку и всѣмъ намъ

утѣшенія. Эта брыкливость не устоитъ противъ *постояннаго воспитанія;* но *для* несомнѣннаго успѣха надобно, чтобъ *оно было продолжительно.* У Миши нашего много капризовъ, и станетъ ихъ у него надолго; а потому надобно запастись силами, чтобы смочь хладнокровно переносить всѣ временныя отъ него досады, между тѣмъ постепенно брать надъ нимъ верхъ черезъ непобѣдимое всегда преимущество солидныхъ мѣръ противъ вѣтрености и ребячества. Повторяю: надобно время! Съ продолженіемъ онаго можно за успѣхъ ручаться; а на короткѣ удачи мало; ежели же и бываетъ, то случайная. Учителя, котораго вы къ Мишенькѣ приняли, я видалъ, а знакомъ съ нимъ не былъ; но по первымъ его пріемамъ вижу въ немъ твердость и увѣренность въ своемъ дѣлѣ. Хорошо, что его приняли; а вамъ двумъ врядъ ли съ Мишуткой сладить. Вы знаете сколько его затѣи меня забавляютъ; и такъ надѣюсь, что вы меня всегда будете ими тѣшить хотя вкратцѣ, тою же самою методою, какъ нынче написали: я лучше не желаю».

Калуга, 14 Октября 1826. «Вы пишете, что не можете сладить съ проказникомъ Мишей; но можетъ быть, вы не такъ за это принимаетесь: то есть слишкомъ методически. Вотъ вы опять будете смѣяться надо мною и надъ моей по вашему страшностію, примѣнять все въ свѣтѣ къ банковой игрѣ! Но еслибъ хорошенько хотѣли обдумать, то увидѣли бы, что отъ нея можно заимствовать правила на всѣ случаи жизни нашей; ибо вся жизнь наша не что иное, какъ газардная игра! Могъ бы я въ доказательство этой истины много вамъ сказать; но дѣло теперь идетъ о Мишиномъ воспитаніи. Вѣдь вы признаетесь, что воспитаніе зависитъ отъ газарда, ибо мы видимъ часто, что изъ двухъ воспитываемыхъ одинакимъ образомъ одинъ бываетъ хорошъ, а другой негодяй. Изъ сего слѣдуетъ, что хотя и есть общія правила какъ для воспитанія, такъ и для игры, но съ однимъ ребенкомъ такъ надобно поступать, а съ другимъ иначе,—тоже дѣлать и съ понтеромъ. Ребенку тихому и внимательному, не торопясь говорить толковито, не жалѣя времени; такъ и противъ понта, который примѣчаетъ какъ карты идутъ: не надобно торопиться метать, а взять время на тасовку; но съ опрометчивымъ понтомъ, который играетъ на руте, на выдержку, на

фоску,—напрасно трудиться много тасовать—ни руте, ни выдержки, ни фоски не оттасуешь: это все зависитъ отъ съёмки. Мнѣ случалось съ такими игроками, изготовивъ передъ собой игоръ шесть или больше, послѣ всякой таліи перемѣня карты и таснувши одинъ разъ, или и вовсе безъ тасовки, давать снимать. Понту, который не любилъ задержки, это было пріятно, а мнѣ выгодно тѣмъ, что я бывало въ часъ промечу талій тридцать, когда мѣшкотный тасовщикъ въ такое же время не промечетъ и двадцати. Миша вашъ тоже, что этотъ понтъ: отъ него нельзя ожидать ни примѣчанія, ни солиднаго размышленія. Надобно съ нимъ только много говорить, не заботясь о связи въ томъ, что ему скажешь, и переходить отъ одной матеріи въ другую, безъ разстановки (такъ какъ съ опрометчивымъ понтомъ безъ тасовки) въ надеждѣ, что хоть сотое слово надъ нимъ подѣйствуетъ, такъ какъ надъ понтомъ сотая талія. Для успѣха надобно это дѣлать ежедневно, а еще бы лучше ежели бы не одинъ разъ въ день.

«Можетъ быть я дурно объясняюсь, однако говорю дѣло; но совсѣмъ тѣмъ вы вѣрно меня подымаете на смѣхъ, и, какъ старому инвалидному игроку, говорите мнѣ Вольтеровымъ стихомъ:

On a du goût pour son premier métier.

Однакожъ прощайте. Я уже отвыкъ писать по ночамъ, и глаза заболѣли; а пишу теперь для того, что кн. Николай Ивановичъ ѣдетъ завтра поутру рано».

Это пишется почтенному отцу семейства, который только что отказался отъ видной карьеры, отъ жизни въ большомъ петербургскомъ свѣтѣ, при Дворѣ, къ которому былъ далеко неравнодушенъ, чтобы всецѣло посвятить себя скромной семейной жизни въ Москвѣ и священной обязанности воспитанія дѣтей. Какъ во всякомъ дѣлѣ, такъ и тутъ могло быть увлеченіе. Неледнискій, знавши къ кому писалъ, оригинальнымъ своимъ взглядомъ на дѣло воспитанія имѣлъ конечно въ виду поколебать излишнее довѣріе къ извѣстной методѣ, излишнее сіе увлеченіе.

«Съ большимъ ужасомъ читалъ я письмо твое, милый другъ С.! По милости Божіей, дѣти спасены, и объ нихъ уже нечего безпокоиться; и о тебѣ я еще не совсѣмъ покоенъ, хотя и на четвер-

тый день послѣ происшествія ты ко мнѣ писала. Да какъ могло случиться, что Пако упалъ съ дѣтьми? Онъ вѣрно не облакачивался на перила; ему низко. Онъ конечно хотѣлъ ихъ схватить; да какое счастье что на нихъ не упалъ! Милость Божія оправдываетъ надежду на Него, но не освобождаетъ отъ должности быть осторожными. На что же толпа нянь, надзирательницъ? Развѣ только на то, чтобъ не безъ нихъ все случилось и было бы кому разсказать, какъ ребенокъ сломалъ себѣ шею!»

«Такъ, любезный другъ, должно за чудесное сохраненіе дѣтей благодарить Бога; но не надобно извинять и своего разиньства! Конечно, всѣ человѣческія предосторожности не въ силахъ предохранить насъ отъ бѣдъ! Конечно, мы хранимы всеблагимъ Вышнимъ Промысломъ! Предаваться Ему есть и долгъ нашъ и ободреніе *противъ нечаянностей*, но гдѣ нѣтъ нечаянности, гдѣ мы могли предусмотрѣть случившееся—тамъ мы виноваты, что не отвратили несчастія, и не можемъ оправдываться надеждою на Бога. Гдѣ недосмотръ, тамъ нѣтъ нечаянности, а усмотрѣть легко бы было, что рѣшетка въ окнѣ не надежна. Грушенька, будучи въ Ивановскомъ, давала это замѣтить. Но ужъ прошедшаго не воротишь. Послужило лишь бы впредь наукою и не для однѣхъ рѣшетокъ въ окнахъ».

«Мы переѣхали въ зимній губернаторскій дворецъ, гдѣ я имѣю прекрасную комнату и живу очень покойно; не принимаю къ себѣ никого, кромѣ домашнихъ. Прощайте, мои любезные друзья, сердечно со всѣми малютками васъ обнимаю. Сердечно радуюсь, что гр. Викторъ Никитичъ (Панинъ) получилъ знакъ добраго къ нему вниманія. Поздравьте отъ меня его и гр. Софью Владиміровну. Молитву пришлю (*). Да право Филаретъ ужъ объ ней забылъ. Коли самъ не вспомнитъ, на что ему давать ее».

Изъ далека слѣдилъ старикъ за затѣями своего милаго внучка Ми-

(*) Молитва—стихотвореніе Нелединскаго, помѣченное 787-мъ годомъ, впервые напечатанное въ собраніи сочиненій Нелединскаго-Мелецкаго, изд. Смирдина, 1850 г., и въ свое время не пропущенное духовною цензурою.

ѳоску,—напрасно трудиться много тасовать—ни руте, ни выдержки, ни ѳоски не оттасуешь: это все зависитъ отъ съёмки. Мнѣ случалось съ такими игроками, изготовивъ передъ собой игоръ шесть или больше, послѣ всякой таліи перемѣня карты и таспувши одинъ разъ, или и вовсе безъ тасовки, давать снимать. Понту, который не любилъ задержки, это было пріятно, а мнѣ выгодно тѣмъ, что я бывало въ часъ промечу талій тридцать, когда мѣшкотный тасовщикъ въ такое же время не промечетъ и двадцати. Миша вашъ тоже, что этотъ понтъ: отъ него нельзя ожидать ни примѣчанія, ни солиднаго размышленія. Надобно съ нимъ только много говорить, не заботясь о связи въ томъ, что́ ему скажешь, и переходить отъ одной матеріи въ другую, безъ разстановки (такъ какъ съ опрометчивымъ понтомъ безъ тасовки) въ надеждѣ, что хоть сотое слово надъ нимъ подѣйствуетъ, такъ какъ надъ понтомъ сотая талія. Для успѣха надобно это дѣлать ежедневно, а еще бы лучше ежели бы не одинъ разъ въ день.

«Можетъ быть я дурно объясняюсь, однако говорю дѣло; но совсѣмъ тѣмъ вы вѣрно меня подымаете на смѣхъ, и, какъ старому инвалидному игроку, говорите мнѣ Вольтеровымъ стихомъ:

On a du goût pour son premier métier.

Однакожъ прощайте. Я уже отвыкъ писать по ночамъ, и глаза заболѣли; а пишу теперь для того, что кн. Николай Ивановичъ ѣдетъ завтра поутру рано».

Это пишется почтенному отцу семейства, который только что отказался отъ видной карьеры, отъ жизни въ большомъ петербургскомъ свѣтѣ, при Дворѣ, къ которому былъ далеко неравнодушенъ, чтобы всецѣло посвятить себя скромной семейной жизни въ Москвѣ и священной обязанности воспитанія дѣтей. Какъ во всякомъ дѣлѣ, такъ и тутъ могло быть увлеченіе. Нелединскій, знавши къ кому писалъ, оригинальнымъ своимъ взглядомъ на дѣло воспитанія имѣлъ конечно въ виду поколебать излишнее довѣріе къ извѣстной методѣ, излишнее сіе увлеченіе.

«Съ большимъ ужасомъ читалъ я письмо твое, милый другъ С.! По милости Божіей, дѣти спасены, и объ нихъ уже нечего безпокоиться; и о тебѣ я еще не совсѣмъ покоенъ, хотя и на четвер-

тый день послѣ происшествія ты ко мнѣ писала. Да какъ могло случиться, что Пако упалъ съ дѣтьми? Онъ вѣрно не облакачивался на перила; ему низко. Онъ конечно хотѣлъ ихъ схватить; да какое счастье что на нихъ не упалъ! Милость Божія оправдываетъ надежду на Него, но не освобождаетъ отъ должности быть осторожными. На что же толпа нянь, надзирательницъ? Развѣ только на то, чтобъ не безъ нихъ все случилось и было бы кому разсказать, какъ ребенокъ сломалъ себѣ шею!»

«Такъ, любезный другъ, должно за чудесное сохраненіе дѣтей благодарить Бога; но не надобно извинять и своего разиньства! Конечно, всѣ человѣческія предосторожности не въ силахъ предохранить насъ отъ бѣдъ! Конечно, мы хранимы всеблагимъ Вышнимъ Промысломъ! Предаваться Ему есть и долгъ нашъ и ободреніе *противъ нечаянностей*, но гдѣ нѣтъ нечаянности, гдѣ мы могли предусмотрѣть случившееся—тамъ мы виноваты, что не отвратили несчастія, и не можемъ оправдываться надеждою на Бога. Гдѣ недосмотръ, тамъ нѣтъ нечаянности, а усмотрѣть легко бы было, что рѣшетка въ окнѣ не надежна. Грушенька, будучи въ Ивановскомъ, давала это замѣтить. Но ужъ прошедшаго не воротишь. Послужило лишь бы впредь наукою и не для однѣхъ рѣшетокъ въ окнахъ».

«Мы переѣхали въ зимній губернаторскій дворецъ, гдѣ я имѣю прекрасную комнату и живу очень покойно; не принимаю къ себѣ никого, кромѣ домашнихъ. Прощайте, мои любезные друзья, сердечно со всѣми малютками васъ обнимаю. Сердечно радуюсь, что гр. Викторъ Никитичъ (Панинъ) получилъ знакъ добраго къ нему вниманія. Поздравьте отъ меня его и гр. Софью Владиміровну. Молитву пришло (*). Да право Филаретъ ужъ объ ней забылъ. Коли самъ не вспомнитъ, на что ему давать ее».

Изъ далека слѣдилъ старикъ за затѣями своего милаго внучка Ми-

(*) Молитва—стихотвореніе Нелединскаго, помѣченное 787-мъ годомъ, впервые напечатанное въ собраніи сочиненій Нелединскаго-Мелецкаго, изд. Смирдина, 1850 г., и въ свое время не пропущенное духовною цензурою.

шеньки, и, вглядываясь знатокомъ во всѣ изгибы души и сердца человѣческаго, старался осмыслить доходившія до него выходки этого брыкливаго, какъ онъ называлъ его, ребенка. Онъ любилъ его больше всѣхъ остальныхъ внучатъ своихъ, по крайней мѣрѣ въ письмахъ къ матери для одного Мишеньки всегда было нѣжное словцо. Такъ, посылая ему однажды въ подарокъ арабчикъ: «Скажите ему отъ меня»— писалъ—«чтобъ далъ мнѣ знать, какъ скоро его изломаетъ. Это, я чай, первая игрушка, съ которой онъ не сладитъ». Неоднократно поминается этотъ арабчикъ въ перепискѣ отца съ дочерью, знавшею кѣмъ и чѣмъ тѣшить старика: «Что Миша *еще не изломалъ* арабчика—этому я не дивлюсь, ибо онъ никогда его не изломаетъ и скоро его не взлюбитъ и броситъ, для того что онъ ему не поддается. Чай онъ забылъ, что звалъ меня къ себѣ».

Но въ нѣжномъ сердцѣ Нелединскаго, въ старческой привязанности къ молодымъ побѣгамъ, однокровные многочисленные внучата его имѣли непобѣдимую соперницу: четырехлѣтнюю Наташу, дочь долго служившей ему вмѣсто камердинера Василисы Кузьминичны, чуждую ему по крови, но которую онъ такъ чрезмѣрно любилъ, что изъ-за нея забывалъ своихъ однокровныхъ. Эта Наташа по цѣлымъ днямъ сиживала у старика въ комнатѣ, тогда какъ другія дѣти изрѣдка впускались здороваться съ дѣдушкою. Уже при смерти, диктуя духовнику послѣднюю волю свою, Нелединскій писалъ между прочимъ: «Простите мнѣ, друзья мои, слабость мою къ Наташѣ, къ сему ребенку, которымъ я и по нынѣ, съ той поры, какъ она еще была у груди, не престаю тѣшиться, и люблю ее чрезмѣрно. Прошу вась, любите ее за меня. Въ особенности тебя, милая моя Грушенька! которой я поручилъ ея воспитаніе, и надъ которою твой обязательный для меня надзоръ меня чувствительно трогаетъ. Ты знаешь, мой другъ, по хранящимся у тебя билетамъ Московскаго Воспитательнаго Дома, что въ 1845 году капиталъ ея возрастетъ до пяти съ половиною тысячь рублей. Сіе сдѣлано съ тѣмъ, чтобы можно было надѣяться доставить ей не самое низкое замужество; а между тѣмъ приготовить ее быть хорошею дѣвицею хожатою за барышнею; научить ее кроить, шить платье, чесать волосы, и прочему для сего званія нужному, чтобъ она

знала что она не родилась барыней; но притомъ не доводить духъ ея до уничиженія, употребляя въ черную работу, какъ-то: мыть полы, выносить горшки и тому подобное. Спросите меня, какъ легко соблазнить дѣвку, чувствующую себя въ толикомъ уничиженіи? Дѣвочка эта претихая и препослушливая, и выростетъ такая, ежели не будетъ въ загонѣ отъ другихъ дѣвокъ и женщинъ. Но ты, мой другъ, до этого не допустишь; и при тебѣ рекомендую ее любезной Екатеринѣ Яковлевнѣ Петровой. Няня Прасковья, которая при ней, Наташѣ, очень хороша.

«По 15-е Апрѣля у тебя, мой другъ, есть на жалованье ей и на харчевыя. Я постараюсь это на должайшее время усилить; а какъ я сверхъ того даю ей отъ себя по цѣлковому рублю въ мѣсяцъ, то и на сіе, если Богу угодно будетъ, я постараюсь тебѣ оставить деньги, дабы ими вмѣстѣ съ ожидаемыми по билету Воспитательнаго дома отъ неизвѣстнаго, помнится мнѣ, полутора тысячью рублями, обезпечилось для тебя, мой другъ Грушенька, содержаніе этой Наташи, по крайней мѣрѣ до семнадцатилѣтняго ея возраста; а тамъ она будетъ получать отъ васъ жалованье».

Образъ жизни Юрія Александровича въ губернаторскомъ домѣ, въ которомъ радушные хозяева часто собирали вокругъ себя калужское общество, былъ неизмѣненъ. Онъ по прежнему наслаждался «свободою, которую такъ цѣнилъ, возможностью располагать своимъ временемъ, какъ разсудится, и считалъ себя счастливѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ, не смотря на старческіе недуги, которые переносилъ съ удивительнымъ терпѣніемъ».

«Спасибо вамъ, мои милые!»—писалъ онъ въ Іюнѣ 1827 года. «Ты, мой другъ, и Грушенька съ мужьями вашими, заботливостію обо мнѣ умѣли заставить меня не только не скучать моею болѣзнію, но еще благословлять ее! Боль въ ногахъ, благодаря Бога, очень уменьшилась. Я сталъ крѣпче и перо держу посильнѣе: для того и пишу ужъ не карандашемъ. Прогуливаться по саду не могу; но когда же я былъ гуляльщикомъ? И такъ на повѣрку выходитъ, что я черезъ болѣзнь мою ничего не потерялъ; а съ другой стороны выигралъ много досуга для

размышленія и *испытанія самого себя*, къ чему, при прежней разсѣянности, и зачина быть не могло».

Генваря 1-го дня 1827. «Душевно обнимаю тебя, милый мой другъ Софьюшка, съ Ф. В., съ дѣтьми и съ Сергѣемъ Юрьичемъ, поздравляю всѣхъ васъ съ новымъ годомъ, а сколько я всѣмъ вамъ желаю добра, судите о томъ по моей къ вамъ сердечной любви, и природою и вашими ласками въ меня поселенной. Скажи Сергѣю Юрьичу, что мнѣ есть кой о чемъ съ нимъ поговорить; но на этотъ разъ я очень усталъ отъ корреспонденцій. Почты три сряду писалъ по нѣскольку писемъ, въ томъ числѣ одно самое труднѣйшее, которое во первыхъ *на силу прочелъ*, а потомъ и отвѣчать было мнѣ очень трудно, для того что по французски. Кромѣ лѣни, голова стала плоха. Ты догадаешься, кому я это отвѣчать былъ долженъ.

«Графини Марьи Алексѣевны жаль; но ея уже дѣло съ концомъ; а отъ участи г-жи Муравьевой болитъ сердце (*). Вотъ подлинно жалкое положеніе, хотя она, какъ говорятъ, и не будетъ жить въ острогѣ. Для ссыльныхъ по этому дѣлу, я слышалъ, что велѣно тамъ строить казармы, и это мнѣ кажется вѣроятно».

Генваря 9 дня 1827. «У насъ веселье за весельемъ. О бывшемъ у насъ наканунѣ новаго года маскарадѣ, кажется я тебѣ, мой милый другъ, уже писалъ; но не совсѣмъ въ томъ увѣренъ: такъ у меня нынче стала худа память! Было персонъ 200, и танцы продолжались до трехъ часовъ съ половиною. Разные костюмы дамскіе прекрасные, а мужскихъ много смѣшныхъ. Прежде танцевъ княгиня Катерина Алексѣевна Оболенская, сестра ея Шаховская, Груша явились въ робронахъ на фижмахъ, съ большими шиньонами, напудреныя, и сыграли 2-ю сцену 3-го акта des femmes savantes de Molière. Trissotin былъ Полтарацкій, который читалъ глупый свой сонетъ: Votre prudence est endormie de loger magnifiquement... votre plus cruelle ennemie... Потомъ эпиграму sur un carosse amaranthe. Я словъ не слыхалъ; но восхитительные жесты княгини Оболенской очень мнѣ полюбились. Много было разныхъ хорошихъ и мужскихъ масокъ. Одинъ рыцарь

(*) Екатерины Ѳедоровны, сыновья которой пошли въ изгнаніе.

въ латахъ. Кадриль монаховъ. Портной сидячій на столѣ. Кадриль болонскихъ собакъ и пуделей до половины остриженныхъ, которые ходили на заднихъ ногахъ. Одинъ жидъ съ ящикомъ съ перстнями и кольцами. Кадриль звѣрей, представляющихъ Крылова квартетъ. Представь себѣ князя Александра и съ нимъ Бѣлкина, равнаго съ нимъ роста, обоихъ одѣтыхъ русскими бабами, въ кокошникахъ четверти въ три. Они конечно были въ сажень вышиною. Жаль очень, что ты не видала; право, въ обѣихъ столицахъ развѣ бы богаче было дамское одѣяніе, а впрочемъ не лучше. Другіе этому не повѣрятъ; а ты, мой другъ, видѣла здѣшнія собранія. Сдѣлавъ тебѣ это подробное описаніе, пойду ложиться спать. Долгая привычка сдѣлала, что я, кромѣ чтенія, днемъ не могу ничѣмъ заняться, а все оставляю къ ночи. Прощай, другъ мой милый, тебя и дѣтей отъ всей души обнимаю».

Іюня 28 дня 1827. «Какъ я ни благодаренъ вамъ, что отпускали милую Софьиньку съ нами повидаться; однако получа письмо ваше, неосторожный Ф. В-чь, я очень на васъ осердился! Какъ можно держать пугливыхъ лошадей? Какъ можно на нихъ ѣздить четверкой врядъ? Какъ можно женѣ и дѣтямъ дозволять такимъ же образомъ велѣть запрягать? Вы пишете: *это послужитъ намъ другой разъ урокомъ*. Да развѣ вы не слыхивали, что игривыя лошади завозятъ не только на косогоры, но и въ бездонныя пропасти, и нужно вамъ развѣ было испытать это надъ самимъ собой»!

«Объ себѣ нечего мнѣ вамъ писать. Софьинька вамъ все сказала. Брожу помаленьку, а она съ Грушей меня всякой день таскала въ колялскѣ. Боль въ ногахъ очень уменьшилась. Отговѣлъ я, благодаря Бога, благополучно, а пріобщаться возила меня Софьинька».

Іюля 10 дня 1827. «Здравствуйте, мои любезные друзья! Хотя я, или лучше сказать рука моя очень устала, писавши къ Императору и Императрицѣ благодарительныя письма, однако хочу побесѣдовать съ вами тѣмъ же перомъ, которымъ тѣ два письма, можно сказать, рисовалъ; къ вамъ пишу запросто, чтобъ отучить коли можно руку отъ карандаша. Ты, мой другъ Софьинька, я думаю удивилась, что я тебѣ въ бытность твою у насъ не сказалъ, что писалъ о вензелѣ для

Кати (*). Утаилъ я это отъ тебя не отъ того, чтобъ сомнѣвался въ твоей скромности передъ Оболенскими, а для того, что я боялся неудачи, и тогда никогда бы никому не объявилъ, а скушалъ бы этотъ грибъ одинъ, не подѣлясь ни съ кѣмъ. Какъ скоро это сдѣлалось! Я писалъ 15 Іюня, а 3 Іюля получилъ отвѣтъ отъ Государыни, а на другой день и шифръ. Сегодня къ намъ явился Ст. Ѳед. Любавской, которому я очень обрадовался и ѣду съ нимъ въ вечеру кататься и хвастать Калугой».

Ноября 6 дня 1827 г. «Благодарю васъ, мои любезные друзья, за поздравленіе меня въ день моего ангела. Пріѣздъ твой, другъ мой Ѳ. В-чь, для меня равно пріятенъ будетъ и безъ имянинъ и составитъ мнѣ, самъ по себѣ, особенный праздникъ; а ты моя душа Соѳьюшка, написавши, что при поздравленіи меня болѣе всего считаешь нужнымъ пожелать мнѣ поправленія здоровья, написала это по твоимъ ко мнѣ чувствамъ. Я же скажу тебѣ мой другъ, что за мое теперешнее состояніе, мнѣ остается только благодарить Господа Бога, а желать вовсе нечего! Боли я никакой не чувствую, а что я глухъ, худо вижу и хожу съ трудомъ—все это хотя плохо, однако не совсѣмъ у меня, по милости Божіей, силы отняты, и по моему теперешнему положенію достаточно, ибо бѣгать, я нужды, и того менѣе желанія, не имѣю, а могу всякій день по два раза доплетаться по лѣстницѣ и N. B. безъ всякой одышки, къ милой нашей родильницѣ. Зрѣніе всякое утро, часа полтора и два, служитъ мнѣ для чтенія—тупость слуха болѣе всего была бы непріятна; но и въ этомъ, снисходительность окружающихъ меня, помогаетъ мнѣ (**). Съ другой стороны, испытываю себя морально. Заботы я никакой не имѣю. Вы всѣ мои милые здоровы! Родинъ твоихъ жду съ упованіемъ на милость Божію! Желаній никакихъ — именно никакихъ въ семъ мірѣ не имѣю! Денегъ у меня довольно; за почестьми я никогда не гонялся; чины, ленты—я уже забылъ, что они, временно, прежде меня

(*) Княжна Катерина Александровна Оболенская, бывшая впослѣдствіи за мужемъ за Гр. В. Н. Зубовымъ—скончалась въ 1843 году.

(**) По вечерамъ приходилъ къ Юрію Александровичу соборный протодіаконъ и громогласно читалъ ему газеты и журналы.

тѣшили; при такой, отъ внѣшнихъ пустяковъ, душевной свободѣ, я наслаждаюсь вашею всѣхъ моихъ ближнихъ любовью. Изъ постороннихъ, во всёмъ свѣтѣ, никого злодѣя себѣ не знаю, или паче увѣренъ въ томъ, что его нѣтъ, а человѣка два, три считаю мнѣ доброхотствующими. Все это будучи съ Сергѣемъ Юрьевичемъ на единѣ, я ему говорилъ, замѣтивъ, такъ какъ и вамъ теперь, что *нѣтъ въ мірѣ человѣка меня счастливѣе!*»

«Въ прошедшемъ мѣсяцѣ Государыня писала мнѣ настоятельно, чтобъ я увѣдомилъ Ее подробно о моемъ положеніи; я, безъ всякихъ околичностей, которыя къ вамъ пишу, разсказалъ въ кратцѣ о глухотѣ, слѣпотѣ моей и о томъ, что плохо хожу, кончилъ, ссылаясь на проѣхавшаго здѣсь графа Комаровскаго, что: je me flatte qu'il m'a trouvé assez présentable. Вамъ въ дополненіе скажу, что я два раза выѣзжалъ съ Грушенькой къ обѣдни и оба раза простоялъ не присаживаясь, что мнѣ было не трудно».

«Когда будешь, Софинька, писать къ почтенной, доброй, и кажется безъ опасенія разгнѣвать ее, могу назвать, прекрасной Александрѣ Ивановнѣ Васильчиковой, принеси ей мою чувствительнѣйшую благодарность за участіе обо мнѣ и трудъ, который она приняла прислать для меня рецепты и попроси ее, чтобъ она принесла мое почтеніе своей матушкѣ».

Kalouga ce 20 Novembre 1827. Une lettre de vous, très chère Катерина Ивановна (писалъ Нелединскій К. И. Нелидовой), m'est toujours infiniment précieuse. La dernière du 24 Octobre m'a fait éprouver une satisfaction d'autant plus grande, que je ne me flattais pas d'avoir sitôt de vos nouvelles après celles que vous veniez de me donner récemment. Ce n'est pas, dites-vous, pour vous rappeler à mon souvenir, mais pour ne pas me donner lieu de douter du vôtre, que vous m'écrivez. Je suis extrêmement sensible à ce procédé de votre part, et mon coeur sait l'apprécier pleinement. Vous savez, au rèste, chère Катерина Ивановна, que depuis longtems je suis habitué à compter sur vos bontés, et vous en avez eu la preuve dernièrement dans l'inquiétude que m'a causé votre silence plus prolongé que de coutume; alors mes inquiétudes concernaient votre santé; mais j'étais loin d'attribuer votre silence à un oubli de votre part. Vos

bontés qui se soutiennent depuis tant d'années, m'ont persuadé de la constance de vos sentimens; et cette persuasion fera toujours mon bonheur.

Sans vouloir déprécier le remède que vous m'avez autrefois recommandé pour les yeux, je doute fort qu'il ait servi à la conservation des vôtres.—Si vous lisez sans lunettes, c'est qu'il est reconnu que les personnes qui ont la vue basse, ne risquent jamais de la voir s'affaiblir. — Quant à l'enfilage d'une aiguille, ceci ne tient pas à la vue, mais à l'habitude qui établit à la longue une certaine harmonie entre la main qui tient le fil et celle qui présente l'aiguille.—Moi, avec une vue autrefois excellente, je n'y ai jamais pu réussir... Je jouis d'une bien douce satisfaction de voir la bonne opinion que vous avez de ma fille Agrippine. Elle et son mari sont de bonnes gens qui se font aimer de tous ceux qui les connaissent. Leurs soins, leurs attentions pour moi ne se démentent pas d'un instant. Les Samarine quoiqu'éloignés me prouvent la même sollicitude. Ils sont venus me voir—depuis que je suis ici, mari et femme l'un après l'autre, chacun trois fois; et après les couches de Sophie, j'espère la voir ici vers la fin de Janvier.—Aussi journellement je rends grâce à la Providence de me donner dans mes enfans une consolation dont je me reconnais n'être pas digne; non plus que des éloges que vous me prodiguez. En effet, où est donc le mérite de se résigner à la volonté de l'Etre tout-puissant dont nous dépendons? Ce n'est que remplir un devoir qui porte avec lui sa récompense dans la tranquillité que l'âme éprouve après s'être confiée à la miséricorde de son créateur. — D'ailleurs aucune douleur physique ne me fait plus souffrir.—Sans doute, je vois mal, j'entends mal, je marche avec peine; mais dans ma situation présente, ce que j'ai de vue et d'agilité dans les pieds, me suffit.—Il n'y a que l'ouïe que je regrette à cause de la peine que ma surdité donne à ceux qui ont la complaisance de me parler.—Voilà d'un côté les désagréments; de l'autre comparez le plaisir que j'ai de me voir aimé de tous les miens; celui de savoir que je n'ai pas au monde un seul ennemi, tandis que des personnes que j'aime, que j'estime, que je respecte me veulent du bien. Ajoutez à tout cela, que mes désirs et mes espérances, de tout tems très bornées,—maintenant ne se portent plus sur rien dans ce monde;

comparez, dis-je, cet ensemble et vous conviendrez: que malgré mes privations, j'aurais tort de ne pas me croire heureux, et de n'en pas remercier le Ciel. Mais en voilà assez. Vous m'avez entraîné, матушка, à cette discussion en me louant à outrance, au point qu'il s'en est peu fallu que vous ne me *canonisassiez!*

Je vous prie de présenter mes hommages à Madame la Princesse Troubetzkoy ainsi qu'à son époux et d'ajouter à mon intention quelques baisers de plus à votre charmant bijou de petit neveu. Nous sommes prédestinés à ne jamais nous connaître; mais cela n'empêche pas que je ne joigne mes voeux à ceux que vous formez pour son bonheur dont le vôtre est inséparable.

Docile à vos conseils de ménager mes yeux, je vous ai écrit ceci à cinq ou six reprises.—Quant à ma main, je ne fais nul cas de son entêtement, et la force à vous écrire avec une plume, espérant que vous me passerez, les hauts et les bas et l'obliquité de mes lignes et de mes caractères.— Agrippine a été dernièrement mon sécrétaire en écrivant à Sa Majesté,— mais à présent je crains de la fatiguer, accouchée qu'elle est depuis peu de jours pour sa 19 fois. Elle vous présente ses hommages, entourée de ses 12 enfans.

Adieu, très chère Katérina Ivanovna, conservez toujours vos bontés à votre dévoué in (violable)-valide.

Въ этомъ тихомъ и ясномъ настроеніи духа, протекли для Нелединскаго первые два года пребыванія его въ Калугѣ. Внѣшній покой, свобода отъ всякихъ обязательныхъ занятій, полная возможность располагать собою и своимъ временемъ, которыми онъ такъ наслаждался въ первые мѣсяцы своего переѣзда въ Калугу, послѣ тревожной петербургской жизни, скоро восполнились для него «душевною свободою отъ всякихъ внѣшнихъ пустяковъ, досугомъ для размышленій и испытанія самого себя, къ чему при прежней разсѣянности—по его свидѣтельству — и зачина быть не могло».

В. А. Жуковскій писалъ князю Александру Петровичу изъ Петербурга 5 Августа 1827 г. «Я цѣлые полутора года скитался по Европѣ, искалъ здоровья, кажется нашелъ, но не знаю на долго ли. Но жены все еще не нашелъ и все жду ее отъ Аграфены Юрьевны, все надѣюсь,

что она доставитъ мнѣ жену по своему образу и по подобію (*). Можетъ быть уже этотъ фениксъ и найденъ, если такъ, то присылайте ее просто съ первымъ дилижансомъ на мое имя. Напомните, на всякой случай, объ этомъ моей любезной душеприкащицѣ и скажите ей, что душа моя по прежнему ей приказана. У васъ теперь Юрій Александровичъ — какое для васъ счастіе служить успокоеніемъ его почтенной старости, прошу васъ изъявить передъ нимъ чувство моей искренной глубокой къ нему преданности. Скажите ему, что хотя я и перестаю писать стихи, но веду жизнь поэтическую, т. е. посвященную такому долгу, который хранитъ и согрѣваетъ въ сердцѣ поэзія. Онъ пойметъ меня и благословитъ на добрый успѣхъ».

Предсмертный 1828 годъ прошелъ для Юрія Александровича не такъ однообразно. Пришлось ему испытать и радость и горе.

Радость—доставилъ ему сынъ Сергѣй Юрьевичъ своею женитьбою (**). Теплою молитвою ко Всевышнему, призывалъ онъ благословеніе Божіе на этотъ бракъ. «У насъ завтра положено быть свадьбѣ въ полдни, а обѣдать къ намъ»—писалъ онъ дочери въ Москву—«завтра 4-го Апрѣля: день, въ который вѣнчались Оболенскіе. О Боже! низпосли благословеніе Твое на новобрачныхъ! Сподоби ихъ сдѣлаться достойными Твоего милосердаго возрѣнія, и святая благодать Твоя, да почіетъ на нихъ такъ, какъ на прочихъ дѣтяхъ моихъ, подъ покровомъ Твоимъ благодѣствующихъ»!

Горе—объ утратѣ искренно любимой имъ Императрицы Маріи Θеодоровны, которая скончалась въ этомъ году 24 Октября (***). Это

(*) Этотъ намекъ относится къ посланію Жуковскаго къ княгинѣ А. Ю. Оболенской, напечатанному въ полномъ собраніи сочиненій Жуковскаго.

(**) Сергѣй Юрьевичъ сочетался бракомъ съ дѣвицею Марьею Сергѣевною Тиличеевою.

(***) Въ Высочайшемъ манифестѣ отъ 24-го Октября 1829 г., извѣщавшемъ Россію о кончинѣ Императрицы Маріи Θеодоровны, между прочимъ, читаемъ: «Болѣзнь слабая въ началѣ и внезапно усилившаяся 24 сего мѣсяца въ 2 часа по полуночи положила конецъ Ея драгоцѣнной жизни, коей всѣ минуты были посвящаемы исполненію обязанностей высокой добродѣтели». См. Моск. Вѣд. за 1828 г. № 87.

горестное извѣстіе получено было въ Калугѣ 1 Ноября «Je m'empresse de vous donner des nouvelles de papa, chère amie—писала княгиня Аграфена Юрьевна Оболенская къ сестрѣ своей Самариной—«grâce au ciel il a appris avec sa fermeté et son courage ordinaire, la malheureuse nouvelle qui l'affecte si vivement, j'espère en la bonté de Dieu que cela n'influera pas sur sa santé, car il n'a pas paru en être frappé et il y était déjà tout préparé depuis hier. Il compte vous écrire lui-même, soyez donc sans inquiétudes». А вотъ и строки, приписанныя самимъ Нелединскимъ: «Итакъ Ея ужъ нѣтъ! этой благословенной жены, которую благодать Господня никогда не оставляла — предводила Ее во всѣхъ Ея начинаніяхъ!—Она предстала къ вышнему престолу, сопровождаема сердечными благословеніями, всѣхъ Ею облагодѣтельствованныхъ! Утѣшно чувствовать удостовѣреніе о вѣчномъ Ея блаженствѣ. Съ моей стороны, я сдѣлалъ въ ней потерю незабвенную! 32 года, она не переставала быть ко мнѣ милостива... До вчерашняго дня, я не слыхалъ о ея болѣзни, но по словамъ Оболенскихъ уже я понималъ опасность Ея. Прощайте любезные друзья. Со слезами васъ обнимаю. Грустно мнѣ очень, но я слава Богу здоровъ. Вѣдь и ты другъ мой Софья жалѣешь о доброй Маріи Ѳедоровнѣ! Она тебя любила! Она пеклась о твоемъ благополучіи при замужествѣ. Она тебя вела къ вѣнцу»!

3-го Ноября писалъ онъ Е. И. Нелидовой: Pleurons — pleurons ensemble! Chère Катерина Ивановна! Pleurons-la cette bonté, cette bienfaisance personnifiées.—Cette Sainte Femme, dont le rang suprême n'ajoutait rien, ne pouvait rien ajouter à l'éclat de ses vertus!—La foudre tombée à mes pieds, m'aurait moins consternée que la fatale nouvelle de sa mort!—Moins de vingt-quatre heures avant de l'apprendre, e ne savais seulement pas qu'Elle était malade.—Et vous-même, du 22, vous avez pu, d'après le témoignage des médecins (qui le disent dans leur bulletin) vous avez pu la croire convalescente;...... et le 24!!...... Vous n'avez donc joui de cette consolation que deux jours!—Elle a rempli dignement sa mission sur cette terre, et va maintenant dans le sein de la bonté infinie du souverain Maître de nos destinées, goûter la récompense de ses bonnes actions.—En la perdant, la consolation la plus efficace—

est celle de sentir dans notre coeur l'assurance intime de Sa Félicité Eternelle!... Parlez-moi de vous, chère Катерина Ивановна, de votre santé. Si vous m'écrivez vous-même, ne m'écrivez pas longuement,—je crains de vous fatiguer.—Je me jette aux pieds de votre aimable nièce, en la priant de me donner en détail de vos nouvelles depuis le moment de la fatale catastrophe.—Madame d'Adlerberg, toute la communauté, les instituts!—La désolation est générale!

7 Ноября: «Какъ хвалю тебя! какъ благодарю тебя! дорогой мой другъ Ф. В-чь!(*) что ты ѣдешь Ей поклониться! хотя одинъ изъ насъ да прольетъ у гроба Ея сердечныя слезы благодарности нашей! когда будешь предъ Нею, вспомни, мой другъ, обо мнѣ; я съ тобой тутъ же буду. Вся Москва, пишетъ Катя, сѣтуетъ. Институтскій священникъ (знаешь ли ты этого умнаго, достойнаго человѣка) не могъ служить панихиды. Въ Воспитательномъ домѣ, вмѣсто пѣнія, были рыданія! О что самый высокій умъ передъ добродѣтелью! и не тотъ ли самый высшій умъ, который призываетъ человѣческія благословенія, отголосокъ Божьяго»!

Parlez de moi à monsieur Rühl. Elle connaissait son attachement pour elle et le lui rendait bien! demandez lui des détails—il ne vous les refusera pas. Quelle cause de sa mort a-t-on trouvé à l'ouverture de son corps? Son coeur devait être différent des autres. N'est-ce pas son extrême sensibilité qui l'a si inopinément conduit à la félicité Eternelle?

«Я писалъ къ Ивану Васильевичу Тутолмину. Не увидишь ли К. И. Нелидову, какова она? Вѣдь 50 лѣтъ онѣ всякій день вмѣстѣ были! я и къ ней писалъ».

На эту мысль о причинѣ нечаянной смерти Императрицы могло навести Нелединскаго послѣднее письмо Ея къ нему. Она писала 23 Августа 1828 г. изъ Павловска:

«Mon bon Nélédinsky. J'ai eu bien du plaisir à recevoir votre lettre du 10 de ce mois et j'ai lu avec un véritable intérêt vos *rêves militaires*, comme vous les appelez, tant par rapport à l'objet lui-même et vos pronostics, dont j'accepte l'augure, que parce qu'ils me font voir votre

(*) Самаринъ.

santé en assez bon état pour vous y livrer: mais il me serait plus doux d'en causer avec vous de vive voix et malgré ce que vous me dites je n'en abandonne point l'espérance. Vous avez senti, mon bon Nélédinsky, tout ce que j'ai souffert d'inquiétudes, et après un court intervalle de repos et de sécurité, que m'a donné le séjour de l'Empereur à Odessa, voilà le temps des angoisses renouvelé! Prions Dieu avec ferveur qu'il bénisse les soins et les efforts de l'Empereur et nous accorde bientôt une paix glorieuse! Continuez de me donner de vos nouvelles; vous connaissez tout l'intérêt que je vous porte ainsi qu'aux vôtres». Приписка Ея же: «Avec quel plaisir j'ai revu votre signature, mon bon vieux papa, mon souvenir pour vous est constant comme mon amitié: vous partagez mes inquiétudes du moment et je vous en remercie; elles sont *bien*, *bien* vives. Je fais mes amitiés à votre estimable fille et mes compliments à votre beau-fils; je voudrais vous voir entouré de tous vos aimables petits enfants; les miens sont beaucoup avec moi et tous charmants. M-le de Nélidoff vous fait ses amitiés, mon bon papa, et je vous assure de toute la mienne». «Marie».

В. А. Жуковскій писалъ Юрію Александровичу отъ 20 Ноября 1828 г. «Считаю священною обязанностію доставить вамъ то, что я написалъ на кончину нашей Государыни, нашей незабвенной благотворительницы. Вы были первый, который меня Ей представили. Благодаря вамъ, открылся для меня послѣ случай къ Ней приближаться и видѣть въ близи эту трогательную снисходительность, которая такъ сильно всѣхъ близкихъ къ Ней привязывала. Кто бы могъ вообразить, чтобы она такъ скоро насъ могла оставить. Старики съ Нею отжили, молодые съ Нею начали жить—для всѣхъ вырвана изъ жизни главная составная часть ея. Для чего не могли вы видѣть Ее такъ, какъ я видѣлъ нѣсколько минутъ спустя послѣ Ея кончины. Вы бы увидѣли предъ собою лицо просвѣтлѣвшее въ минуту смерти, на которомъ смерть, такъ сказать, написала настоящее имя свое, которое есть *преображенье*. Наканунѣ погребенія я провелъ ночь у Ея гроба. Надъ такимъ гробомъ Евангеліе понятно. Оно есть слово жизни. «*Гдѣ два соберутся во имя мое, тамъ и я*». Это я слышалъ надъ Ее гробомъ. Въ моихъ стихахъ нѣтъ ничего искуственнаго. Вамъ они будутъ по сердцу. Доставьте, прошу

васъ, одинъ экземпляръ Аграфенѣ Юрьевнѣ, которой скажите мое почтеніе».

Вниманіе Императрицы Маріи Θеодоровны къ Юрію Александровичу Нелединскому выразилось и въ духовномъ Ея завѣщаніи. Въ сообщенной выпискѣ изъ сего завѣщанія за подписью исполнителей: Императора Николая, князя Волконскаго, князя А. Голицына, Григорья Вилламова и Николая Новосильцова значится § 30: Je donne à mon bon vieux Nélédinsky sécretaire d'Etat de feu l'Empereur Paul: une boîte avec mon portrait et avec l'inscription «souvenir d'amitié» une boîte avec les 6 portraits de mes enfants, dessinés par moi; j'avais donné cette boîte à feu l'Impératrice Catherine et l'ai redemandée après sa mort; un portefeuille de maroquin rouge avec un portrait de feu l'Empereur Paul en miniature; le bas-relief, portrait du comte Panine, qui est à Pavlovsk; un anneau d'or avec les cheveux du comte Panine, son chiffre et la date de sa mort du 31 Mars 1783; une canne que j'avais de ce bon vieillard».

X.

(1828—1831 г.).

Изъ писемъ Юрія Александровича видно, какъ высоко онъ цѣнилъ рѣдкія душевныя и умственныя качества дочери своей Аграфены Юрьевны. Прибывъ въ Калугу, онъ имѣлъ утѣшеніе видѣть, что качества эти привлекли къ ней любовь и уваженіе всѣхъ слоевъ губернскаго общества. Вліяніе ея на общество было такъ сильно, что она въ короткое время успѣла согласить и примирить всѣ разнородные слои его. Изгнавъ всякую роскошь (*) въ одеждѣ, пищѣ и во всей домашней обстановкѣ, княгиня умѣла уровнять, такъ сказать, всѣ состоянія и упростить всѣ сложныя условія провинціальнаго этикета. Въ основаніи

(*) На это княгиня съ самаго начала обратила зоркое вниманіе,—часто приглашала къ себѣ гостей въ самыхъ простыхъ уборахъ, и сама носила постоянно ситцевыя платья. За ужиномъ у княгини подавались обыкновенно неизысканныя кушанья и по этому поводу Ю. А. Нелединскій писалъ отъ 4 Августа 1825 г. «Я всегда былъ увѣренъ, что она обхожденіемъ своимъ привлечетъ къ себѣ общую любовь. Съ начала только узналъ, что она принимаетъ у себя по вечерамъ, боялся, чтобы ужины ея (хотя и бываютъ часто *трубочки*) гостей отъ нее не отлучили; но видно ласка ея такъ ихъ плѣнила, что они, чтобы пользоваться ея бесѣдою по вечерамъ, рѣшились хотя съ убыткомъ себѣ, прибавить расходу на свои обѣды, чтобы за ними брать свои мѣры и смѣло идти на *трубочки* и *утиныя яйца*. Шутки въ сторону, долженъ признаться, что люди привлекаются не обжорнымъ столомъ, а простымъ ласковымъ пріемомъ и обхожденіемъ. Послѣ хорошаго стола, наѣвшись, хозяина покидаютъ, а съ ласковымъ—остаются хотя и не совсѣмъ сыты. *20 Октября 1825 г.* Радуюсь, что по примѣру вашему роскошь въ Калугѣ уменьшается и что съ вашимъ вице-губернаторомъ ободряете разведеніе столь полезныхъ продуктовъ, каковы суть: картофель и земляная груша.....

всѣхъ ея дѣйствій была безграничная любовь, которой заражались всѣ къ ней приближавшіеся.

Покойный Н. В. Гоголь никогда не видалъ и не зналъ княгини Оболенской, но двадцать лѣтъ спустя послѣ кончины ея, онъ часто бывалъ въ Калугѣ и много слышалъ о княгинѣ разсказовъ. Вотъ что онъ писалъ бывшей въ 1846 году Калужской губернаторшѣ А. О. Смирновой. «Дѣятельность губернаторшѣ предстоитъ всюду, на всякомъ шагу. Она даже и тогда производитъ вліяніе, когда ничего не дѣлаетъ. Вы сами уже знаете, что дѣло не въ суетахъ и въ опрометчивыхъ бросаніяхъ на все. Передъ вами два живые примѣра: предшественница ваша N N завела кучу благотворительныхъ заведеній, а съ ними вмѣстѣ и кучу бумажной переписки и возни, экономовъ, секретарей, кражу, бестолковщину, и прославилась благотворительностію въ Петербургѣ, и надѣлала кутерьму въ Калугѣ; княгиня же Оболенская, бывшая до нее губернаторшей, въ томъ же вашемъ городѣ Калугѣ не завела никакихъ заведеній, ни пріютовъ, не прошумѣла нигдѣ дальше своего города, не имѣла даже никакого вліянія на своего мужа, и не входила ни во что собственно правительственное и оффиціальное; а между тѣмъ до нынѣ никто въ городѣ не можетъ о ней вспомнить безъ слезъ, и всякъ, начиная отъ купца до послѣдняго бобыля, до сихъ поръ еще повторяетъ: «нѣтъ, не будетъ другой никогда княгини Оболенской»! А кто это повторяетъ? Тотъ же самый городъ, для котораго вы полагаете ничего невозможно сдѣлать, тоже самое общество, которое вы считаете испорченнымъ на вѣки (*)».

Если бы Н. В. Гоголь зналъ княгиню, онъ бы объяснилъ тайну вліянія кн. Оболенской на это общество. Онъ бы понялъ, что предложенный имъ (далѣе въ приведенномъ нами письмѣ) рецептъ, какъ сдѣлаться хорошей губернаторшей—никуда не годится. Вся тайна вліянія женщины на общество заключается именно въ безъискуственной правдѣ и сердечной теплотѣ ее отношеній къ людямъ; а этой правды и этой теплой любви по заказу пріобрѣсти нельзя, а всякая подделка подъ эти чувства скорѣе отталкиваетъ, чѣмъ привлекаетъ людей. Княгиня

(*) См. Соч. Гоголя изд. 1867 г. Избранныя мѣста изъ переписки съ друзьями стр. 434. Письмо XXI «Что такое губернаторша».

Аграфена Юрьевна свыше была одарена могучей силой добра. Какъ дочь, какъ супруга, какъ мать, какъ губернаторша вездѣ она была вѣрна себѣ, вездѣ правда и любовь руководили ею.

Къ несчастію недолговѣчны на землѣ такіе избранники Божіи; только съ небольшимъ два года утѣшалась княгиня счастіемъ на новомъ своемъ поприщѣ.

Въ началѣ Февраля 1828 года вслѣдствіе утомленія уходомъ за больными дѣтьми и простуды, княгиня Аграфена Юрьевна занемогла нервической горячкой и скончалась 15 Февраля на сороковомъ году своей жизни.

Наканунѣ этого дня скончался въ томъ же домѣ и отецъ ее Ю. А. Нелединскій отъ водяной 77 лѣтъ.

Эта замѣчательная одновременная кончина отца и дочери, всю жизнь связанныхъ самою нѣжною любовью сама по себѣ поразительна; но внезапное сиротство десяти несовершеннолѣтныхъ и малолѣтныхъ дѣтей повергло князя въ совершенное отчаяніе.

8 Февраля Юрій Александровичъ Нелединскій, чувствуя приближающуюся кончину, потребовалъ бумагу и перо и написалъ слѣдующее: «Хочется мнѣ, друзья мои, любезнѣйшіе дѣти мои, дражайшій предметъ сердца моего, хочется мнѣ со всѣми и съ наличными и съ отлучными въ одинъ разъ побесѣдовать; но непомѣрная слабость моя не допускаетъ меня сіе исполнить, а для того испросилъ я духовнаго отца моего протоіерея Петра Степановича Алексинскаго согласія писать, что я буду ему говорить. Благодарю его за столь обязательное снисхожденіе: отдаю ему перо»........ (до сихъ поръ писано рукой умирающаго).

«Я такъ ослабѣлъ—и слабость моя, въ самое короткое время, въ трое сутокъ возрасла до такой степени, что если она не умалится, то я не могу надѣяться, чтобы черезъ день или два въ мысляхъ моихъ сохранилась малѣйшая связь; и такъ долженъ я поспѣшить изъявить вамъ, любезнѣйшіе друзья, мои дѣти всю чувствуемую мной признательность за всегда оказываемое мнѣ почтеніе и стараніе ваше во всякомъ случаѣ мнѣ доставлять успокоеніе и предупреждать всѣ мои желанія. Друзья мои Самарины, хотя я съ ними и не такъ долго

жилъ, но и въ присутствіи и въ заочности всегда видѣлъ ихъ дружбу и непрестанное обо мнѣ попеченіе. Оболенскіе судьба опредѣлила нести иго моей старости, болѣзни и дрях по добродушію своему, не скучаете симъ, а конечно увѣрены в ложеніи къ вамъ моего чувствительнаго сердца. Марья Се Нелединская съ самаго вступленія, меньше года, въ наше сем какъ мнѣ, такъ и всѣмъ оное составляющимъ, неперестаетъ ок своей дружбы и желанія отъ всѣхъ ее заслужить; прискорбно м я не могу льститься въ продолженіе времени доказать ей ве признательность. Сергѣй Юрьевичъ! мы съ тобой меньше всѣхъ вмѣстѣ; однако я долженъ сказать, что ты всегда былъ сынъ і тельный, не смотря на то, что мы въ нѣкоторыхъ правилахъ съ разнствовали; прошу васъ, дорогой мой сынъ, покорить вашъ святой вѣрѣ, а не думать, что можете постигнуть ее. Вѣра не бы вѣра, если бы не требовала совершеннаго повиновенія».

«Теперь о людяхъ мнѣ служащихъ:

«Я никакой собственности подъ небомъ не имѣю: вы это знаете прибѣгнулъ къ вамъ, друзья мои, съ просьбою о награжденіи лю моихъ при мнѣ служащихъ и издавно мнѣ служившихъ»....

Засимъ слѣдуетъ поименованіе этихъ людей съ подробнымъ ука ніемъ кому какое вознагражденіе назначаетъ.

«Кажется все мною сказано, любезные друзья мои, о чемъ мнѣ н было съ вами говорить. Теперь остается только одно, одно, но сам тягостное, проститься съ вами, заключить васъ въ объятія мои, н всегда сказать себѣ, что я уже никогда васъ болѣе не увижу. Так должно сіе исполнить, — повергнуться предъ Господомъ Богомъ слезами, принести ему всеобщую молитву нашу и предаться волю Его безпредѣльнаго милосердія въ несомнѣнной надеждѣ на н изрѣченную благость нашего Великаго Искупителя!»....

Въ такомъ свѣтломъ и спокойномъ сознаніи (*) скончался Юр Александровичъ, не подозрѣвая, что въ другомъ этажѣ надъ его гол

(*) См. Приложеніе № 1-й.

Аграфена Юрьевна свыше была одарена могучей силой добра. Какъ дочь, какъ супруга, какъ мать, какъ губернаторша вездѣ она была вѣрна себѣ, вездѣ правда и любовь руководили ею.

Къ несчастію недолговѣчны на землѣ такіе избранники Божіи; только съ небольшимъ два года утѣшалась княгиня счастіемъ на новомъ своемъ поприщѣ.

Въ началѣ Февраля 1828 года вслѣдствіе утомленія уходомъ за больными дѣтьми и простуды, княгиня Аграфена Юрьевна занемогла нервической горячкой и скончалась 15 Февраля на сороковомъ году своей жизни.

Наканунѣ этого дня скончался въ томъ же домѣ и отецъ ее Ю. А. Нелединскій отъ водяной 77 лѣтъ.

Эта замѣчательная одновременная кончина отца и дочери, всю жизнь связанныхъ самою нѣжною любовью сама по себѣ поразительна; но внезапное сиротство десяти несовершеннолѣтныхъ и малолѣтныхъ дѣтей повергло князя въ совершенное отчаяніе.

8 Февраля Юрій Александровичъ Нелединскій, чувствуя приближающуюся кончину, потребовалъ бумагу и перо и написалъ слѣдующее: «Хочется мнѣ, друзья мои, любезнѣйшіе дѣти мои, дрожайшій предметъ сердца моего, хочется мнѣ со всѣми и съ наличными и съ отлучными въ одинъ разъ побесѣдовать; но непомѣрная слабость моя не допускаетъ меня сіе исполнить, а для того испросилъ я духовнаго отца моего протоіерея Петра Степановича Алексинскаго согласія писать, что я буду ему говорить. Благодарю его за столь обязательное снисхожденіе: отдаю ему перо»........ (до сихъ поръ писано рукой умирающаго).

«Я такъ ослабѣлъ—и слабость моя, въ самое короткое время, въ трое сутокъ возрасла до такой степени, что если она не умалится, то я не могу надѣяться, чтобы черезъ день или два въ мысляхъ моихъ сохранилась малѣйшая связь; и такъ долженъ я поспѣшить изъявить вамъ, любезнѣйшіе друзья, мои дѣти всю чувствуемую мной признательность за всегда оказываемое мнѣ почтеніе и стараніе ваше во всякомъ случаѣ мнѣ доставлять успокоеніе и предупреждать всѣ мои желанія. Друзья мои Самарины, хотя я съ ними и не такъ долго

холера, произвела сильное волненіе въ народѣ. Въ Калугѣ даже начались безпорядки, но во время принятыми мѣрами и личнымъ участіемъ князя въ объясненіи съ народомъ эти безпорядки скоро прекратились. На улицахъ и площадяхъ прибиты были, между прочимъ, объявленія слѣдующаго содержанія:

«Разные въ народѣ слухи, о порчѣ воды въ колодцахъ и прочемъ, безпокоятъ мирныхъ гражданъ и поселянъ. Всѣ таковые слухи нигдѣ истиннымъ происшествіемъ и изслѣдованіемъ не подтвердились; но одно вранье, не только отъ злонамѣренныхъ людей, но и отъ глупыхъ и праздныхъ. Въ самомъ здѣшнемъ городѣ, какъ тому 10 дней, занемогли рвотою и поносомъ мѣщане: Иванъ Сергѣевъ, сынъ его Василій Ивановъ и жена его Катерина Иванова Петелины, изъ нихъ первые на другой день умерли, а послѣдняя выздоровѣла. Пошли толки и слухи, что будто они были отравлены, — именно солдатомъ въ домѣ ихъ квартировавшимъ, и въ подтвержденіе сего говорили, что свиньѣ, якобы въ томъ домѣ издохшей отъ съѣстныхъ остатковъ, которая и теперь жива, а только видѣли ее, что она лежала на дворѣ и отдыхала по обыкновенію. Умершіе, бывъ въ совершенной памяти и пріобщившися Святыхъ Тайнъ, также оставшаяся въ живыхъ мѣщанка Петелина ни на солдата онаго, отъ котораго еще сказывала она, что пользовалась ссудою денегъ, ни на кого другаго подозрѣнія въ поврежденіи себя не изъявила. Наканунѣ были у нихъ въ домѣ поминки, на которыхъ вѣроятно излишнее пили и ѣли, отъ чего приключилась имъ болѣзнь и самая смерть.

«Изъ вышеприведеннаго случая, всякій разсудительный и добросовѣстный можетъ заключить, сколь нелѣпы слухи, на счетъ отравленія воды въ колодцахъ и другихъ ко вреду людей предпріятій.

«Въ заключеніе скажу мой христіанской совѣтъ: таковымъ ложнымъ слухамъ не вѣрить и на душу свою не брать чужаго грѣха, разсказчиковъ оныхъ презирать какъ безчестныхъ людей, или пустовщиковъ, а благодарить усердною молитвою премилосердаго Господа съ Пречистою Его Матерью, что помиловалъ насъ досель отъ зла и недуга смертоноснаго, коимъ посѣтилъ многихъ изъ братій нашихъ, молить Его, чтобъ имъ послалъ свою Святую помощь и насъ сохранилъ».

Такими безыскуственными рѣчами и личнымъ своимъ во всѣхъ зараженныхъ мѣстахъ посѣщеніемъ пріобрѣлъ князь то довѣріе, которымъ успокоилъ начинавшіяся волненія.

Въ концѣ 1831 года князь Александръ Петровичъ назначенъ былъ сенаторомъ и почетнымъ опекуномъ въ Москву, гдѣ и оставался до самой кончины своей послѣдовавшей 18 Апрѣля 1855 года.

ПИСЬМО

КНЯЗЯ ПЕТРА АНДРЕЕВИЧА ВЯЗЕМСКАГО

КЪ ИЗДАТЕЛЮ.

I.

Сердечно благодарю Васъ, любознѣйшій Князь, за присылку мнѣ корректурныхъ листовъ семейной вашей хроники. Эта хроника, отчасти и моя: я современникъ ея содержанія. Прочелъ я ее съ живѣйшимъ удовольствіемъ, не чуждымъ умиленія, потому что чтеніе воскрешало въ памяти и душѣ моей *преданія старины глубокой*, мнѣ близкія. Но отлагая въ сторону мои личныя впечатлѣнія, позволяю себѣ, какъ старый литераторъ, богатый по крайней мѣрѣ нѣкоторою опытностію, поздравить Васъ съ подаркомъ и услугою, которыми Вы порадуете добросовѣстную и образованную часть нашей читающей публики. Нигдѣ, можетъ быть, подобнаго рода книги не способны приносить такую пользу, какъ у насъ. Въ другихъ обществахъ старыя письма, памятныя записки (mémoires) возбуждаютъ любопытство новыхъ поколѣній: тамъ общество уже такъ созрѣло и такъ сказать заматерѣло въ своихъ привычкахъ, оно прошло сквозь такія событія, перевороты, перерожденія, что имъ уже нечему, да и некогда научиться изъ указаній, уроковъ и образцовъ стараго быта. Leur siège est déja fait, какъ говорятъ французы. Новыя поколѣнія рады знать, что дѣлали отцы и предки, потому что, несмотря на новый бытъ и радикальное переустройство его, они, напримѣръ даже и часто линяющіе фран-

цузы, все таки держатся съ сочувствіемъ преданій, по крайней мѣрѣ литературныхъ и общежительныхъ. Французы при первомъ недоразумѣніи, при первомъ столкновеніи съ властью, готовы ниспровергнуть до послѣдняго камня все свое историческое и государственное зданіе, но остроумное слово, сказанное за сто лѣтъ тому, но какое ни есть удачное четверостишіе—остаются у нихъ неприкосновенными и переживаютъ всѣ возможныя и даже невозможныя революціи. У насъ книга подобная Вашей не только любопытна и занимательна, но поучительна и назидательна. Наше общество развивается не постепенною жизнью. Мы росли, образовались, возмужали болѣе порывами, прыжками. У насъ настоящій день мало оглядывается на вчерашній. А чтобы осмотрительнѣе и вѣрнѣе идти впередъ, хорошо иногда припоминать откуда идешь. Мы вообще мало придерживаемся такого обратнаго умозрѣнія. Многіе не только мало придерживаются, но и отрекаются отъ пройденнаго пути. Они за собою хотятъ оставить однѣ развалины и пепелъ: они минувшее истребляютъ, ломаютъ и сожигаютъ. Словно дикая орда проходитъ чрезъ исторію. Ваша книга, живая картина, изображающая не только частныя и семейныя лица, въ высшей степени привлекательныя, но и безъ притязательствъ на историческую важность, она, т. е. книга Ваша, вмѣстѣ съ тѣмъ и историческая картина того времени. Надобно только умѣть ловить и постигать исторію, то есть смыслъ минувшаго и въ частныхъ и легкихъ очеркахъ его. Равно книга Ваша, безъ раздражительныхъ пререканій и полемики, безъ предвзятаго мнѣнія служитъ прекраснымъ и убѣдительнымъ опроверженіемъ необдуманныхъ толковъ о какой-то исключительно барской, малограматной и маломыслящей старинѣ. Многіе годы дѣйствія, или сущности этой книги, протекаютъ и разыгрываются въ

Москвѣ. Здѣсь опять естественное и возникающее само собою изъ натуры вещей, изъ общаго положенія лицъ и событій неопровержимое возраженіе противъ указаній на какую-то *грибоѣдовскую Москву*, которою намъ колютъ глаза и оскомину набиваютъ. Какъ старый москвичъ, не могу не порадоваться этому живому и убѣдительному заявленію того, что было на дѣлѣ, въ противорѣчіе тому, что позднѣе вошло въ понятія отъ одностороннихъ воззрѣній, предубѣжденій и легкомыслія. Я родился въ старой Москвѣ, воспитанъ въ ней, въ ней возмужалъ; по наслѣдственному счастію рожденія своего, по средѣ, въ которой мнѣ пришлось вращаться, я не зналъ той Москвы, которая такъ охотно и словоохотно рисуется подъ перомъ нашихъ повѣствователей и комиковъ. Можетъ быть, въ нѣкоторыхъ углахъ Москвы и была, и вѣроятно была Фамусовская Москва. Но не она господствовала: при этой Москвѣ была и другая образованная, умственною и нравственною жизнью жившая Москва. Москва Нелединскаго, кн. Андрея Ивановича Вяземскаго, Карамзина, Дмитріева и многихъ другихъ единомысленныхъ и сочувственныхъ имъ личностей. Своего рода Фамусовы найдутся и въ Парижѣ, и въ Лондонѣ, и каждый изъ нихъ будетъ носить свой отпечатокъ. Грибоѣдовъ очень хорошо сдѣлалъ, что забавно, а иногда и остроумно посмѣялся надъ Фамусовымъ и обществомъ его, если пришла ему охота надъ ними посмѣяться. Не на автора обращаю свои соображенія, свою критику: онъ въ сторонѣ, онъ посмѣялся, пошутилъ, и дѣло свое сдѣлалъ прекрасно. Но виноваты, и подлежатъ такому-же осмѣянію тѣ, которые въ каррикатурѣ, мастерскою и бойкою рукою написанной, ищутъ и будто находятъ исторически вѣрную, такъ сказать буквальную истину.

Напрасно хотите Вы напечатать книгу свою въ маломъ

числѣ экземпляровъ, для келейнаго обращенія, а не въ продажу. Напротивъ, эта книга имѣетъ всѣ возможныя права на гласность, и гласность обширную. Дай Богъ только, чтобы умѣли оцѣнить ее. Повторяю, книга имѣетъ не только чисто литературное и общежительное достоинство, но и большое историческое: однимъ словомъ, достоинство увлекательное и поучительное. Хлѣбъ-соль ѣшь, а правду рѣжь, и если не рѣжь, то по крайней мѣрѣ не таи ее подъ спудомъ. Въ нынѣшней хлѣбъ-соли есть, безъ сомнѣнія, много хорошаго, сытнаго и вкуснаго. Но и отцы наши не питались одними желудями и мякиною. Ваша книга представляетъ прекрасный и лакомый *мепи* нашей старинной трапезы. По этой столовой запискѣ, взыскательнѣйшіе и щекотливѣйшіе гастрономы нашего времени, если только нёбо и желудокъ ихъ не испорчены и безпристрастны, должны будутъ сознаться, что и кухня отцовъ нашихъ имѣла свои поваренныя достоинства и цѣну.

Слова: *либерализмъ*, *либералъ*, *гуманность*, слова новаго чекана: они недавно сдѣлались ходячею монетою, хотя иногда и довольно низкопробнаго достоинства. Во времена Нелединскаго ихъ не знали. Но понятія, по духъ *либерализма*, хотя еще безъименнаго и не окрещеннаго, по духъ *гуманности*—puisque гуманность il-y-a, какъ ни претительно это слово на нашемъ языкѣ, эти сочувственныя духовныя ноты, также звучали и въ прежнее время: тонкое ухо, тонкое внутреннее чувство умѣютъ разслушать ихъ и тамъ, гдѣ о нихъ какъ будто и не говорится, но гдѣ они явственно подразумѣваются, угадываются, *подчувствуются*. Не знаю какъ другимъ, но мнѣ очень по сердцу этотъ либерализмъ avant la lettre. Литографированныя картины, литографированный либерализмъ для дешеваго и обиходнаго употребленія, не имѣютъ дѣйстви-

тельнаго достоинства—оно какъ будто тоже, а не тоже. Доказательствомъ этому служатъ многія письма, приведенныя въ книгѣ Вашей. Что, напримѣръ, въ общемъ, внутреннемъ достоинствѣ и смыслѣ выраженья, можетъ быть *либеральнѣе* отношеній и переписки Юрія Александровича съ Императрицею Маріею Ѳеодоровной? Отъ нихъ такъ и вѣетъ духомъ и благоуханіемъ того, что мы нынѣ называемъ *либеральностью и гуманностью*, а что прежде просто называлось образованностью, человѣколюбіемъ, теплымъ сочувствіемъ ко всему человѣческому, къ нуждамъ, страданіямъ и радостямъ ближняго. Многіе признаютъ одинъ политическій либерализмъ, но безъ либерализма нравственнаго, либерализма въ правахъ, съ однимъ политическимъ, не далеко уйдешь по дорогѣ истиннаго общественнаго преуспѣянія. Какъ только нѣжнѣйшая мать можетъ любить единственную дочь свою и постоянно заботиться о настоящей и будущей участи ея, такъ Императрица любила нѣсколько тысячъ пріемышей своихъ. Какъ мать, какъ домовитая хозяйка, какъ образовательница, какъ администраторша, пеклась она о нихъ; ничто: ни важное, ни мелкое не ускользало отъ ея всевидящаго вниманія. Вотъ это такъ и есть настоящій, не временный, не условный *либерализмъ*, а либерализмъ, который былъ и есть во всѣ времена и при всѣхъ порядкахъ, присущимъ душѣ возвышенной и любящей. Когда встрѣчаешь подобныя качества и чувства на высшей степени общественной іерархіи, то впечатлѣніе ими производимое еще свѣтлѣе и глубже проникаетъ въ душу. По всей перепискѣ видно, что изъ всѣхъ сподвижниковъ и орудій Императрицы на поприщѣ просвѣтительной благотворительности, ближайшимъ и пользовавшимся ея отличительнымъ довѣріемъ былъ особенно Нелединскій. Это одно укрѣпляетъ за нимъ мѣсто, которое онъ занялъ и заслужилъ въ современ-

ной ему эпохѣ нашего общежитія и образованности. Въ продолженіи многихъ лѣтъ одинъ только разъ Нелединскій не угадалъ своей высокой Начальницы и не угодилъ ей. Когда въ 1812 году непріятель приближался къ Москвѣ, начальство, за неимѣніемъ свободныхъ экипажей въ смущенной и разъѣзжающейся по всѣмъ направленіямъ Москвѣ, отправило въ Казань на телѣжкахъ воспитанницъ института Св. Екатерины, toutes filles de gentilshommes, enfin toutes nobles (какъ сказано въ письмѣ Императрицы), comment se peut-il que vous, mon bon Nélédinsky, avec la délicatesse de vos sentiments, vous ayez pu souscrire au cruel arrangement de faire partir nos demoiselles, и такъ далѣе, говоритъ она. Материнская нѣжность и чувства аристократическаго приличія, очень понятно и естественно, сливаются въ особѣ ея. Она возмутилась при такомъ распоряженіи мѣстныхъ властей. Эта черта можетъ возбудить невольную улыбку, особенно въ наше время, но вмѣстѣ съ тѣмъ должна возбудить и умилительное сочувствіе къ заботливому покровительству Вѣнценосной Начальницы этихъ воспитательныхъ заведеній. Впрочемъ, не однѣ *телѣжки* обратили на себя неудовольствіе Императрицы. Она дѣлаетъ дружескій выговоръ Нелединскому за то, что дѣвицы Института были отправлены въ путь «sans prêtre, sans inspecteur des études, sans aucun maître и проч. Ensuite vous, mon bon vieux Nélédinsky, пишетъ она, je vous charge, après avoir dit *виноватъ*, de réparer vos fautes, de soigner l'envoi de notre excellent prêtre que vous munirez de nos vases sacrés et images (si vous le trouvez nécessaire), ensuite de notre inspecteur des études, de même que du meilleur de nos maîtres des langues étrangères et d'un de nos bons maîtres d'histoire et de géographie, и проч. Какая заботливость, предусмотрительность, и въ какое время? Когда опасность грозила цѣлости государ-

ства, когда, по словамъ ея въ томъ же письмѣ: «je n'ai pas besoin de voux exprimer ce qui se passe dans mon coeur, les paroles le rendent mal: cependant soyez persuadé que je suis remplie d'espoir et de confiance dans la bonté divine, и проч. Послѣ этихъ словъ, вылившихся изъ сердца Вѣнценосной вдовы и матери царствующаго надъ Россіею Государя, въ ней снова слышатся чувства Высокой Начальницы женскихъ учебныхъ заведеній: «Ah! mon bon Nélédinsky, que je serai heureuse, lorsque je saurai de nouveau, nos enfants en chemin, pour revenir à Moscou, que je les saurai arrivés et que celles rendues aux parents se réuniront de nouveau à eux. Informez vous, je vous en prie comment va la petite Smetkoff, qui a été si malade, dites moi si les parents quittent Moscou, enfin ayez un oeil protecteur sur les leurs et dites aux parents que je vous ai prié de m'en donner des nouvelles.

Отмѣтимъ мимоходомъ весь духъ этого обвинительнаго письма, этого выговора по дѣламъ службы отъ Царской Начальницы къ подчиненному своему. Такое письмо, по многимъ отношеніямъ, принадлежитъ русской исторіи: оно вноситъ и отрадную отмѣтку въ нравственную лѣтопись сердца человѣческаго. Имя Нелединскаго займетъ тоже свое мѣстечко въ этой достопамятной страницѣ. Мы упомянули, что Ю. А. былъ *либераленъ*, хотя и не былъ *либераломъ*, потому что въ то время этой клички еще не было. Теперь, можетъ быть, и много либераловъ, но нѣкоторые изъ нихъ часто мало либеральны въ дѣйствіяхъ своихъ. Къ этому прибавить можно, что онъ былъ довременно тоже, avant la lettre, и членъ общества покровительства животнымъ, когда ни у насъ, да кажется и нигдѣ еще подобнаго общества не существовало. Знаете-ли Вы, что дѣдъ вашъ, садясь въ свою наемную карету, всегда отнималъ у кучера кнутъ и клалъ его возлѣ себя, съ тѣмъ,

чтобы кучеръ не могъ стегать лошадей своихъ. Подобное *покровительство* простиралъ онъ не только на живую тварь, но и на божіи плоды въ царствѣ прозябаемомъ. Онъ, который былъ большой лакомка, никогда не рѣшался ѣсть соленыя груши, персики, ананасы, и съ негодованіемъ признавалъ подобное соленіе въ домашнемъ хозяйствѣ, у насъ обычное, за святотатство противъ природы. Какъ, говорилъ онъ, натура уцедрила эти плоды особенною сладостью и душистымъ вкусомъ, а мы унижаемъ ихъ до разряда огурца, или капусты... Разумѣется, все это говорилось шуточно, но подобная шутка не придетъ въ каждую голову. Въ самой простой шуткѣ отзывается иногда нота общаго настроенія. Шутки, понятія, отдѣльныя слова, привычки, вкусы, отвращенія не тѣже ли живыя проявленія нашей внутренней растительности? Каждый человѣкъ носитъ въ себѣ почву свою, и эта почва дастъ цвѣты и плоды, ей особенно свойственные. Въ письмахъ Нелединскаго часто и совершенно неожиданно пробиваются примѣты внутренней натуры его, внутренняго слоя. Иногда при самой сухой рѣчи о мелочахъ обыденной жизни проскакиваетъ слово, въ которомъ выражается черта личности его, черта духовная, психологическая, въ которой обнаруживается весь человѣкъ. А Вы по многимъ причинамъ и соображеніямъ, весьма уважительнымъ, не могли еще представить вполнѣ всю переписку его. Но надобно бережно сохранить ее.

«Не намъ, такъ дѣтямъ пригодится».

Придетъ время: содѣйствіе и освященіе времени нужны для всего, и тогда въ свой часъ, эта полная переписка дорисуетъ, но ни въ чемъ не будетъ противорѣчить уже извѣстному очерку замѣчательной и сочувственной личности.

Въ новое доказательство, что дѣдъ Вашъ не только правильно,

честно жилъ и дѣйствовалъ въ настоящемъ, но что такъ сказать предчувствовалъ и понималъ благоразумныя условія будущаго, можно указать на письмо къ сыну съ поздравленіемъ его при полученіи офицерскаго чина. Это полный трактатъ объ обязанностяхъ воина. Онъ и нынѣ, а можетъ быть особенно нынѣ, при учрежденіи общей воинской повинности, имѣетъ все значеніе и все достоинство современнаго, хотя и за полстолѣтіе тому написаннаго наставленія. Многое хорошее не такъ ново, какъ оно кажется глазамъ, любующимся новизною. Мы вообще склонны исключительно себѣ приписывать всякое полезное и плодотворное явленіе. Но многія изъ этихъ явленій невидимо уже таились въ зародышѣ и до насъ. Время сѣятелей не бываетъ временемъ и пожинателей. Поколѣнія, одно за другимъ, что нибудь да наслѣдуютъ отъ своего предшественника. Что-же касается до Нелединскаго, то нельзя не замѣтить, что, если онъ и былъ одно изъ высшихъ и привлекательнѣйшихъ выраженій образованности своего времени, своего поколѣнія, то онъ не былъ выродкомъ, исключеніемъ изъ общей среды. Одинъ въ полѣ не воинъ, говоритъ пословица. Но Нелединскій и не былъ одинъ. Дѣло въ томъ, что отдѣльные воины тогдашняго времени не были еще призваны къ рѣшительной битвѣ: побѣды были впереди; но они безсознательно готовили эти побѣды: поле ихъ не было праздною и необработанною пустошью.

Вы желаете, чтобы я въ дополненіе книгѣ вашей составилъ по возможности біографическій очеркъ Юрія Александровича. Всѣми помышленіями, всею душею взялся-бы я за исполненіе Вашего требованія. Но оно, при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, не легко можетъ быть приведено въ дѣйствительность. Вѣроятно я одинъ на русской землѣ или, по крайней мѣрѣ одинъ изъ двухъ, а много трехъ современ-

никовъ Нелединскаго. Дѣтскія воспоминанія мои сливаются и съ воспоминаніемъ о немъ. Въ теченіе многихъ лѣтъ онъ почти ежедневно былъ посѣтителемъ дома друга своего и моего родителя, кн. Андрея Ивановича. Связь ихъ началась еще въ порѣ первой молодости, въ порѣ шалостей и проказъ ея. Позднѣе, съ лѣтами зрѣлости, связь эта еще болѣе окрѣпла въ нравственныхъ и умственныхъ сочувствіяхъ и единомысліяхъ. Мой отецъ былъ также однимъ изъ умнѣйшихъ и образованнѣйшихъ людей своего времени. Говорю это не изъ одного пристрастнаго сыновняго чувства. Отца имѣлъ я несчастіе лишиться въ такіе годы, когда не могъ я еще имѣть мнѣніе, основанное на собственномъ сужденіи и опытѣ. Но преданія о немъ оставшіяся въ людяхъ достойныхъ оцѣнить умъ и качества современника своего, утвердили меня въ понятіи о немъ. Еще въ дѣтствѣ вслушивался я въ рѣчи Нелединскаго, многаго въ нихъ, разумѣется, не понимая. Помню, какъ въ предсмертные дни своего друга не отходилъ онъ отъ постели его, какъ во время отпѣванія, въ церкви Антипія, что у Колымажнаго двора, стоялъ онъ у самаго гроба, и держалъ въ рукѣ своей онѣмѣвшую и остывшую руку друга своего. Позднѣе эти дѣтскія сочувствія перешли, смѣю сказать, въ пріязненныя отношенія, основанныя, конечно, на наслѣдственномъ началѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и на добровольныхъ и благопріобрѣтенныхъ условіяхъ. Живо помню эту до старости сочувственную и милую личность. Онъ былъ не большаго, скорѣе малаго роста, довольно плотный, коренастый, съ косичкою, лентой заплетенной, которой оставался онъ вѣренъ когда всѣ уже обрѣзали косы свои. Глаза голубые, выразительные, улыбка привѣтливая, которая имѣла почти прелесть женской улыбки, голосъ мягкій и звучный. Помню рѣчь его, неблиставшую остроумными вспышками и словами, которыя

французы называютъ bons mots или, mots à retenir, хотя и въ нихъ не было недостатка: въ рѣчи его болѣе всего привлекало и поражало особенно покойный строй ея, всегда ясный и прозрачный: все было сказано кстати, во время, безъ малѣйшей подготовки. О поэзіи, о любви говорилъ онъ особенно охотно и съ увлеченіемъ. Иногда любилъ онъ говорить и объ особенно любопытныхъ и выходящихъ изъ обыкновеннаго уровня дѣлахъ подлежащихъ сужденію Сената. Онъ часто пристращался къ этимъ дѣламъ, къ полному изслѣдованію ихъ, къ проникновенію въ темныя, гадательныя стороны подобныхъ процессовъ. Въ разговорахъ своихъ прибѣгалъ онъ иногда въ обществѣ къ повѣркѣ этихъ юридическихъ вопросовъ. Помню, что случалось ему и у меня, еще тогда отрока, спрашивать иногда по краткомъ изъясненіи въ чемъ дѣло, кого признаю я виновнымъ, или невиннымъ въ такомъ-то дѣлѣ? Онъ любилъ провѣрять чужимъ впечатлѣніемъ свой взглядъ, свое мнѣніе, свое убѣжденіе. Это было родъ совѣщательнаго (consultatif) присяжнаго суда, который онъ призывалъ въ помощь суду своему: и такой совѣщательный присяжный судъ, по мнѣнію моему, могъ-бы примѣняемъ быть съ пользою и къ дѣламъ судебнымъ.

Все это помню. Все это такъ. Кажется, только и стоило-бы присѣсть къ столу, взять перо и приняться con amore, что и было-бы въ высшей степени при настоящемъ случаѣ, и добросовѣстно исполнить возложенное на меня порученіе. Но за этимъ слѣдуютъ нѣсколько *но*, частыя и неотложныя закорючки многихъ человѣческихъ предпріятій и дѣйствій. Приглашеніе написать біографическій очеркъ Юрія Александровича напало на меня врасплохъ. Здѣсь нужно мнѣ довести до свѣдѣнія Вашего, мою маленькую авторскую исповѣдь. Стихи еще могу кое-какъ импровизировать въ прогул-

кахъ моихъ, подъ прихотью минуты и воображенія: не смѣю сказать вдохновенія. На прозу я гораздо туже. Проза требуетъ совершенно здраваго духа и здраваго тѣла, спокойствія, усидчивости, равновѣсія. Относительно собственно до меня, проза нуждается въ ночахъ безъ *хлорала*, во дняхъ затишья нервовъ, во дняхъ бодрости и внутренней потребности, такъ сказать, жажды чернилъ и труда. А этого часто у меня нѣтъ. Часто мнѣ не только не пишется, но и противно то, что напишется. Поэтому, никакъ не могу браться за срочную работу. У меня были когда-то подготовлены и собраны сырые матеріалы для скромнаго памятника, который мнѣ хотѣлось соорудить во имя Нелединскаго. Но и эти матеріалы теперь у меня не подъ рукою. Въ послѣдніе скитальческіе и больничные года мои, я, по разнымъ мѣстамъ, разбросалъ пожитки свои. Нужно было-бы время, чтобы розыскать ихъ, обдѣлать и связать. Вы видите, любезнѣйшій князь, что добрая воля и есть: но средства недостаточны. Я почелъ-бы за счастіе принести *каплю меда* своего въ вашъ богатый и душистый улей. И подлинно выраженіе *улей* здѣсь кстати: въ Нелединскомъ было много аттическаго; былъ и гиметскій медъ: была и аттическая соль. Но я-то часто, не трудолюбивая пчела, и природою разжалываюсь въ трутни. Между тѣмъ, не хотѣлось-бы мнѣ на отрѣзъ отказать Вамъ въ пріятномъ и лестномъ вашемъ предложеніи. Къ отмѣткамъ, уже выше разбросаннымъ, приложу еще нѣсколько моихъ впечатлѣній глубоко сохранившихъ всю свѣжесть свою въ памяти и сердцѣ моемъ.

II.

Начнемъ съ того, что мимоходомъ заглянемъ въ Москву, въ которой жилъ Нелединскій и въ которой зналъ я его.

Эта Москва, по имени еще первопрестольная, на дѣлѣ, по вступленіи соперницы своей въ совершеннолѣтіе, была уже второстепенною столицею. Дѣйствующая жизнь отхлынула отъ нея и перелилась въ Петербургъ. Но историческая жизнь ея осталась еще при ней: и осталась не въ однихъ каменныхъ стѣнахъ Кремля. Были въ ней и живые памятники, такъ сказать ходячія историческія записки, преданія, отголоски. Въ Москвѣ доживали тогда свой вѣкъ дѣйствующія лица, со сцены сошедшія. Живали отставные Правительственные дѣятели, вельможи, Министры, между прочимъ и отставныя красавицы, *фрейлины Екатерины первой*, по выраженію Грибоѣдова. Давно уже сказалъ я, что Москва дѣвичья Россіи, а С.-Петербургъ—но къ чему поминать старые грѣхи мои? Да, Москва была въ то время какимъ-то убѣжищемъ, затишьемъ людей доживающихъ свой вѣкъ. Нынѣ какъ-то никто не *доживаетъ:* каждый съ жизни на юру, съ жизни на маковкѣ, прямо и скоропостижно падаетъ въ могилу. Эти закаты жизни, эти мерцанія, имѣли и свою теплоту и свои отблески. Жизнь, въ остаткѣ годовъ своихъ, послѣ труднаго, часто тревожнаго, часто блистательнаго поприща, удалялась, *ретировалась* въ свои внутренніе покои.

Москва была эти внутренніе покои русской жизни. Такъ

поступилъ мой отецъ. Такъ поступили и многіе. Такъ поступилъ и Нелединскій, когда разсчелъ, что онъ уже *отжилъ* и что остается ему только *доживать*. Но переѣхалъ онъ не въ Москву, которую разлюбилъ съ того времени, какъ непріятели пребываніемъ своимъ въ ней, ее запятнали: переѣхалъ онъ въ Калугу и тамъ отшельникомъ отъ міра, тихо но свѣтло вечерѣлъ при семейномъ и любвеобильномъ очагѣ.

Но не думайте, чтобы при этой тихой Московской погодѣ, царствовалъ въ обществѣ неподвижный, мертвенный *штиль*. Нѣтъ, было и тогда колебаніе, волненіе. Были люди, чающіе движенія воды и чающіе не напрасно, подобно разслабленному при купели у овечьихъ воротъ въ Іерусалимѣ. Были и въ то время свои мнѣнія, убѣжденія, вопросы, стремленія, страсти. Въ этомъ обществѣ встрѣчались люди противоположныхъ ученій, разныхъ вѣрованій, разныхъ эпохъ. Тутъ были люди, созрѣвшіе подъ вліяніемъ и блестящимъ солнцемъ царствованія Екатерины: были выброски крушеній отъ слѣдовавшаго за нимъ царствованія: уже выглядывали и обозначались молодые умы, молодыя силы, развивавшіяся подъ благораствореніемъ первоначальныхъ годовъ правленія Императора Александра I. Эти года навѣяли на общество новое дыханіе, новую температуру: слѣдовательно на обществѣ отсвѣчивались разнообразные историческіе и нравственные оттѣнки. Въ общественномъ, какъ и въ литературномъ быту, были старообрядческіе послѣдователи Шишкова, и новокрещенцы, послѣдователи Карамзина. Двигались и мыслили и *сыны Вольтера*, и сыны *крестоносцевъ*, какъ говорятъ французы, а по русски, сыны православной церкви. Въ томъ-же обществѣ, въ томъ-же домѣ, за обѣдомъ, или на вечерѣ, могли встрѣтиться и Кн. Платонъ Александровичь Зубовъ, и Кн. Екатерина Ро-

мановна Дашкова: первая страница и послѣдняя страница исторіи царствованія Императрицы Екатерины.

Графъ Ростопчинъ и графъ Никита Петровичъ Панинъ, два почти политическіе противника.

Графъ Аркадій Ивановичъ Марковъ и Обольяниновъ, двѣ историческія и характерическія противоположности.

Мистикъ и Мартинистъ Ив. Влад. Лопухинъ и Нелединскій, также далеко не близнецы и не однородцы.

Здѣсь представляемъ мы сокращенный сколокъ съ живыхъ картинъ, болѣе или менѣе историческихъ лицъ. Представленіе давалось на общественной сценѣ, предъ любопытствующимъ и внимательнымъ партеромъ: то есть публикою. Зрѣлище, нечего сказать, довольно привлекательное и не лишенное блеска и достоинства.

А сколько еще можно насчитать лицъ, если не прямо принадлежащихъ исторіи, то не менѣе того лицъ запечатлѣнныхъ особымъ выраженіемъ, особымъ значеніемъ, и также имѣющихъ свое косвенное вліяніе на дѣла и на общество. Есть исторія явственная, гласная: но есть также исторія подспудная, такъ сказать побочная, которая часто и невидимымъ образомъ сливается съ первою и ею поглащается.

Вотъ нѣкоторыя имена Московскаго общества, современныя Нелединскому.

Графъ Левъ Кириловичъ Разумовскій: образецъ того, что французы называютъ, или скорѣе называли *grand seigneur*— слово *вельможа* не передастъ этого значенія:—онъ же и образецъ благовоспитаннаго, любезнаго свѣтскаго человѣка.

Библіофилъ и полиглотъ, всеязычный Гр. Бутурлинъ.

Петръ Васильевичъ Мятлевъ, оживляющій разговоръ остроуміемъ, а не рѣдко и полуязвительными насмѣшками.

Өедоръ Ивановичъ Киселевъ, рѣзкій въ сужденіяхъ своихъ,

часто раздражительный и желчный: но въ это время терпимости прощали ему эти выходки, потому, что въ человѣкѣ уважали благородныя качества его, независимый умъ и независимое положеніе его въ обществѣ. Къ тому-же въ это время нѣкоторое *фрондёрство* было въ обычаѣ и въ чести: въ обществѣ любовались этими наѣздниками слова, которые ловко метали пращи свои. (Извѣстно, что выраженіе la fronde, frondeur, заимствовано отъ бойцовъ вооруженныхъ пращею).

Павелъ Никитичъ Каверинъ. Онъ, можетъ быть, не имѣлъ общей европейской образованности: но былъ русскій краснобай, въ полномъ и лучшемъ значеніи этого слова. Соловей рѣчи и соловей неумолкаемый! Говорунъ и разскащикъ, имѣлъ онъ, что говорить и что расказывать. Онъ былъ ума бойкаго и смѣтливаго. Настоящій русскій умъ, тамъ гдѣ онъ есть, свѣжій, простосердечно хитрый и нѣсколько лукавый. Въ долголѣтнемъ званіи своемъ столичнаго оберъ-полицмейстера—въ званіи, которое онъ впрочемъ никогда во зло не употреблялъ—имѣлъ онъ случай много и многихъ узнать, обучиться жизни на практикѣ, вблизи и разносторонне. Вся эта живая наука отзывалась въ разговорѣ его. Онъ былъ, между прочимъ пріятель Гр. Ростопчина, Дмитріева и Карамзина.

Кн. Анд. Ив. Вяземскій: гостепріимный собиратель Московской земли: въ теченіи многихъ лѣтъ домъ его былъ сборнымъ мѣстомъ всѣхъ именитостей умственныхъ, всѣхъ любезностей обоего пола. Самъ слылъ онъ упорнымъ, но вѣжливымъ спорщикомъ: сжатый и сильный діалектикъ, словно вышедшій изъ Аѳинской школы, онъ любилъ словесные поединки и отличался въ нихъ своею ловкостію и изящностью движеній.

Кн. Яковъ Ивановичь Лобановъ - Ростовскій, другъ кн. Вяземскаго и Нелединскаго, съ выраженіемъ нѣсколько суро-

вымъ въ смугломъ лицѣ, съ волосами, причесанными дыбомъ, былъ весельчакомъ этого общества: много было у него прибаутокъ французскихъ и русскихъ, которыми онъ мѣтко и забавно разнообразилъ рѣчь свою.

Тончи, живописецъ, поэтъ и философъ. Стройная и величавая наружность: лице еще свѣжее, волоса густые и нѣсколько кудрявые, осеребренные преждевременною и красивою сѣдиною. Онъ между прочимъ, преподавалъ въ салонахъ ученіе *призрачностей, мнимостей:* (des apparences) то есть, что все вещественное въ мірѣ и въ жизни, а особенно, впечатлѣнія, ощущенія, все это только кажущееся, воображаемое. Онъ имѣлъ даръ слова: и на французскомъ языкѣ, озаренномъ и согрѣтомъ южнымъ блескомъ и поэтическими красками, онъ если не былъ убѣдителенъ, то всегда былъ увлекателенъ. Впрочемъ онъ имѣлъ нѣсколько и учениковъ и послѣдователей: въ числѣ ихъ былъ Алексѣй Мих. Пушкинъ.

Вотъ также личность въ высшей степени своеобразная. Прямой сынъ Вольтера, энциклопедистъ съ русскою закваскою, воспитанникъ дяди своего Меллисино, Куратора Московскаго университета, бывшій въ военной службѣ и въ походахъ: слѣдовательно не чуждый русской жизни и ея особенностей. Трудно опредѣлить его: одно можно сказать, что онъ былъ соблазнительно - обворожителенъ. Бывало изъявитъ онъ мнѣніе, скажетъ мѣткое слово, нерѣдко съ нѣкоторымъ цинизмомъ, и то и другое совершенно въ разрѣзъ мнѣніямъ общепринятымъ: и все это выразитъ съ такою энергическою и забавною мимикой, что никто не возражаетъ ему: а всѣ увлекаются взрывомъ неодержимаго смѣха. Онъ вообще не любилъ авторитетовъ: гораздо прежде романтической школы ругалъ онъ Расина, котораго впрочемъ переводилъ, и скажемъ мимоходомъ, довольно плохо. Доставалось и солнцу, какъ ав-

торитету, и поэтамъ, которые воспѣваютъ восхожденіе его, «а оно радуясь» этимъ похваламъ, раздувшись и «разкраснѣвшись вылѣзаетъ на небосклонъ». И все это было *иллюстрировано* живыми ухватками, игрою лица. И все это дѣлалъ онъ и говорилъ, вовсе не изъ желанія казаться страннымъ, оригинальнымъ, рисоваться. Онъ былъ необыкновенно простъ въ обхожденіи: нѣтъ онъ былъ таковымъ потому, что таковъ былъ складъ ума его.

Въ дѣтскихъ воспоминаніяхъ моихъ еще нахожу низверженнаго Молдавскаго Господаря, князя Маврокордато. Онъ также сдѣлался Москвичемъ. Не знаю, много ли онъ содѣйствовалъ пріятности общества, но какъ декорація, онъ очень разнообразилъ обстановку сцены. Восточная важность, пестрота восточнаго костюма его привлекали покрайней мѣрѣ мои любопытные дѣтскіе глаза.

Есть еще лица и имена, которыя могли-бы внесены быть въ этотъ списокъ. А сколько иностранныхъ путешественниковъ, художниковъ, мелькавшихъ въ этой картинѣ! Иные изъ нихъ заѣзжали въ Москву проѣздомъ и оставались въ ней на зиму и болѣе. Бывали между ними и странствующіе рыцари, искатели приключеній. Но и они для разнообразія, для драматическаго движенія, были не лишніе. Назовемъ между прочими Барона Жерамба, гусара изъ полка гусаровъ смерти, *Hussards de la mort*, въ черномъ доломанѣ, съ металлической мертвою головою на груди. Былъ-ли онъ Баронъ, былъ-ли онъ гусаръ: это осталось не рѣшеннымъ. Но онъ разъѣзжалъ по Москвѣ въ каретѣ цугомъ, велъ большую карточную игру, много проигрывалъ, но мало уплачивалъ, писалъ латинскіе стихи, а что всего лучше, былъ очень уменъ и забавенъ, и возбуждалъ общее любопытство и вниманіе своею загадочностью. Въ общественномъ каруселѣ, гдѣ каждый подвизался по свое-

му, онъ ловко разыгрывалъ роль неизвѣстнаго рыцаря, подъ непроницаемымъ забраломъ.

Литература не была чужда этому разнообразному, разнохарактерному представительству. Не говоримъ уже о литературѣ иностранной, особенно французской: всѣ старыя и новыя явленія ея были знакомы: прилежно прочитывались, горячо обсуждались. Но и доморощенная словесность была не чужая въ этомъ обществѣ, хотя и созданномъ немножко по образу и подобію запада. Во главѣ ея стояли Карамзинъ и Дмитріевъ. Они были не просто писатели, дѣйствовавшіе съ перомъ въ рукахъ въ кабинетѣ своемъ. Они и въ обществѣ и въ салонахъ были дѣйствующими лицами. Голосъ ихъ присоединялся къ общимъ голосамъ: онъ былъ и слышимъ и уважаемъ. Русская Московская литература примыкала въ то время съ одной стороны къ старинѣ въ лицѣ Хераскова, тихо доживавшаго въ Москвѣ славу свою: съ другой стороны привѣтствовала она новое поколѣніе поэзіи, въ лицѣ Жуковскаго и Батюшкова, и нѣкоторыхъ другихъ упованій нашего Парнасса, скажемъ мы на языкѣ того времени. Нелединскій также занималъ видное и почетное мѣсто въ литературномъ кругу. Но онъ писалъ болѣе урывками, и былъ, такъ сказать, дилетантомъ въ ней. Красавицы и молодыя пѣвицы на вечерахъ распѣвали, за клавикордами пѣсни и романсы его. Тогда скромно довольствовались и этимъ.

Выше упомянули мы о Ив. Влад. Лопухинѣ, сопоставляя его съ личностью Нелединскаго, какъ два разнородныя начала. Но судьба, однажды, свела ихъ по одной дорогѣ. Какъ Сенаторы, были они посланы Императоромъ Александромъ на ревизію, особенно по дѣламъ Малаканов. Тотъ и другой были люди умные, образованные и благодушные: въ изслѣдованіи истины, въ добросовѣстномъ исполненіи обязанности, на

нихъ возложенной, они не могли расходиться. Дружно дѣйствовали они: а по окончаніи дѣла, разбрелись опять каждый въ свою сторону, но съ уваженіемъ другъ къ другу, хотя ни одинъ изъ нихъ не переманилъ и не думалъ переманить другого на свои воззрѣнія въ свободной области личныхъ мнѣній и убѣжденій. Здѣсь также отыскивается знаменіе того времени.

Мы, можетъ быть, не въ мѣру расширили рамку очерка, который избрали задачею своею. Но намъ казалось, что для точнѣйшаго, по возможности изученія событія, или лица нужно то и другое оставить во времени и въ средѣ въ которыя то событіе совершилось, или то лице жило и дѣйствовало. Иначе, можно дойти до того, что будешь удивляться и пенять Христофору Колумбу, который, для открытія новаго міра, отправился на парусномъ кораблѣ, а не на пароходѣ. Такія сужденія, такіе анахронизмы въ печати не рѣдки. Не надобно терять изъ вида, что Нелединскій былъ человѣкъ своего времени: и что это время могло имѣть и имѣло свои недостатки: но вмѣстѣ съ тѣмъ имѣло свои почтенныя и любезныя достоинства. Многія понятія, многіе вопросы тогда еще не возникали. Но было много мыслящихъ людей, имѣвшихъ потребность въ обмѣнѣ мыслей. За неимѣніемъ дѣйствія тогда и разговоръ былъ уже дѣйствіе. Въ другія времена дѣйствіе ограничивается часто однимъ пустословіемъ. Тогда образованные, умные люди, а было ихъ немало, съѣзжались по вечерамъ на бесѣду, потолковать, поспорить, развязать мысль свою, или просто языкъ свой. Каждый приносилъ, что имѣлъ, что умѣлъ и что могъ: кто золотой талантъ, кто посильную лепту, кто жемчужину, кто просто полевой цвѣтокъ, но свѣжій и душистый. Я выросъ въ этой школѣ: могу говорить о ней по отроческимъ впечатлѣніямъ и позднимъ воспоминаніямъ. Жи-

выя преданія того времени не замолкли, не изгладились во мнѣ. Тогда было менѣе помышленій о свободѣ въ учрежденіяхъ: горизонтъ былъ ограниченнѣе: но было болѣе свободы въ мысли и въ общежитіи: горизонтъ и ограниченный былъ чище. Каждый былъ и казался тѣмъ, что онъ есть. Онъ не былъ завербованъ подъ такое-то, или другое знамя. Никто не подчинялся извѣстному лозунгу, и не нуждался въ немъ. Тогда подписывались на журналъ, на газету: но не приписывались къ нимъ. Тогда просто хотѣли узнать отъ повременнаго листка, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ: и баста! Никому не приходило на умъ узнать отъ журнала, какъ прикажетъ онъ мыслить, чувствовать, судить о такомъ-то событіи, оцѣнить такую-то правительственную мѣру; однимъ словомъ не было того духовнаго крѣпостничества, въ силу журнальной печати, которое кое-гдѣ встрѣчается нынѣ: и оно ожидаетъ свое 19 Февраля: но скоро-ли дождется?

III.

Нелединскій могъ-бы быть предметомъ прилежнаго изученія и изслѣдованія для физіолога и психолога. Онъ во многихъ отношеніяхъ былъ натура совершенно своеобразная: натура крайностей и противоположностей: но не противорѣчій. Въ самыхъ крайностяхъ хранилось какое-то равновѣсіе, какая-то нравственная примирительная сила. Онъ былъ натурою своею будто раздѣленъ на особые участки. И каждый участокъ не посягалъ на другой, не вредилъ ему. Въ немъ были участки свѣтлые, благорастворенные, возвышенные: были и участки чрезполосные, спорные: правила и условія нравственной топографіи могли протестовать противъ нихъ. Но, не надобно терять изъ вида, что первые участки, то есть свѣтловозвышенные, были открыты и доступны всѣмъ ближнимъ его, всему обществу: другіе были, такъ сказать, заповѣдные, личные, ему одному свойственные: онъ одинъ отвѣтствовалъ за нихъ и они одного его касались. Объяснимъ слова наши словами изъ письма его къ вашей матери: Rapportez tout à cet Etre (Богу), cette source unique de tout; qui Vous a donné l'esprit, la raison, le caractère que Vous avez.—Remerciez le—Твоя отъ Твоихъ!—Ce n'est pas un capucin qui vous parle, mais bien un libertin qui le sera toute sa vie,—à qui cet Etre suprême a départi, dans sa bonté, une raison qui l'a autant préservé d'être impie que bigot.

Въ этихъ строкахъ явное размежеваніе этихъ участ-

ковъ, о которыхъ мы говорили. И въ каждомъ участкѣ, является не лицедѣй, не фразёръ, а живой, искренній человѣкъ, который показывается тѣмъ, чѣмъ есть и дѣйствуетъ согласно съ тѣмъ. Въ этомъ же письмѣ, вотъ какъ этотъ *libertin*, отзывается о женѣ своей и говоритъ дочери: oui, chère amie, l'esprit et la raison, que vous avez reçus en naissant, ont été cultivés par les soins de votre mère. Oui, c'est à elle seule que vous êtes redevable de vos talents, et si vous voulez réfléchir avec moi, vous conviendrez que son amour pour ses enfants l'a toujours guidé de manière qu'elle a tenu une méthode, mis une suite à tout ce qui avait rapport à votre éducation.—Depuis votre naissance, jamais je ne suis venu à temps pour lui conseiller la moindre chose relativement à vous autres, jamais je n'étais dans le cas de désapprouver ce qu'elle avait résolu de faire pour vous.

Какъ много еще разбросано въ письмахъ, собранныхъ Вами, свидѣтельствъ о нѣжной, предусмотрительной, изобрѣтательной заботливости (смотри запасныя письма) его о слабой, нервной женѣ. Сколько тутъ любви, сердоболія, самоотверженія. Я слышалъ, что онъ однажды, чтобы согласить жену свою дать выдернуть больной зубъ, далъ, для ободренія ея, выдернуть при ней здоровый зубъ у себя. Нельзя не убѣдиться, читая письма его, что если по общепринятымъ понятіямъ, не былъ онъ безукоризненнымъ то былъ образцовымъ супругомъ. Отношенія его къ дѣтямъ проникнуты самою теплою, безкорыстною безграничною родительскою любовью. Вотъ свѣтлая семейная сторона его. А между тѣмъ, этотъ мужъ, нѣжный, какихъ немного, дома весь преданный обязанностямъ супруга и отца семейства, внѣ дома имѣлъ всегда кумиръ, предъ которымъ страстно благоговѣлъ, который воспѣвалъ, подобно Петраркѣ и Данту, чистыми пѣснями, кумиръ, предъ которымъ колѣнопреклоненный возжигалъ онъ благоу-

ханный и чистый фиміамъ любви, страсти. Таковъ былъ онъ внѣ семейнаго круга, такъ сказать, на сторонѣ отъ него; а еще дальше, и на другой, даже противоположной сторонѣ встрѣчаемъ его, какъ-бы сказать вѣжливѣе и почтительнѣе—впрочемъ, скажемъ опять не своими словами, а его собственными, встрѣчаемъ: «un libertin, qui le sera toute sa vie».—Повторяемъ еще разъ: если въ угоду строгой нравственности назвать эти стороны *тѣнистыми*, то онѣ никогда не затемняли свѣтлыхъ: а свѣтлыя часто очищали и самыя темныя. Это не есть оправданіе темныхъ сторонъ: не есть и разрѣшеніе другимъ снисходительно смотрѣть на свои слабости. Вовсе нѣтъ. Примѣръ Нелединскаго не есть примѣръ для подражанія. Но онъ себя въ примѣръ и не ставилъ. Дѣло въ томъ, что щедро надѣленная натура его умѣла и могла вынести, могла даже согласовать, уравновѣшивать эти внутреннія противорѣчія, это междоусобіе врожденныхъ свойствъ, склонностей, порывовъ, страстей. Такія натуры рѣдки. На долгомъ вѣку своемъ, мы даже другой подобной ему не встрѣчали. Приведу здѣсь еще личное воспоминаніе, которое дополнитъ сказанное нами. Мнѣ было лѣтъ десять или одиннадцать. По ученью, я былъ далеко не изъ скороспѣлокъ: но, по другимъ отношеніямъ, умственная смѣтливость моя была довольно развита. Вообще не былъ я приложенъ, а болѣе лѣнивъ. Мнѣ не хотѣлось учиться, а хотѣлось знать. Какъ бы то ни было, однажды, незамѣтно вошелъ я въ кабинетъ отца моего: онъ сидѣлъ и разговаривалъ съ Нелединскимъ. Разговоръ ихъ, вѣроятно, былъ не изъ назидательныхъ. Отецъ мой могъ вообразить, что я кое-что изъ него разслушалъ. И вотъ что онъ мнѣ сказалъ: «послушай, Петруха, если тебѣ суждено быть повѣсою (сказано было по французски mauvais sujet), то будь имъ какъ Нелединскій: хорошо знаю его таковымъ, но, если, при смерти

моей, твоя сестра оставалась-бы безъ родственниковъ и семейнаго покровительства, я спокойно и съ полною увѣренностію, поручилъ-бы ее никому иному какъ Нелединскому».

Эти слова врѣзались въ память мою, хотя въ то время не вполнѣ понималъ я ихъ значеніе. Послѣ истеченія полустолѣтія и болѣе они еще и нынѣ звучатъ въ ушахъ моихъ. Для меня они прекрасно и убѣдительно характеризуютъ одну изъ сторонъ Нелединскаго, на которую я указалъ. Отецъ мой былъ не фразёръ: онъ говорилъ то, что думалъ и чувствовалъ. Свѣтлый умъ его,—житейская опытность и тѣсная дружба съ Нелединскимъ, придаютъ словамъ его неоспоримый авторитетъ.

Съ одной стороны перейдемъ на другую, на солнечную! Императрица Марія Ѳедоровна пишетъ: «Gare à vous, mon pauvre Nélédinsky; rappelez vous les beaux préceptes, que votre sagesse de tuteur vous fait débiter à nos demoiselles (воспитанницамъ институтовъ) profitez en vous même et *jugez le danger* en revenant chez nous, si non je vous crois *perdu*.

Эти строки относятся, какъ сказано въ примѣчаніи подъ этимъ письмомъ, къ Елисаветѣ Семеновнѣ Обресковой, въ которую Нелединскій *казался влюбленъ*. Нѣтъ не *казался*, а былъ влюбленъ и влюбленъ страстно. Ему было тогда 56 лѣтъ, но впечатлительность его, но сердце сохранили всю первобытную мягкость, всю воспламеняемость молодости. Онъ любилъ Обрескову, какъ во время оно любилъ Темиру, съ тою же нѣжностью, утонченностью чувствъ, съ тою-же благоговѣйною покорностью. Можетъ быть, еще и съ усиленіемъ этихъ чувствъ противъ прежняго. Прежде молодость могла брать свое, и вѣроятно брала: но на закатѣ жизни чувства, помышленія всѣ сосредоточились въ одномъ чувствѣ страсти преобладательной. Вся эта платоническая драма разыгрывалась

преимущественно въ домѣ нашемъ: сперва при жизни князя Анд. Иван., а послѣ кончины его, при Карамзиныхъ. Обресковы, мужъ и жена, и Нелединскій были почти ежедневные вечерніе посѣтители дома нашего, извѣстнаго подъ фирмою Вяземскихъ и Карамзиныхъ. Однажды на такомъ вечерѣ подходитъ ко мнѣ Нелединскій—мнѣ было тогда лѣтъ пятнадцать—и спрашиваетъ меня: «хороша-ли она и какъ одѣта сегодня?—Кто? говорю я.— Да разумѣется Елисавета Семеновна.—Помилуйте, что-же Вы меня разспрашиваете: вѣдь Вы теперь около двухъ часовъ за однимъ столомъ играли съ нею въ бостонъ.—Да развѣ ты не знаешь, что я уже три мѣсяца не смотрю на нее, и что я наложилъ на себя этотъ запретъ, потому, что видимое присутствіе ея слишкомъ меня волнуетъ.

Это также была не фраза, не поэтическая ложь, а вполнѣ дѣйствительное сознаніе. Отъ подобнаго-ли напряженія чувствъ, или просто по физическимъ причинамъ, но не долго послѣ этого разговора онъ на вечерѣ у насъ былъ постигнутъ апоплексическимъ ударомъ, который, впрочемъ, важныхъ и ощутительныхъ послѣдствій не имѣлъ. Еще одна при этомъ характерическая черта житья-бытья Нелединскаго. Послѣ удара онъ пролежалъ у насъ два дня. И жена его, нѣжно имъ любимая и нѣжно любившая его, нервная, легко смущаемая, по болѣзни своей мнительная, не имѣла повода особенно тревожиться отсутствіемъ его. Онъ писалъ ей два раза, что заигрался въ карты до утра, прямо съ игры отправился въ Сенатъ, а изъ Сената прямо опять на игру, которая крѣпко завязалась и требуетъ окончательной и важной по своимъ послѣдствіямъ развязки.

Не знаю, довольны-ли Вы мною: чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ. Но я, по долгой бесѣдѣ съ Вами, хочу на прощаніе, еще разъ

премного благодарить Васъ, любезнѣйшій князь, за наслажденіе, которое Вы мнѣ доставили. Читая ваши корректурные листы, я переживалъ многіе и многіе годы свои, едва-ли не лучшіе годы. Молодость, и даже первоначальные дни *бабьяго лѣта* жизни имѣютъ особенную привлекательную прелесть и благоуханіе, которыми услаждаешь и прикрашиваешь суровые позднѣйшіе дни. Какъ-то отрадно живется въ старинѣ и преданіяхъ ея. Для меня настоящая жизнь всегда тѣмъ красивѣе, или по крайней мѣрѣ, тѣмъ сноснѣе, что на ней отсвѣчиваются оттѣнки минувшаго. Дивлюсь людямъ и жалѣю о тѣхъ, которые въ жизни смотрятъ только на *профиль* ея: а не обхватываютъ всѣхъ сторонъ лица. У такихъ людей зрѣніе узкое: узки и понятія ихъ. Они словно сидятъ вѣчно передъ зеркаломъ и только и видятъ, что себя и только на себя и смотрятъ. Это-бы еще ничего: но вотъ что худо. Такая односторонность собственно размежевываетъ время, поколѣнія, людскую семью на враждебные полосы и кружки. Они вносятъ въ жизнь раздоръ и междоусобицу. По понятію нѣкоторыхъ, если любишь ровесниковъ и братьевъ, то неминуемо, то обязательно должно порочить и презирать старшихъ. Другіе почитаютъ однихъ отцовъ: за то осыпаютъ бранью все новое поколѣніе. У нихъ дни не слѣдуютъ, одинъ за другимъ въ естественномъ и мирномъ порядкѣ. Нѣтъ, они другъ на друга выступаютъ въ боевомъ порядкѣ: поколѣнія не помогаютъ, не содѣйствуютъ другъ другу: а встрѣчаются и сходятся на ножахъ. Повторяю въ старину жили шире: было болѣе терпимости: слѣдовательно и общежительности. Молодежь не дичилась старости; старость не косилась на молодежь. Нелединскій былъ одинъ изъ лучшихъ представителей, этой эпохи мирнаго соревнованія, благоразумной уступчивости, терпимости въ мнѣніяхъ: однимъ словомъ, эпохи истиннаго образованія, которое

стремится болѣе согласовать, болѣе сближать, чѣмъ расходиться и оборачиваться спиною ко всему и ко всѣмъ, которые хотя на вершокъ и хотя на одну букву, на іоту, отдѣляются отъ мнѣній и воззрѣній сосѣда.

Теперь довольно, а, можетъ быть, скажете Вы: давно довольно.

Неизмѣнно Вамъ преданный кн. Вяземскій.

Гомбургъ предъ высотами.

30 Октября / 1 Ноября 1875 г.

Приложенiе II.

Рескрипты Императрицы Марiи Θеодоровны къ Почетному Опекуну Юрiю Александровичу Нелединскому-Мелецкому за время завѣдыванiя имъ учебною частью въ Московскихъ училищахъ Ордена Св. Екатерины и мѣщанскихъ дѣвицъ съ 1807 по 1812 годъ(*).

(*) Сохранено правописанiе подлинниковъ.

всю ночь не спалъ, и отъ напряженія чувствительности, съ каковою приготовлялся къ принятію Таинства. Весь день я былъ съ нимъ. Онъ изволилъ кушать просфору; пилъ кофе съ сухарями, и послѣ того болѣе двухъ часовъ спалъ въ креслахъ. Мы ничего въ этотъ день не писали; а читали вечеромъ Евангеліе отъ Іоанна—прощальную бесѣду Іисуса Христа съ Апостолами и молитву Его къ Богу-Отцу о вѣрующихъ. Юрій Александровичъ былъ очень доволенъ, и съ сильнымъ чувствомъ говорилъ о проповѣди Іисуса Христа *на горѣ*, въ 5, 6 и 7 главахъ у Матѳея, каковое мѣсто онъ всегда особенно любилъ читать, стараясь по возможности сообразовать остальную жизнь свою съ правилами и наставленіями, въ оныхъ главахъ изложенными.

10 числа, въ Воскресенье, съ 11 часовъ утра до 11 вечера я безотлучно былъ съ Юріемъ Александровичемъ. По утру онъ кушалъ просфору, а вечеромъ изготовленное особенное по его приказанію хлѣбное кушанье съ краснымъ виномъ. Иногда онъ забывался безпокойнымъ сномъ не на долго; иногда занимался соображеніями и распоряженіями. Вечеромъ докончили письменное завѣщаніе. Я прочиталъ ему оное, и онъ положилъ его къ себѣ. Подали письмо отъ Софьи Юрьевны—и я прочиталъ ему оное. Онъ очень былъ радъ. Заботился о принятіи Софьи Юрьевны и спрашивалъ, есть ли въ домѣ не занятыя комнаты. Въ сей вечеръ по предложенію моему, онъ перешелъ съ креселъ на кровать, и уже не сходилъ съ нее. Были у него княжны, Екатерина Яковлевна и Исай Егоровичъ, съ коими онъ, хотя съ большимъ усиліемъ, говорилъ хорошо, и даже шутилъ съ обыкновенною пріятностію, стараясь казаться веселымъ. Послѣ нихъ и меня были у него: князь Александръ Петровичъ и Сергей Юрьевичъ, которые читали написанное завѣщаніе.

11 числа, въ Понедѣльникъ, въ 12 часу утра Юрій Александровичи подалъ мнѣ запечатанное въ пакетѣ завѣщаніе, приказалъ сдѣлать надпись и взять мнѣ оный пакетъ къ себѣ, съ тѣмъ, чтобы доставить дѣтямъ вскорѣ послѣ кончины его. Я замѣтилъ, что ему очень тяжело было; съ трудомъ могъ онъ говорить; въ горлѣ хрипѣло; воды очень много прибыло. Вечеромъ я возвѣстилъ ему, что пріѣхалъ Ѳедоръ Васильевичъ. Онъ съ радостію принялъ его и долго разговаривали. Былъ и докторъ Мословскій, коему Юрій Александровичъ между прочимъ изъявилъ сожалѣніе, что поздно съ нимъ знакомиться. Спрашивалъ великодушно о здоровьѣ княгини. Послѣ нихъ я спросилъ у него: не осла-

бѣваетъ ли его терпѣніе, и не слишкомъ ли тяжело для него переносить усиливающуюся болѣзнь?—Онъ, ободрившись, отвѣчалъ: «не ропщу, буди воля Божія! Прошу Господа, чтобы онъ подкрѣпилъ меня». Я припомнилъ ему прежнія слова его, въ которыхъ онъ часто изъявлялъ мнѣ желаніе потерпѣть ради Христа, только бы страданія не превышали силъ его, и готовность къ великодушному перенесенію всего, чѣмъ Господу угодно будетъ посѣтить его, какъ-то: къ перенесенію совершеннаго лишенія зрѣнія, слуха, памяти, здравомыслія и прочихъ чувствъ; я говорилъ, что Господь посѣщаетъ его легкимъ посѣщеніемъ болѣзни, которая необходима для внутренняго очищенія, оставляя при немъ до конца жизни и зрѣніе, и слухъ, и твердую память, и здравый умъ, и благочестивое чувство искренней вѣры и пламенной любви къ Искупителю; и что все сіе есть явный знакъ особенной милости къ нему Христа Спасителя, давшаго ему и время и способы на обращеніе къ Богу всѣмъ сердцемъ, и съ благоволеніемъ пріемлющаго его искреннее покаяніе. На сіе онъ съ чувствомъ сказалъ мнѣ, пожавъ мою руку: «Благодарю Господа Премилосердаго за все; вѣрую и надѣюсь на Его милосердіе. Помолитесь, батюшка!» Потомъ, поблагодаривъ меня, простился со мною.

12 числа, во вторникъ утромъ замѣтивъ, что Юрій Александровичъ болѣе и болѣе ослабѣваетъ, я предложилъ ему исполнить весь Христіанскій долгъ и подкрѣпить себя еще Таинствомъ Елеосвященія. На сіе онъ сказалъ мнѣ: «это отъ васъ зависитъ».—Я отвѣчалъ, что на это должна быть его собственная воля и желаніе. Онъ сказалъ: «моя воля непремѣнная, и я весьма желаю принять все, что вы находите нужнымъ для моей душевной пользы. Скажите объ этомъ дѣтямъ». Почему и положено особоровать его заутра послѣ ранней литургіи. Въ теченіе дня сего онъ говорилъ мало, часто забывался, и послѣ таковаго забытія нѣсколько разъ спрашивалъ меня, то о какой-то книгѣ, то объ листѣ, будтобы лежавшимъ у него на постелѣ; и когда я отвѣчалъ, что ни какой книги, ни листа, не было то онъ всякой разъ крестяся, говорилъ: «Ахъ Господи Боже мой! видно это мнѣ во снѣ пригрезилось,» послѣ чего опять успокоивался. Видя таковое его ослабленіе и приближеніе къ смерти, вечеромъ, по предложенію Ѳедора Васильевича, рѣшились, не опуская времени, особоровать. Юрій Александровичъ изъявилъ желаніе, чтобы не откладывать сего до завтра. Въ тоже время я совершилъ

надъ нимъ таинство Елеосвященія. Онъ самъ довольно долго держалъ въ рукѣ своей свѣчу, и въ продолженіе совершенія Таинства обнаружилъ истинно Христіанское чувство.—Особоровавшись, онъ попросилъ у меня Распятіе, съ великимъ благоговѣніемъ поцѣловалъ его крѣпко и прижималъ къ груди своей. Отъ продолженія сего таинства онъ примѣтно утомился, какъ и самъ говорилъ, и собравъ всѣ свои послѣднія силы, бесѣдовалъ потомъ въ послѣдній разъ съ дѣтьми своими: княземъ Александромъ Петровичемъ, Ѳедоромъ Васильевичемъ и Сергеемъ Юрьевичемъ, повторяя имъ при мнѣ свое завѣщаніе и дѣлая свои распоряженія касательно погребенія его и другихъ предметовъ, даже до самомалѣйшихъ подробностей, со всею точностію и удивительнымъ присутствіемъ духа, и нѣжно простился съ ними навсегда!... Послѣ того спросилъ онъ сливокъ и кушалъ оныя, говоря, что у него очень дурно на языкѣ. Съ трудомъ, прикушавши нѣсколько бѣлаго хлѣба со сливками, отъ которыхъ чувствовалъ себя лучше, онъ спокойно легъ головою на подушки и едва могъ говорить съ великимъ усиліемъ. Готовясь служить заутра литургію, я сталъ съ нимъ прощаться, утѣшая его непреложными обѣтованіями вѣры, и говорилъ ему, что подвигъ его скоро кончится, что онъ умираетъ Истиннымъ Христіаниномъ въ надеждѣ воскресенія, что по ежедневнымъ молитвамъ церкви Господь сподобляетъ его кончины блаженной, и что онъ несомнѣнно долженъ надѣяться на премилосердаго Господа и Спасителя нашего Іисуса Христа, за насъ пострадавшаго и умершаго, который загладитъ грѣхи его своею Божественною Кровію, и приметъ его въ царство небесное. На сіе онъ ничего мнѣ не отвѣчалъ, а только крѣпко жалъ мою руку, и когда я, прощаясь, сказалъ, что завтра приду рано, и надѣюсь еще съ нимъ видѣться, Онъ сдѣлалъ знакъ головою и простился со мною на всегда, такъ спокойно, какъ бы желая заснуть мирнымъ сномъ... Я вышелъ отъ него въ исходѣ 11 часа.

На 13 число въ половинѣ четвертаго часа по полуночи за мной пріѣхали. Я тотчасъ поспѣшилъ но уже не засталъ въ живыхъ блаженнаго. Юрій Александровичъ тихо скончался въ 35 минутъ 4 часа. Ѳедоръ Васильевичъ принялъ послѣдній вздохъ его, и сложилъ руки его. Онѣ были еще теплы, когда я пріѣхалъ, и въ молитвенномъ рыданіи казалось мнѣ, что онъ еще разъ дохнулъ. Я читалъ молебный канонъ на исходъ души.

Такъ окончилъ доблестную жизнь свою мужъ по многимъ отношеніямъ

необыкновенный, нѣжнѣйшій отецъ и другъ, вѣрный сынъ престола и отечества, истинный благодѣтель сирыхъ и бѣдныхъ, полагавшій, особенно въ послѣдніе дни, все свое удовольствіе и утѣшеніе въ благотвореніи, коего я имѣлъ счастіе быть свидѣтелемъ и участникомъ, и всѣ свои знаменитые подвиги на поприщѣ государственной службы и просвѣщенія, и всѣ свои добродѣтели, нравственныя, гражданскія и семейственныя, увѣнчавшій напослѣдокъ безсмертнымъ вѣнцемъ истинной вѣры, несомнѣнной надежды и искренней Христіанской любви къ Искупителю, котораго здравый умъ его всегда искалъ, къ которому пламенно чувствительное и нѣжно-доброе сердце его всегда стремилось.....

Благословенна память его! Онъ много оставилъ по себѣ и утѣшенія, и назиданіе плачущимъ... Смерть его честна предъ Господемъ и поучительна для почитающихъ и любящихъ Его!..

Съ чувствительнѣйшею признательностію я посвящаю ему въ вѣчную память свои молитвенныя слезы!....

Духовникъ, Воскресенскій Протоіерей Петръ Алексинскій.

1829 года.

въ Калугѣ.

Приложеніе II.

Рескрипты Императрицы Маріи Θеодоровны къ Почетному Опекуну Юрію Александровичу Нелединскому-Мелецкому за время завѣдыванія имъ учебною частью въ Московскихъ училищахъ Ордена Св. Екатерины и мѣщанскихъ дѣвицъ съ 1807 по 1812 годъ(*).

(*) Сохранено правописаніе подлинниковъ.

1807.

Юрій Александровичь! Я съ удивленіемъ могу сказать, съ сожалѣніемъ усмотрѣла изъ Доклада Московскаго Екатерининскаго Училища, что Инспекторъ классовъ Цвѣтаевъ проситъ объ увольненіи его отъ сей должности по реченному заведенію и оставленіи его въ оной, по одному только Мѣщанскому Училищу: и какъ Я по сіе время слышала одну только похвалу отличнаго его усердія, которое успѣхомъ выпущенныхъ дѣвицъ явно доказано, и о коемъ Г. Брейткопфъ также съ совершеннымъ одобреніемъ отзывается; то не могла вообразить себѣ, что не было помянутому его прошенію какое либо особенное побужденіе и причина кромѣ объявленнаго въ Докладѣ занятія его по другимъ должностямъ. Зная усердіе ваше къ Училищу въ Совѣтѣ коего засѣдаете, приверженность вашу ко мнѣ и правдолюбіе ваше, Я съ довѣренностію обращаюсь къ вамъ, и прошу васъ въ откровенности сказать Мнѣ, естьли знаете, что побудило Г. Цвѣтаева къ такому прошенію? и нѣтъ-ли тому особенныхъ потаенныхъ причинъ? А дабы притомъ пресечь впредь путь всякимъ придиркамъ, притѣсненіямъ и несогласіямъ, желаю сію часть, обученія воспитанницъ препоручить въ особенное попеченіе одному изъ членовъ Совѣта, такъ какъ съ экономическою частію съ самаго начала учинено. Я не токмо знаю, что вы къ сему препорученію имѣете всѣ потребныя способности, но увѣрена также что по приверженности ко Мнѣ, отъ принятія сего попеченія на себя не откажитесь: прежде однако нежели дать о томъ формальное повелѣніе, Я ожидать буду на сіе предложеніе вашего согласія. Будучи увѣрена что отзывъ вашъ, какъ по сему предмету, равно и о желаемомъ Цвѣтаевымъ увольненіи, соотвѣтствовать

будетъ Моему о васъ мнѣнію, Я съ истиннымъ доброжелательствомъ пребываю всегда вамъ благосклонною.

Марія.

(Собственноручная приписка):» Содержаніе сего имѣетъ между нами остаться и я ожидаю отъ васъ совершенной откровенности: и моя довѣренность къ вамъ побуждаетъ меня вамъ сказать что мнѣ кажется будто хотятъ помѣстить Карбоньеръ, а мнѣ сего нехотѣлось!

Въ С.-Петербургѣ
Марта 12 дня
1807 года.
№ 557.

Юрій Александровичъ! Почитая нужнымъ учебную часть въ Московскихъ училищахъ Ордена Св. Екатерины и Мѣщанскихъ Дѣвицъ, по примѣру Экономической, препоручить въ особенное попеченіе одному изъ Членовъ Совѣта сими заведеніями управляющаго, и будучи увѣрена что вы, по личной вашей ко Мнѣ приверженности и по усердію вашему не поставите себѣ таковое препорученіе въ тягость, Я прошу васъ сдѣлать Мнѣ удовольствіе и принять на себя особливый надзоръ надъ помянутою частью воспитанія дѣвицъ въ сихъ двухъ училищахъ. Собственныя ваши знанія и испытанность ваша послужатъ вамъ въ этомъ лучшимъ руководствомъ и дѣлаютъ излишнимъ входить въ подробное объясненіе обязанностей, попеченіемъ объ ученіи на васъ возлагаемыхъ. Вы знаете, что метода преподаванія лекцій и безпрерывное оныхъ теченіе суть главнѣйшіе предметы, и обратите конечно на оные особливое вниманіе. А какъ вслѣдствіе сего распоряженія инспекторъ надъ классами состоять будетъ въ непосредственномъ вашемъ вѣдѣніи, и ревность его заслуживаетъ уваженія, то предоставляю вамъ сдѣлать Совѣту представленіе о нѣкоторой прибавкѣ къ получаемому имъ по Екатерининскому училищу жалованью, по вашему усмотрѣнію, для поднесенія Мнѣ о томъ доклада. Обо всемъ, до сей части касающемся, вы конечно при встрѣчающихся надобностяхъ не оставите сноситься съ начальни-

цею. Съ полною довѣренностію къ вашему усердію, Я пребываю въ прочемъ вамъ всегда благосклонною.

Марія.

Въ С.-Петербургѣ.
Марта 26-го дня
1807 года.
№ 689.

Юрій Александровичъ! Начальница здѣшняго Екатерининскаго Училища Брейткопфъ, по возвращеніи изъ Москвы, между прочими предметами, до тамошнихъ Екатерининскаго же и Мѣщанскаго Училищъ касающимися, докладывала мнѣ о нижеслѣдующихъ, о которыхъ прошу васъ снестись съ начальницею Перретъ и инспектриссою Мелартъ и, сообразивъ способы къ удовлетворенію желаніямъ ихъ, Мнѣ о томъ представить: 1) Г-жа Перретъ желаетъ, чтобы сумма, на классы и рукодѣлія по штату положенная, была раздѣлена, и на каждый изъ сихъ предметовъ опредѣлена извѣстная оной часть, дабы какъ инспекторъ, такъ и начальница знали, сколько имѣютъ въ виду денегъ; Мнѣ кажется сіе требованіе довольно справедливо, и Я прошу васъ съ ними обоими заняться симъ раздѣленіемъ суммы и положить тому основаніе. 2) О принятіи въ училище на казенное содержаніе дочери учителя россійскаго языка Кичаева, во уваженіе усердной его службы, какъ Начальницею Перретъ, такъ и инспектриссою Мелартъ отмѣнно выхваляемой; желала бы Я удовлетворить его желанію, но съ тѣмъ, чтобъ не вошло сіе въ употребленіе и не сдѣлалось правиломъ въ противность существующихъ узаконеній, почему прошу васъ сказать Мнѣ ваше мнѣніе, нельзя ли безъ особеннаго точнѣйшаго отъ Меня повелѣнія, не причисляя дочери Кичаева къ комплектнымъ дѣвицамъ, допустить ее въ классы для ученія и къ столу съ воспитанницами, а даже, если мѣсто дозволитъ, дать ей и ночевать въ спальнѣ ихъ; словомъ, пользоваться выгодами воспитанницы, не принадлежа къ числу оныхъ, будто бы по партикулярному позволенію начальницы и Совѣта, Мнѣ хотя стороною извѣстному, но формально Мною не утвержденному, а только терпимому. 3) Въ Мѣщанскомъ училищѣ есть одна воспитанница римско-католическаго исповѣданія, которая, кромѣ россійскаго языка никакого дру-

гаго не знаетъ, да по ограниченнымъ способностямъ мало подаетъ надежды успѣть во французскомъ, а потому не можетъ пользоваться преподаваніямъ учителя закона вѣры въ Екатерининскомъ Училищѣ: въ разсужденіи сего инспектрисса Мелартъ представляетъ о приглашеніи одного изъ имѣющихся въ Москвѣ польскихъ священниковъ для обученія ея закону Божію на россійскомъ языкѣ; о семъ прошу васъ переговорить съ нею и съ Николаемъ Ивановичемъ Барановымъ, дабы узнавъ, какой по доходамъ Училища можно опредѣлить за то платежъ, приступить потомъ къ пріисканію хорошаго польскаго священника, знающаго довольно россійскій языкъ. 4) Равномѣрно желаетъ она, Мелартъ, чтобы имѣющій отмѣнныя дарованія къ обученію россійскій священникъ Училища Екатерининскаго посѣщалъ иногда Мѣщанское и руководствовалъ тамошняго въ преподаваніи ученія: сіе предоставляю вашему попеченію учредить такимъ образомъ, чтобы не вышло отъ того никакого неудовольствія, какъ со стороны самыхъ священниковъ, такъ и со стороны духовнаго ихъ начальства. 5) Учитель пѣнія въ Екатерининскомъ Училищѣ желаетъ имѣть свидѣтельство въ томъ, что онъ находится въ службѣ сего заведенія. Мнѣ кажется не настоитъ затрудненія снабдить его онымъ, поелику онъ дѣйствительно, преподавая уроки въ ономъ, находится въ службѣ Училища; впрочемъ предоставляю вамъ о томъ войти въ разсужденіе съ Совѣтомъ, и если не найдете препятствующихъ причинъ, то выдать ему такое свидѣтельство. Препоручая все вышеписанное ревностному вашему старанію, пребываю съ истиннымъ доброжелательствомъ вамъ благосклонною.

Марія.

Въ С.-Петербургѣ.
Марта 28-го дня
1807 года.
№ 720.

Юрій Александровичъ! Я получила донесеніе ваше отъ 15 сего мѣсяца и благодарю васъ за стараніе, которое вы о ввѣренной вашему управленію части имѣть обѣщаете, о чемъ Я напередъ была въ полной мѣрѣ увѣрена. Что же касается до участія вашего въ управленіи рукодѣльною частію, то оное въ томъ только состоять должно, что о всѣхъ

издержкахъ, при требованіи на оныя суммъ, васъ увѣдомлять должно, дабы вы могли судить, не выходять-ли оныя изъ предѣлъ въ соображеніи съ положенною на классы и рукодѣлія суммою и *сноситься о томъ съ И. И. Барановымъ*. Впрочемъ полагаюсь совершенно на ваше усердіе, и пребываю вамъ всегда благосклонною.

Марія.

Въ С.-Петербургѣ.
Апрѣля 23-го дня
1807 года.
№ 899.

Юрій Александровичъ! Изъ донесенія вашего отъ 2-го сего мѣсяца и приложеннаго при ономъ рапорта инспектора Цвѣтаева, Я съ особливымъ удовольствіемъ усматриваю прилежаніе и ревность къ ученію воспитанницъ Московскихъ Екатерининскаго и Мѣщанскаго Училищъ и усердіе какъ учителей такъ и инспектора, и прошу васъ изъявить имъ сколь пріятны Мнѣ таковыя вѣсти. Я увѣрена впрочемъ, что при вашемъ ревностномъ попеченіи и бдительномъ надзорѣ, я всегда буду имѣть поводъ утѣшаться успѣхами воспитанницъ свидѣтельствующими о наилучшемъ со всѣхъ сторонъ исполненіи должностей, и въ таковой твердой надеждѣ пребываю съ истиннымъ доброжелательствомъ вамъ всегда благосклонною.

Марія.

Въ С.-Петербургѣ.
Мая 7-го дня
1807 года.
№ 1002.

Юрій Александровичъ! По поводу донесенія начальницы Московскаго Екатерининскаго Училища, что ея свидѣтельство о знаніяхъ княжны Черкаской, представленной отцемъ для принятія пансіонеркою на четыре года, признано Совѣтомъ за недостаточное, и положено что нужно при такомъ испытаніи присутствіе ваше и Инспектора, Я отписала какъ ей, равно и князю Александру Михайловичу, что предметы сихъ испытаній должны быть первоначальныя только познанія, какъ-то читать и

писать на россійскомъ и нѣсколько читать па французскомъ языкахъ, да первѣйшія основанія ариѳметики, и что экзаменъ не будучи распространенъ на всѣ части ученія, свидѣтельство начальницы совершенно достаточно, почему и присутствіе ваше или инспектора никакъ не нужно, развѣ что случится въ такое время въ училищѣ. Увѣдомляя васъ о такомъ предписаніи, пребываю впрочемъ съ истиннымъ доброжелательствомъ вамъ всегда благосклонною.

Марія.

Въ Таврическомъ дворѣ.
Іюня 21-го дня
1807 года.
№ 1324.

Юрій Александровичъ! Я съ удовольствіемъ узнала изъ письма вашего отъ 10-го сего мѣсяца, что вы благополучно прибыли въ Москву, и благодарю васъ за точное и поспѣшное исполненіе Моихъ препорученій. Изъявленіе чувствованій вашихъ и приверженности ко Мнѣ всегда Мнѣ пріятны, и Я, знавъ ихъ искренность, отдаю имъ полную справедливость, и съ непремѣняющимся доброжелательствомъ пребываю вамъ благосклонною.

Марія.

Прошу насъ не забывать.

въ Гатчинѣ.
Октября 18-го дня
1807 года.
№ 2200.

Юрій Александровичъ! Я съ удовольствіемъ усмотрѣла изъ донесенія вашего отъ 28-го Ноября, что вы занимаетесь учрежденіемъ класса для дѣвицъ, пепиньеръ составляющихъ; но признаюсь вамъ, что Я не со всѣмъ одобряю расположеніе, г-омъ Тіерри сдѣланное. Я нахожу, что въ ономъ однѣ статьи пропущены, а другія излишнія поставлены, а именно, проходя по порядку всѣ статьи, во первыхъ грамматика, кажется, не должна уже составлять предметъ ученія для дѣвицъ, которыя, окончивъ уже курсъ въ Училищѣ, должны непремѣнно быть въ сей части доволь-

но тверды, чтобъ не нуждаться къ дальнѣйшомъ обученіи. Стихотворенію ихъ обучать нѣтъ надобности, ниже риторикѣ, а достаточно познакомить ихъ съ наилучшими авторами, читать съ ними отрывки изъ оныхъ и растолковать при такомъ случаѣ красоты стиховъ или слога разныхъ сочинителей; вотъ что къ изощренію ума и къ пріученію ихъ судить о сочиненіяхъ полезно будетъ! Письменной слогъ имъ конечно нуженъ; но полагать должно, что онѣ, получа уже въ томъ наставленіе въ Училищѣ, имѣть только будутъ надобность познакомиться съ хорошими и съ лучшими писательницами по сей части. Въ разсужденіи миѳологіи, о которой онѣ получили уже понятіе въ Училищѣ, потребно только иногда повтореніе при случаѣ чтенія стихотворцевъ, а нѣтъ надобности составить изъ того особенный предметъ ученія. Географія, исторія и пропущенныя г-номъ Тіерри физика, логика и ариѳметика, вотъ настоящіе предметы, въ которыхъ онѣ продолжать должны ученіе, для совершеннаго ихъ въ оныхъ утвержденія! И такъ прошу васъ на семъ основаніи расположить классъ дѣвицъ пепиньера, въ который однако допускать и другихъ дѣвицъ Училища кажется Мнѣ неудобнымъ, поелику такое отличіе однѣмъ предъ другими можетъ подать поводъ къ пристрастію въ назначеніи оныхъ, и къ личнымъ уваженіямъ. Что же касается до жалованья, то Я предоставляю вашему попеченію о томъ съ г-омъ Тіерри условиться, и обо всемъономъ буду уже ожидать тогда формальнаго представленія отъ Совѣта Училища. Благодаря васъ за ревностные труды ваши по части вамъ ввѣренной, пребываю вамъ впрочемъ всегда благосклонною.

Марія.

Въ С.-Петербургѣ.
Декабря 5-го дня
1807 года.
№ 2660.

1808.

Юрій Александровичъ! Усматривая изъ донесенія вашего, отъ 23 Апрѣля, желаніе начальницы Московскаго Екатерининскаго Училища, чтобы находящіяся при ней племянница ея, дѣвица Гибаль, и посторонняя дѣвица Мошлевская могли обучаться въ классѣ, для пепиньера учреж-

деніемъ, Я въ уваженіе усердной ея службы охотно сіе позволяю, но съ тѣмъ однако, чтобъ сіе снисхожденіе не служило поводомъ къ умноженію числа таковыхъ непринадлежащихъ къ воспитанницамъ Училища дѣвицъ. Я впрочемъ съ истиннымъ удовольствіемъ удостовѣрилась донесеніями вашими о посѣщеніяхъ Училищъ, что вы совершенно выздоровѣли, чему Я душевно радуюсь. Пребываю съ совершеннымъ доброжелательствомъ вамъ благосклонною.

Марія.

Въ С.-Петербургѣ.
Мая 1-го дня,
1808 года.
№ 1057.

Юрій Александровичъ! Я съ истиннымъ и чувствительнѣйшимъ удовольствіемъ усматриваю изъ доклада управляющаго Александровскимъ Училищемъ совѣта и изъ вашего донесенія совершенную удачу перваго публичнаго экзамена въ семъ заведеніи, и отличные успѣхи воспитанницъ онаго, превосшедшіе, по словамъ вашимъ и совѣта, всѣ ожиданія. Отдавая полную справедливость усердію и трудамъ какъ инспектриссы Меларть, классныхъ дамъ, инспектора Цвѣтаева и учителей, которымъ удовольствіемъ Себѣ поставляю изъявить благоволеніе Мое особенными знаками, и которыхъ прошу васъ благодарить Моимъ именемъ за ревностное ихъ стараніе, Я не могу однако не признавать въ таковомъ воспліщающемъ Меня успѣхѣ, и вашего усерднаго попеченія о части въ особенности вамъ ввѣренной, которымъ оная доведена до толико утѣшительнаго и благоуспѣшнаго теченія, и пріятною поставляю Себѣ обязанностію увѣрить васъ о чувствительной Моей признательности. Хотя же Я вслѣдствіе сего совершенно одобряю заключающееся въ докладѣ совѣта распоряженіе относительно къ назначенію награжденія медалями и деньгами, Я однако за примѣченною неправильностью въ формѣ удержалась отъ апробованія доклада при семъ возвращаемаго, которой по ошибкѣ, воспослѣдовавшей конечно отъ скорости отправленія, подписанъ начальницею Екатерининскаго Училища Перреть; ибо, какъ прилагаемымъ въ копіи письмомъ Моимъ къ покойному оберъ-камергеру князю Голицыну, предписано было: «Начальницѣ Перретъ не иначе участвовать въ дѣлахъ «Александровскаго Училища, какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда инспектрисса

«онаго отнесется къ ней для представленія совѣту о какомъ либо пред-«метѣ до Александровскаго Училища касающемся; а или не имѣетъ «отъ инспектриссы дѣлъ по сему Училищу къ представленію Совѣту, то «въ ономъ не присутствовать, когда оный занимается дѣлами сего заведе-«нія и бумагъ по сему предмету не подписывать», а въ поднесенномъ Мнѣ нынѣ докладѣ именно сказано, что Совѣтъ списки и вѣдомости разсматривалъ вмѣстѣ съ инспектриссою Меларть, что учинено конечно на основаніи 4-го пункта письма Моего къ члену Совѣта Николаю Ивановичу Баранову, отъ 23-го Марта, слѣдовательно не могло никакое дѣло быть сообщено отъ инспектриссы Меларть начальницѣ Перретъ для представленія Совѣту, то и не было сей послѣдней надобности подписать доклада. Но сіе конечно, какъ Я выше сказала, произошло отъ скорости отправленія, и прилагая при семъ тотъ докладъ со списками, прошу васъ приказать оные переписать, но съ тѣмъ же числомъ и ко Мнѣ прислать для утвержденія, однако тѣмъ не менѣе приступить къ исполненію въ день къ выпуску назначенный согласно съ предписаніями Моими членамъ Совѣта Александру Михайловичу Лунину и Николаю Ивановичу Баранову данными, изъ которыхъ первому, яко старшему члену препоручила Я совершить раздачу медалей Моимъ именемъ, если, какъ уповаю, возвратится къ сему дню; въ противномъ же случаѣ прошу васъ принять на Себя сіе препорученіе. Къ сожалѣнію Моему, Я не могу еще доставить къ вамъ медалей за неизготовленіемъ оныхъ, а на сей разъ ограничиваться надобно прочтеніемъ именъ въ общемъ собраніи дѣвицъ удостоенныхъ къ сему отличію, вызовомъ каждой и объявленіемъ ей онаго, а коль скоро медали изготовятся, оныя къ каждой изъ нихъ доставлены быть могутъ отъ Совѣта, ради чего нужно только Совѣту имѣть свѣденіе о будущемъ сихъ дѣвицъ пребываніи. Потребную же на денежныя награжденія сумму, тысячу пять сотъ рублей, при семъ прилагаю. Что же касается до примѣчанія вашего о рукодѣльяхъ, занятіе коими, особливо по количеству работъ къ экзамену заготовленныхъ, отняло у дѣвицъ много времени, къ ученію наукамъ потребнаго, то хотя Я и почитаю сіе занятіе для воспитанницъ Александровскаго Училища весьма нужнымъ и полезнымъ, яко доставляющимъ по выходѣ имъ вѣрное средство къ пропитанію, Я однако соглашаюсь въ томъ съ вашимъ мнѣніемъ, что сіе упражненіе не должно обратиться въ ущербъ другимъ познаніямъ, къ которымъ онѣ способности имѣютъ, и Я буду ожидать представленія вашего о новомъ распоряженіи рукодѣльныхъ классовъ, посовѣтывавшись

вмѣстѣ съ нашею доброю инспектриссою, дабы на ономъ основать Мое предписаніе по сему предмету, и тѣмъ прекратить на будущее время всякое недоумѣніе. Съ истиннымъ доброжелательствомъ пребываю впрочемъ вамъ всегда благосклонною.

Марія.

Въ Павловскѣ.
Августа 25-го дня
1808 года.
№ 2021.

Юрій Александровичъ! По полученіи прекрасныхъ работъ воспитанницъ Александровскаго Училища, Я при всемъ душевномъ удовольствіи объ отличныхъ успѣхахъ и удивительномъ искусствѣ сихъ дѣвицъ, не могла однако не сдѣлать замѣчаніе, согласное съ вашимъ мнѣніемъ, что онѣ дѣйствительно слишкомъ много таковыхъ работъ заготовили, и что конечно не могли въ томъ успѣть безъ ущерба для другихъ познаній. Я о томъ сказала Мое мнѣніе инспектриссѣ Мелартъ, и ожидать буду вашего, по сношеніи съ нею, представленія о новомъ распоряженіи рукодѣльныхъ классовъ, о которомъ вы Меня предувѣдомили. Сіе конечно встрѣтитъ столько же мало затрудненія, какъ и обратитъ болѣе изящное искусство воспитанницъ на вышиваніе цвѣтовъ, и т. п. Но Я признаюсь вамъ, что Я не весьма довольна обученіемъ ихъ въ рисованіи, и разсматривая присланные рисунки, примѣчаю въ нихъ жесткость и непріятную методу, относящіеся болѣе къ учителю, нежели къ воспитанницамъ, и потому прошу васъ приложить всевозможное стараніе для пріисканія другаго, лучшаго учителя рисованія, дабы и сія нужная часть ихъ воспитанія не отставала отъ прочихъ. Что же касается до представленія Совѣта о награжденіи учителямъ, то объяснила Я мнѣніе Мое объ ономъ Александру Михайловичу Лунину, яко старшему члену, который о томъ съ вами по-

совѣтуетъ. Повторяя увѣреніе истиннаго Моего къ вамъ доброжелательства, Я пребываю вамъ всегда благосклонною.

Марія.

Въ Павловскѣ.
Сентября 7 дня
1808 года.
№ 2118.

Юрій Александровичъ! Я получила донесеніе ваше отъ 14-го сего мѣсяца, и благодарю васъ за усердное стараніе ваше объ устроеніи рукодѣльнаго класса въ Александровскомъ Училищѣ на такомъ основаніи, чтобы сія часть не вредила прочимъ. Я немедленно апробовала сдѣланное вами обще съ инспектриссою Меларть, и приложенное при письмѣ вашемъ расположеніе. Нынѣ ожидаю только извѣстія объ успѣхѣ въ пріисканіи хорошаго учителя рисованія, въ чемъ равномѣрно надѣясь на неутомимое усердіе и ревностное попеченіе, пребываю съ истиннымъ доброжелательствомъ вамъ всегда благосклонною.

Марія.

Въ Гатчинѣ.
Сентября 21 дня
1808 года.
№ 2262.

Юрій Александровичъ! Описанное въ письмѣ вашемъ отъ 19-го сего мѣсяца несчастное положеніе больной дѣвицы Михайловой весьма Меня тронуло, и вы справедливо полагаетесь на расположеніе Мое по возможности помочь ей. Благодаря васъ какъ за сіе упованіе, равно и за участіе вами самими въ ея состояніи принимаемомъ, Я охотно позволяю не токмо

принять и пользовать сію дѣвицу, яко сущую бѣдную въ больницѣ для бѣдныхъ, но и принимаю на свой счетъ всѣ издержки, которыя на содержаніе и лѣченіе ея употреблены будутъ, о чемъ Я прошу васъ увѣдомить Александра Михайловича Лунина и попросить его Моимъ именемъ, чтобы онъ въ разсужденіи сего сдѣлалъ нужныя распоряженія, и приказалъ бы для сей несчастной отвести особливую палату, каковая конечно въ Московской больницѣ бѣдныхъ, по неполному числу лежащихъ больныхъ, найдется. Въ разсужденіи же особеннаго объ ней попеченія, надѣюсь Я нѣтъ надобности въ предписаніи. Съ истиннымъ доброжелательствомъ пребываю впрочемъ вамъ всегда благосклонною.

Марія.

Въ Гатчинѣ.
Октября 26-го дня
1808 года.
№ 1810.

1809.

Юрій Александровичъ! Я получила при донесеніи вашемъ вѣдомости о состояніи классовъ въ Училищѣ Екатерининскомъ и Александровскомъ, и съ удовольствіемъ усматривая, что всѣ вообще воспитанницы оказываютъ въ наукахъ хорошіе успѣхи, отношу сіе къ бдительному вашему по части сей надзору. Съ изъявленіемъ моей за то признательности, примите, прошу васъ и увѣреніе въ совершенномъ доброжелательствѣ, съ коимъ пребываю вамъ всегда благосклонною.

Марія.

Въ С.-Петербургѣ.
Маія 13 дня
1809 года.
№ 1143.

Юрій Александровичъ! Начальница Московскаго Училища Св. Екатерины донесла мнѣ, что Училищу подарены вами многіе Физическіе инструменты. Извѣстіе о семъ новомъ опытѣ вашего къ сему заведенію усердія, и попечительности вашей вразсужденіи воспитывающихся въ ономъ, весьма меня порадовало; подвигъ же вашъ коему отдаю всю справедливость возлагаетъ на Меня пріятную обязанностію, изъявить вамъ за оный совершенную Мою признательность. Примите въ семъ самомъ, прошу васъ, искреннее возобновляемое Мною увѣреніе въ томъ истинномъ уваженіи, и непремѣнномъ благоволеніи, съ коимъ была, есмь и буду вамъ всегда доброжелательною.

Марія.

Въ Павловскѣ.
Іюня 14 дня
1809 года.
№ 1448.

Юрій Александровичъ! Усматривая съ душевнымъ утѣшеніемъ изъ донесенія вашего, что Императоръ, Любезнѣйшій Сынъ Мой, посѣщеніемъ своимъ въ Московскомъ Училищѣ Ордена Св. Екатерины казался быть доволенъ, изъявлялъ свое одобреніе, и что все было въ надлежащемъ устройствѣ и порядкѣ, Я имѣю съ своей стороны удовольствіе увѣдомить васъ что Его Величество и въ письмѣ ко Мнѣ отзывается съ похвалою о состояніи видѣнныхъ Имъ заведеній. Таковое въ Училищѣ благоустройство свидѣтельствуя объ усердномъ попеченіи членовъ Совѣта, и ревностномъ выполненіи должностей всѣми служащими при Училищѣ побуждаетъ Меня, благодаря васъ въ особенности за труды ваши, изъявить признательность Мою сочленамъ вашимъ и Начальницѣ, которыхъ прошу васъ о томъ увѣрить, и предоставляю вамъ объявить Мое благоволеніе служащимъ при Училищѣ за оказываемое ими рвеніе съ истиннымъ доброжелательствомъ пребываю впрочемъ вамъ всегда благосклонною.

Марія.

Въ Гатчинѣ.
Декабря 14 дня
1809 года.
№ 3040.

1810.

Юрій Александровичъ! Императоръ, любезнѣйшій Мой Сынъ, пожаловалъ въ пользу Александровскаго Училища ежегодно три тысячи рублей. Я поспѣшаю васъ о семъ предувѣдомить и вслѣдъ за тѣмъ не оставлю препроводить къ вамъ формальное извѣщеніе. По извѣстному вашему усердію къ сему заведенію, Я увѣрена, что вы обще съ прочими членами Совѣта онаго примите съ удовольствіемъ извѣстіе сіе, при которомъ Мнѣ пріятно повторить вамъ изъясненіе того искренняго и неизмѣннаго доброжелательства, съ которымъ Я пребываю вамъ всегда благосклонною.

Марія.

Въ Гатчинѣ.
Января 31-го дня
1810 года.
№ 190.

Юрій Александровичъ! Намѣрившись посѣтить Любезнѣйшую Дочь Мою, великую княгиню Екатерину Павловну въ Твери и желая присемъ случаѣ видѣться также съ вами и съ товарищами вашими, а чрезъ васъ будто бы и съ Заведеніями нашими въ Москвѣ, я испросила вамъ на таковую отлучку изъ Москвы по Сенату позволеніе Императора, Любезнѣйшаго Моего Сына. Я полагаю быть въ Твери 15-го числа, и остаться тамъ семь дней, въ теченіи которыхъ буду васъ ожидать. Нѣтъ кажется надобности увѣрить васъ объ удовольствіи съ которымъ васъ увижу, и лично изъявлю вамъ доброжелательство, съ каковымъ пребываю вамъ благосклонною.

Марія.

Въ С.-Петербургѣ.
Марта 7 дня
1810 года.
№ 1549.

Юрій Александровичъ! При семъ препровождаю къ вамъ Начертаніе упражненій Дѣвицъ здѣшнихъ Пепиніеръ, изъ котораго вы усмотрите что исправляемое ими Дежурство при меньшемъ классѣ и возложенныя на нихъ обязанности не препятствуютъ имъ заниматься ученіемъ и повтореніемъ того чему прежде учились, и что онѣ не токмо не забываютъ что знали, а паче въ познаніяхъ въ передъ подвигаются. Я прошу васъ сообщить приложенное росписаніе Начальницѣ Московскаго Училища Ордена Св. Екатерины Г.-жѣ Перретъ, дабы она такимъ же образомъ занимала дѣвицъ своего Пепиньера, и заставляла ихъ тѣмъ усовершенствоваться въ знаніяхъ и такъ приготовляться къ будущему ихъ званію наставницъ. Препоручая сей предметъ и вашему попеченію и содѣйствію, Я пребываю въ прочемъ съ истиннымъ доброжелательствомъ вамъ благосклонною.

Марія.

Въ С.-Петербургѣ.
Апрѣля 15-го дня
1810 года.

Юрій Александровичъ! Давъ обоимъ Совѣтамъ повелѣніе о увольненіи васъ отъ дѣлъ по онымъ на просимое вами время я не только поспѣшила исполненіемъ вашего о томъ желанія но и съ нетерпѣніемъ ожидаю что вы удовлетворите обязательству вашему пріѣздомъ въ Павловскъ и тѣмъ доставите мнѣ случай повторить изустно увѣреніе о томъ истинномъ и непремѣннымъ доброжелательствѣ, съ которымъ пребываю вамъ всегда благосклонною.

Марія.

Въ Павловскѣ.
Маія 23 дня
1810 года.
№ 1121.

Юрій Александровичъ и Графъ Петръ Львовичъ! Я особливымъ поставляю Себѣ удовольствіемъ споспѣшествовать произведенію въ дѣйство благотворительнаго намѣренія покойной Княгини Екатерины Романовны Дашковой, изображеннаго въ письмѣ вашемъ отъ 6-го сего мѣсяца, и коего исполненіе она вамъ препоручила. Я предписала Совѣту при Московскомъ Училищѣ Ордена Св. Екатерины, принять отъ васъ билетъ Сохранной Казны, вами для сего предмета внесенный, а дѣвицу Грекову помѣстить первой пансіонеркою по Благотворительницѣ именуемою впреди же выборъ таковыхъ пансіонерокъ предоставила Я Совѣту Училища, который на то испрашивать будетъ Мое утвержденіе. Пребываю въ прочемъ вамъ благосклонною.

Марія.

Въ Павловскѣ.
Іюня 16-го дня
1810 года.

Юрій Александровичъ! Узнавъ отъ васъ что пребывающіе внѣ Москвы родители дѣвицъ воспитывающихся на ихъ иждивеніи въ Московскомъ Училищѣ Ордена Св. Екатерины въ числѣ пансіонерокъ, полагая что дочери ихъ по истеченіи времени на которое онѣ отданы были, могутъ быть имъ возвращены немедленно, и не зная что должны напередъ испросить на то Моего повелѣнія, пріѣзжаютъ нерѣдко въ самый срокъ и по недостаточному состоянію не могутъ безъ отягощенія себѣ прожить въ Москвѣ для выполненія предписаннаго обряда и ожиданія Моего рѣшенія, Я нахожу справедливымъ сдѣлать имъ въ облегченіе, особенное положеніе, и въ слѣдствіе сего позволяю Совѣту онаго Училища, когда приближится срокъ къ выпуску пансіонерки, коей родители жительство имѣютъ внѣ Москвы, представить Мнѣ заблаговременно и испросить Моего дозволенія на отдачу ея родителямъ, когда пріѣдутъ для ея принятія. Естьли же по какой либо причинѣ послѣ того родители или родственники не явятся, и должно будетъ пристроить дѣвицу къ другому мѣсту, то о семъ сдѣлать Мнѣ особенное вновь представленіе. Родители же и родственники пансіонерокъ, пребываніе въ Москвѣ имѣющіе, по прежнему подавать должны прошеніе о возвращеніи имъ дочерей или родственницъ

изъ Училища и ожидать обыкновеннымъ порядкомъ рѣшенія. О семъ прошу васъ Совѣтъ Училища увѣдомить для надлежащаго наблюденія и пребываю въ прочемъ съ совершеннымъ доброжелательствомъ вамъ всегда благосклонною.

Марія.

Въ Павловскѣ.
Іюня 13-го дня
1810 года.

Юрій Александровичъ! Въ отвѣтъ на письмо ваше отъ 26-го Іюня. Коимъ изъявляете желаніе ваше пріѣхать сюда естьли состояніе здоровья супруги вашей тому не воспрепятствуетъ, Я поспѣшаю сообщить вамъ самое простое средство, соединить ея пользу съ выполненіемъ вашего и Моего желанія: Пріѣзжайте сюда съ супругою вашею: Такая поѣздка будетъ полезна для ея здоровья, а во время пребыванія здѣсь новые предметы разсѣятъ ея мысли. Послѣдуйте сему совѣту, а по крайней мѣрѣ узнавайте въ немъ искреннее доброжелательство съ каковымъ пребываю всегда вамъ благосклонною.

Марія.

Въ Павловскѣ.
Іюня 3 дня
1810 года.
№ 1474.

1811.

Юрій Александровичъ! Я съ особеннымъ и чувствительнымъ удовольствіемъ усмотрѣла изъ Доклада Училищнаго Совѣта и вашего донесенія отличный успѣхъ публичнаго экзамена въ Александровскомъ Училищѣ и отдавая полную справедливость какъ Инспектриссѣ, Дамамъ, Инспектору и Учителямъ, такъ и прилежанію самихъ воспитанницъ, не могу

однако не относить онаго также къ ревностному попеченію вашему, подъ которымъ ученіе сихъ дѣвицъ столь отмѣнно процвѣтаетъ. Изъявляя симъ искреннюю Мою вамъ признательность, Я имѣю притомъ удовольствіе увѣдомить васъ, что Императоръ, Любезнѣйшій Сынъ Мой, по представленію Моему пожаловалъ Инспектора Цвѣтаева кавалеромъ Ордена Св. Владиміра, коего знаки съ Рескриптомъ Его Величества препровождаются при повелѣніи Моемъ Совѣту отъ сего числа. Что касается до награжденія еще нѣкоторыхъ воспитанницъ книгами, я охотно на то соглашаюсь, но не опасаетесь-ли вы (между нами сказать) возбудить тѣмъ неудовольствіе со стороны Екатерининскаго Училища, гдѣ таковаго награжденія сверхъ опредѣленнаго узаконеніями не было? въ прочемъ сіе только замѣчаніе дѣлаю для вашего соображенія, предоставляя вашему же съ Совѣтомъ разсужденію, раздать въ награжденіе книги или отмѣнить сіе. Съ истиннымъ уваженіемъ и доброжелательствомъ пребываю въ прочемъ вамъ всегда благосклонною.

Марія.

Въ Павловскѣ.
Августа 24-го дня
1811-го года.

Повелѣніемъ Моимъ предоставляю Совѣту опредѣленіе денежнаго награжденія учителямъ, но есть ли вы найдете нужнымъ, чтобы кому либо пожалованъ былъ отъ Меня другой знакъ благоволенія вещію, какъ то въ прошлый разъ было со Священникомъ и Инспекторомъ, изъ коихъ послѣдній получаетъ Орденъ; я прошу васъ сказать ваше мнѣніе, но поберечь Мою казну, ибо le bureau est pauvre:

Юрій Александровичъ! Я получила донесеніе ваше отъ 10-го сего мѣсяца, съ приложенною приономъ Запискою о разныхъ предметахъ до Институтовъ касающихся, и сожалѣвъ уже прежде что не имѣла удовольствія васъ видѣть нынѣшняго лѣта, въ отношеніи къ пріятности сви-

изъ Училища и ожидать обыкновеннымъ порядкомъ рѣшенія. О семъ прошу васъ Совѣтъ Училища увѣдомить для надлежащаго наблюденія и пребываю въ прочемъ съ совершеннымъ доброжелательствомъ вамъ всегда благосклонною.

Марія.

Въ Павловскѣ.
Іюня 13-го дня
1810 года.

Юрій Александровичъ! Въ отвѣтъ на письмо ваше отъ 26-го Іюня. Коимъ изъявляете желаніе ваше пріѣхать сюда естьли состояніе здоровья супруги вашей тому не воспрепятствуетъ, Я поспѣшаю сообщить вамъ самое простое средство, соединить ея пользу съ выполненіемъ вашего и Моего желанія: Пріѣзжайте сюда съ супругою вашею: Такая поѣздка будетъ полезна для ея здоровья, а во время пребыванія здѣсь новые предметы разсѣять ея мысли. Послѣдуйте сему совѣту, а по крайней мѣрѣ узнавайте въ немъ искреннее доброжелательство съ каковымъ пребываю всегда вамъ благосклонною.

Марія.

Въ Павловскѣ.
Іюня 3 дня
1810 года.
№ 1471.

1811.

Юрій Александровичъ! Я съ особеннымъ и чувствительнымъ удовольствіемъ усмотрѣла изъ Доклада Училищнаго Совѣта и вашего донесенія отличный успѣхъ публичнаго экзамена въ Александровскомъ Училищѣ и отдавая полную справедливость какъ Инспектриссѣ, Дамамъ, Инспектору и Учителямъ, такъ и прилежанію самихъ воспитанницъ, не могу

3-е. Учители по службѣ при Институтахъ представляются къ награжденію чинами, и могутъ носить Институтской Мундиръ. Вотъ чѣмъ и здѣсь пользуются и въ другомъ доказательствѣ что состоять въ дѣйствительной службѣ, надобности не оказалось.

4-е. Что въ высшихъ отдѣленіяхъ часы для Чистописанія назначенныя можно употребить на иное что, и можетъ быть полѣзнѣйшее для дѣвицъ въ томъ съ вами соглашусь, хотя чистую и пріятную рукопись почитаю Я и для женщины не излишнею; но чтобы сіи часы обратить на Декламацію, и въ томъ числѣ Театральныхъ Сочиненій, и для того опредѣлить учителя Декламаціи Тельс, отъ того боже избави! Хорошо въ слухъ читать съ примѣненіемъ Голоса къ смыслу и силѣ выраженій, должны онѣ учиться въ часахъ, въ которые занимаются Риторикою, а все что имѣетъ видъ Театральнаго представленія и притворства въ рѣчахъ должно быть удалено изъ нашихъ заведеній. Излишніе часы Чистописанія можно обратить на Логику или Нравоученіе, или гораздо полѣзнѣе всякой декламаціи было бы занимать дѣвицъ хозяйствомъ и свѣдѣніями о домостроительствѣ и Я занимаюсь приготовленіемъ къ тому руководства.

5-е. Въ разсужденіи перевода дѣвицъ изъ класса въ классъ вообще по успѣхамъ во всѣхъ предметахъ или въ большей частію оныхъ а не частно по успѣхамъ въ каждомъ предметѣ, Я нахожу, что хотя первое правило имѣетъ нѣкоторыя неудобства, однако гораздо менѣе нежелибы имѣлъ переводъ *частный*, посилику каждая перемѣна урока требовала бы иного образованія и размѣщенія классовъ. Неудобство же отъ двухъ рисовальныхъ учителей одинакого достоинства происходящее, можно отвратить тѣмъ, чтобы каждый изъ сихъ учителей продолжалъ ученіе дѣвицъ со вступленія ихъ въ Училище и до ихъ выпуска, переходя съ ними изъ нижняго въ высшій классъ, такъ что тотъ, который въ нынѣшнее трехлѣтіе обучаетъ въ младшемъ классѣ, въ послѣдующее трехлѣтіе будетъ обучать тѣхъ же дѣвицъ въ старшемъ классѣ, а обучавшій въ старшемъ классѣ перейдетъ ко вновь принятымъ. Сей же самый порядокъ наблюдается здѣсь и съ классными дамами, которыя будучи здѣсь размѣщены по классамъ и спальнямъ, а не по отдѣленіямъ классовъ, остаются при однихъ тѣхъ же дѣвицахъ со вступленія ихъ до выпуска, такъ что перешедшія съ своими воспитанницами въ старшій классъ по выпускѣ оныхъ, перемѣщаются къ новому набору, и при немъ паки остаются до его выпуска. Такимъ образомъ всѣ дамы по очереди поль-

зуются одинакими выгодами и честію, и я весьма о томъ удивляюсь, что сей порядокъ не наблюдается въ московскихъ училищахъ, образованныхъ по примѣру здѣшнихъ. Желая знать отъ чего сія разность произошла я пишу о томъ къ г-жи Перретъ для объясненія. Разрѣшивъ такимъ образомъ всѣ статьи вашихъ замѣчаній, я впрочемъ увѣрена, что ревностное стараніе ваше по учебной части институтовъ ознаменовано будетъ какъ и донынѣ наилучшими успѣхами и доставитъ мнѣ всегда наслажденіе слышать похвалы московскимъ училищамъ отдаваемыя; пребывая съ истиннымъ доброжелательствомъ вамъ всегда благосклонною.

Марія.

Домъ здѣшняго Екатерининскаго института, равно какъ и домъ общества благородныхъ дѣвицъ, будучи уже раздѣлены однажды на всегда постоянно на учебные покой и спальни по классамъ, остающимся всегда въ однихъ мѣстахъ, дѣвицы при переводѣ изъ младшаго класса въ старшій, переходятъ также съ дамами своими въ покой и спальни сего старшаго класса, а свои покои и спальни оставляютъ для новаго набора.

Марія.

Въ Павловскѣ.
Сентября 25-го дня.
1811 года.

Юрій Александровичь! Присланныя сюда для помѣщенія въ медико-хирургическую академію десять воспитанниковъ московскаго дома, совершенно соотвѣтствовали ожиданію и вашему объ нихъ свидѣтельству. Они на сдѣланномъ имъ здѣсь эксамени оказали весьма хорошіе во всемъ успѣхи, и испытавшими ихъ профессорами помянутой академіи признаны въ полной мѣрѣ способными къ принятію въ оную. Я пользуюсь возвращеніемъ въ Москву проводившаго ихъ сюда надзирателя Покромизитова, чтобъ дать вамъ сіе пріятное извѣстіе, и съ тѣмъ вмѣстѣ изъявить вамъ искреннюю признательность Мою за усердное попеченіе ваше объ учебной части, таковыми плодами доказываемое, прося васъ благодарить Моимъ именемъ инспектора и учителей. Надзирателю Покроми-

зинову, коимъ я весьма довольна, изъявила я благоволеніе мое особеннымъ знакомъ и пребываю въ прочемъ съ истиннымъ доброжелательствомъ вамъ всегда благосклонною.

Марія.

Въ Гатчинѣ.
Сентября 30-го дня.
1811 года.

Юрій Александровичь! Я съ удовольствіемъ соглашаюсь уволить васъ въ Тверь на просимый вами десятидневный срокъ и спѣшу васъ о томъ увѣдомить повторяю изъясненіе истиннаго и непремѣннаго доброжелательства, съ которымъ пребываю вамъ благосклонною.

Марія.

Въ Гатчинѣ
Ноября 13 дня
1811 года.
№ 2734.

1812.

Юрій Александровичь! Хотя извѣстно мнѣ, что зятю вашему, благодаря Бога, гораздо лучше, съ чѣмъ васъ усердно поздравляю, я однако, удовлетворяя желанію вашему, позволяю вамъ отлучиться изъ Москвы, когда за нужное сочтете, и остаться при зятѣ вашемъ пока состояніе его здоровья присутствія вашего требовать будетъ. Предоставляя вамъ объявить сіе мое дозволеніе совѣтамъ опекунскому и училищному, когда надобность настанетъ онымъ воспользоваться. Я желаю искренно, чтобы сія надобность не встрѣтилась и пребываю въ прочемъ съ непремѣняющимися къ вамъ расположеніями всегда благосклонною.

Марія.

Въ С.-Петербургѣ.
Марта 1-го дня.
1812 года.

Юрій Александровичь! Я имѣю пріятнѣйшее препорученіе Императора любезнѣйшаго моего сына, увѣрить васъ о его признательности за ревностное служеніе ваше по званію почетнаго опекуна и вручить вамъ приложенный при семъ знакъ благоволенія Его Императорскаго Величества. Вы знаете мои къ вамъ расположенія, знаете, что умѣю цѣнить ваше рвеніе и вашу приверженность и потому измѣрьте удовольствіе, съ каковымъ исполняя препорученіе Императора, я пользуюсь случаемъ для изъявленія вамъ особливаго уваженія и доброжелательства, съ каковыми я пребываю всегда вамъ благосклонною.

Марія.

Москва.

Марта 29-го дня.

1812 года.

Юрій Александровичъ! Я съ особливымъ удовольствіемъ усмотрѣла изъ донесенія московскаго опекунскаго совѣта отъ 3-го сего мѣсяца хорошія успѣхи оказанныя воспитанницами пріуготовляемыми къ званію наставницъ, на публичномъ эксаменѣ произведенномъ въ присутствіи профессоровъ университета, и поставляя пріятною себѣ обязанностію изъявить вамъ особенную мою признательность за попеченіе ваше объ учебной части, я прошу васъ благодарить моимъ именемъ инспектора, учителей и наставницъ за усердные ихъ труды и рвеніе. При составленіи теперь изъ отличнѣйшихъ 21, второй классъ я надѣюся что въ разсужденіи классныхъ дамъ наблюдается тотъ же порядокъ, который заведенъ въ прочихъ институтахъ и въ здѣшнемъ воспитательномъ домѣ, а именно: что при переходѣ воспитанницъ въ старшій классъ остаются при нихъ классныя дамы бывшія въ младшемъ, а къ младшему классу пріисканы новыя, когда же выпускъ будетъ изъ старшаго, классныя дамы онаго перейдутъ опять въ младшій, такъ чтобы при выпускаемыхъ воспитанницахъ были однѣ классныя дамы съ начала ихъ воспитанія до конца,

выключая перемѣны отъ увольненія происходящія. Препоручая сихъ воспитанницъ особливому вашему ревностному попеченію, пребываю съ истиннымъ доброжелательствомъ вамъ всегда благосклонною.

Марія.

Въ Павловскѣ.
Іюня 13-го дня.
1812 года.

Я весьма помню, что я вамъ обѣщала классныхъ дамъ, и я ищу оныхъ, но встрѣчаю великое въ томъ затрудненіе. По тому прошу васъ приложить и съ вашей стороны всемѣрное къ тому стараніе, наблюдая въ особенности за хорошимъ знаніемъ французскаго языка. Здѣсь расположили мы такъ, что при каждомъ классѣ по одной дамѣ нѣсколько пожилыхъ лѣтъ и одной помоложе, чему хорошо и у васъ подражать.

Юрій Александровичъ! Я получила письмо ваше отъ 8-го сего мѣсяца, и хотя просьба въономъ заключающаяся не весьма правильна, поелику вамъ самимъ извѣстно, что пансіонеры, до истеченія опредѣленнаго имъ срока для воспитанія, не выпускаются, я однако, въ уваженіе болѣзни супруги вашего шурина и вашего за его падчерицъ предстательства, позволяю выпустить ихъ теперь же и отдать своячешицѣ вашей для доставленія въ Симбирскъ, о чемъ дала я сегодня повелѣніе совѣту училища. Удовлетворяя такимъ образомъ вашему желанію, кажется не имѣю надобности прибавить сіце особливаго увѣренія о истинномъ доброжелательствѣ съ каковымъ пребываю вамъ благосклонною.

Марія.

Въ таврическомъ дворцѣ.
Августа 16-го дня.
1812 года.

Юрій Александровичъ! Я получила съ послѣднею московскою почтою донесенія о сдѣланныхъ обоими совѣтами распоряженій въ сходствіе предписанныхъ въ письмѣ моемъ къ Александру Михайловичу Лунину отъ 9-го сего мѣсяца, мѣръ предосторожности на случай несчастія и хотя вообще я отдаю полную справедливость дѣятельности и усердію оказаннымъ въ исполненіи по моимъ предначертаніямъ, я не могла однако не замѣтить дѣйствія нѣкоторой торопливости, отчего произошли два положенія касательно отправленія институтовъ, которыхъ я не только бы не утвердила, естьли бы могли прежде дойти до моего свѣдѣнія, но одно изъ нихъ непремѣнно желаю поправить. Я истинно вамъ признаюсь, что я не знаю, какъ совѣтъ могъ на сіи двѣ статьи рѣшиться, и вы на то согласились: какъ могли во первыхъ допустить, чтобъ благородныхъ дѣвицъ отправить на телѣгахъ? Уже довольно мнѣ прискорбно естьли необходимость заставила возить на тѣлегахъ воспитанницъ александровскаго училища, которыя изъ нижнихъ офицерскихъ, мѣщанскихъ и подобнаго состоянія дѣтей: а дочерей лучшаго дворянства на тѣлегахъ не могу себѣ представить безъ огорченія, и прямо сказать стыда, и даже слезъ. Не уже ли въ обширной, изобильной всѣмъ Москвѣ не можно было, если не ссудою, то наймомъ достать потребнаго числа каретъ? или совѣтъ могъ ли остановиться незначущимъ на то расходомъ? Для исправленія сего сколько возможно, я предписала Николаю Ивановичу Баранову нанять кареты, гдѣ только на пути найдетъ къ тому возможность. Какъ, во-вторыхъ, вы, яко попечитель о просвѣщеніи сихъ дѣвицъ, позволили отправить ихъ безъ учителей, даже безъ духовника и инспектора классовъ? я чистосердечно вамъ скажу, что я сему весьма удивилась и при другихъ спокойнѣйшихъ обстоятельствахъ я бы вамъ всѣмъ изъявила мое о томъ сожалѣніе, въ чемъ останавливаюсь однако видя усердіе ваше въ снабженіи институтовъ собственными каретами. Но теперь подумать должно только какъ исправить сію ошибку. Я просила министра просвѣщенія, чтобы позволилъ инспектору классовъ Цвѣтаеву, по вѣдомству его, отъ московскаго университета, дать отпускъ для слѣдованія за институтами въ Казань, и прилагаю при семъ письмо его къ попечителю университета по сему предмету, которое прошу васъ ему доставить. Вашему же попеченію предоставляю также достойнаго нашего священника екатерининскаго училища, съ согласія московскаго викарія, епископа Августина, равно какъ и лучшихъ учителей, т. е. особенно такихъ, какихъ нѣтъ надежды найти въ Казани, какъ я полагаю,

учителя иностранныхъ языковъ принять опять въ службу сихъ заведеній, отъ которыхъ по напрасну уволены, и всѣхъ тѣхъ, которыхъ вы выберете, такъ какъ и инспектора Цвѣтаева отправить въ Казань вслѣдъ за институтами, для продолженія ученія по прибытіи на мѣсто, на каковой конецъ снабдить ихъ прогонными деньгами изъ суммъ оставленныхъ въ распоряженіи главнаго надзирателя Тутолмина, и о томъ увѣдомить Александра Михайловича Лунина, дабы онъ могъ дополнить нужныя главному надзирателю на другія предметы деньги. Препоручая сіе особливому вашему ревностному попеченію, я увѣрена, что вами со всякимъ стараніемъ и дѣятельностію, и при томъ всевозможнымъ сбереженіемъ издержекъ выполнено будетъ. Я съ удовольствіемъ въ доставленномъ отъ Николая Ивановича Баранова спискѣ особъ ссудившихъ институты наши экипажами, видѣла имя ваше, чего хотя отъ васъ и сочленовъ вашихъ ожидала, но тѣмъ не менѣе благодарю васъ искренно за таковое усердіе, и прошу васъ объявить мою признательность прочимъ особамъ въ семъ вспоможеніи участвовавшимъ, какъ-то: князю Николаю Борисовичу Юсупову, княжнѣ Хованской, г-жѣ Анненковой и генералъ-маіору Шепелеву, и съ истиннымъ доброжелательствомъ пребываю впрочемъ вамъ всегда благосклонною.

Марія.

Въ таврическомъ дворцѣ.
Августа 26-го дня.
1812 года.

Юрій Александровичъ! При чтеніи письма вашего отъ 24-го октября, я возчувствовала особенное расположеніе васъ крѣпко пожурить за то, что вы на столь долгое время хотите оставить наши заведенія. Возможно ли подумать о трехмѣсячной вашей съ ними разлукѣ и не попрекнуть вамъ холодностію къ онымъ. Одинъ только вамъ остается способъ смягчить меня и отвратить письменныя упреки, а именно: выполнить ваше предположеніе и предстать лично предъ мною съ повинною главою. Вотъ вашъ приговоръ, которому я надѣюсь, безпрекословно пови-

нуетесь. Истинно скажу вамъ однако, что я весьма сожалѣю о необходимости, препятствующей вамъ быть теперь въ Казани, когда приступаютъ тамъ къ учрежденію вновь ученія въ институтахъ, и присутствіе ваше было бы весьма для меня пріятно, поелику я въ разсужденіи устроенія сей части была бы при вашемъ тамъ надзорѣ и попеченіи, въ совершенномъ спокойствіи. Но когда сіе уже невозможно, то осталось только удовлетворяя вашему желанію, ожидать удовольствія лично съ вами о семъ предметѣ побесѣдовать. Узнавъ, что вамъ отпускъ уже данъ по сенату, я сего же числа дала также повелѣніе опекунскому и училищному совѣтамъ о вашемъ увольненіи до 1-го февраля будущаго года, и я надѣюсь, что вы непремѣнно устроете дѣла ваши такъ, чтобы побывать здѣсь у насъ и лично принять увѣреніе истиннаго доброжелательства съ каковымъ пребываю вамъ благосклонною.

Марія.

Въ С.-Петербургѣ.
Ноября 4-го дня
1812 года.

Юрій Александровичъ! Я читала письмо ваше отъ 6-го генваря и приложенное при ономъ на имя Императора, любезнѣйшаго моего сына, съ противуположными чувствованіями удовольствія и сожалѣнія. Весьма пріятно мнѣ видѣть васъ здѣсь, вы въ томъ сомнѣваться не можете, и я истинно радуюсь надеждѣ симъ часто пользоваться: но можно ли мнѣ не жалѣть о нашихъ московскихъ заведеніяхъ, лишающихся вашего попеченія, по столь важной части воспитанія. А какъ вамъ довольно извѣстно, что я всегда готова жертвовать личнымъ удовольствіемъ въ пользу заведеній, то вы приписать должны только особливому моему къ вамъ расположенію, что я рѣшилась выполнить ваше желаніе и довести просьбу вашу до свѣдѣнія Императора. Я получила извѣщеніе Его Величества о согласіи Его на ваше перемѣщеніе и какъ по сенату повелѣніе уже дано, то я и съ своей стороны предписала совѣтамъ подъ моимъ начальствомъ состоящимъ объ опредѣленіи васъ членомъ въ здѣшнихъ совѣтахъ общества благородныхъ дѣвицъ, училища ордена Св. Екатерины и

опекунскомъ, съ отпускомъ по 15-е іюня. Увѣдомляя васъ о семъ, я ожидаю вашего прибытія, чтобы имѣть удовольствіе лично возобновить вамъ увѣреніе о истинномъ доброжелательствѣ, съ каковымъ пребываю всегда вамъ благосклонною.

Марія.

Въ С.-Петербургѣ.
Февраля 4-го дня
1813 года.

Приложеніе III.

Рескрипты Императрицы Маріи Θеодоровны къ Почетному Опекуну Юрію Александровичу Нелединскому-Мелецкому за время завѣдыванія имъ въ С.-Петербургѣ Ссудною Казною, Карточною Экспедиціею и Комерческимъ Училищемъ

съ 1817 по 1826 года.

1817.

Юрій Александровичъ! Императоръ, Любезнѣйшій Сынъ Мой, въ изъявленіе благодарности и благоволенія Его Величества, препоручить Мнѣ изволилъ, доставить вамъ приложенный при семъ перстень. Вручая вамъ оный, Я желаю, чтобы вы равномѣрно увѣрены были о искренней Моей признательности за оказываемую вами ревность и съ удовольствіемъ возобновляю при семъ случаѣ изъявленіе непремѣняющаго благорасположенія Моего къ вамъ и совершеннаго доброжелательства съ каковымъ пребываю вамъ всегда благосклонною.

Марія.

Въ С.-Петербургѣ
Мая 11 дня
1817 года.
№ 1240.

Юрій Александровичъ! Изъявленная вами готовность принять на себя дѣла по карточному откупу, по случаю перемѣщенія почетнаго опекуна Арщеневскаго въ Московскій Опекунскій Совѣтъ, совершенно соотвѣтствуетъ мнѣнію Моему о вашемъ усердіи и вашей ко Мнѣ приверженности. Я съ удовольствіемъ слѣдую внушенію Моего къ вамъ довѣрія и дала сего дня же повелѣніе Опекунскому Совѣту о препорученіи вамъ оныхъ дѣлъ. Съ истиннымъ доброжелательствомъ пребываю вамъ благосклонною.

Марія.

Въ С.-Петербургѣ
Іюля 3 дня.
1817 года.
№ 1742.

Юрій Александровичъ! Санктпетербургскій Опекунскій Совѣтъ, какъ вамъ извѣстно, докладомъ своимъ отъ 21 Октября о забранныхъ у бывшаго Директора Ссудной Казны Скваичи бумагахъ, между прочимъ представляетъ, чтобы тѣ письма, которыя заключаютъ въ себѣ просьбы о ссудѣ денегъ, отослать къ Гражданскому Губернатору для взысканія, изъемля письма почетнаго опекуна князя Шаховскаго и его жены, почетнаго опекуна Крюковскаго и его сына, равно какъ и росписки разныхъ чиновниковъ Ссудной Казны, къ чему присовокуплено письмо дѣйствительнаго статскаго совѣтника Полѣтики. Одобряя таковое изъятіе къ разсужденію писемъ по которымъ учиненъ платежъ и писанныхъ принадлежащими къ вѣдомству Воспитательнаго Дома, поелику Совѣтъ самъ имѣетъ въ рукахъ способъ ко взысканію изъ жалованья, Я о прочихъ разсудила, что такое уваженіе, какое предполагается оказать дѣйствительному статскому совѣтнику Полѣтикѣ, подобное сему по справедливости распространить и на другихъ особъ, отъ коихъ нашлись письма о ссудахъ, и которымъ бы, конечно, непріятно было, еслибы безъ предварительнаго съ ними сношенія, отослать ихъ письма прямо ко взысканію. Вслѣдствіе сего Я препоручила здѣсь почетному опекуну князю Сергію Михайловичу Голицыну объясниться приватно съ находящимися здѣсь княземъ Ѳедоромъ Николаевичемъ Голицынымъ, Михаиломъ Петровичемъ и Кирилломъ Нарышкиными, не согласятся ли они сами, непосредственно и безъ содѣйствія гражданскихъ начальствъ, очистить по тѣмъ письмамъ свои долги Скванчію, на которые не имѣютъ въ платежѣ квитанцій? и тоже самое прошу Я васъ сдѣлать Мнѣ удовольствіе, принять на себя въ разсужденіи особъ въ С.-Петербургѣ находящихся, отъ которыхъ имѣются письма къ Скванчію о денежныхъ ссудахъ. Полѣтика хотя не въ Петербургѣ имѣетъ вѣрно родственниковъ или повѣреннаго. Я увѣрена, что вы со Мною согласны о преимуществѣ сего благовиднаго средства, предъ отсылкою сихъ писемъ прямо ко взысканію, безъ предварительнаго сношенія съ писавшими оныя и охотно примите на себя трудъ съ ними объясниться. Въ разсужденіи писемъ графа Орлова, Я предоставляю вамъ съ Совѣтомъ рѣшить, къ нему ли самому отнестись письмомъ или объясниться съ имѣющимся, вѣроятно, у него повѣреннымъ или съ его родственниками, или же чрезъ князя Сергія Михайловича Голицына съ находящимся здѣсь въ Москвѣ его отцомъ. Чтоже касается до прочихъ, съ которыми за ихъ отсутствіемъ лично объясниться не возможно, то конечно не остается другаго средства, какъ отнестись къ мѣст-

нымъ начальствамъ, что и предоставляю Я Опекунскому Совѣту, которому прошу васъ сообщить сіе письмо, и увѣдомлять его объ успѣхѣ вашихъ трудовъ, о которыхъ и Я ожидать буду извѣстія, увѣряя васъ напередъ о Моей искренней признательности, равно какъ и объ отличномъ доброжелательствѣ, съ каковымъ Я пребываю всегда вамъ благосклонною.

Марія.

Въ Москвѣ
Ноября 1 дня
1817 года.

Юрій Александровичъ! Я получила ваше письмо отъ 23 Ноября и пріемлю ваше представленіе съ такими же чувствованіями, съ которыми принимаю Я всегда изъявленія чистаго усердія, какъ доказательства истинной приверженности, за которую плачу таковою же признательностію. Предписаніе Мое, чтобы въ разсужденіи распоряженій о векселяхъ графа Потемкина, снестись напередъ съ Министромъ Юстиціи, было основано на сомнѣніи, изъявленномъ самимъ Опекунскимъ Совѣтомъ, о правѣ бывшаго директора Ссудной Казны Скванчія, располагать большею частію сихъ же самыхъ векселей; но когда теперь Совѣтъ общимъ мнѣніемъ полагаетъ, что, не смотря на разбирательство права Скванчія, право Опекунскаго Совѣта располагать оными векселями не подвержено никакому сомнѣнію, имѣя крѣпчайшимъ доводомъ Скванчіевы отвѣты на счетъ его племянниковъ, бывшихъ его помощниками и обнаруженныхъ его сообщниками; то не сопротивляясь исполненію положенія Совѣта о векселяхъ графа Потемкина, прошу возвратить Мнѣ докладъ объ нихъ для утвержденія. Съ истиннымъ доброжелательствомъ пребываю впрочемъ вамъ всегда благосклонною.

Марія.

Въ Москвѣ
Ноября 28 дня
1817 года.

1818.

Юрій Александровичъ! Препоручивъ вамъ по извѣстному Моему къ вамъ особенному довѣрію, попеченіе объ учебной части въ Обществѣ благородныхъ дѣвицъ и Училищѣ ордена св. Екатерины, Я увѣрена, что во время предстоящаго Моего на нѣсколько мѣсяцевъ отсутствія, вы продолжать будете ревностное стараніе свое объ исполненіи Моего желанія, учащеніемъ посѣщеній вашихъ въ классахъ помянутыхъ обоихъ заведеній. Обращая вниманіе свое какъ на прилежаніе и успѣхи воспитанницъ, такъ и на методу преподаванія учителей, вы будете наблюдать, чтобы сіи послѣдніе держались въ точности предначертаннаго плана, и Я надѣюсь, что вы сдѣлаете Мнѣ удовольствіе и отъ времени до времени донесете Мнѣ о вашихъ наблюденіяхъ. Хотя же учебная часть по Воспитательному Дому не состоитъ именно въ вашемъ вѣдѣніи, но Мнѣ однако весьма пріятно будетъ, если обратите также на классы онаго ваше вниманіе, и присутствіемъ вашимъ при оныхъ и вашими замѣчаніями содѣйствовать будете къ благоуспѣшнѣйшему теченію ученія; въ чемъ и надѣюсь Я на вашу ко Мнѣ приверженность. Равномѣрно полагаюсь Я съ полнымъ довѣріемъ на ваше ревностное стараніе въ Коммисіи по дѣлу Скваччи учрежденной и увѣрена, что вы употребите всѣ усилія свои для спосѣшествованія ходу ея занятій и приведеніи оныхъ къ скорѣйшему окончанію. Донесенія ваши и по сему предмету какъ и по другимъ, будутъ Мнѣ весьма пріятны, въ чемъ вы сомнѣваться не можете, зная особенное уваженіе и доброжелательство съ каковымъ Я пребываю всегда вамъ благосклонною.

Марія.

Въ С.-Петербургѣ
Августа 22 дня
1818 года.

Юрій Александровичъ! Мнѣ всегда пріятно имѣть отъ васъ извѣстія и нынѣ Я съ тѣмъ же удовольствіемъ получила письмо ваше отъ 7 минувшаго Октября, въ коемъ вы порадовали Меня вновь увѣдомленіемъ о хорошемъ состояніи посѣщаемыхъ вами заведеній. Съ столь же совершенною притомъ пріемлю благодарностію и поздравленіе ваше со днемъ Моего рожденія, равно какъ и изъявленіе вашихъ чувствованій и взаим-

но прошу отъ Меня принять увѣренія, что Я знаю всю цѣну вашихъ достоинствъ, постоянной ко Мнѣ приверженности и трудовъ для польз заведеній вами подъемлемыхъ и столь же искреннео имѣю къ вамъ и, достойной своего родителя, дочери вашей расположеніе, въ истиннѣ коего желаю обоимъ вамъ всякаго добра и пріятностей, съ особеннымъ уваженіемъ пребываю всегда къ вамъ благосклонною.

Марія.

Въ Брюсселѣ
Ноября 2 дня
1818 года.
№ 3028.

Юрій Александровичъ! Я имѣла удовольствіе получить ваше письмо отъ 5 сего мѣсяца и благодарю васъ за посѣщенія въ Обществѣ благородныхъ дѣвицъ и Екатерининскомъ училищѣ, радуясь искренно прилежанію и успѣхамъ воспитанницъ въ обѣихъ заведеніяхъ. Но Я примѣчаю, что вы въ письмѣ вашемъ помѣстили только пріятныя вѣсти, а о случившемся въ Воспитательномъ Домѣ происшествіи ни словомъ не упоминаете. Я бы весьма желала имѣть и ваше о томъ донесеніе и замѣчанія, ибо вы знаете, что Я люблю читать ваши изложенія. Теперь начала я приближаться къ нашему любезному отечеству, и здѣсь въ Веймарѣ наслаждаюсь счастіемъ быть съ любезною Моею дочерью, въ кругу пяти внучать, и сіе наслажденіе усугубилось еще прибытіемъ Императора. При томъ и погода прекраснѣйшая при продолжающихся по ночамъ морозахъ. Но сколь ни велико Мое здѣсь удовольствіе, Я однако искренно радуюсь, что скоро возвращусь въ любимый Петербургъ, гдѣ надѣюсь быть чрезъ шесть недѣль и увѣрить васъ съ дочерью лично о неизмѣняющемъ благорасположеніи Моемъ къ вамъ и о совершенномъ доброжелательствѣ съ каковымъ Я пребываю вамъ благосклонною.

Марія.

Въ Веймарѣ
Ноября 24 дня
1818 года.

1819.

Юрій Александровичъ! Я имѣю пріятное препорученіе отъ Императора, Любезнѣйшаго Моего Сына, увѣрить васъ о признательности Его за ревностное служеніе подъ Моимъ начальствомъ и вручить вамъ приложенный здѣсь знакъ благоволенія Его Величества. Съ истиннымъ удовольствіемъ исполняю Я желаніе Императора, и радуюсь случаю всегда для Меня наипріятнѣйшему изъявить вамъ отличное Мое къ вамъ уваженіе. Благодаря васъ отъ искренняго сердца за ваше усердіе, Я надѣюсь, что вы всегда увѣрены въ полной мѣрѣ о доброжелательствѣ съ каковымъ пребываю вамъ благосклонною.

Марія.

Въ С.-Петербургѣ
Апрѣля 29 дня
1819 года.
№ 1158.

1820.

Юрій Александровичъ! Я имѣю пріятнѣйшее препорученіе отъ Императора, Любезнѣйшаго Моего Сына, изъявить вамъ признательность Его за усердные труды ваши по званію почетнаго опекуна и въ доказательство оной вручить вамъ приложенный при семъ знакъ благоволенія Его Величества. Съ особеннымъ удовольствіемъ присовокупляю Я къ тому изъявленіе и Моей искренней благодарности за рвеніе ваше, которое умѣю Я цѣнить въ полной мѣрѣ и надѣюсь, что вы увѣрены въ совершенномъ уваженіи и отличномъ доброжелательствѣ, съ каковыми пребываю Я всегда вамъ благосклонною.

Марія.

Въ С.-Петербургѣ
Апрѣля 12 дня
1820 года.

Юрій Александровичъ! Полагаясь на вашу ревностную готовность сдѣлать Мнѣ удовольствіе, Я, уволивъ въ отпускъ почетнаго опекуна Болотникова, прошу васъ на время его отсутствія, въ теченіи двухъ мѣсяцевъ Іюня и Іюля, принять на себя исправленіе должности оберъ-директора Коммерческаго училища, въ отношеніи которой вы получите всѣ нужныя свѣдѣнія отъ почетнаго опекуна Болотникова. Я увѣрена въ полной мѣрѣ, что вы обратите на сіе заведеніе усердное ваше попеченіе и съ искреннимъ удовольствіемъ пользуюсь случаемъ для изъявленія вамъ отличнаго доброжелательства съ каковымъ Я пребываю вамъ всегда благосклонною.

Марія.

Въ Павловскѣ
Мая 31 дня
1820 года.

Юрій Александровичъ! Я получила рапортъ вашъ и почетнаго опекуна Болотникова о вступленіи его паки въ исправленіе должности оберъ-директора Коммерческаго училища и сдачѣ вами оной, и пріятною поставляю себѣ обязанностію изъявить вамъ искреннюю признательность мою за усердные труды ваши въ отсутствіе Г. Болотникова на дѣла помянутаго училища вами обращенные. Хотя ожидала я сего рвенія отъ извѣстнаго мнѣ образа мыслей и приверженности вашей ко мнѣ, но я тѣмъ не менѣе нахожу удовольствіе показать вамъ, колико умѣю цѣнить ваше усердіе и какъ охотно пользуюсь всякимъ случаемъ для увѣренія васъ объ истинномъ уваженіи и доброжелательствѣ, съ каковыми Я пребываю вамъ благосклонною.

Марія.

Въ Павловскѣ
Сентября 4 дня
1820 года.

1821.

Юрій Александровичъ! Разсмотрѣвъ поднесенныя Мнѣ при рапортѣ Опекунскаго Совѣта Отчетныя вѣдомости ввѣренной вамъ Экспедиціи карточнаго сбора за изтекшій 1820 годъ Я съ чувствительнымъ удовольствіемъ видѣла изъ оныхъ совершенный успѣхъ сего новаго учрежденія, превышающій даже ожиданіе, какое можно было имѣть на первый годъ его существованія, поелику чистая прибыль отъ продажи картъ не только уступаетъ доходу отъ послѣдняго откупа полученному, но превозходитъ оный значительною суммою безъ мала 76 т. рублей. Отдавая полную справедливость усерднѣйшему вашему о семъ дѣлѣ попеченію. Я пріятною поставляю Себѣ обязанностію изъявить вамъ искреннюю Мою признательность, и по засвидѣтельствованію вашему о ревностномъ стараніи Директора и его подчиненныхъ, Я препоручаю вамъ объявить имъ совершенное Мое благоволеніе. При поднесеніи же Императору, Любезнѣйшему Моему Сыну, сихъ отчетовъ вмѣстѣ съ балансомъ карточной фабрики, я удовольствіемъ себѣ поставлю довести до свѣдѣнія Его Величества ваше попеченіе и труды и притомъ испросить директору Любавскому и бухгалтеру Иванову тѣ награжденія, къ которымъ вы ихъ представили, а тогда же и о награжденіи прочихъ воспослѣдуетъ разрѣшеніе. Съ истиннымъ уваженіемъ и доброжелательствомъ пребываю всегда вамъ благосклонною.

Марія.

Въ Павловскѣ
Мая 29 дня
1821 года.

1822.

Юрій Александровичъ! Я имѣю пріятное препорученіе изъявить вамъ признательность Императора, любезнѣйшаго моего сына за ревностное попеченіе и труды ваши по дѣламъ подъ начальствомъ Моимъ на васъ возложенныхъ и вручить вамъ приложенный здѣсь знакъ благоволѣнія Его Величества. Съ особеннымъ удовольствіемъ исполняю я сіе препорученіе и прошу васъ быть увѣреннымъ также и въ моей искренней признательности за извѣстное мнѣ давно усердіе ваше и привержен-

ность ко мнѣ и въ отличномъ уваженіи и доброжелательствѣ, съ каковыми Я пребываю всегда вамъ благосклонною.

Марія.

Въ Павловскѣ
Іюня 5 дня
1822 года.

1823.

Юрій Александровичъ! Съ особливымъ удовольствіемъ исполняю я симъ пріятное препорученіе Императора, любезнѣйшаго Моего Сына изъявить вамъ признательность Его за усердіе ваше по званію почетнаго опекуна оказываемое и вручить вамъ прилагаемый здѣсь знакъ благоволенія Его Величества. Примите съ тѣмъ вмѣстѣ изъявленіе и моей искренней благодарности за ваше рвеніе и труды и увѣреніе объ особенномъ уваженіи и доброжелательствѣ, съ каковыми Я пребываю всегда вамъ благосклонною.

Марія.

Въ С.-Петербургѣ
Апрѣля 19 дня
1823 года.

Милостивый Государь,
Юрій Александровичъ!

Государыня Императрица, выслушавъ поднесенную отъ вашего превосходительства записку о директорѣ экспедиціи карточнаго сбора Любавскомъ, Высочайше изволила предоставить себѣ объясниться съ вами о томъ при первомъ свиданіи, весьма одобряя притомъ, что въ такіе жары не поѣхали въ Павловскъ, о чемъ, увѣдомляя, имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію

Милостивый Государь,
Вашего Превосходительства
покорнѣйшій слуга
Григорій Вилламовъ.

Мая 26 дня
1823 года.
Его Прев-ву Ю. А. Нелединскому-Молецкому.

1824.

Юрій Александровичъ! Изъявляя признательность свою за рвеніе ваше въ исполненіи обязанностей по званію почетнаго опекуна на васъ возложенныхъ, Императоръ, любезнѣйшій Сынъ Мой, препоручить мнѣ изволилъ, доставить вамъ препровождаемый при семъ знакъ благоволенія Его Величества. Исполняя толико пріятное для меня препорученіе Императора, Я въ особенное вмѣняю себѣ удовольствіе увѣрить васъ также и о Моей искренней благодарности за отличное усердіе ваше, и надѣюсь, что вы увѣрены въ благорасположеніи и доброжелательствѣ, съ каковыми Я пребываю всегда вамъ благосклонною.

Марія.

Въ С.-Петербургѣ
Апрѣля 18 дня
1824 года.

Юрій Александровичъ! По случаю увольненія почетнаго опекуна князя Шаховскаго по просьбѣ его въ отпускъ по 1 Августа, Я прошу васъ сдѣлать Мнѣ удовольствіе, принять на себя въ отсутствіе его управленіе ссудной казны, согласно съ изъявленною вами на то готовностію, которую принимаю какъ новый опытъ всегдашняго вашего усердія и цѣнить умѣю въ полной мѣрѣ. Весьма пріятно Мнѣ воспользоваться случаемъ для возобновленія увѣренія въ истинномъ уваженіи и доброжелательствѣ, съ каковыми Я пребываю всегда вамъ благосклонною.

Марія.

Въ Павловскѣ
Іюля 6 дня
1824 года.

ность ко мнѣ и въ отличномъ уваженіи и доброжелательствѣ, съ каковыми Я пребываю всегда вамъ благосклонною.

Марія.

Въ Павловскѣ
Іюня 5 дня
1822 года.

1823.

Юрій Александровичъ! Съ особливымъ удовольствіемъ исполняю я симъ пріятное препорученіе Императора, любезнѣйшаго Моего Сына изъявить вамъ признательность Его за усердіе ваше по званію почетнаго опекуна оказываемое и вручить вамъ прилагаемый здѣсь знакъ благоволенія Его Величества. Пріимите съ тѣмъ вмѣстѣ изъявленіе и моей искренней благодарности за ваше рвеніе и труды и увѣреніе объ особенномъ уваженіи и доброжелательствѣ, съ каковыми Я пребываю всегда вамъ благосклонною.

Марія.

Въ С.-Петербургѣ
Апрѣля 19 дня
1823 года.

Милостивый Государь,
Юрій Александровичъ!

Государыня Императрица, выслушавъ поднесенную отъ вашего превосходительства записку о директорѣ экспедиціи карточнаго сбора Любавскомъ, Высочайше изволила предоставить себѣ объясниться съ вами о томъ при первомъ свиданіи, весьма одобряя притомъ, что въ такіе жары не поѣхали въ Павловскъ, о чемъ, увѣдомляя, имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію

Милостивый Государь,
Вашего Превосходительства
покорнѣйшій слуга
Григорій Вилламовъ.

Мая 26 дня
1823 года.
Его Прев-ву Ю. А. Нелединскому-Молецкому.

1824.

Юрій Александровичъ! Изъявляя признательность свою за рвеніе ваше въ исполненіи обязанностей по званію почетнаго опекуна на васъ возложенныхъ, Императоръ, любезнѣйшій Сынъ Мой, препоручить мнѣ изволилъ, доставить вамъ препровождаемый при семъ знакъ благоволенія Его Величества. Исполняя толико пріятное для меня препорученіе Императора, Я въ особенное вмѣняю себѣ удовольствіе увѣрить васъ также и о Моей искренней благодарности за отличное усердіе ваше, и надѣюсь, что вы увѣрены въ благорасположеніи и доброжелательствѣ, съ каковыми Я пребываю всегда вамъ благосклонною.

Марія.

Въ С.-Петербургѣ
Апрѣля 18 дня
1824 года.

Юрій Александровичъ! По случаю увольненія почетнаго опекуна князя Шаховскаго по просьбѣ его въ отпускъ по 1 Августа, Я прошу васъ сдѣлать Мнѣ удовольствіе, принять на себя въ отсутствіе его управленіе ссудной казны, согласно съ изъявленною вами на то готовностію, которую принимаю какъ новый опытъ всегдашняго вашего усердія и цѣнить умѣю въ полной мѣрѣ. Весьма пріятно Мнѣ воспользоваться случаемъ для возобновленія увѣренія въ истинномъ уваженіи и доброжелательствѣ, съ каковыми Я пребываю всегда вамъ благосклонною.

Марія.

Въ Павловскѣ
Іюля 6 дня
1824 года.

Юрій Александровичъ! Извѣстясь изъ общаго вашего съ господиномъ почетнымъ опекуномъ княземъ Шаховскимъ донесенія, что онъ, по возвращеніи своемъ, паки вступилъ въ управленіе ссудной казны, Я поставляю пріятною обязанностію изъявить вамъ совершенную Мою признательность за принятый вами трудъ въ управленіи оною казною во время его отсутствія, и съ удовольствіемъ пользуюсь симъ случаемъ, чтобъ удостовѣрить васъ въ истинномъ уваженіи и доброжелательствѣ, съ каковымъ пребываю вамъ всегда благосклонною.

Марія.

На островѣ Елагинѣ
Августа 9 дня
1824 года.

1825.

Юрій Александровичъ! Съ искреннею признательностію пріемлю Я новый опытъ вашего рвенія и вашей приверженности ко Мнѣ, въ изъявляемой вами усердной готовности, принять на себя управленіе ссудной казны, въ теченіи двухъ мѣсяцевъ отпуска почетнаго опекуна князя Шаховскаго. Я конечно тому ни мало не удивляюсь, зная и цѣня въ полной мѣрѣ ваши расположенія, но всякое новое доказательство тѣмъ не менѣе пріятно. Согласно съ желаніемъ вашимъ я дала сегодня повелѣніе Опекунскому Совѣту о препорученіи вамъ ссудной казны во время отсутствія князя Шаховскаго и съ искреннимъ уваженіемъ и доброжелательствомъ пребываю вамъ благосклонною.

Я искренно васъ благодарю за сіе новое доказательство вашего ко Мнѣ усердія.

Марія.

Въ Царскомъ Селѣ
Іюня 4 дня
1825 года.

Юрій Александровичъ! Императоръ, любезнѣйшій Сынъ Мой, обратить изволилъ особенное вниманіе на усердные труды и попеченіе ваше о дѣлахъ по званію почетнаго опекуна на васъ возложенныхъ и препоручилъ мнѣ при врученіи вамъ приложеннаго здѣсь перстня изъявить вамъ совершенную признательность и благоволѣніе Его Императорскаго Величества. Зная мое къ вамъ расположеніе, вы судить можете сколь пріятно мнѣ такое препорученіе, которое симъ исполняя, присовокупляю увѣреніе и о моей искренней благодарности, равно какъ и о всегдашнемъ особенномъ уваженіи и доброжелательствѣ, съ каковыми Я пребываю вамъ благосклонною.

Марія.

Въ Павловскѣ
Іюня 27 дня
1825 года.

Юрій Александровичъ! По возвращеніи почетнаго опекуна князя Шаховскаго, я удовольствіемъ себѣ поставляю изъявить вамъ искреннюю признательность за усердіе, съ каковымъ вы приняли на себя его обязанности, на время его отсутствія, и всегда пріятнымъ почитаю всякій случай возобновлять увѣреніе о уваженіи и доброжелательствѣ, съ каковыми Я пребываю вамъ благосклонною.

Марія.

Въ Павловскѣ
Іюля 10 дня
1825 года.

Юрій Александровичъ! Я имѣю удовольствіе препроводить при семъ къ вамъ, по препорученію Императора, любезнѣйшаго Моего Сына, знакъ благоволенія Его Величества и признательности за ревностное служеніе ваше подъ Моимъ начальствомъ. Весьма пріятно мнѣ воспользоваться такимъ случаемъ для изъявленія вамъ и Моей искренней благодарности за ваше усердіе и возобновленія увѣренія объ извѣстномъ вамъ уваженіи и доброжелательствѣ, съ каковыми Я пребываю вамъ всегда благосклонною.

Марія.

Въ Павловскѣ
Августа 23 дня
1825 года.

1826.

Юрій Александровичъ! Вы знаете съ какимъ прискорбіемъ Я согласилась на вашу просьбу объ увольненіи васъ отъ службы подъ Моимъ Начальствомъ, о чемъ повелѣніе Мое однако дано будетъ Опекунскому Совѣту не прежде, какъ по поднесеніи Императору, Любезнѣйшему Моему сыну, вмѣстѣ съ балансомъ Александровской мануфактуры, отчета по ввѣренной вамъ Экспедиціи карточнаго сбора. Но, какъ сіе уже до отъѣзда моего учинить время не дозволяетъ, то побуждаюсь симъ напередъ разрѣшить васъ, коль скоро воспослѣдуетъ Мое повелѣніе Совѣту о вашемъ увольненіи, передать помянутую Экспедицію почетному опекуну графу Ламберту, къ которому Я на сей конецъ прилагаю здѣсь письмо, и которому вы конечно сообщите всѣ потребныя по ввѣряемой ему Экспедиціи свѣдѣнія. Обыкновенныя вѣдомости прошу пересылать ко Мнѣ по почтѣ. Расположенія Мои къ вамъ, довольно вамъ извѣстны, и я объ оныхъ не распространяюсь, но не могу однако умолчать о искренней Моей признательности за ревностные труды и усерднѣйшее попеченіе ваше на препорученныя вамъ дѣла обращенныя, которыхъ память сохраню всегда купно съ чувствованіями душевнаго уваженія и доброжелательства, съ каковыми Я пребываю вамъ благосклонною.

Марія.

Въ С.-Петербургѣ
Апрѣля 21-го дня
1826 года.

Приложеніе IV.

Дѣло объ убійствѣ Курской губерніи въ Льговскомъ уѣздѣ дворянской дочери Маріи Алтуховой, въ чемъ обвиненъ бывшій тамошній помѣщикъ губернскій секретарь Ширковъ и др. хранится въ архивѣ Правительствующаго Сената и состоитъ изъ 8 томовъ. Одинъ всеподданнѣйшій докладъ Сената по сему дѣлу писанъ на 525 листахъ.

Къ сожалѣнію нѣтъ возможности вкратцѣ изложить всѣхъ обстоятельствъ этого запутаннаго дѣла, и потому мы ограничимся разсказомъ только главныхъ его эпизодовъ:

Въ Льговскомъ уѣздѣ Курской губерніи жилъ въ своемъ имѣніи Макаровкѣ помѣщикъ губернскій секретарь *Ширковъ;* онъ былъ женатъ и имѣлъ дѣтей. Въ близкомъ сосѣдствѣ съ нимъ жило семейство Алтуховыхъ въ собственной деревнѣ Соломинѣ; семейство это состояло изъ отца, матери двухъ дочерей, изъ которыхъ старшей *Маріи* было 18 лѣтъ, и она одна изъ всего семейства была грамотная.

28 Мая подалъ Ширковъ въ Льговскій земскій судъ объявленіе, въ которомъ объяснилъ: что будучи знакомъ съ семействомъ Алтуховыхъ онъ часто бывалъ у нихъ, при чемъ старшая дочь Марья Алтухова *старалась всячески имѣть съ нимъ интриги къ короткому обращенію,* но онъ Ширковъ всегда по молодости ея лѣтъ всегда ее отвлекалъ и совѣтывалъ ей выдти за хорошаго человѣка замужъ и самъ пріискивалъ ей жениха, о чемъ онъ Ширковъ ей и объявлялъ, но пріискать еще никого немогъ; между тѣмъ 27 Мая 1813 г. получилъ отъ Марьи Алтуховой собственной ея руки записку корандашемъ, въ коей написано «незнаю пришлете ли за мной или нѣтъ, я писала чтобы вы сами пріѣхали. Какъ мнѣ узнать когда вы пришлете, я вчера не спала, пришли по ранѣе въ 12 часу, поскорѣй пришли (въ запискѣ нѣтъ ни числа ни года). По этой запискѣ приказалъ онъ кучеру своему Степану Щеплехину запречь маленькія дрожки, послалъ съ нимъ кучеромъ камердинера своего Пармена Филипова за нею Алтуховой, которую къ нему въ домъ въ село Мокаровку изъ деревни Соломиной привезли. Поговоря съ нею Алтуховой и завѣривъ ее, что жениха ей пріищетъ, она поблагодаря его за сіе распрос-

Юрій Александровичъ! Я имѣю удовольствіе препроводить при семъ къ вамъ, по препорученію Императора, любезнѣйшаго Моего Сына, знакъ благоволенія Его Величества и признательности за ревностное служеніе ваше подъ Моимъ начальствомъ. Весьма пріятно мнѣ воспользоваться такимъ случаемъ для изъявленія вамъ и Моей искренной благодарности за ваше усердіе и возобновленія увѣренія объ извѣстномъ вамъ уваженіи и доброжелательствѣ, съ каковыми Я пребываю вамъ всегда благосклонною.

Марія.

Въ Павловскѣ
Августа 23 дня
1825 года.

1826.

Юрій Александровичъ! Вы знаете съ какимъ прискорбіемъ Я согласилась на вашу просьбу объ увольненіи васъ отъ службы подъ Моимъ Начальствомъ, о чемъ повелѣніе Мое однако дано будетъ Опекунскому Совѣту не прежде, какъ по поднесеніи Императору, Любезнѣйшему Моему сыну, вмѣстѣ съ балансомъ Александровской мануфактуры, отчета по ввѣренной вамъ Экспедиціи карточнаго сбора. Но, какъ сіе уже до отъѣзда моего учинить время не дозволяетъ, то побуждаюсь симъ напередъ разрѣшить васъ, коль скоро воспослѣдуетъ Мое повелѣніе Совѣту о вашемъ увольненіи, передать помянутую Экспедицію почетному опекуну графу Ламберту, къ которому Я на сей конецъ прилагаю здѣсь письмо, и которому вы конечно сообщите всѣ потребныя по ввѣряемой ему Экспедиціи свѣдѣнія. Обыкновенныя вѣдомости прошу пересылать ко Мнѣ по почтѣ. Расположенія Мои къ вамъ, довольно вамъ извѣстны, и я объ оныхъ не распространяюсь, но не могу однако умолчать о искренней Моей признательности за ревностные труды и усерднѣйшее попеченіе ваше на препорученныя вамъ дѣла обращенныя, которыхъ память сохраню всегда купно съ чувствованіями душевнаго уваженія и доброжелательства, съ каковыми Я пребываю вамъ благосклонною.

Марія.

Въ С.-Петербургѣ
Апрѣля 21-го дня
1826 года.

По окончаніи слѣдствія Курская уголовная палата по большинству голосовъ заключила: Ширкова и прочихъ привлеченыхъ по дѣлу лицъ оставить по сему дѣлу въ подозрѣніи, а кучера Щепелехина, который въ четвертомъ допросѣ признался въ убійствѣ Алтуховой, каковаго самъ онъ одинъ въ дѣйство произвести не могъ, слѣдовательно тѣмъ самымъ скрылъ настоящихъ убійцъ, сослать въ Нерчинскъ въ каторжную работу безъ тѣлеснаго наказанія, по Манифесту. Курскій гражданскій Губернаторъ Нелидовъ представляя дѣло это въ Сенатъ полагалъ: Ширкова сознавшагося въ тайномъ взятьѣ и привозѣ въ свой домъ, чрезъ посланныхъ имъ людей, дѣвицу Алтухову, которая послѣ оказалась отъ безчеловѣчныхъ побоевъ умершею, яко причинствующаго въ смерти ея и видимыми въ дѣлѣ обстоятельствами въ скрытіи преступленія и виновныхъ обнаруживающагося, лиша чиновъ и дворянства сослать въ Нерчинскъ въ каторжную работу какъ равно и камердинера Филипова. Въ прочихъ частяхъ согласенъ съ рѣшеніемъ палаты.

Правительствующій Сенатъ 6 департамента по разсмотрѣніи дѣла сего заключилъ: что изъ показаній кучера Щепелехина, дворовой женки Лобановой и по самымъ обстоятельствамъ дѣла открылось убійцами дѣвицы Алтуховой, дворовый человѣкъ Захаръ Лобановъ и наемный Венгорецъ Бодо, а участниками въ томъ кучеръ Щепелехинъ, однодворецъ Борзенковъ и серебреникъ Ситниковъ, за что ихъ всѣхъ, кромѣ скрывшагося и по нынѣ не отысканнаго венгорца Боды Правительствующій Сенатъ полагаетъ сослать въ Нерчинскъ въ каторжную работу безъ тѣлеснаго наказанія по Всемилостивѣйшему Манифесту 30 Августа 1814 года.

Государственный Совѣтъ нашелъ это рѣшеніе правильнымъ какое Высочайше утверждено 20 Марта 1819 года и приведено въ исполненіе.

За симъ въ 8 день Мая 1820 года послѣдовалъ на имя Курскаго губернатора именной Высочайшій указъ, въ коемъ изображено: «съ 1813 года производилось дѣло о смерто-убійствѣ дочери Курской губерніи Льговскаго уѣзда дворянки Алтуховой, по коему былъ обвиняемъ губернскій секретарь Ширковъ. Дѣло сіе переходя всѣ инстанціи разсматриваемо было въ Государственномъ Совѣтѣ, коимъ утверждено рѣшеніе Сената освободившаго, по неясности обстоятельствъ, Ширкова отъ наказанія. Нынѣ мать дѣвицы Алтуховой, свѣдавъ что Ширковъ опредѣленъ здѣсь на службу, посредствомъ участія чиновника слѣдствіе производившаго, подала просьбу, коею она утверждаетъ, что слѣдствіе было сдѣлано пристрастно и проситъ покровительства. Обративъ вниманіе на сіе примѣр-

ное жестокостью произшествіе и признавая непремѣнною обязанностью правительства не оставлять въ сомнѣніи, что къ оному относиться можетъ, я желаю, чтобы вы употребили всѣ возможныя средства къ открытію истины и вслѣдствіе того поручаю вамъ: 1) для произведенія новаго изслѣдованія вы составите коммисію изъ васъ и двухъ почетнѣйшихъ чиновниковъ, наблюдая, чтобы сіи послѣдніи не имѣли прежде въ семъ дѣлѣ участія по сужденію онаго, или по слѣдствіямъ; 2) коммисія такимъ образомъ составленная подъ председательствомъ вашимъ отправится на мѣсто и тамъ приступитъ немедленно, имѣя ввиду все прежнее производство, къ новому изслѣдованію. Въ семъ конечно встрѣтятся не малыя затрудненія по не малому протеченію времени, но обязанностью вашею будетъ стараться преодолѣть оныя; 3) если по теченію слѣдствія признаете вы нужнымъ возвратить изъ Сибири сосланныхъ по приговору уголовной палаты людей, какъ участниковъ въ смертоубійствѣ дѣвицы Алтуховой, то о присылкѣ оныхъ вы не оставите отнестись къ Иркутскому гражданскому Губернатору, который о доставленіи преступниковъ сихъ съ нарочнымъ получитъ надлежащее предписаніе; 4) какъ обвиняемый въ убійствѣ дѣвицы Алтуховой Ширковъ находится въ имѣніи своемъ и тѣмъ по связямъ своимъ и богатству можетъ содѣйствовать къ сокрытію истины, то вы призвавъ его въ Курскъ имѣете объявить ему, чтобы онъ отправился немедленно въ Тверь и тамъ остался до повелѣнія, по отъѣздѣ же его приступите къ слѣдствію; 5) дворянка Алтухова, мать убитой, показываетъ, что Ширковъ употребилъ не малыя суммы во время слѣдствія и суда для удаленія отъ себя обвиненія и что въ семъ удостовѣриться можно посредствомъ долговыхъ обязательствъ во время подсудимости его заключенныхъ вы не оставите по показанію сему обратить вниманіе разсмотрѣвъ: а) въ чемъ состояло недвижимое имѣніе Ширкова до случившагося смертоубійства; б) сколько недвижимаго имѣнія нынѣ у него находится; в) были ли учинены имъ въ продолженіи сего времени какія либо продажи и кому именно; г) какіе были на имѣніи его до 1813 года долги и какіе нынѣ существуютъ; д) какіе долговые акты совершены были имъ въ продолженіе производства сего дѣла, какъ то: заемныя письма или закладныя, кои должны быть записаны въ присутственныхъ мѣстахъ, или у маклеровъ; Всѣ свѣдѣнія сіи могутъ послужить при слѣдствіи вашемъ къ открытію истины. Управляющему Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ приказалъ я препроводить къ вамъ просьбу дворянки Алтуховой къ Министру Юстиціи поступившую и на усмо-

трѣніе мое представленную, равно какъ и всѣ свѣдѣнія по дѣлу въ бывшемъ Министерствѣ полиціи находящіяся.

Возлагая на васъ порученіе выше изъясненное я вамъ даю новый знакъ довѣренности моей, надѣясь что вы оправдаете оную, доставя мнѣ средство удостовѣриться дѣйствительно ли виновные понесли наказаніе, или правосудіе должно, къ сожалѣнію обратиться на другихъ преступниковъ».

За симъ началось слѣдствіе, которымъ обнаружены совершенно новыя обстоятельства, явилось признаніе камердинера Филипова явно обличающее Ширкова въ участіи въ убійствѣ, при самыхъ ужасныхъ обстоятельствахъ. Въ заключеніи своемъ коммисія прямо обвинила Ширкова и всѣхъ первыхъ слѣдователей въ сокрытіи виновника преступленія. Это слѣдствіе по Высочайшему повелѣнію велѣно было разсмотрѣть въ особой коммисіи подъ предсѣдательствомъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ и за тѣмъ послѣдовалъ именной указъ Правительствующему Сенату слѣдующаго содержанія: «по произшедшему въ 1813 году убійству Курской губерніи Льговскаго уѣзда дворянки дѣвицы Алтуховой тогда же падало подозрѣніе въономъ на губернскаго секретаря Ширкова. Но какъ, по неприведенію онаго въ должную ясность, дѣло о семъ убійствѣ, пройдя всѣ инстанціи, окончилось оправданіемъ Ширкова и обвиненіемъ разныхъ другихъ лицъ, то мать убитой, убѣжденная, что злодѣяніе совершено Ширковымъ и бывъ на мѣстѣ свидѣтельницею пристрастнаго производства объ ономъ слѣдствія, принесла намъ противо сего жалобу. Обративъ вниманіе на дѣло сіе по всѣмъ обстоятельствамъ его и жестокости столь необыкновенное мы признали нужнымъ поручить Курскому гражданскому Губернатору, составя изъ почетнѣйшихъ чиновниковъ коммисію, отправиться на мѣсто убійства и имѣя ввиду все прежнее произво̀дство дѣла, немедленно приступить къ новому онаго изслѣдованію. По окончаніи нынѣ дѣйствій сей коммисіи Курскій гражданскій Губернаторъ представилъ намъ при рапортѣ своемъ слѣдствіе сю произведенное. Изъ слѣдствія сего усмотрѣли мы, во первыхъ: что настоящимъ убійцею оказывается дѣйствительно подозрѣвавшійся и прежде въ ономъ губернскій секретарь Ширковъ, и во вторыхъ что ухищреніями его, а болѣе небреженіемъ слѣдователей или ихъ пристрастіемъ дѣло сіе получило окончаніе справедливости несоотвѣтственное и нѣсколько человѣкъ подверглись наказанію безъ всякой вины, но дабы вяще удостовѣриться въ правильности вновь произведеннаго изслѣдованія, не упустить ничего, что по

силѣ узаконеній въ дѣлѣ толикой важности сохранено быть должно и тѣмъ надежнѣе и не уклоняясь строгости правилъ законами опредѣленныхъ положить мѣру какъ должнаго наказанія злодѣянію, такъ и справедливой отвѣтственности предъ закономъ тѣхъ слабостью, упущеніемъ или злоумышленностью коихъ не только укрылось оное отъ дѣйствія правосудія, но и пострадали невинные, мы повелѣли указомъ нашимъ 22 Марта сего года Управляющему Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ даннымъ, учредить подъ предсѣдательствомъ его особенный комитетъ, который бы разсмотрѣвъ вновь произведенное послѣдованіе постановилъ по оному свои заключенія. Комитетъ представилъ намъ заключенія свои, въ журналѣ его, при семъ приложенномъ содержащіяся. Признавая оныя правильными мы повелѣваемъ Правительствующему Сенату на основаніи сихъ заключеній, не обращая дѣла сего въ низшія судебныя мѣста, но по надлежащимъ допросамъ, очнымъ ставкамъ и церковному увѣщанію постановить въ Правительствующемъ Сенатѣ приговоръ и учинить рѣшеніе по законамъ, какъ о самомъ преступникѣ и соучастникахъ его, такъ и о тѣхъ, небреженіемъ или пристрастіемъ коихъ обстоятельства дѣла сего были сокрыты отъ дѣйствія правосудія».

Въ исполненіе сего указа 5-й департаментъ Сената приступилъ къ допросу обвиняемаго, привезеннаго въ Петербургъ и содержавшагося въ крѣпости. Ширковъ продолжалъ во всемъ упорно запираться, отвергая всякое участіе въ убійствѣ. Камердинеръ Филиповъ, отъ сознанія на которомъ главнымъ образомъ строилось все обвиненіе Ширкова, при первомъ же показаніи въ Сенатѣ отказался и прямо обвинялъ Курскаго Губернатора, предсѣдателя этой Коммисіи, и другихъ лицъ въ пристрастномъ вымогательствѣ сознанія и разныхъ злоупотребленіяхъ при слѣдствіи и даже пыткѣ, подтверждая свои обвиненія ссылками на свидѣтелей и другими заслуживающими уваженія доказательствами.

Правительствующій Сенатъ долженъ былъ вызвать къ отвѣту Курскаго Губернатора и другихъ производившихъ слѣдствіе лицъ. Многія обстоятельства доказывающія пристрастіе слѣдователей подтвердились и главныя основанія обвиненій противъ Ширкова были поколеблены. Чѣмъ подробнѣе Сенатъ изслѣдовалъ отдѣльные факты событія, тѣмъ болѣе обстоятельства запутывались. Наконецъ Сенатъ 5 Января 1823 г. рѣшился сдѣлать въ присутствіи протоіерея Колесова увѣщаніе Ширкову къ чистосердечному показанію объ убійствѣ дѣвицы Алтуховой. И на сей конецъ Сенаторъ Нелединскій-Мелецкій говорилъ ему слѣдующее.

«Нѣсколько уже разъ были вы Правительствующимъ Сенатомъ спрашиваны и всегда давали отвѣты не сходные съ обстоятельствами намъ достовѣрно извѣстными. Дано было вамъ время на размышленіе. Вы его довольно имѣли. Теперь призываетесь для услышанія отъ васъ чистосердечнаго признанія. Разсудить вы легко можете, что Государь Императоръ соизволивъ на возобновленіе послѣ нѣсколькихъ лѣтъ дѣла рѣшеннаго и Высочайшею конфирмаціею утвержденнаго симъ самымъ ознаменовалъ непремѣнную свою волю на то, чтобы не были оставлены безъ точнѣйшаго изслѣдованія малѣйшія обстоятельства до сихъ поръ затемнявшія истину, а потому можетъ ли она пребыть сокрытою отъ сего верховнаго судилища, которое въ особенности по сему дѣлу Высочайшею властью уполномочено въ употребленіе мѣръ и средствъ къ ея обнаруженію? Съ самаго того дня какъ убита дѣвица Алтухова, вы не переставали стараться отъ себя отвлекать вниманіе суда, занимая его разсказами до другихъ касающимися и вымышляя небывалыя обстоятельства, но все это лишнее, когда простое изложеніе, хотя нѣкоторой части дѣяній вашихъ достаточно къ вашему осужденію. (*) Еслибъ вы были невинны на чтобы вамъ подговаривать свидѣтелей, которые послѣ признались, что показывали ложно, по вашему обольщенію? На что имѣть свиданіе съ содержащимися подъ стражею по сему дѣлу, какъ вы то, пользуясь послабленіемъ суда, не одинъ разъ дѣлали? Еслибъ были невинны, чтобы васъ побудило чужой, изъ числа свидѣтелей, бабѣ доставлять квартиру и присылать ей хлѣбъ, масло и проч. Для чего бы снимать со стѣны образъ и предъ нимъ на колѣнахъ клясться женѣ доктора Бруиса, который свидѣтельствовалъ тѣло убитой, что вы обогатите ихъ на всю жизнь и дочерямъ ихъ дадите приданое, если она уговоритъ мужа перемѣнить прежнее его показаніе и сказать что Алтухова застрѣлилась? На чтобы вамъ собирать постороннихъ людей для подслушиванія рѣчей мужика заведеннаго къ вамъ въ кабинетъ, который считая себя съ вами наединѣ изъ корысти давалъ обѣщаніе

(*) Предъидущее сказано было Ширкову все сряду. Послѣ того какъ онъ вмѣсто признанія началъ по прежнему увѣрять о своей невинности, то перебивъ его рѣчь въ улику ему говорено было слѣдующее за симъ съ растановкою, выслушивая и записывая отвѣты его, въ концѣ сего убѣжденія помѣщенные.

сказать въ Судѣ, что онъ убилъ Алтухову и послѣ какъ увидѣлъ что ж одни вы его слова слышали въ ту же минуту отъ всего отрекся? Оставл многіе другіе подобные симъ поступки ваши, ужели сихъ, а особлив. двухъ послѣднихъ недовольно чтобъ признать васъ преступникомъ? Н. обратимся къ начальнымъ произшествіямъ. Дѣвицу Алтухову привезл къ вамъ кучеръ и камердинеръ ваши, ночью тайно отъ всѣхъ на посланныхъ вами за нею дрожкахъ. Вы намъ сказываете что послали за нею въ намѣреніи будто уговорить, чтобъ она страсти къ вамъ не имѣла, и обѣщать ей найти жениха! Но вы могли это намѣреніе исполнить всегда ѣздя къ нимъ въ домъ, гдѣ были наканунѣ и гдѣ, по словамъ вашимъ, никто изъ родителей, ни сама мать ея не мѣшали вамъ сидѣть съ нею наединѣ. И есть ли малѣйшее правдоподобіе въ томъ, чтобы къ исцѣленію молодой дѣвицы отъ чувствуемой къ вамъ страсти вы лучшимъ способомъ избрали тайно, у себя въ домѣ, ночью свиданіе? Съ первыхъ словъ вашихъ не ясно ли открывается умыселъ скрывать обличающую васъ истину? Вы поставляете на видъ еще другую причину привоза къ себѣ въ эту ночь бѣдной дѣвицы и именно записку, въ которой она пишетъ, чтобы за нею прислали въ 12 часовъ. Но вы не можете доказать, чтобъ эта записка точно на этотъ разъ была писана; ибо на ней нѣтъ числа. Пріѣздъ же ее къ вамъ безъ платья, безъ юбки, безъ чулокъ, простоволосою, въ одной рубашкѣ подъ спальною шубкою заставляетъ думать, что она въ этотъ разъ ѣхать къ вамъ не хотѣла. Разговоръ ее съ камердинеромъ при выходѣ къ своимъ воротамъ усиливаетъ это мнѣніе: кто это? Спросила. Я, отвѣчалъ камердинеръ. А баринъ гдѣ? Онъ самъ хотѣлъ пріѣхать. Онъ меня за вами прислалъ..Такъ я не поѣду. Какъ угодно будто былъ отвѣтъ камердинера. Потомъ будто подумавши не много она сѣла на дрожки. Этотъ разговоръ пересказанный самимъ вашимъ камердинеромъ и особливо слова дѣвицы Алтуховой: баринъ самъ хотѣлъ пріѣхать показываютъ, что записка въ которой она просила за собою прислать не на этотъ разъ была писана и судя по одеждѣ ея очень вѣроятно, что ѣхать къ вамъ ея намѣренія не было, а ждала она васъ въ эту ночь къ себѣ, когда ни матери ни дяди, какъ вамъ извѣстно, дома не было и оставался только пьяный отецъ и малолѣтняя сестра. Алтухова пробывъ у васъ нѣсколько времени поѣхала съ однимъ кучеромъ и, какъ говорите вы, довольна и успокоена обѣщаніемъ вашимъ найти ей жениха. Чрезъ самое короткое время кучеръ возвращается и сказываетъ, что она застрѣлилась и вы будто, по его словамъ, ѣдите тотчасъ объявить то

суду! Естественно ли было вамъ, хотя на одну секунду повѣрить, чтобы отъѣхавъ только три версты, не болѣе какъ чрезъ полчаса она безъ всякой новой причины, отъ спокойнаго состоянія въ которомъ вы ее видѣли могла перейдти къ рѣшимости лишить себя жизни! Нѣтъ. Кучеръ пріѣхавши вамъ этого не сказывалъ, а говорилъ послѣ по вашему наученію, въ сходность поданнаго вами объявленія. Ежели бы не такъ и были бы вы невинны, то какъ бы скоро кучеръ сказалъ, что Алтухова застрѣлилась вы сочли бы его убійцею и тотчасъ бы задержавъ представили въ судъ. Вмѣсто того какъ вы поступили? Этого самаго кучера и камердинера вашего на самыхъ тѣхъ дрожкахъ на которыхъ была отвозима Алтухова будто для поданія ей помощи послали вы за докторомъ и куда? за 50 верстъ въ Курскъ! Но буде бы и подлинно нужна была несчастной дѣвицѣ помощь, то вы знали что докторъ есть въ половину ближе въ Льговѣ.... И этотъ ли кучеръ, который объявилъ себя очевидцемъ убійства могъ оставленъ быть на свободѣ и даже отлученъ въ дальную посылку вопреки поданнаго отъ васъ суду объявленія; въ коемъ написали, что вмѣстѣ съ онымъ и кучера своего представляете! Изъ таковаго поступка не то ли ближе всего заключить слѣдуетъ что намѣреніе ваше было отъ перваго слѣдствія скрыть дрожки и удалить двухъ сообщниковъ вашихъ въ непозволительномъ къ вамъ привозѣ несчастной жертвы вашей и единственныхъ свидѣтелей событій за тѣмъ послѣдовшихъ! Хотя чрезъ нѣсколько времени вы послали ихъ воротить, но земскій судъ успѣлъ между тѣмъ въ двухъ журналахъ записать о неявкѣ кучера и два раза его требовать. Не задолго до привоза къ вамъ въ ночь съ 27 на 28 Мая дѣвицы Алтуховой вы ѣздили въ монастырь съ женою вашею и тамъ у престола Божія произнесли клятву пресѣчь на всегда связь вашу съ Алтуховой. Клятвопреступникомъ вы сдѣлались, какъ говорите, наипаче отъ опасенія, чтобы несчастная дѣвица отъ холодности вашей, на которую она жаловалась, прійдя въ отчаяніе сама себя не убила. Эти слова ваши недостойны вовсе вѣры, потому что продолжая нѣсколько лѣтъ безпрерывно связь вашу не было причины опасаться ея отчаянія. Вотъ ежели бы вмѣсто этой нескладицы вы намъ сказали, что жена ваша, а не Алтухова грозилась вамъ убить себя отъ ревности къ ней—это бы скорѣе повѣрить можно, а съ тѣмъ вмѣстѣ и тому, что вы лучше захотите знать Алтухову мертвою, нежели довести до отчаянія жену вашу. Вѣдь вы знали что она ревнуетъ къ Алтуховой и когда отъ страсти къ вамъ дѣвицы, никакого права на васъ не имѣющей, вы

ожидали отчаянія, то кольми паче должны были заключить, что жена ваша чувствительно оскорбленная можетъ на все изъ ревности рѣшиться! Все это вы знали,—и привозите Алтухову ночью въ самый домъ злобствующей на нее женщины, жены вашей! И потомъ первой ей уже легшей, какъ вы сказываете, спать, не теряя ни минуты спѣшите идти объявить о ея смерти! Или вы сею вѣстью хотѣли усладить ея сонъ? Говорите намъ всю истину! Облегчите участь свою чистосердечнымъ объявленіемъ всѣхъ происшествій и точныхъ онымъ причинъ. Перестаньте понапрасну упорствовать! Хоть дѣйствія Правительствующаго Сената не могутъ быть извѣстны, однакожъ не трудно вамъ понять, что въ протекшее послѣ вашего призыва къ отвѣту время не вотще употреблены были средства къ отыскапію слѣдовъ запутанной вами истины. Оные теперь открыты—остается токмо слышать отъ васъ признаніе, которое впрочемъ нужно собственно для васъ. Голословнымъ запирательствомъ не можете вы отвергнуть заключенія на обстоятельствахъ дѣла основаннаго.... Слова, дѣянія ваши, всѣ обстоятельства,—однимъ словомъ: весь ходъ дѣла ясно показываетъ виновника смерти дѣвицы Алтуховой.

— Ты сударь убійца ее! И кто же будетъ отвѣтствовать за смерть ее, если не тотъ къ кому она собственными его людьми, на его экипажѣ, скрытно отъ всѣхъ привезена была ночью и въ ту же ночь на дорогѣ, между его и своимъ домомъ, найдена тирански умерщвленною! Все это самъ объявя суду могъ ли ты себя считать не подозрительнымъ? И если бъ былъ невиненъ не первое ли стремленіе твое было вызваться самому на всѣ возможныя испытанія и розыски собственно до тебя относящіеся? Бывъ невиненъ, ты для своей очистки позвалъ бы тотчасъ весь судъ къ себѣ въ домъ, настоятельно бы требовалъ, чтобы всякій уголъ, всякое мѣсто въ немъ, весь дворъ, пристройки на немъ и около него и садъ вашъ были тщательно осмотрены, поспѣшилъ бы представить тутъ же къ допросу всѣхъ людей въ домѣ и около его живущихъ, показалъ бы всѣ свои экипажи, а особливо дрожки, на которыхъ Алтухову возили и пистолетъ, которымъ будто она сама себя застрѣлила. Ты ничего этого не сдѣлалъ боялся такого, по горячимъ слѣдамъ, пагубнаго для тебя слѣдствія! Вмѣсто того ты, какъ будто чуждый всякаго подозрѣнія, ты!... ты прежде всѣхъ подлежащій отвѣту, вдругъ дѣлаешся истцомъ! Доносишь на кого упадаютъ твои подозрѣнія, подставляешь подговоренныхъ тобою лжесвидѣтелей, стараешся подкупомъ склонить посторонняго человѣка принять убійство на себя преслѣдуемый укоризнами матери убіенной, когда

дѣло твое было оправдываться, ты не говоря о себѣ, очерняешь вмѣсто того злословіемъ цѣлое семейство Алтуховыхъ! Мечтая, повидимому, разсказами о чужихъ преступленіяхъ явить себя далекимъ отъ всего тому подобнаго и позабывъ, что прежде чѣмъ доносить о чужихъ, давнихъ преступленіяхъ, надлежитъ оправдать себя противъ обвиненія въ настоящемъ.! Всѣ исчисленные выше беззаконные извороты и притязанія къ другимъ, устраняя себя при самомъ началѣ дѣла уже являли въ тебѣ преступника, на погубленіи невинныхъ основавшаго свое оправданіе. Послѣдующія открытія не оставляютъ ни малаго въ сей истинѣ сомнѣнія».

Послѣ сего увѣщанія Ширковъ продолжалъ отрицать всѣ взводимыя на него обвиненія, утверждая прежнія свои показанія и призывая въ свидѣтели Бога съ страшными передъ нимъ себя и семейства своего заклинаніями утверждалъ, что онъ дѣвицы Алтуховой не убивалъ, убить никому не приказывалъ и въ мысли такого намѣренія не имѣлъ.

Наконецъ сдѣлано было Ширкову, Щеплехину и Филипову протоіереемъ Петропавловскаго Собора Колосовымъ церковное увѣщаніе; по окончаніи котораго оный протоіерей въ рапортѣ Сенату изъяснилъ: что по назначенію духовнаго начальства и по препорученію Правительствующаго Сената дѣлалъ онъ неоднократныя церковныя увѣщанія о убійствѣ дворянки дѣвицы Алтуховой Губернскому Секретарю Ширкову, его крѣпостнымъ людямъ кучеру Щеплехину и Камердинеру Филипову. Ширкова неоднократно онъ, Протоіерей, увѣщалъ въ секретной, и при одномъ увѣщаніи онъ, Протоіерей, представилъ ему, Ширкову, что Правительствующій Сенатъ, имѣя въ виду всѣ обстоятельства къ обвиненію тебя, болѣе посылать меня къ тебѣ нужды имѣть не будетъ, чтобы ты учинилъ признаніе. Тогда онъ, Ширковъ, палъ на колѣни предъ иконою и со слезами сказалъ слѣдующія слова: «О, убіенная Марія! Помолись ты Господу Богу, чтобы онъ открылъ убійцу». Двукратно онъ, протоіерей, увѣщевалъ его въ сенатской церкви предъ святымъ крестомъ и Евангеліемъ, и внеся изъ ризницы потиръ поставилъ на особенномъ столикѣ. И онъ, Ширковъ, сознанія не учинилъ, а горько плакалъ съ клятвою не токмо на себя оную простирая, но даже и дѣтей. Лобызалъ святой крестъ, евангеліе и потиръ, касаясь рукою его нижняго края. Вопрошалъ онъ, протоіерей, его, Ширкова, о существенныхъ догматахъ православной вѣры, и онъ отвѣчалъ исправно. На вопросъ его, протоіерея: такъ ли онъ сердцемъ признаетъ, какъ устами исповѣдуетъ сіи истины? Кланяясь отвѣчалъ: Предъ

святымъ крестомъ и евангеліемъ, что истинно такъ и въ сердцѣ содержитъ. Кучера Щеплохина также онъ, протоіерей, увѣщевалъ въ секретной, представлялъ ему, что онъ самъ въ Правительствующемъ Сенатѣ признался, что Ширковъ отпустивъ Алтухову изъ дому останавливалъ, чрезъ Филипова, дрожки на мостикѣ и выходилъ къ плетню, отдалъ машинку ему, Щеплохину. Онъ ему, протоіерею, отвѣчалъ, что сего не показывалъ въ Сенатѣ. Двукратно увѣщевалъ его въ церкви, и при первомъ увѣщаніи только нѣсколько пота на лицѣ показалось. И когда онъ, протоіерей, спросилъ: отчего потѣешь? Отвѣчалъ: ноги болятъ. Слезъ онъ, протоіерей, не примѣтилъ, клятвъ не произносилъ. Когда онъ, протоіерей, внушалъ ему, что содѣйствовалъ убійству, держа за ноги Алтухову, то отвѣчалъ онъ: сіе дѣлалъ по приказанію господина—я невольный человѣкъ. Многократно повторялъ: не я, а господинъ виноватъ. Въ глаза Ширкову говорилъ: десять лѣтъ я за тебя страдаю. Камердинеръ Филиповъ, при увѣщаніи показалъ, что Алтухова выходя изъ дома Ширкова просила его проводить ее. Ширковъ отозвался нездоровымъ. Она просила отпустить его, Филипова, ее проводить. Ширковъ отвѣчалъ ему не съ кѣмъ дома остатся, и она отбыла здрава и невредима. При всемъ всевозможномъ тщаніи его, протоіерея, привести ихъ къ сознанію истины, они остались при своихъ показаніяхъ непреклонными.

Засимъ сенаторъ Нелединскій-Мелецкій объявилъ, что онъ находитъ неизлишнимъ вывести Ширкова изъ невѣдѣнія о признанной невинности и освобожденіи, изъ котораго съ Высочайшимъ повелѣніемъ наградить за безвинно претерпѣнное наказаніе Захара Лобанова, Антипа Борзенкова и Ивана Сотникова. Ширковъ, до сихъ поръ бывъ о семъ не извѣстенъ, думаетъ, что подозрѣніе въ убійствѣ Алтуховой Сенатомъ дѣлается въ равной или и меньшей къ нему степени между имъ и упомянутыми людьми, но когда узнаетъ что сіи люди признаны невинными съ присылки еще дѣла въ Сенатъ, тогда увидя что остается онъ единственнымъ предметомъ подозрѣнія, осужденіемъ другихъ лицъ прежде отъ него отвлеченнаго, долженъ будетъ заключить, что все до сего часа имъ на нихъ взводимое, въ чаяніи доказать тѣмъ свою невинность, обращено будетъ ему въ обвиненіе. Такое мыслей его потрясеніе почитается имъ, Сенаторомъ, средствомъ довольно удобнымъ довести его до признанія въ своемъ преступленіи, ибо къ чему кромѣ голословнаго отрицанія можетъ онъ прибѣгнуть, когда въ нелѣпости прежнихъ его оправданій онъ уже изоб-

личонъ, а новыхъ, впрочемъ не своевременныхъ и потому законами не уважаемыхъ доказательствъ извлечь ему не изъ чего.

По объявленному на сіе согласію большинства голосовъ Сенаторовъ, прочитана была Ширкову въ присутствіи Сената статья отношенія Управляющаго Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ къ Министру Юстиціи отъ 3-го Іюля прошлаго года о Высочайшемъ признаніи невинности бывшихъ дворовыхъ людей Лобанова, Сотникова и однодворца Борзенкова, о выдачѣ имъ въ награжденіе по 2000 руб. и освобожденіи первыхъ двухъ отъ крѣпостнаго состоянія, причемъ Сенаторъ Юрій Александровичъ Нелединскій-Мелецкій объявилъ Ширкову, что теперь онъ ясно можетъ видѣть что одинъ только онъ съ камердинеромъ своимъ и кучеромъ остаются предметомъ подозрѣнія въ убійствѣ дѣвицы Алтуховой и что онъ, Ширковъ, не можетъ уже думать что сіе подозрѣніе раздѣляется между имъ и помянутыми освобожденными людьми въ равной или въ меньшей степени. Сверхъ того, онъ, Сенаторъ, заключилъ, что остается ему, Ширкову, послѣ сего размыслить не лучше ли сдѣлать совершенное во всемъ признаніе, ибо чрезъ сіе онъ можетъ надѣятся по крайней мѣрѣ на милосердіе Государя въ разсужденіи дѣтей его, а упорство въ непризнаніи не принесетъ ему никакой пользы, ибо за силою указа 1775 года Апрѣля 28-го дня, оное не можетъ останавливать судебнаго приговора. Ширковъ по выслушаніи всего онаго произнесъ съ клятвами, что онъ Алтухову не убивалъ, убить никому не приказывалъ и никого въ убійствѣ томъ не закрывалъ и не закрываетъ, но если такъ Богу угодно, то и при невинности готовъ терпѣть всякое наказаніе, что жизнь человѣческая такъ кратка, что скоро должно будетъ предстать предъ Бога всѣмъ, гдѣ въ невинности безъ сомнѣнія увѣрится, если нынѣ правосудіе не остановится подписать ему осужденіе. На сіе Сенаторъ Ю. А. Нелединскій-Мелецкій возразилъ: имѣетъ ли онъ, Ширковъ, истинную вѣру и значитъ ли для него что нибудь призваніе Бога и слова о будущей жизни? Ширковъ отвѣчалъ со слезами, что если-бы онъ не имѣлъ истинной вѣры о Богѣ и о будущей жизни, то слезы не лились-бы изъ глазъ его при семъ воспоминаніи и наконецъ сказалъ слѣдующія слова: если-бы дѣтямъ моимъ къ осчастливленію ихъ сулили имъ золотыя горы за то, что я признаюсь, то и тогда не могъ бы я сдѣлать сего признанія, ибо долженъ бы былъ погубить оклеветаннаго меня камердинера, который также ни въ чемъ невиненъ.

Засимъ Сенатъ, по большинству голосовъ, полагалъ продолжать слѣд-

ствіо и для того испросить Высочайшее соизволеніе допросить узаконенным порядкомъ Лобанова и Борзенкова по заключающимся въ ихъ показаніяхъ противорѣчіямъ.

Но Министръ Юстиціи предложилъ, чрезъ Оберъ-Прокурора, Правительствующему Сенату замѣчанія, по коимъ онъ не соглашается на поднесеніе означеннаго всеподданнѣйшаго доклада.

А 15-го Февраля Министръ Юстиціи, прибывъ въ Правительствующій Сенатъ, объявилъ Высочайшій рескриптъ, данный на имя его, Министра, въ 13-й день тогожъ Февраля, въ которомъ изображено: «Указомъ 28 Іюня истекшаго года даннымъ по дѣлу о убійствѣ Курской губерніи Льговскаго уѣзда дворянки-дѣвицы Алтуховой, повелѣвъ Правительствующему Сенату, по надлежащимъ допросамъ, очнымъ ставкамъ и церковному увѣщанію, постановить приговоръ и учинить рѣшеніе по законамъ, какъ о самомъ преступникѣ и соучастникахъ его, такъ и о тѣхъ, коихъ небреженіемъ или пристрастіемъ обстоятельства дѣла сего были сокрыты отъ дѣйствія правосудія, Я предоставилъ ему всѣ способы кончить сіе важное дѣло безъ потери времени. Представленіе въ Комитетъ Министровъ по разногласію Сенаторовъ въ Ноябрѣ мѣсяцѣ вами внесенное и тогда-же разрѣшенное, имѣло ту-же самую цѣль.

«Но въ теченіи трехъ мѣсяцевъ не произошло въ Сенатѣ ничего кромѣ преній безполезныхъ и такихъ вопросовъ губернскому начальству, кои, не служа прямо къ изобличенію въ преступленіи, удобны лишь запутать дѣло и отдалить окончаніе онаго на время неопредѣленное, Я поручаю вамъ объявить Сенаторамъ сіе заключеніе, отклонить отъ производства сего дѣла все, что не ведетъ существенно къ тѣмъ удостовѣреніямъ, какихъ требуютъ обстоятельства онаго и наблюсти, чтобъ оно рѣшено было безъ послабленія на основаніи законовъ».

Сверхъ того, Министръ Юстиціи въ разрѣшеніе произшедшихъ разногласій, предложилъ Правительствующему Сенату, чрезъ Оберъ-Прокурора, 26-го Февраля, замѣчанія Государя: 1) что подносить докладъ съ испрошеніемъ дозволенія допросить бывшаго двороваго человѣка Захара Лобанова и однодворца Борзенкова, уже Государемъ признанныхъ невинными, и объявлять имъ изъ-за того прощеніе вовсе не вмѣстно и противъ даже приличія; 2) сужденіе о дѣйствіяхъ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Геттуна и прочихъ лицъ, обвиняемыхъ въ сокрытіи преступленія должно быть послѣдствіемъ рѣшительнаго приговора о самомъ убій-

ствѣ, почему и не слѣдуетъ сихъ двухъ предметовъ смѣшивать, но должно прежде учинить приговоръ по дѣлу объ убійствѣ.

Вслѣдствіе сего Сенатъ приступилъ къ обсужденію существа дѣла. Причемъ мнѣнія Сенаторовъ раздѣлились. Сенаторъ Неледимскій-Мелецкій, съ которымъ согласилось большинство (а именно: Сенаторы Фонъ-Дезинъ, Политковскій и Дубенскій) въ мнѣніи своемъ полагали: кучеръ Щеплехинъ во время перваго производства сего дѣла сдѣлалъ пять разнообразныхъ показаній и потомъ нынѣ еще шестое, отмѣнное отъ всѣхъ прочихъ. Первое и третье его показанія, что Алтухова сама себя застрѣлила, опровергнуты свидѣтельствомъ тѣла медицинскими чиновниками; во второмъ обвинялъ онъ въ убійствѣ у плетня Ширкова и его камердинера Филипова; въ четвертомъ безъ всякой отъ кого либо помощи убійцею объявляетъ онъ самого себя. Учиненіе имъ, Щеплехинымъ, сего злодѣянія подтвердилъ и рядовой Чистяковъ, прежде въ Бессарабіи, а потомъ Курскому Губернатору и въ обоихъ показаніяхъ объявлялъ себя въ томъ участникомъ; въ пятомъ оговоривалъ, признанныхъ послѣ невинными, Лобанова, Сотникова, Борзенкова и безъ вѣсти пропавшаго венгерца Бодо. Нынѣ-же въ Курской Коммисіи и въ Сенатѣ вторично обвиняетъ въ убійствѣ Ширкова и содѣйствовавшаго яко-бы ему камердинера Филипова, съ присовокупленіемъ такого обстоятельства, котораго онъ никогда, до возвращенія его изъ Сибири, нигдѣ не упоминалъ, а именно, что Алтухова убита Ширковымъ въ комнатѣ подлѣ его спальной. Симъ второе его показаніе, что убійство учинено было Ширковымъ у плетня уничтожается, новое-же нынѣ имъ утверждаемое не только безвременностью онаго, но еще и тѣмъ, что въ полѣ, гдѣ найдено мертвое тѣло, въ двухъ мѣстахъ натекло большое количество крови, которой не могло бы тамъ быть много, еслибы смертоносная сквозная рана въ ротъ и другая въ руку даны были, какъ говоритъ Щеплехинъ, въ домѣ, ибо при выносѣ изъ онаго мертваго тѣла, при усиліяхъ для помѣщенія его на дрожкахъ и при отвозѣ за три версты, кровь въ продолженіе употребленнаго на все сіе, конечно болѣе получаса, должна была вытечь, а что осталось оной на свѣжемъ ночью воздухѣ застыть въ тѣлѣ.

Другимъ доказательствомъ, что Алтухова убита была не въ домѣ, едвали не могутъ служить сложенные три пальца правой руки для перекрещенія себя. Кажется пальцы сіи раскрылись бы во время переноса тѣла на дрожки и везенія онаго чрезъ три версты. И такъ лживость всѣхъ пяти показаній, за исключеніемъ четвертаго, для него, Сенатора, очевид-

на и, по его мнѣнію, Щеплехинъ четвертымъ своимъ показаніемъ, котораго достовѣрность ничтожностью всѣхъ прочихъ усиливается, хотя бы и не объявилъ себя убійцею, но для положенія о немъ приговора исполненнаго ссылкою его въ каторжную работу, достаточно было уже того, что онъ различными ложными показаніями затмѣвалъ истину о злодѣяніи, котораго по неотлучности его въ ту ночь отъ дѣвицы Алтуховой не могъ онъ не быть или исполнителемъ или очевиднымъ свидѣтелемъ. Приговоръ о возвращеніи Щеплехина въ каторжную работу есть непремѣнное послѣдствіе всего имъ, Сенаторомъ, выше сказаннаго, къ чему присовокупляетъ, что за ложное его последнее показаніе онъ, по его мнѣнію, долженъ быть публично наказанъ плетьми. Губернскій Секретарь Ширковъ обвиняется въ убійствѣ дѣвицы Алтуховой однимъ токмо кучеромъ Щеплехинымъ, но если-бы сей Щеплехинъ и не былъ уже осужденнымъ преступникомъ, то ничтожность его показаній явственна изъ приведенныхъ выше сего доказательствъ. Ширковъ же при допросахъ и на очныхъ съ Щеплехинымъ и прочими съ кѣмъ слѣдовало ставкахъ ни на священническихъ неоднократныхъ и на одномъ церковномъ увѣщаніяхъ въ убійствѣ, ниже въ знаніи объ ономъ и сокрытіи онаго не признался. То, во 1-хъ, за непризнаніемъ его; во 2-хъ по не открытію причины, могшей подвигнуть его на сіе злодѣяніе, и въ 3-хъ оговаривается онъ безъ всякихъ доказательствъ однимъ токмо преступникомъ, по закону вѣры недостойнымъ, слѣдовательно, по всему оному не можетъ онъ, Ширковъ, быть подвергнутъ наказанію законами доказаннымъ убійцамъ предопредѣленному. Но подлежатъ строгому разсмотрѣнію слова и дѣянія его, Ширкова, послѣ смерти Алтуховой, какъ-то: 1) не задержалъ онъ подъ присмотромъ и не представилъ въ судъ кучера Щеплехина вмѣстѣ съ поданнымъ имъ, яко-бы со словъ того кучера, объявленіемъ, что дѣвица Алтухова застрѣлилась; 2) напротивъ того, онаго кучера съ камердинеромъ своимъ отправилъ для доставленія будто помощи несчастной дѣвицѣ за докторомъ въ Курскъ за 60 верстъ, знавши что есть докторъ во Льговѣ половинною ближе; 3) въ нарушеніе данной женѣ своей у престола Божія клятвы о пресѣченіи любовной его связи съ Алтуховою, онъ тайно привезъ ее къ себѣ въ домъ; 4) безъ всякаго вѣроподобія въ дѣлаемыхъ ему допросахъ, показывалъ, что ночью посылалъ за Алтуховою съ намѣреніемъ уговорить ее, чтобъ она страсти къ нему не имѣла и обѣщать найти ей жениха, отрицаясь притомъ всегда отъ прелюбодѣянія съ нею, а нынѣ въ Сенатѣ признался, что въ самый сей пріѣздъ и прежде того онъ имѣлъ съ нею дѣло;

5) чужой бабѣ Алтуховыхъ, Иринѣ, оговорившей Захара Лобанова будто онъ дорѣзывалъ еще трепещущую дѣвицу Алтухову, Ширковъ доставлялъ когда она была отдана на поруки квартиру и разную провизію; 6) потомъ, когда сія-же баба содержалась подъ стражею, онъ съ нею имѣлъ свиданіе и переговоры, также съ кучеромъ Щеплехинымъ, какъ то показываютъ однодворецъ Степанъ Алтуховъ и двѣ женщины; 7) Лобанова, чтобы онъ принялъ убійство на себя, подкупалъ въ своемъ кабинетѣ, въ который, по словамъ Лобанова, заведенъ онъ былъ обманомъ камердинера Филипова; 8) женѣ доктора Бруиса, стоя предъ иконою на колѣнахъ, клялся, что онъ обогатитъ ихъ на всю жизнь и дочерямъ дастъ приданое, если уговоритъ она мужа своего перемѣнить прежнее его свидѣтельство и сказать, что Алтухова застрѣлилась; 9) въ письмѣ къ Курскому Губернатору сослался на свидѣтельство засѣдателя Звягина и помѣщика Торшина слышавшихъ яко-бы также какъ и онъ отъ Волжина, что онъ, Волжинъ, въ ночь убійства подъѣзжалъ къ тому мѣсту, гдѣ лежало тѣло, слышалъ издали шумъ говорящихъ многихъ людей, которые по приближеніи его разбѣжались. Спрошенные о семъ засѣдатель Звягинъ, помѣщики Волжинъ и Торшинъ, послѣдніе два подъ присягою, объявили, а Засѣдатель Звягинъ въ объясненіи написалъ, что они о семъ никогда ни отъ кого не слыхали. По симъ статьямъ Ширковъ многократно въ присутствіи Сената допрашиванъ и уличаемъ былъ на очныхъ съ кѣмъ слѣдовало ставкахъ, но винясь въ одномъ прелюбодѣяніи въ прочемъ не былъ ничѣмъ доведенъ до признанія въ участвованіи или сокрытіи убійства. На улики дѣланныя ему въ Сенатѣ отвѣтствовалъ: а) что не задержалъ онъ подъ присмотромъ и не представилъ тотчасъ кучера въ судъ, а послалъ его съ камердинеромъ въ Курскъ за докторомъ, оттого что вѣсть о застрѣленіи себя Алтуховой столь сильно его поразила, что онъ въ замѣшательствѣ своемъ не зналъ самъ что дѣлать; чрезъ малое время одумавшись послалъ ихъ воротить и, поѣхавъ для подданія въ судъ объявленія, велѣлъ, когда возвратятся, привести кучера во Льговъ; б) что женщинѣ Алтуховыхъ, Иринѣ Лобановой, коснувшейся въ показаніяхъ ея обвиненіемъ до господъ своихъ отданной судомъ на поручительство спасая отъ ихъ мщенія доставилъ онъ квартиру и посылалъ съѣстную провизію по убѣжденію Совѣтника Полозова, представлявшаго ему, что оная Лобанова терпя голодъ достойна по человѣколюбію вспоможенія которое для него, Ширкова, какъ достаточнаго тогда помѣщика, тягостно не было; в) что онъ не видался съ содержащимися подъ стражею кромѣ одного раза когда

съ дозволенія засѣдателя Полозова разговаривалъ онъ съ Щеплехинымъ для того чтобы узнать какъ умерщвлена Алтухова, и тутъ въ то время подслушивалъ стряпчій Тугаринovъ и письмоводитель Полозова; г) что Захара Лобанова онъ къ себѣ не призывалъ и не подкупалъ его, а въ показуемое Лобановымъ время самъ онъ къ нему пришелъ; прежде-же того сказывалъ ему о своемъ въ убійствѣ участіи и мучась будто совѣстью неоднократно просилъ представить его въ судъ для объявленія о себѣ, но онъ, Ширковъ, не довѣряя словамъ его и опасаясь, чтобы онъ въ судѣ не отрекся не представлялъ его въ оный, а въ тотъ разъ, когда Лобановъ былъ съ нимъ наединѣ въ кабинетѣ онъ, Ширковъ, съ тѣмъ чтобы бывшіе тогда въ прикосновенной комнатѣ слышали его рѣчи и могли объ нихъ свидѣтельствовать, велѣлъ ему, Лобанову, пересказать себѣ, какъ онъ суду будетъ дѣлать признаніе. Объявленіе Ширкова о приходѣ къ нему Лобанова безъ призыва опровергаетъ кучеръ Дементій Ѳедотовъ, свидѣтельствующій что онъ посланъ былъ съ Филиповымъ въ деревню Соломину съ приказаніемъ отъ Ширкова непремѣнно привести Лобанова, для чего велѣно было взять съ собою и заводскую лошадь. Ѳедотово показаніе подъ присягою, а башмачникъ Кеслеръ подъ присягою-же объявляютъ, что Лобановъ самъ вызвался ѣхать въ Макаровку; д) доктора Бруиса жены показаніе подъ присягою о произнесенной Ширковымъ предъ иконою клятвѣ обогатить все ихъ семейство, если уговоритъ она мужа своего сказать, что Алтухова застрѣлилась, онъ непоколебимо отрицалъ. Мужъ сей женщины показаніе ея утверждаетъ, но безъ присяги . . . Буде подлинно Ширковъ домогался, чтобы докторъ Бруисъ, свидѣтельствовавшій мертвое тѣло, показалъ что она застрѣлилась, то причиною сему то ли было, чтобъ устранить себя отъ бывшаго въ самомъ дѣлѣ участія его въ убійствѣ, или же токмо опасенія худыхъ для него послѣдствій отъ оказавшагося ложнымъ объявленія поданнаго имъ въ судъ о самоубійствѣ Алтуховой? Разрѣшеніе сего вопроса затрудняется паипаче тѣмъ, что въ теченіе первыхъ семи дней послѣ убійства онъ, Ширковъ, подавалъ подозрѣніе на Сотникова, Борзенкова, Лобанова и Бодо, также и на Щеплехина. И такъ, стараясь о подтвержденіи объявленнаго имъ суду самоубійства Алтуховой, онъ въ самое тоже время отыскивалъ и виновника ея смерти. Въ таковой противоположности поступковъ Ширкова могъ конечно заключаться и умыселъ, запутаніемъ дѣла скрыть злодѣяніе, въ которомъ онъ участвовалъ или самымъ дѣйствіемъ или употреби къ оному Щеплехина; но поелику сего утвердительно полагать не можно по непризнанію

его и по неоткрытію причины, могшей его къ тому подвигнуть, то и слѣдуетъ о причастности къ убійству его, Ширкова, предать суду Божію, оставя его по сему обстоятельству въ сильномъ подозрѣніи. А какъ во всемъ его, съ начала до конца сего дѣла, поведеніи обнаруживаются разные, противозаконные поступки, ложныя показанія и стремленіе привлечь къ суду людей невинныхъ, каковыми оказались возвращенные нынѣ изъ ссылки три человѣка, изъ коихъ Сотниковъ уличалъ его здѣсь на очной ставкѣ, что онъ, Ширковъ, уговаривалъ и подкупалъ его сказать, что Алтухову убилъ Лобановъ, а если-де сего не скажешь, то увидишь, что Щеплехинъ на тебя показывать будетъ, изъ сихъ послѣднихъ словъ заключить можно, что Щеплехинъ, съ которымъ Ширковъ видѣлся когда тотъ содержался подъ стражею, былъ и тогда орудіемъ его къ оклеветанію невинныхъ, издавна имъ подозрѣнію подвергнутыхъ людей. Все сіе сообразивъ, мнѣніемъ полагаетъ: изобличеннаго въ предосудительныхъ поступкахъ, ложныхъ показаніяхъ и въ нарушеніи клятвы Губернскаго Секретаря Ширкова, въ послѣднемъ повальномъ обыскѣ никѣмъ вообще не одобреннаго, на основаніи Высочайше пожалованной Россійскому благородному дворянству грамоты 6-й статьи, лишивъ чиновъ и дворянскаго достоинства сослать на поселеніе.

Сенаторы-же Кушелевъ, Мартенсъ и Баратынскій полагали: признавъ Ширкова виновнымъ въ убійствѣ дѣвицы Алтуховой и другихъ противозаконныхъ поступкахъ, лишить его чиновъ, дворянства и сослать въ Нерчинскъ въ каторжную работу.

Сенаторы: князь Гагаринъ, Хитрово и баронъ Корфъ полагали совершенно освободить Ширкова отъ суда и слѣдствія, предавъ его только церковному покаянію за прелюбодѣяніе.

Эти три мнѣнія сенаторовъ Министръ Юстиціи внесъ на разсмотрѣніе Комитета Министровъ. Засимъ послѣдовалъ слѣдующій именной указъ на имя Министра Юстиціи.

«Изъ журнала Комитета Министровъ, по дѣлу о убіенной дворянкѣ дѣвицы Алтуховой мнѣ представленнаго и приложенныхъ при ономъ трехъ разногласныхъ мнѣній сенаторовъ по сему дѣлу послѣдовавшихъ, усмотрѣлъ я въ заключеніи вашемъ, съ коимъ и Комитетъ согласился, сближеніе въ обсужденіи обстоятельствъ, совершившагося надъ сею несчастною дѣвицею происшествія и вмѣстѣ съ тѣмъ въ мнѣніяхъ нѣкоторыхъ сенаторовъ отступленіе отъ настоящаго предмета, неясность и даже невѣрность въ изложеніи существенныхъ доводовъ преступленіе изобли-

чающихъ. Обращаясь къ заключенію вашему вижу между прочимъ: что къ изобличенію Ширкова въ убійствѣ достаточно было бы показанія камердинера отрицаніе коего отъ прежняго своего показанія въ коммисіи собственноручно подписаннаго и въ уваженіе не могло быть принято, ежели бы онъ не сослался на двухъ свидѣтелей, часовыхъ при немъ бывшихъ, унтеръ-офицера Калмыкова и рядоваго Самудурова, подтвердившихъ ссылку его, что показаніе коммисіи взято отъ него пристрастно. Сужденіе сіе можетъ быть имѣю бы нѣкоторое нравственное убѣжденіе, ежели бы не опровергалось оное утонченнымъ подлогомъ со стороны Ширкова или его сообщниковъ вновь содѣланнымъ и нынѣ только до меня дошедшимъ, что часовые сіи оба есть бывшіе крѣпостные люди Ширкова, отданные имъ въ рекруты, показаніе коихъ, само собою разумѣется, не можетъ быть принято во уваженіе и не только не подкрѣпляетъ ссылки на нихъ камердинера, но напротивъ обнаруживаетъ умышленность его и возможность дѣйствовать разными путями къ сокрытію истины. Обстоятельство сіе должно быть извѣстно Сенату чрезъ Управляющаго Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, но къ удивленію моему на видъ Комитета Министровъ не поставлено, чрезъ что оный лишенъ былъ средствъ дать ясное и рѣшительное сему дѣлу окончаніе. Въ мнѣніяхъ Сенаторовъ: Нелединскаго-Мелецкаго и князя Гагарина изъясняется объ имовѣрности показанія рядоваго Чистякова, что онъ участвовалъ въ убійствѣ Алтуховой, между тѣмъ какъ въ дѣлѣ видно, что Чистяковъ въ то время когда совершилось убійство, бывъ еще въ крестьянствѣ, 14 лѣтъ находился дома безотлучно. О побояхъ же Ширковымъ дѣвицы Алтуховой въ мнѣніи князя Гагарина упоминается объ одномъ свидѣтелѣ, чрезъ что происшествію сему по закону не дано вѣры тогда, когда по дѣлу свидѣтельствуютъ о томъ двое. Механикъ Гофманнъ, и мѣщанинъ Гончаровъ, кромѣ кучера и камердинера. Разногласія отъ поверхностнаго сужденія дѣла сего въ Сенатѣ произшедшія и не вѣрность изложеній вмѣсто раскрытія истины затмѣваютъ только настоящее существо дѣла и безъ того подлогами и неистовствами преисполненнаго. Всегдашнее желаніе мое есть огражденіе участи невинныхъ, но долгъ обязанностей моихъ требуетъ изобличенія преступника хитростями и злоупотребленіями скрывающагося. По сему повелѣваю вамъ, приложенную при семъ выписку заключающую въ себѣ всю вольность доводовъ изъ производства дѣла извлеченныхъ достаточно преступленіе изобличающихъ, предложить Сенату на тотъ предметъ, дабы вникъ существу дѣла и опредѣлилъ по за-